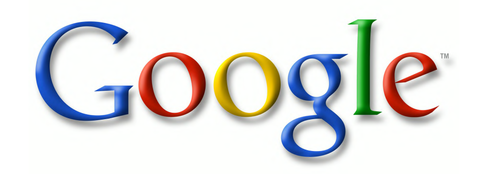
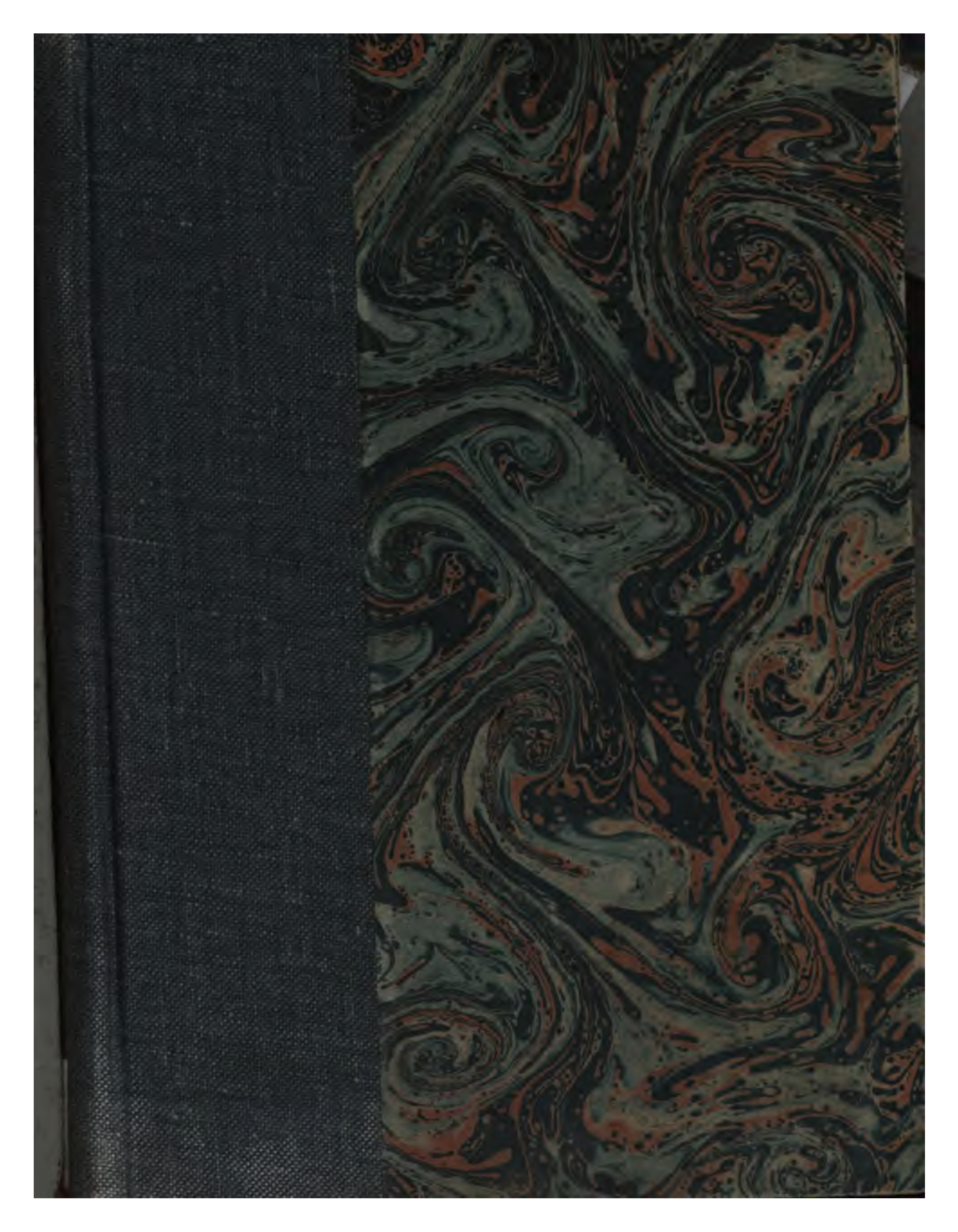

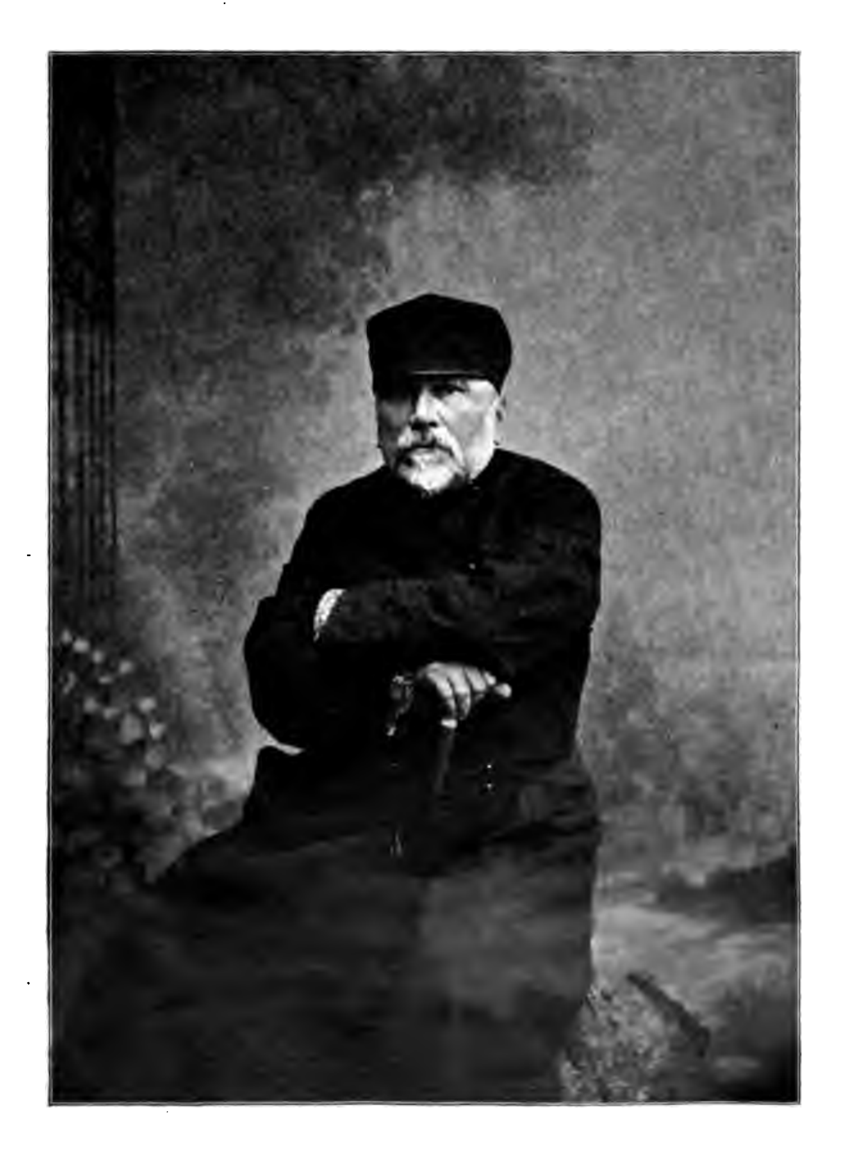
А. И. Фаресовъ.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЙ.

Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ.

Съ рѣдкимъ портретомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
[illegible]
1904

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ ЛѢСКОВЪ.

А. И. Фаресовъ.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЙ.

Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика
и воспоминанія о немъ.

Съ рѣдкимъ портретомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.
1904.

на 16-мъ году и остался совершенно безпомощнымъ. Ничтожное имущество, какое осталось отъ отца, погибло въ огнѣ. Это было время знаменитыхъ Орловскихъ пожаровъ. Это-же положило предѣлъ и правильному продолженію учености. Затѣмъ—самоучка.

«Служилъ непродолжительное время въ гражданской службѣ, гдѣ положеніе сблизило Лѣскова съ покойнымъ Ст. Ст. Громекой. Сближеніе это имѣло рѣшительное значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ Лѣскова. Примѣръ Громеки, оставившаго свою казенную должность и перешедшаго въ Русское общество пароходства и торговли, послужилъ къ тому, что и Лѣсковъ сдѣлалъ то-же самое: поступилъ на коммерческую службу, которая требовала безпрестанныхъ разъѣздовъ и иногда удерживала его въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ. Онъ изъѣздилъ Россію въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, и это дало ему большое обиліе впечатлѣній и запасъ бытовыхъ свѣдѣній. Письма, писанныя изъ разныхъ мѣстъ къ одному родственнику, жившему въ Пензенской губерніи (А. Я. Шкоту), заинтересовали Селиванова, который сталъ ихъ спрашивать, читать и находилъ ихъ «достойными печати», а въ авторѣ ихъ пророчилъ «писателя».

«Писательство началось случайно. Въ него увлекли Лѣскова сначала профессоръ Кіев-

скаго университета, докторъ Вальтеръ, убѣдившій Лѣскова написать фельетонъ для «Современной Медицины», а рѣшительное закабаленіе Лѣскова въ литературу произвели опять тотъ-же Громека и Дудышкинъ съ А. А. Краевскимъ. Съ тѣхъ поръ все и пишемъ.

«Въ маѣ или въ іюнѣ 1890 г. этому писанію совершится 30 лѣтъ. Беллетристическія способности усмотрѣлъ и поддерживалъ или поощрялъ Аполлонъ Григорьевъ.

«Вѣрно: Н. Лѣсковъ».

Эти краткія свѣдѣнія «О себѣ самомъ» нуждаются въ значительныхъ дополненіяхъ. Предки Н. С. Лѣскова происходили изъ духовнаго званія, и самая фамилія идетъ отъ погоста «Лѣсокъ», Кромскаго уѣзда, гдѣ они священствовали многіе годы. Отецъ писателя, Семенъ Дмитріевичъ, тоже былъ сынъ священника, но служилъ дворянскимъ засѣдателемъ въ Орловской палатѣ уголовнаго суда и впослѣдствіи хлопоталъ о зачисленіи себя съ дѣтьми въ дворянское званіе. Его ходатайство было удовлетворено. Такимъ образомъ, Николай Семеновичъ происходилъ уже изъ дворянской семьи, а мать его, Марья Петровна, была взята изъ семьи крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ Алферьевыхъ. На фотографической карточкѣ, изображающей деревенскую

усадьбу и подаренной мнѣ, имѣется его собственноручная надпись: «господскій домъ въ селѣ Гороховѣ, Орловской губерніи. Въ этомъ домѣ родился Н. С. Лѣсковъ». Въ нѣкоторыхъ некрологахъ о немъ сказано, что дѣтство свое Лѣсковъ провелъ въ другомъ селеніи Орловской губерніи, въ селѣ Панинѣ, Кромскаго уѣзда. Несомнѣнно, что часть дѣтства Николай Семеновичъ проводилъ и въ с. Панинѣ; но Лѣсковъ связывалъ свои дѣтскія впечатлѣнія и съ усадьбой въ с. Гороховѣ и по этой причинѣ даже подписывался псевдонимомъ «Николай Гороховъ» подъ статьями: «Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ его романѣ «Что дѣлать?» («Сѣверная Пчела», 1863 г., № 142) и т. д. О пребываніи Николая Семеновича въ родной семьѣ мы знаемъ изъ его собственныхъ объ этомъ воспоминаній въ «Юдоли», «Овцебыкѣ», «Печерскихъ антикахъ», «Томленьи духа», «Изъ воспоминаній Меркула Праотцева» и т. д. Онъ самъ говоритъ въ «Юдоли»: «мы въ своемъ родственномъ кругу были въ особливыхъ сближающихъ условіяхъ къ протестантамъ, такъ какъ одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичаниномъ (Шкотомъ), и всѣ мы (тогдашняя молодежь) выросли въ уваженіи къ вѣрованіямъ и благочестію родственнаго намъ англійскаго семейства, въ которомъ наши старшіе нерѣдко ставили намъ, молодымъ, на видъ образцы

дѣятельной христіанской жизни, послужившіе намъ во многомъ примѣрами». Лѣсковы имѣли и своихъ крѣпостныхъ; ихъ отношенія къ послѣднимъ были болѣе гуманны, чѣмъ у многихъ помѣщиковъ. Въ 40-хъ годахъ возникла среди крестьянъ боязнь предстоящаго неурожая, и они избѣгали обработывать поля. Въ нѣсколькихъ господскихъ имѣніяхъ упорство крестьянъ противъ посѣвовъ было строго наказано, но Лѣсковы не прибѣгали къ крутымъ мѣрамъ и «людей не стегали», не смотря на то, что пророчества бабъ о наступающемъ неурожаѣ росли, каждое несчастье приписывалось грядущей бѣдѣ, бездождье крестьяне пытались устранить сжиганіемъ на поляхъ свѣчей изъ сала убитаго ими человѣка и т. д. Голодъ поражалъ и людей и животныхъ. «Во всякомъ случаѣ,—говоритъ Николай Семеновичъ,—извѣстная художественная группа Рѣпина, изображающая поволжскихъ бурлаковъ, представляетъ гораздо болѣе легкое зрѣлище, чѣмъ тѣ мужичьи обозы, которые я видѣлъ въ голодный годъ, во время моего дѣтства. Я тогда былъ въ томъ возрастѣ, когда дѣти набираются впечатлѣній.»

О помощи несчастнымъ крестьянамъ никто въ то время не думалъ. «Повсюду была юдоль плача... Голодъ ума, голодъ сердца и голодъ души. И тогда уже всякій голодъ!»—говоритъ Лѣсковъ. Въ это-то время въ семью Лѣско-

выхъ пріѣхала тетя Полли (Пелагея Дмитріевна), жившая въ молодости достаточно грѣховно и исправившаяся впослѣдствіи до неузнаваемости. Вмѣстѣ съ квакершей Гильдегардой она стала ходить за больными крестьянами и организовала имъ посильную помощь. Идеалистка Полли и запечатлѣлась на всю жизнь въ памяти будущаго писателя, и онъ приписываетъ ей первоначальный толчекъ своему нравственному развитію, какъ видно изъ слѣдующей описанной имъ сцены. Послѣ трудовъ среди больныхъ крестьянъ, Полли и Гильдегарда «пѣли «cantique» на текстъ «Приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ» (Іоанн., VI, 37), и слова ихъ пѣсни передъ звѣздами (въ русскомъ переводѣ) были:

«Таковъ какъ есть, во имя крови,
«За насъ пролитой на крестѣ,
«За вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ,
«Христосъ, я прихожу къ тебѣ».

«Я былъ пораженъ и тихой гармоніей этихъ стройныхъ звуковъ, такъ неожиданно наполнившихъ домъ нашъ, а простой смыслъ художественныхъ словъ пѣсни плѣнилъ мое пониманіе. Я почувствовалъ необыкновенно полную радость отъ того, что всякій человѣкъ сейчасъ же, «таковъ какъ есть», можетъ вступить въ настроеніе, для котораго нѣтъ расторгающаго значенія времени и пространства. И мнѣ казалось, что какъ будто, когда

онѣ тронулись къ Нему «за вѣрой, зрѣньемъ и прощеньемъ», и Онъ тоже шелъ къ нимъ на встрѣчу, Онъ подавалъ имъ то, что дѣлаетъ иго Его благимъ и бремя Его легкимъ... О, какая это была минута! я уткнулся лицомъ въ спинку мягкаго кресла и плакалъ впервые слезами невѣдомаго мнѣ до сей поры счастья, и это довело меня до такого возбужденія, что мнѣ казалось, будто комната наполняется удивительнымъ тихимъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ плыветъ сюда прямо со звѣздъ, пролетаетъ въ окно, у котораго поютъ двѣ пожилыя женщины, и затѣмъ озаряетъ внутри меня мое сердце, а въ то же время всѣ мы—и голодные мужики, и вся земля — несемся куда-то на встрѣчу мірамъ... О, если бы за всѣ скорби жизни земной еще разъ получить такую минуту при уходѣ изъ тѣла! Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ житейской зимы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жизнь».

Свидѣтельство Лѣскова о квакерскомъ вліяніи въ ихъ домѣ подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ всю жизнь занимался вопросами піетизма, а подъ конецъ жизни это воплотилось у него, по выраженію Вл. Соловьева, «въ подчиненіи своей кипучей натуры правиламъ воздержанія и безстрастія». Во время обученія въ орловской гимназіи Н. С.

потерялъ отца, но уже въ это время говоритъ онъ о себѣ: «я былъ тронутъ съ стараго мѣста. Я ощущалъ голодъ ума, и мнѣ милы были тѣ звуки, которые я слышалъ, когда тетя и Гильдегарда пѣли, глядя на звѣздное небо, давшее имъ «зрѣніе», при которомъ можно все простить и все въ себѣ и въ другихъ успокоить». Въ городѣ Орлѣ Лѣсковъ болѣе энергично занялся самообразованіемъ и, на вопросъ о подготовленіи къ литературному поприщу, онъ незадолго до смерти отвѣтилъ своему знакомому:

— Мнѣ кажется, я подготовливался къ нему постепенно съ самыхъ малыхъ лѣтъ... Началось это съ чтенія самыхъ разнообразныхъ книгъ, а въ особенности беллетристовъ, во время моего пребыванія въ Орловской гимназіи. Я въ этомъ городѣ посѣщалъ домъ А. Н. Зиновьевой, племянницы извѣстнаго писателя кн. Масальскаго. У г-жи Зиновьевой была богатая библіотека, доставлявшая мнѣ массу матеріала для чтенія — я перечелъ ее почти всю... Такъ началось мое умственное развитіе, продолжавшее затѣмъ быстро прогрессировать.

По смерти отца Лѣсковъ не могъ окончить курсъ въ гимназіи. Ему пришлось оставить гимназію въ четвертомъ классѣ и поступить на службу въ Орловскую уголовную палату суда, а въ 1849 г. перевестись въ Кіёвъ.

«Въ Кіевѣ», пишетъ Лѣсковъ о себѣ: «я выучился пѣть одну латинскую пѣсню, прочиталъ кое-что изъ Штрауса, Фейербаха, Бюхнера, Бабефа. Вопросы, занимающіе насъ теперь, тогда еще не поднимались, и во множествѣ головъ свободно и властно господствовалъ романтизмъ, господствовалъ, не предчувствуя приближенія новыхъ направленій, которыя заявятъ свои права на русскаго человѣка и которыя русскій человѣкъ извѣстнаго направленія приметъ, какъ онъ принимаетъ все, т. е. не совсѣмъ искренно, но горячо, съ аффектаціею и съ пересоломъ. Тогда еще мужчины не стыдились говорить о чувствахъ высокаго и прекраснаго, а женщины любили идеальныхъ героевъ, слушали соловьевъ, свиставшихъ въ густыхъ кустахъ цвѣтущей сирени, и всласть заслушивались турухтановъ, таскавшихъ ихъ подъ руку по темнымъ аллеямъ и разрѣшавшихъ съ ними мудрыя задачи святой любви». Въ повѣсти «Дѣтскіе годы» (изъ воспоминаній Меркула Праотцева) Лѣсковъ вспоминаетъ «святую любовь» къ женщинѣ въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ:

— «Учиться вездѣ можно, отвѣчала она: даже и въ тюрьмѣ и на службѣ — и учиться непремѣнно должно не для правъ и не для чиновъ, а для самого себя, для своего собственнаго развитія. Безъ образованія тяжело жить». Мнѣ помнится, что я подъ конецъ ма-

зурки далъ ей слово, что буду учиться и именно такъ, какъ мнѣ она внушила, т. е. не для полученія привилегіи и правъ, а для себя, для своего собственнаго усовершенствованія и развитія.

«Странная, прекрасная и непонятная женщина, мелькнувшая въ моей жизни, какъ мимолетное видѣніе, а между тѣмъ бросившая въ душу мнѣ свѣтлыя сѣмена: какъ много я тебѣ обязанъ и какъ часто я вспоминалъ,— предтечу всѣхъ моихъ грядущихъ увлеченій,— тебя, единственную изъ женщинъ, которую я любилъ и не страдалъ и не каялся за эту любовь! О, если бы ты знала, какъ ты была мнѣ дорога, не тогда, когда я былъ въ тебя влюбленъ моей мальчишеской любовью, а когда я зрѣлымъ мужемъ глядѣлъ на женщинъ хваленаго, позднѣйшаго времени и... съ болѣзненной грустью видѣлъ полное исчезновеніе въ новой женщинѣ высокихъ, воспитывающихъ молодого мужчину инстинктовъ и влеченій, исчезновеніе, которое восполнятъ развѣ *новѣйшія* женщины, выступающія послѣ отошедшихъ новыхъ».

Старый Кіевъ, до-Бибиковскихъ мѣръ, былъ дорогъ Лѣскову по многимъ причинамъ, имѣющимъ значеніе для его біографіи. Онъ писалъ о немъ: — «Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырублена уже при Анненковѣ для устройства на

ея мѣстѣ нынѣшняго увеселительнаго балагана, съ его дрянными увеселеніями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ былъ свой лицей. Тутъ мы молодыми ребятами, бывало, проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе, кто обладалъ большими противъ другихъ свѣдѣніями и могъ разсказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, «о чувствахъ высокаго и прекраснаго», и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совсѣмъ и не слыхать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кіева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все чаще слышишь только что-то о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроеніе отразится на нравахъ подростающаго поколѣнія, когда настанетъ его время дѣйствовать».

«Нравы, собственно говоря, измѣнились еще болѣе, чѣмъ зданія, и тоже можетъ быть не во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо «всякой вещи свое время подъ солнцемъ», но пожалѣть о томъ, что было мило намъ въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшіе годы жизни, тотъ, вѣроятно, не осудитъ меня за маленькое пристрастіе къ тому старенькому сѣрому Кіеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей».

Послѣ казенной службы въ Кіевѣ и частно-коммерческой въ Русскомъ Обществѣ пароходства и торговли, Лѣсковъ служилъ по контрагентству у англичанина радикала Шкота, втораго мужа его тетки, и получалъ массу впечатлѣній, благодаря службѣ у него по управленію имѣніями Нарышкина и Перовскаго. Лѣскову приходилось быть по этимъ дѣламъ постоянно въ разъѣздахъ по Волгѣ и югу Россіи, сталкиваясь со всѣми сословіями и изучая жизнь по первымъ источникамъ.

Еще незадолго до смерти на вопросъ одного литератора, откуда онъ черпалъ матеріалъ для своихъ произведеній, Николай Семеновичъ сказалъ, указывая на открытый лобъ:

— Вотъ изъ этого сундука. Здѣсь хранятся впечатлѣнія 6—7 лѣтъ моей коммерческой службы, когда мнѣ приходилось по дѣламъ странствовать по Россіи; это самое лучшее время моей жизни, когда я много видѣлъ.

Ознакомиться съ этимъ періодомъ жизни слѣдуетъ изъ устъ самого Лѣскова. Онъ въ это время изучалъ самое существенное для писателя—народъ, и неоднократно говорилъ мнѣ:

— Мнѣ не приходилось пробиваться сквозь книги и готовыя понятія къ народу и его быту. Я изучалъ его на мѣстѣ. Книги были добрыми мнѣ помощниками, но коренникомъ былъ я. По этой причинѣ я не присталъ ни къ одной школѣ, потому что учился не въ

школѣ, а на баркахъ у Шкота. А что такое ученіе на баркахъ, я описалъ въ переселенческомъ сборникѣ «Въ путь-дорогу».

Николай Семеновичъ неоднократно передавалъ мнѣ нѣкоторые сюжеты изъ службы на баркахъ еще до напечатанія ихъ въ «Сборникѣ» подъ заглавіемъ «Продуктъ природы».

— Книги и сотой доли не сказали мнѣ того, что сказало столкновеніе съ жизнью. О какое преимущество! Всѣмъ молодымъ писателямъ надо выѣзжать изъ Петербурга на службу въ Уссурійскій край, въ Сибирь, въ южныя степи... Подальше отъ Невскаго! Запасаться опытомъ и размышленіемъ о дѣйствительной жизни.

Кромѣ того, о пребываніи его на баркахъ у него напечатано въ «Продуктахъ природы» слѣдующее: «Я тогда былъ еще очень молодой мальчикъ и не зналъ, къ чему себя опредѣлить. То мнѣ хотѣлось учиться наукамъ, то живописи, а родные желали, чтобы я шелъ служить. По ихъ мнѣнію, это выходило «всего надежнѣе». Мнѣ и хотѣлось и не хотѣлось служить: я зналъ, что на службѣ хорошо, но былъ уже немножко испорченъ фантазіями; я читалъ «Горе отъ ума», и всѣ военные мнѣ представлялись Скалозубами, а штатскіе Молчалиными, и ни тѣ, ни другіе мнѣ не нравились. По характеру моему мнѣ нравилось какое-нибудь живое дѣло, и я разсказалъ это

моей теткѣ, а та передала своему мужу; англичанинъ сталъ мнѣ совѣтовать, чтобы я не начиналъ никакой казенной службы, а лучше приспособилъ бы себя къ хозяйственнымъ дѣламъ». А хозяйственныя дѣла, по имѣніямъ его принципала, заключались, между прочимъ, въ заселеніи степей: образованіи на нихъ новыхъ деревень и введеніи правильнаго полевого хозяйства (см., между прочимъ, объ этомъ у Лѣскова «Загонъ»). Людей, которыхъ вели въ степь, скупали у разныхъ помѣщиковъ, и всякій разъ, когда «сбивали сводныхъ людей», по деревнямъ стоялъ стонъ... Къ этому живому дѣлу, то-есть транспортированію живой клади въ степь, родственники и приспособили Лѣскова. Мужъ его тетки сказалъ ему: «Вотъ мы теперь переселяемъ партію крестьянъ, а графъ (Перовскій) недоволенъ, какъ ихъ водятъ. Петръ-провожатый у меня—умный мужикъ, но тиранъ». Взявъ на себя обязанность доставить силкомъ людей на новыя мѣста и ограждать ихъ отъ тиранства Петра, Лѣсковъ сразу не почувствовалъ огромнаго разлада въ такомъ дѣлѣ и лишь впослѣдствіи началъ страдать при его выполненіи. Онъ часто говорилъ мнѣ, перелистывая и мѣстами прочитывая «Продуктъ природы»:

— Я былъ уже гуманнымъ и имѣлъ на этотъ счетъ разныя идеи, а жизнь требовала казаковъ и розогъ... И моихъ «сводныхъ»

крестьянъ, по моей же довѣренности, ловили казаками и пороли. Вотъ вамъ и умныя идеи! А случилось это очень просто. На моихъ крестьянъ во время слѣдованія къ мѣстамъ назначенія напала «египетская казнь». Взвыли переселенцы: «Съѣла вошь!.. Жалуйте-милуйте!.. въ глаза лѣзетъ: зракъ хочетъ выпить!».

Петра они боялись, но мнѣ прямо совали покрытыхъ вшами дѣтей съ отвратительными расчесами и кричали:

— Смотри крестьянъ-то грапскихъ, смотри! Отпиши ему: вотъ, молъ, воши-то младенцато божьяго совсѣмъ источили.

А когда я сказалъ, что мнѣ людей жалко, то Петръ отвѣтилъ:

— Кому, сударь, людей жалко, тому не нужно браться народъ на сводъ водить.

И онъ отъ меня отвернулся.

Я чувствовалъ, что онъ сказалъ мнѣ правду, и мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало совѣстно. Петръ требовалъ «перелупцовать» всѣхъ, а я не давалъ. Эти люди, братья мои, рыдая, вопили, чтобы я сжалился надъ ихъ страданіемъ и пустилъ ихъ на берегъ въ баню смыть изъязвляющую ихъ нечисть... Они томились, рвались и галлюцинировали «банькой». Во всѣхъ складкахъ тѣла, какъ живой бисеръ, переливались насѣкомыя; между запавшими ребрами было нѣчто такое, чего не могу изобразить, и чего тогда я не могъ стерпѣть, и сказалъ:

— Хорошо!.. На мнѣ будетъ отвѣтъ за васъ, но я вамъ дамъ денегъ на баню: устройтесь какъ надо и ступайте на берегъ, вымойтесь.

Отпущенные мною въ баню многострадальные люди, завѣривъ меня, что я за нихъ «не отвѣчу», совсѣмъ не пошли въ баню, а какъ выпрыгнули на берегъ, такъ и пошли въ Орловскую губернію.

— Что мнѣ оставалось дѣлать?—спрашивалъ Лѣсковъ. — Не посылать за бѣглецами казаковъ и растерять чужихъ людей, значитъ не оправдать ко мнѣ довѣрія моего родственника и ввести его въ убытки. Я этого не могъ. Убѣжденія говорили мнѣ противъ казаковъ, а Петръ уже безъ моего вѣдома распорядился посвоему.

Лѣсковъ съ ужасомъ писалъ объ этомъ происшествіи, научившемъ его сразу понимать дѣйствительность.

Секретаришка изъ канцеляріи исправника доложилъ ему:

— Слава Богу, все кончено: я всѣхъ выпоролъ!

— Кого выпороли?

— Этихъ вашихъ сорокъ бунтарей... Надо бы, конечно, отобрать зачинщиковъ, да вашъ старикъ такъ просилъ, чтобы не отбирать, а лучше «всѣхъ», да и что въ самомъ дѣлѣ ихъ разбирать!

— Но позвольте... вѣдь это какое-то недоразумѣніе!.. Всѣ сорокъ человѣкъ... Правда, они побѣжали, однако же безропотно опять вернулись сюда...

Молодой человѣкъ расхохотался.

— О, да! и не говорите! Болваны! Я вамъ откровенно скажу, что наши люди—это болваны!.. Представьте вы въ моемъ положеніи англичанина!—вѣдь онъ бы, я увѣренъ, растерялся, но мнѣ настоящее знаніе этого народа даетъ на него настоящія средства. И это почему-съ? потому что я здѣсь родился и выросъ! Когда вашъ мужикъ пришелъ и говоритъ: «помогите, сорокъ человѣкъ убѣжало», я подумалъ: что дѣлать? Мой начальникъ въ отъѣздѣ, а я самъ вѣдь ничего не значу и не имѣю никакихъ правъ: вѣдь я простой приказный, я секретарь не болѣе того, но я знаю этотъ народъ; и потому я взялъ трехъ калѣкъ, надѣлъ шинель съ пристегнутой къ ней большой пряжкой, догналъ бѣглецовъ, скомандовалъ имъ: «сволочь, назадъ!» и всѣхъ ихъ привелъ назадъ и перепоролъ. Моя пряжка дѣйствуетъ удивительно: я гоню ихъ назадъ, какъ Фараонъ, привожу и всѣхъ ихъ сѣку; и не забудьте, сѣку ихъ при ихъ же собственномъ великодушномъ и благосклонномъ содѣйствіи: они другъ друга держатъ за ноги и за руки, и сидятъ другъ у друга на головахъ, и потомъ я ихъ отправляю на барку, и все кон-

чено. Они отплываютъ, а я стою на берегу и думаю: «Ахъ, вы соръ славянскій! Ахъ, вы дрянь родная! Пусть бы кто-нибудь самъ третей выкинулъ этакую штуку надъ сорока французами!.. Чорта съ два! А тутъ все прекрасно... И это еще, не забудьте, съ моей простой пряжкой; но если бы у меня былъ настоящій орденъ!.. О, если бы у меня былъ орденъ!.. Съ настоящимъ орденомъ я бы одинъ цѣлую Россію выпоролъ!

Нужно ли что нибудь прибавлять къ этой исповѣди Николая Семеновича о первыхъ его шагахъ на практической дѣятельности и объяснять, что за время было, когда ему приходилось «набираться идей» и провѣрять себя на дѣлѣ? Нужно ли говорить, почему впослѣдствіи онъ отлично понималъ, что, при такомъ умственномъ развитіи, народъ и общество надолго останутся пассивыми силами въ исторіи переустройства своего быта. Эти «барки» сослужили ему службу на всю жизнь и отразились на его міросозерцаніи. Не менѣе «барокъ» была ему полезна и государственная служба. Въ 1847 г. онъ, какъ сказано, принужденъ былъ поступить на службу въ Орловскую палату уголовнаго суда канцелярскимъ служителемъ. Въ 1849 г. онъ былъ переведенъ въ Кіевскую казенную палату помощникомъ столоначальника по рекрутскому столу ревизскаго отдѣленія. Онъ поселился въ Кіевѣ

у дяди А. Алферьева, посѣщалъ, будучи на службѣ, университетъ и слушалъ профессоровъ И. Якубовскаго, С. Богородскаго и Д. Журавскаго — перваго нашего аболиціониста. Въ 1853 г. онъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы; въ 1856—въ губернскіе секретари, а въ 1857 г. вышелъ на нѣкоторое время въ отставку по собственному прошенію. Такимъ образомъ дѣтство среди православнаго духовенства и квакеровъ; служба съ чиновниками; кіевская молодежь; уходъ съ государственной службы на коммерческую; барки Шкота съ простымъ народомъ--предшествовали литературнй дѣятельности Лѣскова.

II.

Благопріятное начало литературной дѣятельности Н. С. Лѣскова.—Статья о петербургскихъ пожарахъ («Сѣверная Пчела» 1862 г, отъ 30 мая № 143).—Полемика изъ за статьи о петербургскихъ пожарахъ.—Враждебное отношеніе Лѣскова къ партіи «Молодой Россіи» и заступничество за русскую учащуюся молодежь.—Отношеніе Лѣскова къ молодому поколѣнію (Его фельетонъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1863 г. № 142 по поводу романа Н. Г. Чернышевскаго «Что дѣлать»).

Контрагентство у Шкота обогащало Николая Семеновича Лѣскова ежедневными впечатлѣніями, которыя онъ и излагалъ въ письмахъ къ Шкоту. Послѣдній показывалъ ихъ своему пріятелю Ильѣ Васильевичу Селиванову, извѣстному писателю, который первый и призналъ литературный талантъ въ авторѣ

писемъ. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Лѣскова была корреспонденція изъ Кіева о продажѣ Евангелія по слишкомъ возвышеннымъ цѣнамъ (см. «Петербургскія Вѣдомости» за 1860 г., № 135: «Почему въ Кіевѣ дороги книги?»). Письмо было написано горячо, и два кіевскіе профессора, медики А. П. Вальтеръ и Н. И. Козловъ, совѣтовали Лѣскову попробовать свои силы въ литературѣ, и онъ напечаталъ нѣсколько статей въ «Современной Медицинѣ». Здѣсь въ 1860 г. были напечатаны статьи «о зданіяхъ», «о рабочемъ классѣ», о «полицейскихъ врачахъ» и «врачахъ рекрутскихъ присутствій».

Въ томъ же году въ «Указателѣ Экономическомъ» напечатано имъ: «Объ ищущихъ коммерческихъ мѣстъ въ Россіи» и «Нѣсколько словъ о мѣстахъ роспивочной продажи хлѣбнаго вина, пива и меда». Вотъ какими статьями началъ Николай Семеновичъ свое литературное поприще. Но и здѣсь была видна наблюдательность автора и его честное отношеніе къ дѣлу. Въ 1861 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ Козловъ, Громека, Дудышкинъ, Краевскій и Ап. Григорьевъ окончательно привлекли его къ литературѣ. Въ 1861 г. его статьи появляются въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Книжномъ Вѣстникѣ», «Времени», «Сѣверной Пчелѣ» и «Русской Рѣчи». Интересно отмѣтить, что въ это время Лѣсковъ

держался весьма либеральнаго образа мыслей, не примыкая однако къ партіи крайнихъ воззрѣній. Въ «Русской Рѣчи» онъ трогательно описываетъ «послѣднюю встрѣчу и послѣднюю разлуку съ Шевченко»; въ «Письмахъ изъ Петербурга» горячо ратуетъ за допущеніе женщинъ въ засѣданія членовъ русскаго географическаго общества; въ статьѣ «О наемной зависимости» горячо протестуетъ противъ необходимости рабочему человѣку продавать не только свой трудъ, но и свои убѣжденія, а женщинѣ—огуломъ всякія услуги; въ статьѣ «Русскія женщины и эмансипація» онъ доказываетъ, «что рабство растлѣваетъ нравы», и по этой причинѣ у насъ должны быть дурныя жены, но «въ просвѣщенной, трудящейся и мыслящей женщинѣ легко любить и мать, и подругу»; въ статьѣ по поводу обязательнаго обученія онъ высказался противъ этого послѣдняго, заявивъ, что «образованіе и приневоливаніе—два понятія, которыя никакъ не могутъ идти рука объ руку»; въ статьѣ «Русскіе люди, стоящіе не у дѣлъ» онъ говоритъ, что наше общество бездѣятельно и не даетъ интеллигентному пролетаріату никакихъ заработковъ, приневоливая его идти исключительно въ чиновники, и, наконецъ, въ статьѣ: «О замѣчательномъ, но не благотворномъ направленіи нѣкоторыхъ современныхъ писателей», онъ возстаетъ противъ грубости лите-

ратурныхъ нравовъ и безцеремонности полемики въ русскихъ журналахъ. Словомъ, въ 1861 г. Лѣсковъ остается всюду желаннымъ сотрудникомъ современной ему журналистики. Въ 1862 г. онъ выступаетв въ литературѣ уже беллетристомъ (см. «Сѣверную Пчеяу» и «Вѣкъ»), но въ этомъ же году съ нимъ происходитъ «инцидентъ» по поводу петербургскихъ пожаровъ, омрачившій надолго жизнь Лѣскова. А между тѣмъ вся его вина заключалась въ томъ, что по поводу пожаровъ въ Петербургѣ онъ написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (отъ 30-го мая № 143) передовую статью слѣдующаго содержанія: «Среди всеобщаго ужаса, который распространяютъ въ столицѣ почти ежедневные большіе пожары, лишающіе тысячи людей крова и послѣдняго имущества, въ народѣ носится слухъ, что Петербургъ горитъ отъ поджоговъ, и что поджигаютъ его съ разныхъ концовъ 300 человѣкъ. Въ народѣ указываютъ и на сортъ людей, къ которому будто бы принадлежатъ поджигатели, и общественная ненависть къ людямъ этого сорта ростетъ съ неимовѣрною быстротою. Равнодушіе къ слухамъ о поджогахъ и поджигателяхъ можетъ быть небезопаснымъ для людей, которыхъ могутъ счесть членами той корпораціи, изъ среды которой, по народной молвѣ, происходятъ поджоги. Въ несчастный день 28-го мая, когда сгорѣли

Апраксинъ дворъ, Толкучій рынокъ, Щукинъ дворъ, много капитальныхъ домовъ частныхъ владѣльцевъ, домъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Чернышевъ и Апраксинъ переулки и многіе дома и дровяные дворы по лѣвой сторонѣ Фонтанки, Троицкій переулокъ отъ Пяти угловъ до Щербакова переулка, Щербаковъ переулокъ, барки и рыбные садки по Фонтанкѣ, въ огромныхъ толпахъ стоящаго на пожарахъ народа толки о поджогахъ шли вслухъ. Народъ нимало не скрывалъ ни своихъ подозрѣній, ни своей готовности употребить угрожающія мѣры противъ той среды, которую онъ подозрѣваетъ въ поджогахъ. Во время пожара въ Апраксиномъ дворѣ были два случая, свидѣтельствующіе, что подозрѣнія эти становятся далеко небезопасными. На сколько основательны всѣ эти подозрѣнія въ народѣ и на сколько умѣстны опасенія, что поджоги имѣютъ связь съ послѣднимъ мерзкимъ и возмутительнымъ воззваніемъ, приглашающимъ къ ниспроверженію всего гражданскаго строя нашего общества, мы судить не смѣемъ. Произнесеніе такого суда--дѣло такое страшное, что языкъ нѣмѣетъ, и ужасъ охватываетъ душу. Но какъ бы то ни было, если бы и въ самомъ дѣлѣ петербургскіе пожары имѣли что-нибуль общее съ безумными выходками политическихъ демагоговъ, то они нисколько не представляются намъ опасными для Россіи.

Скрываться нечего. На народъ можно разсчитывать смѣло, и потому смѣло же должно сказать: основательны ли сколько-нибудь слухи, носящіеся въ столицѣ о пожарахъ и поджигателяхъ? Щадить адскихъ злодѣевъ не должно, но и не слѣдуетъ рисковать ни однимъ волоскомъ ни одной головы, живущей въ столицѣ и подвергающейся небезопаснымъ нареканіямъ со стороны перепуганнаго народа. Мы не выражаемъ всего того, что мы слышали; полиція должна знать эти слухи лучше насъ, и на ней лежитъ обязанность высказать ихъ, если она хочетъ заслужить довѣріе общества и его содѣйствіе». Изъ этой статьи видно, что, сообщая слухи о поджигателяхъ и не сочувствуя партіи «Молодая Россія», Лѣсковъ въ то же время нисколько не обвиняетъ въ поджигательствѣ «студентовъ» и только требуетъ правительственнаго разъясненія относительно тревожныхъ слуховъ о поджогахъ съ политическою цѣлью. То же самое онъ говоритъ и самъ о себѣ въ «Загадочномъ человѣкѣ» (т. VIII). «Сѣверная Пчела» въ цѣломъ рядѣ номеровъ (см. №№ 144, 146 и 151), конечно, не безъ его согласія, также писала: «Мы сами видѣли многихъ студентовъ во время бѣдствій 28-го мая и качающими пожарныя трубы, и спасающими имущество погорѣльцевъ, и таскающими воду изъ Фонтанки, и спасающими дѣла министерства. Мы видѣли,

какъ студенты, взявъ нѣсколько дрожекъ изъ загорѣвшагося экипажнаго ряда, подвозили ихъ къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ, нагружали ихъ дѣлами и книгами и отвозили на себѣ къ Александровскому скверу. Мы видѣли, наконецъ, студентовъ въ лагерѣ погорѣльцевъ; видѣли, какъ они подавали несчастнымъ, быть можетъ, послѣднюю копѣйку; мы слышали искренній горячій ропотъ противъ поджигателей; мы были свидѣтелями отчаянія многихъ молодыхъ людей по поводу недоброй молвы, до нихъ касающейся... Это ли поджигатели? Нѣтъ, грѣшно, безбожно думать на студентовъ! Нѣкоторые студенты, до глубины души потрясенные страшною молвою, приходили въ нашу редакцію и просили насъ защитить ихъ печатнымъ словомъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. Святой обязанностью мы поставили исполнить ихъ желаніе». Ничто не помогло Лѣскову. Сообщая неблагопріятные слухи о «крайнихъ» и выгораживая «студентовъ», онъ забылъ, что молодые люди радикальнаго образа мыслей находились въ то время также и въ студенческой средѣ. Удивительно ли, что онъ не угодилъ ни тѣмъ, ни другимъ. Въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскій по этому поводу пишетъ: «Нѣсколько неосторожныхъ словъ по случаю петербургскихъ пожаровъ 62 года, оброненныхъ въ фельетонѣ

въ «Сѣверной Пчелѣ», словъ самихъ по себѣ совершенно невинныхъ, но не совсѣмъ тактичныхъ, подняли страшную бурю въ то горячее и тревожное время. Вся крайняя пресса накинулась на Лѣскова, какъ на подстрекателя полиціи и толпы противъ учащейся молодежи, какъ на отступника, перекинувшагося въ противный лагерь. Началась положительная травля; имя Стебницкаго (псевдонимъ Лѣскова) сдѣлалось чуть не браннымъ словомъ». Этотъ, какъ говоритъ г. Скабичевскій, «неожиданный инцидентъ» потрясъ Лѣскова и сильно ожесточилъ его на молодое поколѣніе, отъ котораго приходили депутаты въ редакцію «Сѣверной Пчелы», чтобы бить и даже убить Лѣскова.

Между тѣмъ послѣдній неоднократно говорилъ мнѣ:

— Читайте внимательнѣе то, что я написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», и перестаньте повторять до сихъ поръ вздоръ о томъ, что я натравливалъ полицію на учащуюся молодежь. Читая мою статью, вы увидите, что я заступался за студентовъ, а не обвинялъ ихъ. Я говорилъ, чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ невинной головы, и клеймилъ равнодушіе администраціи къ опаснымъ слухамъ о молодежи; я защищалъ эту молодежь вмѣстѣ съ Артуромъ Бенни въ той-же «Сѣверной Пчелѣ» (№№ 144, 146 и 151), вполнѣ сочувствуя проекту Бенни сформировать изъ студентовъ

волонтеровъ для содѣйствія огнегасительной командѣ, какъ лучшее средство разрушить нелѣпые толки о молодыхъ людяхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Выясните-же себѣ когда-нибудь это обстоятельство и исчерпайте самостоятельно мою вину въ этомъ дѣлѣ.

Онъ досталъ съ этажерки VIII томъ своихъ сочиненій и указалъ на 85—87 стр. въ «Загадочномъ человѣкѣ», гдѣ разсказана вся исторія о пожарахъ.

— Я, продолжалъ онъ, — не вѣрно былъ понятъ въ то въ высшей степени подозрительное и болѣзненно-напряженное время. А только репортеръ газеты, присутствуя въ толпѣ на пожарѣ, легко можетъ написать и теперь такую-же статью, какая появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» 1862 г., отъ 30 мая за № 143, съ грознымъ протестомъ противъ и уголовныхъ, и политическихъ пожаровъ. Какъ только политическіе дѣятели посягнутъ не на принципы, а на наши дома, женъ, мебель, халатъ и туфли, такъ всѣ будутъ противъ нихъ и закричатъ: «Караулъ!» «Полицію!» Анархисты бросятъ Европу въ руки жандармовъ. Имѣю право я такъ думать о нихъ или нѣтъ? А если имѣю, то я и напишу это.

— Въ такомъ случаѣ, не претендуйте и вы на отвѣты... Надо понимать логику вещей.

— Конечно, перебилъ Лѣсковъ.—Но развѣ я утверждалъ и клялся, что пожары произо-

шли съ политической цѣлью? Гдѣ доказательства, что пожары не произошли вслѣдствіе простой неосторожности съ огнемъ въ сухомъ и скученномъ мѣстѣ? Ничего до сихъ поръ не выяснено. Я хотѣлъ только избавить студентовъ и интеллигенцію отъ подозрѣній въ поджигательствѣ — такъ и надо понимать мою статью. Она написана путанно и вся какъ-бы мятая, но я столько разъ разъяснялъ ея смыслъ и пора мнѣ вѣритъ. Но еслибъ даже я открыто въ печати, по принципу, осуждалъ форму польскаго движенія и домашняго террора, съ которыхъ собственно и началась у насъ реакція 60-мъ годамъ, то можно-ли считать это «сикофантствомъ», какъ писали противъ меня въ «Искрѣ?» Я могъ ошибаться въ своихъ взглядахъ на партію «Молодая Россія», но я не былъ наемнымъ клеветникомъ и надсмотрщикомъ... Литературнаго и отвлеченнаго значенія за печатью я никогда не признавалъ. Безъ общественности—нѣтъ идеализма въ печати, и метафизику я предоставляю моимъ милымъ знакомымъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника». Французскіе дѣятели конца прошлаго вѣка не хуже насъ понимали достоинство печатнаго слова и боролись съ бурбонами открытыми воззваніями противъ нихъ; но никто тогдашнихъ политическихъ писателей за это не обвинялъ въ политической безчестности и доносахъ.

Г. Сементковскій считаетъ подобное обвиненіе «незаслуженнымъ оскорбленіемъ» для Лѣскова и ссылается на «Загадочнаго человѣка», написаннаго Лѣсковымъ восемь лѣтъ спустя послѣ пожаровъ, «когда онъ могъ болѣе или менѣе объективно отнестись къ этому въ настоящее время почти непонятному эпизоду первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности». С. А. Венгеровъ прямо заявляетъ, что «Лѣсковъ написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» статью, въ которой категорически требовалъ, чтобы полиція или оффиціально представила доказательства того, что поджигаютъ студенты, или оффиціально же опровергла нелѣпые слухи. Самую статью мало кто прочиталъ, но быстро распространилась молва, что Лѣсковъ связываетъ петербургскіе пожары съ революціонными стремленіями студентовъ. Напрасно Лѣсковъ и устно, и печатно боролся съ совершенно невѣрнымъ толкованіемъ своей статьи: легенда создалась прочно, и имя Лѣскова стало предметомъ самыхъ оскорбительныхъ подозрѣній». Такъ начинаютъ въ настоящее время думать въ литературѣ объ этомъ грустномъ инцидентѣ въ жизни Лѣскова. Однако недавніе труды г. Волынскаго о Лѣсковѣ подымаютъ вновь прежнія недостойныя противъ Лѣскова обвиненія. Г. Волынскій пишетъ о немъ строки, которыя являются всюду открытыми вопросами, и на которыя можно отвѣчать только

подстрочно: «въ ту минуту, говоритъ онъ, когда Лѣсковъ писалъ свою злосчастную статью для «Сѣверной Пчелы», онъ неумышленно, однимъ громогласнымъ заявленіемъ о существующихъ въ народѣ слухахъ, создавалъ терроръ по отношенію къ образованнымъ классамъ петербургскаго общества. Растерянно взывая къ помощи квартальныхъ надзирателей, Лѣсковъ измѣнялъ призванію свободной публицистики, которая никогда не отождествляетъ своей задачи съ обязанностями оффиціальныхъ учрежденій. Нельзя было удержаться отъ недоумѣнія, смѣшаннаго съ негодованіемъ, при чтеніи этихъ длинныхъ статей, въ которыхъ «Сѣверная Пчела» проситъ и умоляетъ начальство прійти на помощь перепуганному населенію столицы, какъ будто могло быть сомнѣніе въ томъ, что органы, не имѣющіе никакого иного дѣла, кромѣ внѣшняго блюстительства, не забудутъ своихъ обязанностей въ рѣшительную минуту». «Лѣсковъ невольно ставилъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы» въ положеніе неудобное и опасное при всеобщемъ замѣшательствѣ. Вмѣсто простыхъ разсужденій съ изысканіемъ постигшаго столицу бѣдствія газета занялась ненужными и невозможными разсужденіями о «молодой Россіи». Излагая свои мысли о пожарахъ, газета не имѣла права угрожать кому бы то ни было народнымъ самосудомъ. Потерявъ хладнокровіе, ре-

дакція «Сѣверной Пчелы» не только не оказала никакой услуги русскому обществу, но своими статьями могла содѣйствовать только продолженію общей сумятицы, ничего не измѣняя къ лучшему, ничего не освѣщая и не объясняя. Все это было понято всѣми органами тогдашней печати». «Лѣсковъ придалъ широкую извѣстность темнымъ слухамъ о поджигателяхъ, но во время общественныхъ бѣдствій,—справедливо замѣчаетъ «Искра»,—не слѣдуетъ печатать никакихъ слуховъ,—ни слуховъ какого-нибудь маленькаго кружка, ни слуховъ достовѣрно общихъ. «Сѣверная Пчела» сообщила, что народная масса ставитъ поджоги въ связь съ прокламаціей къ молодой Россіи, но, основательно замѣчаетъ «Искра», такая мысль могла возникнуть только среди интеллигентныхъ людей, а не въ сѣрой толпѣ, не обученной никакой грамотѣ».

Конечно, «сѣрая масса» не читала «Молодой Россіи», но точно также она не читала и Лѣскова въ «Сѣверной Пчелѣ», и затѣмъ едва ли можно симпатизировать стремленію не печатать статьи, написанной по слухамъ даже «достовѣрно общимъ во время общественныхъ бѣдствій». Не менѣе странно считать публицистику «свободной» отъ указаній на народный самосудъ, на обязанности правительства и непремѣнно ограничиваться только «простыми разсужденіями»... Публицистика

не должна быть «свободной» отъ практическаго вмѣшательства въ судьбы своей родины, но только это практичное вмѣшательство должно быть исполнено искренности и несомнѣннаго служенія общественнымъ интересамъ. Въ такомъ вопросѣ нельзя публицистику попрекать «квартальными», если публицистъ стремится къ тому, чтобы къ его статьямъ прислушивалось и правительство. Измѣнять общественнымъ интересамъ въ печати ради сильныхъ міра сего—непростительно, но привлекать къ нимъ послѣднихъ и подсказывать имъ практическіе пути—составляетъ обязанность публицистики. «Квартальные» тутъ не при чемъ! Статью Лѣскова о пожарахъ можно было не печатать по существу, но г. Волынскій пользуется ею для проведенія своихъ взглядовъ на «свободную» публицистику и, въ этомъ случаѣ, онъ никогда не сойдется съ Лѣсковымъ. Послѣдній писалъ о пожарахъ и слухахъ совершенно явныхъ; требовалъ гласности по дѣлу о пожарахъ, съ нескрываемымъ отрицаніемъ террористическихъ теорій, и былъ далекъ отъ мысли обратить этимъ свободную публицистику въ участковый органъ печати. Г. Волынскій пишетъ далѣе: «Бесѣдуя о пожарахъ, Лѣсковъ почти невольно обходилъ молчаніемъ наиболѣе опасные пункты, а выдвигалъ впередъ ничтожныя обстоятельства. Въ немъ не было нравственныхъ силъ для от-

крытаго покаянія и прямодушнаго объясненія. Даже въ обществѣ людей, которые горячо любили его удивительный талантъ и превыше всякихъ недоразумѣній ставили его художественную дѣятельность, у него не хватило силы духа для обезоруживающей откровенности. Ошибка, сдѣланная въ молодые годы, какъ бы сжилась съ его душой. Не довѣряя журнальнымъ судьямъ Россіи и по натурѣ не склонный къ правдивымъ откровенностямъ, онъ предпочиталъ постоянную самозащиту, со всѣми ея крайностями, съ запальчивою и горячею полемикою, нравственнымъ выгодамъ вдохновеннаго самообличенія. Повторяемъ, въ его разсказѣ о литературныхъ событіяхъ 1862 года есть неточности, которыхъ мы не стали бы отмѣчать, если бы въ нихъ не рисовалась до извѣстной степени душа Лѣскова, скрытная и подозрительная, временами склонная къ боязливому заметанію старыхъ слѣдовъ».

Съ кѣмъ и о какихъ «бесѣдахъ» Лѣскова о пожарахъ «съ вдохновеннымъ самообличеніемъ» или «съ заметаніемъ старыхъ слѣдовъ», вспоминаетъ г. Волынскій? Такихъ бесѣдъ не могло быть у него съ Лѣсковымъ. Голословное и недоказуемое причерненіе покойнаго писателя—остается на совѣсти г. Волынскаго. Если же г. Волынскій говоритъ о «Загадочномъ человѣкѣ», гдѣ разсказана Лѣсковымъ его исторія съ пожарами, то этотъ пересказъ,

конечно, касался только главной и основно мысли его извѣстной статьи въ «Сѣверно Пчелѣ», которую, по замѣчанію самого Во лынскаго, «очевидно авторъ приводитъ на па мять, даже не справляясь съ текстомъ». Этотъ однако, полный текстъ нисколько не противо рѣчитъ краткому его резюме въ «Загадочном человѣкѣ». Литературной смѣлости и «обез оруживающей откровенности» по вопросам общественнымъ и этики у Лѣскова было всегд достаточно.

Онъ часто старался исчерпать исторію с пожарами до конца:

— Если,—восклицалъ онъ:—правительств подготовляетъ реформы, идетъ на встрѣч обществу, желаетъ обсужденія ихъ въ печати и въ это время зрѣютъ заговоры и пожары то что думать о политическомъ тактѣ это страны? Неужели же печать не имѣетъ прав обсуждать это явленіе и философски, и н практической почвѣ? Тогда на кой же чорт и самая печать, если она не имѣетъ поли тическаго и реальнаго значенія? Это значит вынуть изъ литературы живое дѣло и оставит фразы...

Я привожу эти образчики моихъ разгово ровъ съ Лѣсковымъ въ связи съ полемикой петербургскихъ пожарахъ для того, чтобы ука зать на мужественную готовность Лѣсков признать самыя опасныя для его репутаці

положенія и этимъ свидѣтельствовать противъ г. Волынскаго.

Онъ неоднократно говорилъ мнѣ:

— Мой взглядъ на соціально-революціонную партію и будушность Россіи—очень пессимитическій и я уже высказалъ это въ «Некуда»... А теперь я еще болѣе увѣренъ въ своей правотѣ. Еслибъ даже партія красныхъ могла бы существовать при самыхъ благопріятныхъ для нея условіяхъ: имѣла бы шапку невидимку и самобранный коверъ самолетъ, то что же бы могла эта-партія сдѣлать? Покушеніе — но вѣдь ихъ было достаточно въ русской исторіи, а развѣ это измѣняло ее; добиться конституціи—но вѣдь *писанную* конституцію всегда можно изорвать, какъ изорвала ее Анна Іоановнна; а кромѣ писанной конституціи другой, за которую бы умиралъ и боролся народъ,—у насъ не можетъ быть; развитіе демократіи—но вѣдь этотъ народъ рветъ своихъ докторовъ и сестеръ милосердія, какъ мы видимъ, на куски и потомъ идетъ служить молебны... Вѣдь съ этимъ звѣрьемъ развѣ можно что-нибудь создать въ данный моментъ?

— Однако, у васъ, Николай Семеновичъ, никакого просвѣта не видно.

— Я же чѣмъ виноватъ, если дѣйствительность такова, что черезъ 50—100 лѣтъ мы такъ всѣмъ опротивѣемъ, что будемъ имѣть

дѣло съ европейской коалиціей... Удивительно, какъ это Чернышевскій не догадывался, что послѣ торжества идей Рахметова, русскій народъ, на другой же день, выберетъ себѣ самаго свирѣпаго квартальнаго и что слѣдовательно съ правительствомъ 60-хъ годовъ можно было идти впередъ, не выпуская противъ него Рахметовыхъ.

Конечно, у людей крайняго направленія имѣется не мало возраженій противъ Лѣскова въ области его полемики съ ними. Но онъ говорилъ о нихъ по убѣжденію и не лукавя съ самимъ собою. Прекрасно зная наличныя силы интеллигенціи и благословляющій реформы народъ, Лѣсковъ предвидѣлъ неудачу агитаціи о томъ, чтобы этотъ, вчера освобожденный царемъ, народъ защищалъ Польшу или «работалъ надъ Боклемъ». Онъ осмѣялъ это движеніе (Овцебыкъ», «Некуда»), за что̀ и былъ ославленъ первымъ доносчикомъ на нигилистовъ. Между тѣмъ, его отношеніе къ этому движенію носитъ по преимуществу тотъ же самый практическій характеръ, изъ за котораго по польскому вопросу Кавелинъ разошелся съ Герценомъ, а одинъ изъ видныхъ представителей русскаго нигилизма, г. Степнякъ, выступилъ противъ пропагандистовъ въ деревняхъ и городахъ, говоря:

«Всякій, кто селится въ деревнѣ, въ качествѣ ли ремесленника, сельскаго ли учи-

теля или писаря, тотчасъ же оказывается на виду у всѣхъ, точно онъ сидитъ въ фонарѣ. Кромѣ того, крестьянинъ совершенно неспособенъ хранить тайну передъ своими односельчанами. Какъ вы хотите, чтобы онъ не поговорилъ съ сосѣдомъ, котораго онъ знаетъ столько лѣтъ, о такомъ необычайномъ фактѣ, какъ чтеніе книги, а тѣмъ болѣе, когда рѣчь въ ней идетъ о дѣлѣ, о которомъ ему говоритъ соціалистъ? Такимъ образомъ, лишь только пропагандистъ приходитъ къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей, вѣсть объ этомъ тотчасъ разлетается по всей деревнѣ, и черезъ какихъ-нибудь полчаса изба уже наполнена крестьянами, которые спѣшатъ послушать незнакомца, не считая нужнымъ предупредить объ этомъ ни его, ни его хозяина. Если изба слишкомъ мала для всей этой толпы, то гостя ведутъ въ сельскую управу, или же просто на улицу, гдѣ онъ и читаетъ свои книжки или произноситъ рѣчь подъ открытымъ небомъ. Понятно, что при такихъ нравахъ правительство безъ всякаго затрудненія могло узнать объ агитаціи, которая велась среди крестьянъ, и пресѣчь ее».

Не менѣе энергично возставалъ впослѣдствіи г. Степнякъ и противъ городской пропаганды «дѣломъ». Онъ писалъ: «Годы 1876, 1877 и первые мѣсяцы 1878, были періодомъ болѣе или менѣе значительныхъ демонстрацій,

какъ похороны Чернышева и Падлевскаго, демонстрація на Казанской площади, имѣвшая такой трагическій исходъ, и наконецъ, одесская демонстрація въ день осужденія Ковальскаго. Не трудно было понять, что по этому пути далеко не уйдешь. Силы революціонеровъ и правительства были такъ страшно неравны, что подобныя демонстраціи не могли привести ни къ чему, кромѣ добровольной гибели русской молодежи. Въ Россіи городская революція, или даже сколько-нибудь значительное возстаніе, представляютъ совершенно исключительныя трудности. Въ нашихъ городахъ сосредоточена лишь очень ничтожная доля всего населенія страны, да и три четверти этихъ городовъ не болѣе, какъ большія села, отстоящія другъ отъ друга на сотни верстъ. Города въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ 40—50 тысячами жителей, заключаютъ въ себѣ какихъ-нибудь четыре процента населенія, т. е. около четырехъ милліоновъ. И правительству, располагающему военными силами цѣлаго государства, нѣтъ ничего легче, какъ превратить пять или шесть главныхъ городовъ Россіи, гдѣ только и мыслимо какое-нибудь движеніе, въ настоящіе военные лагери». Онъ прямо говоритъ, что теперь, послѣ двадцати-тридцати лѣтъ горькаго опыта, нужно «поменьше заговоровъ; поменьше конспирацій и организацій, объединеній и сою-

зовъ; и побольше частной инициативы и живаго непосредственнаго дѣла». Вотъ къ чему пришелъ лондонскій эмигрантъ, хотя Лѣсковъ говорилъ объ этомъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ.

— Идеи, которыя некому и негдѣ осуществлять, скверныя идеи!—восклицалъ неоднократно Лѣсковъ и этимъ оправдывалъ свою оппозицію крайнимъ идеямъ 60-хъ годовъ.

Теоретическое осужденіе лондонскимъ эмигрантомъ мечтаній о торжествѣ крестьянскаго или фабричнаго движенія въ Россіи Лѣсковъ воплотилъ въ образахъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. И поэтому могъ ли онъ разговаривать съ г. Волынскимъ о петербургскихъ пожарахъ и *партіи* бунтарей съ «боязливымъ заметаніемъ старыхъ слѣдовъ»? Нападая по нѣкоторымъ вопросамъ на молодое поколѣніе, Лѣсковъ однако никогда не скрывалъ свѣтлыхъ его сторонъ и свои симпатіи къ лучшимъ представителямъ его выразилъ въ 1863 году въ фельетонѣ по поводу романа «Что дѣлать»? Въ немъ «новыхъ людей» Чернышевскаго онъ признаетъ значительно возвышающимися надъ «рудинствующими и базарствующими импотентами». Онъ писалъ: «Какъ прежній Рудинъ работалъ фразой, только, чтобы «заявиться», такъ и «базарствующій» Рудинъ въ существѣ дѣла тоже все хлопочетъ «заявиться». Только ста-

рому Рудину для этого много надо было говорить, а нынѣшнему два слова: «не съ нами— такъ подлецъ». Въ порожденіи вотъ этихъ-то нигилистовъ винятъ обыкновенно «Современникъ». Я думалъ всегда, что это неосновательно. Развѣ всякая гадина, набравшаяся наглости и потерявшая стыдъ,—нигилистъ? Нигилисты, которыхъ мы видимъ и которые намъ успѣли надоѣсть своими гадостями, достались намъ по наслѣдству. Начитавшись Базарова, они сошлись и сказали: «Мы сила». Что же намъ дѣлать теперь? Такъ какъ они никогда не думали о томъ, *что имъ дѣлать*, то, разумѣется, сдѣлали то, что дѣлаютъ обезьяны, то-есть стали копировать Базарова. Какъ же его копировать? Ну, обыкновенный пріемъ каррикатуристовъ въ ходъ. Взялъ самую рѣзкую черту оригинала, увеличилъ ее такъ, чтобы она въ глаза била, вотъ и каррикатурное сходство. То и сдѣлано. Базаровскихъ знаній, базаровской воли, характера и силъ негдѣ взять; ну, копируй его въ рѣзкости отвѣтовъ, и чтобъ это было позамѣтнѣе, доведи это до крайности. Гадкій нигилизмъ весь выразился въ пошломъ отрицаніи всего, въ дерзости и въ невѣжествѣ. Познакомьтесь съ такимъ соколикомъ, да если онъ васъ не боится, и если вы не самъ г. Чернышевскій, то онъ вамъ во второе же свиданіе вмѣсто любезностей дурака завяжетъ. Это еще старые типы, обер-

нувшіеся только другой стороной. Это Ноздревы, измѣнившіе одно ругательное слово на другое. Таково въ большинствѣ грубая ошалѣлая и грязная въ душѣ толпа пустыхъ, ничтожныхъ людишекъ, исказившихъ здоровый типъ Базарова и опрофанировавшихъ здоровыя идеи нигилизма. Я знаю, что такое настоящій нигилистъ, но я никакъ не доберусь способа отдѣлить настоящихъ нигилистовъ отъ шальныхъ шавокъ, окричавшихъ себя нигилистами. Теперь это въ Петербургѣ стало какимъ-то неопредѣленнымъ понятіемъ. «Стриженыя барышни», выходящія замужъ при первомъ удобномъ случаѣ,—нигилистки. Невѣжда, положившій ругать все, что не «Современникъ»,—тоже нигилистъ, хотя онъ мелкій эксплоататоръ до конца ногтя въ ножномъ мизинцѣ. Героевъ романа г. Чернышевскаго тоже называютъ нигилистами. А между ними и личностями, надоѣвшими всѣмъ и каждому своимъ нигилизмомъ, нѣтъ ничего общаго. Люди г. Чернышевскаго совсѣмъ другіе, а эти фразеры; въ людяхъ г. Чернышевскаго прежде всего стремленіе — дать благосостояніе возможно большему числу людей; въ нигилистахъ нашихъ общность интересовъ только на языкѣ, а на дѣлѣ жестокосердіе. Г. Чернышевскій заставляетъ дѣлать такое дѣло, которое можно сдѣлать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, отъ Кореи до Лиссабона. Нужно

только для этого *добрыхъ людей*, какихъ вывелъ г. Чернышевскій, а ихъ, признаться сказать, очень мало» («Сѣверная Пчела», 1863 г., № 142).

Разумѣется, вѣдь это все правда, что пишетъ Лѣсковъ... Но тогдашнее передовое общество и лучшая часть литературы, чувствуя свое превосходство надъ крѣпостниками, пребывали въ полной слѣпотѣ относительно собственныхъ слабыхъ сторонъ. Нѣкоторые ихъ взгляды были лучше устарѣлыхъ, но ничтожество характеровъ и разнузданность нравовъ были основаны еще на «вчерашнемъ духѣ». Дѣла затѣвались грандіозныя, а моральныя силы почерпнуты въ канцеляріяхъ и мелкопомѣстныхъ семьяхъ; практическое умѣнье управлять людьми и вести дѣла совершенно мальчишеское, а самолюбіе и естественная потребность въ болѣе даровитыхъ людяхъ жить политическою жизнью продолжало рости и развиваться одновременно. Непріязнь къ Лѣскову и инсинуаціи по его адресу направили и безъ того его критическій умъ къ анализу современныхъ ему характеровъ и событій. Но онъ все-таки не отрицаетъ свѣтлыхъ личностей своего времени и только безпощаденъ къ окружающимъ ихъ самозванцамъ... Онъ предчувствовалъ то, что впослѣдствіи объ этомъ же времени сказалъ Герценъ, говоря о Ноздревыхъ и Собакевичахъ, перегнутыхъ въ

обратную сторону. По мнѣнію Лѣскова, правда была нужна не только врагамъ, но и друзьямъ. А его совершенно не поняли и не хотѣли понимать, особенно, когда въ 1864 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» г. Боборыкина появился романъ Лѣскова «Некуда».

III.

Фельетонъ о романѣ „Что дѣлать“ и разсказъ „Овцебыкъ“ („Отечест. Записки“ 1863 г.) свидѣтельствуютъ, что послѣдующій романъ „Некуда“ (Библіотека для Чтенія“ 1864 г.) былъ написанъ Лѣсковымъ въ согласіи съ его искренними убѣжденіями на положеніе дѣлъ. — Полемика о „Некуда“. — Лѣсковъ и Л. Н. Толстой о „Некуда“. — Исторія нигилизма подъ перомъ Н. С. Лѣскова и ея односторонность. — Романъ „На ножахъ“.

Дружныя нападки вліятельныхъ органовъ печати на Лѣскова за его статью о петербургскихъ пожарахъ, однако, не убѣдили его въ томъ, что ему приписывали, и въ значительной степени развили въ немъ критическое отношеніе къ виднымъ дѣятелямъ 60-хъ годовъ. Онъ пошелъ противъ господствующихъ теченій...

— Я, говорилъ онъ мнѣ неоднократно, — на старости лѣтъ не могу еще рѣшить—хорошо или худо то, что въ «эти времена совсѣмъ особеннаго свойства» (по выраженію Майкова) — либералы оттолкнули меня отъ себя. Вѣдь если-бъ я былъ болѣе продолжительно съ ними за-одно, то, по свойству моего полицмейстерскаго носа, ужъ очень хорошо-

бы зналъ всѣ ихъ недостатки и, разойдясь въ одномъ изъ безчисленныхъ нашихъ вопросовъ, не сблизился-бы съ ними впослѣдствіи; а теперь — на закатѣ моей, немного оставшейся мнѣ жизни, я радуюсь, что нѣкоторые изъ нихъ меня жалуютъ и не гнушаются мною. И самъ я чувствую, что съ ними у меня болѣе общаго, чѣмъ съ консерваторами, съ которыми я очень много съѣлъ соли, пока меня не стошнило отъ нея... Вѣдь, по настоящему, только такимъ и нужно дорожить человѣкомъ, который бѣжалъ сознательно отъ противной стороны, всесторонне изучивъ ее и тѣмъ оттолкнувшись на новый путь.

Вся жизнь Николая Семеновича была исканіемъ этихъ новыхъ путей, и въ своей жизни онъ приставалъ къ спасительнымъ гаванямъ на самые короткіе сроки. Съ пошатнувшейся репутаціей во мнѣніи наиболѣе прогрессивной журналистики, Лѣсковъ втеченіе 1863 года сохраняетъ, однако, значительную сдержанность, и его статьи по адресу противниковъ преисполнены достоинства и уваженія къ нимъ. Онъ отходилъ отъ нихъ очень медленно и не за то, что они—новые люди, но за то, что они были мало новыми людьми, совершенно игнорировавшими въ политикѣ полное несоотвѣтствіе своихъ собственныхъ идеаловъ съ средней культурностью народа и общества. Такъ его «Овцебыкъ» агитируетъ среди раскольниковъ,

не замѣчая, что эта среда самая консервативная въ политическомъ отношеніи, «заматорѣлая въ преданіяхъ и никакой идеи»; въ православныхъ монастыряхъ онъ «распропагандировалъ» кого-то изъ иноковъ и богомольцевъ, и тѣ первые на него донесли; среди батраковъ, у гуманнаго помѣщика, онъ чувствуетъ, что первые глумятся надъ нимъ вмѣстѣ съ бариномъ и т. д. Съ большимъ участіемъ слѣдитъ авторъ за судьбой своего агитатора, и будущій историкъ литературы разберетъ, было ли со стороны Лѣскова въ разсказѣ «Овцебыкъ» преувеличеніе и былъ ли самый разсказъ своевременен. Что касается художественнаго выполненія его, то всякій согласится, что «Овцебыкъ» такое же типичное лицо въ политическомъ движеніи 60-хъ годовъ, какъ и его предшественникъ Рудинъ, въ 40-хъ годахъ. Лѣсковъ, однако, отлично понималъ и ихъ разницу и не скрывалъ своихъ антипатій къ «рудинствующимъ импотентамъ».

Фельетонъ о Чернышевскомъ представляетъ собою очень раннее profession de foi Н. С. Лѣскова по вопросамъ русской жизни. Читая его, можно безошибочно предсказать, что въ будущемъ романѣ «Некуда» онъ выведетъ большинство новыхъ людей— съ унаслѣдованными пороками, а идеальное меньшинство — страдающимъ среди нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ-же самый фельетонъ

является опроверженіемъ того, что «Лѣсковъ вывелъ въ своемъ романѣ рядъ портретовъ живыхъ людей, по большей части общеизвѣстныхъ, участвовавшихъ въ движеніи того времени и лично ему знакомыхъ», какъ утверждаетъ г. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы». «Многіе, по словамъ г. Скабичевскаго, узнали въ романѣ возбуждавшую въ то время большую сенсацію «Знаменскую коммуну» Слѣпцова и пр. Сами герои «Некуда», Лиза Бахарева и Райнеръ (извѣстный въ то время вращавшійся среди кружковъ Артуръ Бенни),—въ свою очередь портреты живыхъ людей. Но изображенныя лица увидѣли себя въ крайне каррикатурномъ видѣ. Масса дикихъ слуховъ и безобразныхъ сплетенъ, ходившихъ въ то время въ взволнованномъ обществѣ, воспроизведены Лѣсковымъ въ его романѣ какъ несомнѣнныя истины. Все это низводитъ романъ на степень желчнаго и злобнаго политическаго памфлета, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ встрѣтилъ въ литературѣ и въ мало-мальски мыслящихъ кругахъ общества дружное негодованіе. Послѣ выхода въ свѣтъ романа Лѣсковъ подвергся новымъ порицаніямъ и нападеніямъ со стороны всей либеральной прессы» *).

*) Писаревъ писалъ: „Меня очень интересуютъ два вопроса: 1) Найдется ли теперь въ Россіи, кромѣ „Русскаго Вѣстника", хоть одинъ журналъ, который осмѣлился бы на-

Между тѣмъ, фельетонъ о Чернышевскомъ и разсказъ «Овцебыкъ» явно свидѣтельствуютъ, что настроеніе и воззрѣнія автора на современныя ему явленія жизни были значительно ранѣе именно таковы, какими они и отразились въ романѣ «Некуда», совершенно независимо отъ «Слѣпцовской коммуны» и сплетенъ о ней. Забавно, что тотъ-же г. Скабичевскій пишетъ о немъ: «На первый планъ выдвинуты имъ два положительные типа: идеальный соціалистъ Райнеръ и столь-же идеальная соціалистка Лиза Бахарева. Разочаровавшись въ европейской жизни, Райнеръ ѣдетъ въ Россію, предполагая найти въ ней самородный соціализмъ, коренящійся на чисто-народной почвѣ, но находитъ толпу растлѣнныхъ нигилистовъ. Въ отчаяніи кидается онъ въ польское возстаніе, предполагая тамъ пріобрѣсти искомый соціализмъ, но и тамъ не находитъ и кончаетъ жизнь плѣномъ и разстрѣляніемъ. Съ своей стороны Лиза Бахарева, непонятая и угнетенная въ семейной жизни, ждетъ выхода изъ нея въ современномъ движеніи, бросается въ толпу тѣхъ же коварныхъ нигилистовъ; но разочаровавшись въ

печатать на своихъ страницахъ что нибудь выходящее изъ-подъ пера Стебницкаго и подписанное его фамиліей? 2) Найдется ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ настолько неостороженъ и равнодушенъ къ своей репутаціи, что согласится работать въ журналѣ, украшающемъ себя повѣстями и романами Стебницкаго?

нихъ, не знаетъ, куда преклонить голову, находитъ, что дѣться некуда, и томится жаждою труда, не зная за что приняться, пока зрѣлище смерти Райнера не потрясаетъ всей ея природы, и тогда, поверженная на смертный одръ, она умираетъ въ кругу благонамѣренныхъ друзей своихъ, оплакавшихъ въ ней несчастную жертву современнаго движенія». Именно такъ долженъ былъ написать Лѣсковъ романъ изъ современной ему жизни, если взять во вниманіе дѣйствительное положеніе дѣлъ и его взгляды на современность, выраженные наиболѣе ярко въ повѣсти «Овцебыкъ» и въ фельетонѣ о Чернышевскомъ. Райнеръ, Бахарева, Помада—не могли не быть одинокими въ массѣ солидарныхъ съ ними на словахъ гг. Бѣлоярцевыхъ и К. Въ особенности Лиза Бахарева должна была страдать — и именно одиноко страдать, такъ какъ въ то время женщины не имѣли ни образовательныхъ курсовъ, ни другой общественной дѣятельности. Фанатики, которые требовались для осуществленія крайнихъ идей, разумѣется, возможны въ Россіи только въ самомъ ограниченномъ числѣ, а тѣ, которые только именуются ими, въ большинствѣ случаевъ—«люди рефлекса», слабохарактерные и непрактичные, самолюбивые, не по чину берущія огромныя обязанности передъ исторіей и на первыхъ-же порахъ обнаруживающіе свою непригодность для самой нич-

тожной тайны и дѣла. Среди нихъ буржуй Розановъ и съ мѣщанскимъ счастьемъ Жени Главацкая уже тѣмъ лучше, что не притворяются единомышленниками Райнера и свободны отъ упрека въ ренегатствѣ. О простомъ народѣ еще менѣе можно говорить съ упованіемъ на его сочувствіе къ крайнимъ идеямъ «Овцебыка», Райнера и Лизы Бахаревой. Лѣсковъ не считалъ нужнымъ все это скрывать и удивлялся, какъ умные и безспорно честные люди не замѣчаютъ своей безпочвенности, представляя себѣ положеніе дѣлъ гораздо болѣе благопріятнымъ для ихъ дѣятельности, чѣмъ было въ дѣйствительности. Чувствуя все это значительно ранѣе, чѣмъ появилось «Некуда», Лѣсковъ непремѣнно долженъ былъ высказаться и написать романъ въ духѣ своего настроенія. Вотъ почему онъ протестовалъ печатно противъ слуховъ о томъ, что романомъ «Некуда» онъ очернилъ исключительно знакомыя ему личности, преднамѣренно игнорируя законы художественнаго творчества. «Простить моего направленія мнѣ не могли, писалъ Лѣсковъ, и придрались къ подъисканному кѣмъ-то внѣшнему сходству нѣкоторыхъ лицъ романа съ лицами живыми изъ литературнаго міра,—и пошли писать. Повторяю, что это не болѣе какъ придирка... Положительно утверждаю, что во всемъ романѣ «Некуда» нѣтъ ни одного слова, вскрывающаго непри-

косновенность чьихъ-бы то ни было семейныхъ тайнъ. Всѣ лица этого романа и всѣ ихъ дѣйствія есть чистый вымыселъ, а видимое ихъ сходство (кому таковое представляется) не можетъ никого ни обижать, ни компрометировать». («Библіотека для Чтенія» 1864 г. № 12). Между тѣмъ романъ этотъ принято считать сыскнымъ, а не художественнымъ произведеніемъ и еще недавно мнѣ пришлось услышать отъ одного стараго сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» слѣдующій отзывъ о Лѣсковѣ: «Это первый писатель въ русской литературѣ, который въ «Некуда» въ первый разъ съ именемъ нигилиста связалъ представленіе объ опасности добрымъ нравамъ и порядку. До него никто этого не дѣлалъ. Онъ первый донесъ на этотъ типъ людей, и вы ничѣмъ не опровергнете этого обстоятельства въ жизни Лѣскова». Тѣмъ не менѣе, памятуя и собственные взгляды Лѣскова на «Некуда» и любя его такимъ, какимъ я зналъ Николая Семеновича за послѣднія десять лѣтъ его жизни, я легко могу возразить на подобное обвиненіе слѣдующими словами:

— Первый доноситъ о себѣ самъ-же дѣятель, особенно, если его собственныя рѣчи и поступки погромче беллетристики. А нигилисты въ Россіи значительно ранѣе Лѣскова были популярны и въ спеціальныхъ вѣдом-

ствахъ, и въ обществѣ. Лѣскову оставалось только бытописать ихъ. Это дѣлаетъ честь ему, если онъ первый съ наибольшей талантливостью и смѣлостью обратилъ вниманіе на революціонныхъ идеалистовъ, какъ Райнеръ съ его Лизой, и на нигилиствующую около нихъ массу вродѣ Бѣлоярцева съ К.

Теперь уже умерли и Райнеръ, и Бѣлоярцевъ, умеръ и самъ Лѣсковъ, и Писаревъ (см. ст. послѣдняго: «Прогулка по садамъ россійской словесности»), но «Некуда» не забыто и читается вполнѣ независимо. Съ теченіемъ времени, еще болѣе забудутся личныя обстоятельства, при которыхъ появилось «Некуда», но художественное произведеніе о 60-хъ годахъ останется единственнымъ въ русской литературѣ, дающимъ типы многострадальныхъ праведниковъ среди сонмища самозванныхъ друзей и открытыхъ враговъ.

Лѣсковъ неоднократно говорилъ мнѣ:

— Я далъ въ «Некуда» симпатичный типъ русскихъ революціонеровъ: Райнера, Лизу Бахареву и Помаду. Пусть укажутъ мнѣ въ русской литературѣ другое произведеніе, гдѣ бы настоящіе, а не самозванные нигилисты были такъ безпристрастно и симпатично оцѣнены? Вѣдь во всякой партіи есть симпатичные и благородные люди. Я ихъ нашелъ въ лицѣ Райнера, Лизы Бахаревой и Помады. Развѣ «Маркушка» Гончарова, «Бѣсы» Достоевскаго,

«Полояровщина» Крестовскаго или «импотенты» Тургенева въ «Нови» лучше моихъ страдальцевъ? Въ моихъ друзьяхъ есть на чемъ остановиться глазу, а что они и мнѣ были дороги—вотъ вамъ карточка на память...

Лѣсковъ подарилъ мнѣ самого себя, въ молодости снятаго подъ руку съ Артуромъ Бенни, съ котораго онъ писалъ своего Райнера.

— Мнѣ всегда были дороги крупные характеры и идеализмъ души героевъ «Некуда,— продолжалъ онъ.--Я не раздѣлялъ ихъ практической дѣятельности, но умѣлъ различить настоящихъ радикаловъ отъ фальсифицированныхъ. Первые у меня такъ жизненны, что при настоящихъ условіяхъ печати романъ «Некуда», пожалуй, не могъ бы быть напечатанъ, еслибъ появился въ первый разъ. А въ то проклятое время распустили слухи, что я получилъ за него изъ Ш Отдѣленія десять тысячъ рублей. При моемъ появленіи въ обществѣ люди брали шапки и уходили вонъ; въ ресторанахъ нарочно при мнѣ ругали автора «Некуда»... О, о!... прибавилъ съ горечью Николай Семеновичъ, цитируя изъ стихотворенія Майкова: «жизнь понявъ, остаться жить—нужно не малое геройство»... Я, конечно, могъ изобразить 60-тые годы неумѣло и безтактно, но я не мѣшалъ другимъ критиковать меня и дѣлать лучше. Съ удовольствіемъ прочелъ бы я на старости лѣтъ о минувшей эпохѣ болѣе худо-

жественный романъ, чѣмъ мое «Некуда». Но я не могу считать за таковые романы съ «Маркушками», «Полояровыми» и «Неждановыми». У меня есть мученики идеи и страдальцы за ближнихъ (Райнеръ, Лиза Бахарева, «Овцебыкъ», «Загадочный человѣкъ»...) а у другихъ либо мерзавцы, либо умалишенные «Бѣсы». Ругани я принялъ за «Некуда» достаточно *). А между тѣмъ мой вымыселъ о легкихъ и безхарактерныхъ людяхъ, берущихся за большое дѣло и роняющихъ его, остается и нынѣ вѣрнымъ русской жизни. И теперь, садись и пиши второе «Некуда» о большинствѣ нашихъ толстовцевъ.

Лѣсковъ развертывалъ «Русскую мысль», гдѣ былъ напечатанъ его разсказъ «Зимній день» и прочитывалъ по адресу толстовцевъ слѣдующія строки:—«они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, которые все собирались «работать надъ Боклемъ», то противны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палоч-

*) Интересно, что въ то время, какъ либеральная пресса негодовала на „Некуда“, „цензура, говоритъ С. Венгеровъ (Критико-біографическій словарь, т. IV, стр. 198): всего менѣе раздѣляла общее тогда мнѣніе объ „Некуда“. „Кто повѣритъ, говоритъ П. Д. Боборыкинъ въ своей автобіографіи, что „Некуда“, всего болѣе повредившее мнѣ въ глазахъ молодежи, вызвало цѣлую цензурную исторію. Романъ былъ порученъ двумъ цензорамъ, которые просматривали его въ редакціонной квартирѣ.

кой ручьи ковырять. Одни и другіе роняютъ тс къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ.

Жизнь Н. С. Лѣскова должна была непре мѣнно сдѣлать его противникомъ всякихъ «ско рохватовъ» и фразеровъ, которыми изобило вало наше отечество, только-что вырвавшеес изъ рукъ помѣщиковъ и чиновниковъ на сво боду.

Закрывъ глаза и откинувшись на спинк кресла, освѣщенный слегка лампой изъ-под темнозеленаго абажура, Лѣсковъ былъ очен блѣденъ и тяжело дышалъ. Воспоминанія да вили его. Черезъ минуту онъ позвонилъ при слугу, но пришла его воспитанница.

— Это ты, Варя... Ну все равно. Скажи пожалуйста, чтобы мнѣ принесли укропно воды, и дай мнѣ грѣлки на руки. Кровь от ливаетъ отъ конечностей. Сердце-то плохо ра ботаетъ. Тридцать слишкомъ лѣтъ литератури даютъ себя знать! Одинъ я тянулъ против того, что было мерзко въ нигилизмѣ... Тепер легко писать противъ. А надо было писать когда нигилисты были на конѣ, а не подъ ко немъ. Недруги мои упрекаютъ въ несвоевре менности «Некуда»: лучше ли было бы, еслиб я теперь напалъ на лежачихъ... А я думаю что «Некуда» какъ разъ своевременно появи лось, когда нужно было ему появиться... Бу дущій историкъ литературы оцѣнитъ за это меня, и мой романъ.

Больной Лѣсковъ сбросилъ съ руки грѣлку, напустилъ изъ резиноваго пульверизатора въ кабинетъ какихъ-то скипидаро-смолистыхъ эссенцій для освѣженія воздуха и совершенно преобразился. Болѣзнь забыта, голосъ окрѣпъ, и весь онъ сіялъ внутреннимъ одушевленіемъ и вѣрой въ свою правоту. Изъ оборонительнаго положенія онъ перешелъ въ наступательное и грозное для своихъ противниковъ.

— Я,—сказалъ онъ,—будучи еще молодымъ человѣкомъ, уже предчувствовалъ, во что выродятся наши нигилисты, когда пророчествовалъ о нихъ въ «Некуда». Но дѣйствительность въ наши дни превзошла всѣ мои предсказанія. Въ ней я имѣю себѣ блистательное оправданіе. Я могу сказать о себѣ, какъ Бисмаркъ: хотѣлъ вспрыгнуть на коня, но не перепрыгнуть... Теперь я самъ боюсь того, что вижу среди нигилистическаго міра: я хотѣлъ показать его, каковъ онъ есть, но не хотѣлъ того, что теперь встрѣчаю въ немъ и вижу. Вся грязь моего «Некуда» ничто въ сравненіи. Эта грязь на обществѣ теперь, а не на мнѣ. Недавно одна барыня прислала мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ, по поводу моихъ «Полунощниковъ», что мнѣ простятъ за нихъ всѣ мои грѣхи. Да, какіе? спрашиваю я. Мои грѣхи у васъ на глазахъ. Грязь моихъ романовъ у васъ въ семьѣ и въ обществѣ. Они на каждомъ шагу теперь. Вы ихъ вездѣ встрѣтите и всего болѣе

въ той же литературѣ: среди добровольцевъ пошлости и мутителей пониманія. Я писалъ, что нигилисты будутъ и шпіонами и ренегатами, безбожники сдѣлаются монахами, писатели пойдутъ къ кулакамъ издателямъ, сдѣлаются биржевиками и банковскими кассирами, профессора—чиновниками и т. д. Что же развѣ это не оправдалось? Читайте романъ Ясинскаго «Муза» въ «Наблюдателѣ», гдѣ нигилистъ пошелъ въ «сердцевѣды» послѣ бесѣды съ какимъ-то попомъ; романъ Боборыкина «Поумнѣлъ» въ «Русской Мысли», гдѣ такой же бывшій радикалъ бредитъ предводительствомъ уѣзднаго дворянства; романъ Станюковича «Омутъ» не лучше... Читайте массу корреспонденцій о постриженіи въ монахи университетски образованныхъ людей; глядите, какъ писатели-шестидесятники не знаютъ, какого имъ тона держаться о Л. Н. Толстомъ, Иванѣ Сергіевѣ-протоіереѣ и т. д. Говорятъ, я самъ содѣйствовалъ тому, чтобы они были такими, внушалъ правительству неуважать ихъ и пренебрегать ими. Да неужели сановники воспитывались на моихъ романахъ,—что за вздоръ! Ври, да знай же мѣру... Мои романы не учили огрубѣнію нравовъ и потерѣ всякой стыдливости; я не училъ общественное мнѣніе молчать,—тому, какъ оно теперь ведетъ себя; я не зналъ, куда идти семимильными шагами, но я твердо шелъ впередъ щагомъ, къ которому привыкъ и

желалъ бы идти не одинъ... А гдѣ же эти другіе? Что же я не вижу ихъ около себя и около лучшихъ меня людей? Хотѣлъ бы я воскресить Чернышевскаго и Елисѣева: что бы они теперь писали о «новыхъ людяхъ»? Могу сказать о себѣ, что не я къ нимъ пришелъ, а они пришли ко мнѣ. Крайніе пути, указанные Чернышевскимъ и Герценомъ, были слишкомъ большимъ скачкомъ для молодого поколѣнія, и я не ошибался, говоря, что это поколѣніе и все общество не подготовлено къ такимъ скачкамъ, что оно измѣнитъ себѣ, изренегатствуется, или просто опошлитъ всякое дѣло, за которое возьмется. Если исправническій писецъ могъ одинъ перепороть толпу бѣглыхъ у меня съ барокъ крестьянъ, при ихъ же собственномъ содѣйствіи, то куда идти съ такимъ народомъ? «Некуда»! Рахметовъ Чернышевскаго это долженъ былъ бы знать! Я не хочу сказать, что его нигилисты дрянь, а наше общество—лучше; я такъ никогда не смотрѣлъ на дѣло, и мое «Некуда» въ лучшихъ его представителяхъ говоритъ, что въ обществѣ не было никакихъ идеаловъ, и нигилисты должны были искать ихъ на сторонѣ. Но Чернышевскій долженъ былъ знать, что восторжествуй его дѣло, наше общество тотчасъ же на другой день выберетъ себѣ квартальнагó! Неужели вы не чувствуете этого вкуса нашего общества? Я удивляюсь, какъ въ 30 лѣтъ, когда я

началъ писать «Некуда», мнѣ было ясно, что дѣло Герцена проиграно. Кое-что нигилисты порасшатали... Это, можетъ быть, и правда. Я не знаю. Но больше мнѣ извѣстно, что все стоитъ на прежнемъ мѣстѣ въ томъ же «Загонѣ». Начинай сначала мечтанія о Европѣ, о наукѣ, о врачебныхъ курсахъ для женщинъ, о свободѣ печати и опять сначала, и опять... Долго еще! Вотъ я это пророчествовалъ въ «Некуда»... Иногда я самъ не знаю, что имѣетъ большее у меня значеніе: мои ли «праведники» (въ т. II), мои ли христіане (въ т. XI): Клавдія, тетя Полли и квакерша Гильдегарда, или мое «Некуда», написанное молодымъ человѣкомъ, со свойственнымъ возрасту увлеченіемъ и безкорыстіемъ. А какъ меня встрѣтили въ литературѣ? Предсказаніе Пушкина оправдалось на мнѣ:

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ.

— И вотъ только теперь, на склонѣ моихъ лѣтъ видятъ, что я писалъ по своему крайнему разумѣнію, опирался всегда на опытъ и собственныя наблюденія и не былъ совсѣмъ чуждъ умнымъ книгамъ, захватывая ихъ себѣ въ помощь, но не прячась за нихъ и не прикрывая начитанностью недостатки собственной мысли. Ошибки были неизбѣжны, но я не радовался имъ, какъ нынѣшніе, и не гордился ими. А романомъ «Некуда» я горжусь и считаю его

въ русской литературѣ самымъ вѣрнымъ романомъ о 60-хъ годахъ. Теперь, старикомъ, я удивляюсь, какъ это меня хватило разобраться въ то горячее время и безошибочно предсказать, на какой почвѣ выросли нигилисты и чѣмъ они кончатъ. Но у меня все-таки есть свои Райнеры и Бахаревы, которыхъ не купишь ничѣмъ. Въ русской литературѣ я одинъ далъ такихъ вѣрныхъ людей, а меня за нихъ десятки лѣтъ позорили и инсинуировали.

Если раздѣлять взгляды Лѣскова на историческое значеніе «Некуда», то г. Боборыкинъ съ спокойной совѣстью могъ напечатать его въ «Библіотекѣ для Чтенія», и надо думать, это такъ и было на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, теперь г. Боборыкинъ оправдывается за напечатаніе у него «Некуда» удивительными несообразностями. Г. Михневичъ, со словъ П. Д. Боборыкина, говоритъ: «Романъ въ такой степени не нравился и возмущалъ большинство читателей, что окончательно уронилъ, а подъ конецъ и совсѣмъ убилъ журналъ. Самъ редакторъ былъ смущенъ, былъ противъ «направленія» романа, но не зналъ, что дѣлать и какъ развязаться. Его ввело въ оплошность то обстоятельство, что рукопись романа была доставлена не сразу, а по частямъ, по мѣрѣ печатанія. Вначалѣ все шло хорошо, и молодой, довѣрчивый редакторъ, считая автора, по личному знакомству и по прежнимъ его произве-

деніямъ, «изъ своего прихода», открылъ ему страницы журнала безъ ограниченій. Но вскорѣ оказалось, что дальше пошло не хорошо — и чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже и кривѣе со стороны ватерпаса «направленія»; но помочь горю было ужъ поздно» (см. «Новости« за 1895 г., № 56).

Странно слышать жалобу хозяина журнала на своего сотрудника, уже успѣвшаго тогда достаточно ярко опредѣлить свое отношеніе къ революціонной партіи стремительнаго прогресса снизу. Тотъ же г. Михневичъ говоритъ о Лѣсковѣ, что «даже въ признанныхъ «тенденціозными» и злокачественными романахъ его «Некуда» и «На ножахъ» авторъ нигдѣ не выставляется съ какими нибудь ретроградными и мракобѣсными вѣщаніями. Напротивъ, онъ вездѣ твердо и опредѣленно высказывается за просвѣщеніе, за народное благо, за вѣротерпимость, за права женщины, за равенство предъ закономъ, за правый судъ и за многое другое, входящее въ катехизисъ любого правовѣрнаго «шестидесятника». Въ видахъ реабилитаціи, когда она у него началась и когда онъ нѣсколько старался, быть можетъ, подчеркнуть свою корректность по части «принциповъ», ему, однако, вовсе не приходилось ломать себя или хотя бы только перелицовываться. Онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ всегда, именно, человѣкомъ добрыхъ намѣреній, симпатичныхъ общихъ взглядовъ».

Это именно и заставило г. Боборыкина принять «Некуда» въ печать, и выгораживать ему себя отъ отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ не представляется никакой надобности.

Мнѣ хочется въ этомъ мѣстѣ упомянуть объ отношеніи Л. Н. Толстаго къ роману «Некуда».

Мое знакомство въ 1898 году съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ началось въ его собственномъ домѣ въ Москвѣ разговоромъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣсковѣ, уже въ то время умершемъ.

— Вы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ,—произнесъ Толстой.—Это самобытный писатель... Любилъ онъ отъ себя самого сочинять мудреныя словечки, якобы, въ подражаніе народу: «безабѣлье», напримѣръ. Въ народѣ такого слова не услышите. Это Лѣсковъ отъ себя сочинялъ и иногда очень удачно и смѣшно. Но онъ и безъ этихъ выдумокъ большой писатель, съ оригинальнымъ умомъ и большимъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ познаній. Онъ былъ первымъ въ 60-хъ годахъ идеалистомъ христіанскаго типа и первымъ писателемъ, указавшимъ въ своемъ «Некуда» недостаточность матеріальнаго прогресса и опасность для свободы и идеаловъ отъ порочныхъ людей. Онъ уже въ то время отшатнулся отъ матеріалистическихъ ученій о благодѣяніяхъ государственнаго прогресса, если люди остаются злыми и развратными.

Этотъ взглядъ Л. Н. Толстого на романъ «Некуда» совершенно новый въ русской литературѣ и въ особенности идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что писано о немъ Писаревымъ, Скабичевскимъ и Михайловскимъ. Но, разумѣется, Толстой гораздо глубже оцѣнилъ литературную дѣятельность Лѣскова, относящуюся къ періоду «Некуда» и это мнѣніе о немъ несомнѣнно восторжествуетъ въ общей исторіи русской словесности.

Я замѣтилъ отъ себя, что Лѣсковъ развивался въ этомъ направленіи еще въ своей полупоповской семьѣ и, мало-по-малу, черезъ «Соборянъ», «Ангеловъ» и «Редстокистовъ», приблизился къ Льву Николаевичу, написавъ «Фигуру», «Понфалона» и «Полунощниковъ»..

Толстой взволнованно отвѣтилъ:

— Его привязанность ко мнѣ была трогательна и выражалась она во всемъ, что до меня касалось. Но когда говорятъ, что Лѣсковъ слѣпой мой послѣдователь, то это невѣрно: онъ послѣдователь, но не слѣпой. Значительно раньше Лѣсковъ уже отвернулся отъ матеріалистическихъ ученій. Его «Некуда» это доказываетъ. Онъ поселилъ въ общежитіе своихъ героевъ съ соціалистическими убѣжденіями и эти герои скомпрометировали свои общежитія. Недостаточно человѣку навязать чужую культуру, а надо воспитать его и приготовить къ ней. Если люди видятъ все зло

во внѣшнихъ условіяхъ нашей жизни, а не въ себѣ самихъ, то опытъ скоро разувѣритъ ихъ въ этомъ. Безъ этого они исковеркаютъ самыя идеальныя формы жизни и засорятъ къ нимъ дорогу будущимъ поколѣніямъ. Лѣсковъ мой послѣдователь, но не изъ подражанія. Онъ давно шелъ въ томъ же направленіи, въ какомъ теперь и я иду. Мы встрѣтились и меня трогаетъ его согласіе со всѣми моими взглядами.

— Безъ моральнаго совершенствованія людей трудно рекомендовать имъ новые идеалы, продолжалъ Левъ Николаевичъ. Даже соціалисты въ Европѣ начинаютъ говорить то же самое... Изъ статьи Жореса въ Cosmopolis'ѣ за январь 1898 года видно, что позднѣйшіе соціалисты прежде всего пріучаютъ рабочихъ къ самоуправленію: устраиваютъ рабочіе синдикаты, передаютъ акціи фабрики въ руки рабочихъ, издаютъ журналы на средства рабочихъ и, такимъ образомъ, хотятъ сдѣлать рабочихъ прежде всего разсудительными и честными людьми, т. е. христіанами. Какъ только рабочіе станутъ лучше и совершится переходъ въ ихъ руки орудій производства, такъ наступитъ сокращеніе ошибокъ въ ихъ исторіи. Болѣе грубые соціалисты думаютъ прежде всего на орудіяхъ производствъ устроить счастье четвертаго сословія, но безъ христіанъ всякое распредѣленіе богатствъ сгубитъ общество. Центръ тяжести современной

борьбы труда и капитала долженъ лежать въ перевоспитаніи самой массы, чтобы она была способна къ самоуправленію, и чтобы обогащеніе не послужило ей во вредъ, какъ это случилось съ европейской буржуазіей. Въ 60-хъ годахъ на очереди стояли государственныя задачи, а моральный прогрессъ подразумѣвался самъ собою... Одинъ авторъ «Некуда» требовалъ его прежде всего и указывалъ на отсутствіе его началъ въ жизни даже лучшихъ людей того времени.

Дѣйствительно, кто вдумается въ жизнь Лѣскова, тому станетъ яснымъ, почему онъ долженъ былъ встрѣтить враждебно появленіе въ русскомъ обществѣ крайностей такъ называемаго «нигилизма». «Варнавкины кости» (въ «Соборянахъ») и «общежитія» съ Бѣлоярцевыми («Некуда») ничего не имѣли общаго съ идеализмомъ Чернышевскаго, но, конечно, легко прививались въ средѣ вчера освобожденныхъ рабовъ. Лѣсковъ рѣзко отличалъ теоретическіе идеалы русскаго общества отъ осуществленія ихъ на практикѣ и это давало поводъ причислять его къ обскурантамъ. Онъ часто жаловался на это недоразумѣніе и въ статьѣ «Загробный свидѣтель за женщинъ», упоминая о «крайностяхъ» женскаго вопроса, вмѣстѣ съ тѣмъ подробно рисуетъ своихъ судей и хулителей слѣдующими словами: «Ортодоксальные нигилисты или нигилисти-

ческіе ортодоксы, дѣйствительно, между прочимъ, всего усерднѣе озабочивались униженіемъ «женственности» и «стрижкой подъ одинъ гребень». Одно время они достигли въ этомъ отношеніи большихъ результатовъ. Художественные писатели: Тургеневъ, Писемскій и Гончаровъ, а также другіе смотрѣли на это, какъ на дурное дѣло, которое и гадко, и не нужно, и способно принести дурные плоды. Предсказывали, что это кривлянье по меньшей мѣрѣ оттолкнетъ симпатіи общества отъ молодыхъ людей, начавшихъ тогда щеголять своею грубостью, невѣріемъ и цинизмомъ; а потомъ все это даетъ еще третьему сорту лицъ поводъ возводить глупости на высшую ступень и черезъ то вредить развитію драгоцѣнныхъ идей. Критика-же того времени была такъ легкомысленна, что считала всѣ намеки и предостереженія за выдумки романистовъ, и даже за выдумки не безкорыстныя, а заказныя и очень «оплаченныя». По мнѣнію тогдашнихъ критиковъ (изъ коихъ нѣкоторые до сихъ поръ живы и теперь высоко поднимаютъ свои голоса по другому камертону), выходило какъ будто, что все клонилось къ уничтоженію всякихъ различій между поведеніемъ мужского и женскаго пола—это было умно и прекрасно, а то, что романисты не представляли этого въ сочувственномъ видѣ,—это было съ ихъ стороны «подлость» и «до-

носъ на молодое поколѣніе». Изъ всѣхъ занимавшихся тогда критикою не раздѣляли этоі глупости только двое: Н. И. Соловьевъ і П. К. Щебальскій (оба уже покойники) Остальная критика вся хоромъ внушала читателямъ, что весь вредъ идетъ не отъ безобразныхъ увлеченій нигилизмомъ, что будто само по себѣ ведетъ къ добру, а что вред приносятъ художники, т. е. «романисты, которые въ своихъ романахъ пишутъ доносі на молодое поколѣніе». Молодое поколѣні бывшее привилегированнымъ сословіемъ тогдашняго времени, такимъ образомъ был сбито съ толку и запутано въ сѣтяхъ этог измышленія г.г. критиковъ. Люди до поразительности теряли возможность понимать: кт имъ помогаетъ выйти на честную дорогу кто имъ вредитъ. Друзья благонамѣреннаго благоразумнаго прогресса тогда заурядъ казались людямъ врагами, а враги друзьями. І тогда многіе истинно честные писатели за т что они воздерживали молодежъ отъ вред ныхъ увлеченій нигилизмомъ, были всяческ поносимы, шельмуемы и лишены добраг имени. Не пощадили ни Тургенева, ни Писемскаго, ни Гончарова. Той-же участи под пали и писатели младшаго возраста и мен шаго значенія, напримѣръ, Викторъ П. Клюш никовъ, Всеволодъ Вл. Крестовскій и я. подвергся особенно сильнымъ порицаніямъ

даже безъ всякихъ обиняковъ былъ обвиняемъ въ составленіи романа «по заказу правительства»... Смѣщно сказать, но люди въ сердцѣ вѣрили, что не упоминай мы о заводѣ нигилизма, все было бы шито и крыто и не обращало бы на себя ничьего вниманія. «Весь русскій нигилизмъ сдѣлали пошлые русскіе романисты», много разъ провозглашалъ одинъ изъ критиковъ, дѣйствующихъ нынѣ въ иномъ направленіи. Мой романъ «Некуда» печатался такъ, что я былъ отданъ подъ три цензуры, въ которыхъ каждая со всеусердіемъ трудилась надъ моими корректурами, а отъ лица, управляющаго тогда судьбами печати, я получилъ приснопамятныя внушенія, которыя при точной ихъ передачѣ, со временемъ, безъ сомнѣнія удивятъ позднѣйшаго читателя. Исторія съ нигилизмомъ вообще имѣетъ такой видъ: когда литература своевременно заносила на бумагу вѣрныя картины того, что въ обществѣ происходило, то это тогда почитали за дѣло нечестное и вредное и авторовъ шельмовали на всѣ стороны. А когда потомъ то же самое другіе люди стали вспоминать въ пустой слѣдъ или обирать озадки, это показалось за новость и даже вмѣнено въ особыя заслуги».

Дѣйствительно, время было «междуусобное», и Лѣсковъ, въ силу своего піитическаго воспитанія, долженъ былъ стать непремѣнно

въ оппозицію къ нему. Онъ все время росъ въ духѣ христіанской морали и когда исповѣдывалъ ея догматическую сторону, и когда критиковалъ «редстокизмъ» и «крайности» своего времени, и когда, по ходу вещей, все ближе и ближе подвигался къ Толстому. Его духовныя силы должны были несомнѣнно сдѣлать его «отщепенцемъ» отъ господствующихъ партій въ русской журналистикѣ. Но кто скажетъ, что это «отщепенство» было результатомъ исключительнаго озлобленія и клеветничества на своихъ противниковъ? Кто скажетъ, что это «отщепенство» во всѣхъ случаяхъ было вредно, особенно, когда Лѣсковъ встрѣчалъ враждебно, напримѣръ, проповѣдь о томъ, что можно и «втроемъ чай пить»; что первая любовь—это ландыши, которые никогда не зимуютъ и вмѣстѣ съ весною отцвѣтаютъ; что увлеченія и любовныя ошибки со многими женщинами раскрываютъ намъ иную женщину, съ которой наконецъ-то человѣкъ будетъ счастливъ (см. «Былое и думы» Герцена); что признакомъ истины является «наслажденіе»; что обузданіе человѣческой природы было причиной ея развращенности и что общественныя формы важнѣе нравственности и т. д.? Кто будетъ теперь отрицать, что лѣсковская критика всевозможныхъ крайностей переходнаго временъ не внесла много дѣльныхъ поправокъ

и критическихъ замѣчаній на то, чему мы поклонялись? Лѣсковъ сильно почувствовалъ недостатки своего времени и тревожно переживалъ его.

Разумѣется, освѣщеніе исторіи нигилизма подъ перомъ Н. С. Лѣскова весьма односторонне, т. е. оно освѣщаетъ исключительно отрицательныя стороны въ жизни шестидесятыхъ годовъ. Это само собою разумѣется. Но слѣдуетъ признать, что эти отрицательныя стороны не вымышлены, а существовали рядомъ съ лучшимъ міросозерцаніемъ шестидесятниковъ и реформами данной эпохи. Для разумѣнія положительныхъ сторонъ этого времени Н. С. Лѣсковъ мало пригоденъ.

Но пора уже признать происхожденіе шестидесятыхъ годовъ изъ крѣпостной эпохи и нигилистическое настроеніе общества не безъ недостатковъ. Въ настоящее время все чаще и чаще раздается справедливое мнѣніе о томъ, что «тогдашній нигилизмъ, какъ и всякое общественное настроеніе, выдвигаетъ два совершенно различныхъ типа: возвышенный и низменный, смотря по тому, захватываетъ-ли онъ добрую или злую волю. Въ первомъ нигилизмѣ, которымъ страдали самыя утонченныя натуры нашего вѣка, стихіей были любовь, стремленіемъ—добро. Не то представлялъ собою низменный нигилизмъ, къ сожалѣнію, нашедшій себѣ слишкомъ благопріятную почву

въ нашихъ крѣпостныхъ нравахъ. Онъ был торжествомъ зла, почуявшаго свободу, возму щеніемъ укрощеннаго культурой звѣря въ чело вѣкѣ» (М. Меньшиковъ: «Критическіе очерки» т. I). Среди этого сорта людей были и герои изъ романа «На ножахъ». Принято думать что этотъ романъ Лѣскова—правда, болѣе сла бый—представляетъ собою сплошной уголов ный вымыселъ о низменномъ типѣ русскаго нигилизма. Но такъ могло казаться въ эпоху нашего идеализма и возрожденія, а теперь можно безпристрастно оцѣнить минувшую жизнь. Нигилисты, задававшіеся общественными цѣлями: Райнеры, Лизы Бахаревы, Помады, Бертольди — смѣнились Гордановыми Висленевыми, Ванскоками и т. п.—нигилистами безъ всякихъ общественныхъ цѣлей, но исповѣдующіе отрицательное направленіе для достиженія своихъ эгоистическихъ плановъ Да, неужели эти люди вымышленныя? И неужели громкіе процессы не переполнены такими героями и героинями? Не только червонные валеты и душегубы на скамьѣ подсудимыхъ были съ весьма либеральнымъ прошлымъ, но такіе же герои украшали собою сферы банковскихъ краховъ, желѣзнодорожныхъ и земельнихъ концесій, съ перемѣною фронтовъ и убѣжденій... Эти господа не только женились на богатыхъ старухахъ и сбрасывали ихъ съ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, но даже пользо-

вались за деньги чужими литературными трудами, достигали извѣстности «патріотическими» заслугами, оскорбляя всѣ привычныя обществу симпатіи и не теряя своего оффиціальнаго престижа. Сколько, наконецъ, изъ той же оперы героевъ, которые, въ случаѣ неудачи, поправляли свои дѣла ножемъ у денежнаго мѣнялы на Садовой и кончали карьеру въ отелѣ на Ривьерѣ, приставивъ ко лбу богатаго туриста револьверъ и русскій ножъ... О, сколько такихъ героевъ «На ножахъ» прошло передъ очами русскаго общества; но удивительно, что молодой писатель предчувствовалъ этотъ переломъ низменнаго нигилизма прямо въ сторону уголовщины во время всеобщаго воодушевленія и вѣры въ лучшую сторону эпохи шестидесятыхъ годовъ. А между тѣмъ, ларчикъ просто открывается: худшіе типы нигилизма были ранѣе этой клички въ средѣ «отцовъ» и Лѣсковъ хорошо зналъ ихъ, предостерегая насъ отъ самозванцевъ въ романахъ «Некуда» и «На ножахъ». Онъ понималъ, что изъ гнилыхъ бревенъ не построить хорошаго дома, и что гнилья было достаточно въ нравахъ русскихъ людей даже въ лучшіе періоды нашей исторіи.

IV.

Піетизмъ Н. С. Лѣскова. Его единомышленники. Борьба за православіе съ протестантизмомъ (съ редстокистами).

Внутренній міръ Лѣскова принялъ съ ранняго дѣтства благочестивое и ригористическое направленіе. Правда, вслѣдствіе пылкости своего личнаго характера и недостаточности воспитанія въ собственной полупоповской семьѣ, Лѣскову было очень трудно въ молодые годы согласовать всегда свою жизнь съ высокимъ строемъ души и убѣжденіями. Къ его чести, онъ всегда въ этихъ случаяхъ «былъ не на своей сторонѣ» и, живя не менѣе грѣшно, чѣмъ и прочіе люди, «былъ неспокоенъ въ своей ямѣ», какъ онъ выражался въ письмѣ къ одной уважаемой имъ писательницѣ.

Этимъ признакомъ онъ дѣлилъ людей на порядочныхъ и неисправимо гнусныхъ. Высокіе помыслы о «праведникахъ» находили себѣ удовлетвореніе у Лѣскова долгое время въ православіи, во всемъ благолѣпіи его храмовъ, церковности и обязанностяхъ священнослужителей. Онъ украшалъ собственную квартиру образами, картинами съ сюжетами изъ священнаго писанія, просфорами, лампадками, велъ дружбу и переписку съ духовными лицами (архимандритомъ Александро-Невской лавры Арсеніемъ, протопресвитеромъ морска-

го вѣдомства Желобовскимъ, епископомъ рижскимъ Филаретомъ и со свѣтскими мистиками: Журавскимъ, Кушелевыми, Корфомъ, Засѣцкой, Пейкеръ и т. д.). Онъ одѣвался дома въ какіе-то подрясники, съ скуфьей на головѣ и четками въ рукахъ. Онъ изучилъ основательно церковную исторію, иконописаніе, расколъ. Онъ энергично выступилъ на защиту православія, когда, съ пріѣздомъ въ Петербургъ Редстока, въ столицѣ возникъ «великосвѣтскій расколъ». Въ этой защитѣ православія отъ протестантизма видно, однако, что Лѣсковъ недоволенъ послѣднимъ только потому, что и тутъ «священникъ Бога живаго, облекающійся правдой», былъ не на надлежащей высотѣ. Онъ требовалъ отъ Редстока болѣе глубокаго пониманія христіанства. Все время Лѣсковъ усиленно ищетъ душевнаго успокоенія въ религіозныхъ бдѣніяхъ и воспоминаніяхъ о Христѣ.

На этой почвѣ онъ сближается съ поэтомъ А. Майковымъ, и тотъ даетъ Лѣскову характерное письмо къ государственному контролеру Тертію Ивановичу Филиппову. А именно: «Г. Лѣсковъ въ литературѣ извѣстный подъ именемъ Стебницкаго, гроза нигилистовъ, предполагаетъ во мнѣ возможность открыть ему путь и Вашему слуху. Не разувѣрялъ я его въ противномъ, потому что самъ питаю эту увѣренность, вслѣдствіе чего и данъ

мною ему сей паспортъ для свободнаго пропуска въ Вашу пріемную».

Съ этимъ «паспортомъ» Лѣсковъ перезнакомился съ массою лицъ, занимавшихся въ то время усиленно спиритизмомъ, магнетизмомъ, божественными вдохновеніями и поруганьями нигилистовъ.

Эти люди осыпаютъ Лѣскова подарками въ видѣ образковъ, освященнаго масла, просфоръ, книгъ на просмотръ для распространенія священнаго писанія въ народѣ и т. д. Редакторы духовныхъ изданій: свящ. Преображенскій («Православное Обозрѣніе»), Поль («Сельское Чтеніе»), А. Поповицкій («Церковно-Общественный Вѣстникъ») и др.—ждутъ отъ Лѣскова статей и разсказовъ «религіозно-общественнаго вѣянія».

Въ петербургскомъ обществѣ съ увлеченіемъ читается его «Запечатлѣнный ангелъ» и Николай Семеновичъ вездѣ слышитъ себѣ похвалы отъ религіозныхъ людей:

— Третій разъ приходится читать вслухъ это произведеніе, и каждый разъ не только съ большимъ удовольствіемъ, но и съ большимъ наслажденіемъ. Въ особенности сцены англичанъ и Памвы производятъ на слушателей самое отрадное дѣйствіе—и пріятно становится за автора, который можетъ въ нашъ вѣкъ возбуждать самыя лучшія движенія души въ людяхъ. Отцу Алексѣю навѣрно понра-

вится Вашъ Ангелъ, тѣмъ болѣе, что въ Памвѣ онъ найдетъ олицетвореніе сказаннаго имъ сегодня слова «*о смиреніи православія*». Вы напишете еще много хорошихъ книгъ—но врядъ-ли что-нибудь лучшее Ангела и дневника Протопопа; это двѣ жемчужины ваши, которыя всѣ хорошіе люди всегда оцѣнятъ по достоинству, развѣ однѣ лишь свиньи попрутъ ногами. Это потому мастерскія вещи,—что чѣмъ болѣе въ нихъ всматриваешься, какъ въ картины мастеровъ, тѣмъ болѣе наслаждаешься ими.

Когда Ник. Сем. напечаталъ пророчества о Мессіи изъ пророковъ и псалтыря, извѣстный пастырь А. Мазингъ, сожалѣя, что Лѣсковъ не выписалъ всѣхъ пророчествъ изъ Ветхаго Завѣта и пр. изъ 1 Моис. 3 и 1 Моис. 49 и 2 Царствъ гл. 7—увѣряетъ его, что онъ тогда бы рекомендовалъ эту книжку своимъ ученикамъ-конфирмандамъ; но во всякомъ случаѣ обѣщаетъ заставить сторожа при выходѣ изъ церкви продавать ее желающимъ, а о книжкѣ объявить съ каѳедры.

Когда появляются статьи Лѣскова о лордѣ Редстокѣ, то члены «Общества друзей лорда Редстока» защищаютъ послѣдняго и говорятъ Лѣскову, что онъ неправъ, укоряя ихъ въ неуваженіи къ русскому духовенству.

— Я, говоритъ одна изъ «редстокистокъ»: чрезвычайно уважаю нѣкоторыхъ духовныхъ

личностей, съ которыми незнакома лично: отца Алек. Горчакова, Биллюстина, желала-бы ихъ знать и боюсь. Не хочу найти въ нихъ то, что отталкиваетъ меня отъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ духовныхъ лицъ: тщеславіе, личина вѣры, корысть и чиновничество. Я исполнила ваше желаніе и посылаю вамъ рѣчь, какъ говорилъ Ред., почти всегда одно и то же, при нѣкоторыхъ варіаціяхъ и другихъ текстахъ. Но суть одна — необходимость духовнаго возрожденія человѣка, вѣрой во Іисуса Христа. Потомъ уже нужны дѣла и святость въ жизни, но это приходитъ безъ труда—Самъ Господь указываетъ и принуждаетъ дѣйствовать по Его указаніямъ *).

Вслѣдъ затѣмъ Николай Семеновичъ болѣе энергично выступилъ на борьбу съ лордомъ Редстокомъ, напечаталъ свой «Великосвѣтскій расколъ». По этому поводу редстокисты говорятъ ему укоры:

— Въ вашемъ разсказѣ вы насъ все затрогиваете, нехорошо! Вы говорите послѣ вашей насмѣшки надъ католикомъ, то: протестантъ училъ-бы только думать о Богѣ... прилично... и больше ничего не нужно. Повѣрьте, и тотъ и другой, т. е. и католикъ, и протестантъ не менѣе убѣждены въ своей правотѣ, чѣмъ и вы сами; оба увѣрены, что единый путь необхо-

*) См. посл. св. ап. Павла къ римлянамъ, гл. VIII.

димъ, но и оба цодчасъ, какъ педагоги христіанства — ошибаются, увлекаясь личными взглядами. Смиреніе православное, которое вы такъ превозносите, конечно, похвально, но не тогда, когда переходитъ въ равнодушіе или, что еще ужаснѣе, когда ставитъ человѣка въ недоумѣніе, какъ разрѣшить вопросъ: «нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, проповѣдывать Христа тамъ, гдѣ понимается добро и зло не хуже нашего, и гдѣ таинства церкви такъ ложно перетолкованы. Они (язычники) добры по природѣ своей, вѣроятно, самъ Богъ какъ-нибудь и когда-нибудь привлечетъ ихъ къ себѣ, а мнѣ грѣшному — куда тянуться, я не лучше ихъ» *). Это смиреніе—но смиреніе раба лѣниваго и лукаваго, который зарылъ талантъ въ землю. Въ немъ нѣтъ убѣжденія, что путь *единый*. Онъ тушитъ Свѣтъ, который вложенъ въ него Богомъ, какъ маякъ для погибающихъ. Трудно уяснить нѣкоторыя странныя стороны русскихъ. Это всеобщая апатія... Никого не интересуетъ обдумать: чему я вѣрю, однако, и какъ я вѣрю. Но эта апатія мгновенно исчезаетъ при возможности *чудеснаго*. Спиритизмъ занимаетъ еще болѣе людей среднихъ лѣтъ и пожилыхъ, нежели молодежь. Но опять скажу, что и апатія и стремленіе къ чудесному встрѣ-

Рус

*) Эти мысли Лѣсковъ проводитъ въ разсказѣ „На краю свѣта". Противъ нихъ и направлена тирада редстокистовъ.

чаются у членовъ умирающихъ религій. Если и доживу до того времени, когда будетъ отраднѣе въ всевыносящей моей родинѣ, я убѣждена, что *одна* не останусь. Но при помощи Божіей и проживу и умру членомъ той невидимой Церкви, коей врата не преодолѣетъ адъ, и гдѣ встрѣчусь съ сочленами изъ Сѣвера и Юга, съ Востока и Запада, и будетъ тамъ единое стадо и единый Пастырь, которыхъ теперь очами тѣла видѣть нельзя. Если кто васъ и не знаетъ, но судитъ васъ по вашимъ писаніямъ, достаточно можно убѣдиться, что «вы отъ міра и говорите по мірски и міръ слушаетъ васъ». Удивительно-ли, что вы насмѣхаетесь надъ тѣми, которые не отъ міра и надъ тѣмъ, что для васъ пока недосягаемо».

Когда Лѣсковъ ссылался на журнальныя похвалы его «Великосвѣтскому расколу», ему отвѣчали:

— «Журнальныя мнѣнія не авторитетъ! Совершенно согласна, что вы могли бы описать въ тысячу разъ хуже человѣка, котораго я ставлю въ нравственномъ отношеніи выше всѣхъ мнѣ извѣстныхъ людей. Развѣ Мещерскій не описалъ его какъ послѣдняго мерзавца? Когда цѣль книги позабавить публику, а главное дать успѣхъ книгѣ во что бы то ни стало, литераторы, вѣроятно, безъ сожалѣнія жертвуютъ всѣмъ: дружбой, мнѣніемъ и довѣренностью такихъ скромныхъ личностей, какъ

я. Виновата я, что вообразила, что вы ко мнѣ питаете нѣкоторое чувство дружбы, которое не дозволитъ вамъ осмѣять (и для этого еще избрать меня орудіемъ) человѣка, котораго я безгранично уважаю. Отъ избытка ли воображенія, но я до глупости довѣрчива. Васъ же можно поздравить: цѣль ваша вполнѣ достигнута. Я ни мало не сердита на васъ, я ошиблась, и это сознаніе на нѣкоторое время уничтожаетъ меня въ собственныхъ глазахъ. Опять кончу словами, которыя когда-то вамъ писала: «Вы отъ міра и говорите по-мірски, и міръ слушаетъ васъ».

Всѣ споры Лѣскова и его жизнь въ эти годы одухотворены интересами православія. Несмотря на это, ему часто говорятъ:

— Николай Семеновичъ! неужели книга Экартсгаузена можетъ называться утѣшительнымъ чтеніемъ? Развѣ это книга христіанская? Оставьте въ сторону возмутительный переводъ, авторъ самъ нѣчто въ родѣ монофизита. Онъ проводитъ ту мысль, что Христосъ пришелъ на землю, чтобъ служить примѣромъ! Что онъ посланъ Богомъ для нашего вразумлѣнія истинѣ! Нигдѣ, что Онъ намъ Искупитель, Ходатай, Спасеніе, ничего того, что утѣшаетъ въ жизни и укрѣпляетъ духъ для встрѣчи съ будущей. Кто можетъ сказать, что слѣдовалъ примѣру Христа? а если нѣтъ или недостаточно, что тогда? Нѣтъ, Николай Семеновичъ,

кто не признаетъ Христа—Спасителемъ, того Онъ не спасъ. Кто думаетъ спасти себя какими-бы то ни было христіанскими дѣлами, и того Онъ не спасъ. Онъ спасъ погибшихъ, изнеможенныхъ не трудомъ, а грѣхами. Онъ спасъ тѣхъ, кто вѣруетъ, что Онъ одинъ и можетъ спасти. И вотъ *благая вѣсть*! Мы спасены! Теперь каждый выражай въ жизни свою благодарность, какъ умѣетъ, и особенно *насколько* любитъ и благодаренъ: по этимъ-то дѣламъ намъ и воздается *мѣрою полною*.

Во время пребыванія Н. С. Лѣскова въ Ригѣ въ 1884 г. ему еще присылаются, «по порученію православныхъ гражданъ города Риги», приглашенія удостоить присутствіемъ 28 октября освященіе новосооруженнаго рижскаго каѳедральнаго соборнаго храма, «являющагося торжествомъ и радостью всего православнаго населенія Прибалтійскаго края»; совѣтъ Эзельскаго Св. Николаевскаго эсто-русскаго православнаго братства въ г. Аренсбургѣ проситъ его содѣйствія въ дѣлѣ пополненія книгами библіотеки эзельскихъ братчиковъ; какіе-то евреи изъ Витебска упрашиваютъ въ то же время Лѣскова хлопотать у митрополита С.-Петербургскаго Исидора о средствахъ на изданіе журнала на борьбу съ софизмами, схоластикой, талмудизмомъ, равинизмомъ своихъ единовѣрцевъ въ пользу православія и т. д. Изъ біографическихъ дан-

ныхъ видно, что жизнь Лѣскова все время кипѣла духовно-религіозными вопросами и дѣлами. Это несомнѣнно отразилось и на его литературной дѣятельности.

V.

Знатокъ православнаго духовенства и раскольниковъ. — Служба въ ученомъ комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Критическое отношеніе Лѣскова къ единомышленникамъ и въ частности къ православнову духовенству. — Недовольство по службѣ Лѣсковымъ за направленіе его литературной дѣятельности. — „Поповская Чехарда“ (Историч. Вѣст. 1883 г. № 2) и увольненіе Лѣскова со службы по III пункту. — Объясненіе Н. С. Лѣскова и новое настроеніе.

Послѣ «Некуда» романы Лѣскова по адресу нигилистовъ: «На ножахъ» и «Соборяне», въ лицѣ Гордановыхъ, Препотенскихъ, Бизюкиныхъ, Терносесевыхъ и Борноволоковыхъ,—не представляютъ такой вѣрной оцѣнки противниковъ и должнаго воздаянія имъ, какими проникнуто «Некуда». Самъ Лѣсковъ говорилъ, что только въ «Некуда» онъ далъ положительные типы крайнихъ людей, а отрицательные типы нигилизма вездѣ у него выходили «заплатами».

— Критики находятъ мой талантъ обличительнымъ, а мнѣ кажется, что я склоненъ даже въ противномъ лагерѣ искать идеаловъ, и они мнѣ удаются лучше и правдивѣе. Мерзавцы есть во всякой партіи русскаго общества. Я не лгалъ, говоря о нихъ; но мастерства у меня на нихъ меньше, чѣмъ въ Райнерѣ или Бахаревой.

Потративъ на борьбу съ отрицательным сторонами нигилизма нѣсколько лѣтъ, Лѣс ковъ въ 1872 году выводитъ въ «Соборянахъ главнымъ образомъ лучшихъ представителе нашего духовенства.

— Написаны «Соборяне» превосходно,—го ворилъ онъ.—Это красота одна... Чистое ис кусство! Но развѣ можно развиваться на идеа лизированной Византіи?

Не смотря на этотъ отзывъ самого автора «Соборяне» (или «Божедомы»)--крупный па мятникъ русской жизни. Тѣмъ не менѣе Лѣс ковъ не могъ напечатать его въ либеральных журналахъ. Помѣщеніемъ для него послужил лишь журналъ г. Богушевича «Литературна Библіотека» и «Русскій Вѣстникъ».

— Живо мнѣ помнится время, когда писа лись «Божедомы»,— говоритъ одинъ изъ совре менниковъ Лѣскова. — Въ то время кружок художниковъ слова собирался по вторникам у А. П. Милюкова, съ которымъ тогда и Лѣс сковъ былъ друженъ. Тутъ бывали А. Н. Май ковъ, Г. П. Данилевскій, Крестовскій, иногд Достоевскій, Ѳ. Н. Бергъ и Лѣсковъ, тогд тѣсный союзникъ этого «катковскаго» кружка

На одинъ изъ вторниковъ, гдѣ по обычак велись литературные разговоры за чайным столомъ, Н. С. Лѣсковъ явился съ рукописью «Божедомовъ» и всѣ съ наслажденіемъ слу шали чтеніе.

На сколько Лѣсковъ хорошо зналъ православное духовенство, настолько онъ былъ знакомъ и съ русскимъ расколомъ, примыкая, по разумѣнію его, къ Печерскому - Мельникову, т. е. представляя его бытовымъ и консервативныхъ явленіемъ, а не политическимъ, съ идеаломъ лучшихъ порядковъ и правъ.

— Расколъ не на политикѣ виситъ, а на вѣрѣ и привычкѣ, —говорилъ Лѣсковъ, за что я многообразно и многократно былъ порицаемъ и осуждаемъ послѣдователями мнѣній Аѳ. Щапова, который желалъ видѣть въ расколѣ «политико-демократическій смыслъ», будто-бы только покрытый религіознымъ покрываломъ. Мельникову, а послѣ и мнѣ, поставляли въ вину, что мы писали иначе, и на насъ было тогда ожесточенное гоненіе. Гонительство это сдѣлалось одно время такъ сильно, что ему подпадали даже люди сторонніе, имѣвшіе смѣлость какъ нибудь сослаться въ своихъ работахъ на мои наблюденія и выводы. Такъ, между прочимъ, за это въ очень сильныхъ и смѣлыхъ выраженіяхъ былъ порицаемъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи И. Нильскій, который въ этомъ проступкѣ гдѣ-то и оправдывался и доказывалъ, что и на меня порою можно сослаться.

Дѣйствительно познанія Лѣскова по расколу были обширны. Ему была дана командировка въ Остзейскій край, и онъ написалъ

замѣчательный «Отчетъ о раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ».

Вотъ что самъ Лѣсковъ говоритъ объ этомъ «Отчетѣ» въ статьѣ «Народники и расколовѣды» («Историческій Вѣстникъ», 1883 г., № 5):

«Мнѣ давно очень досадно, что книга эта остается неизвѣстною русской литературѣ, но въ этомъ не моя вина. Книга эта, по распоряженію А. В. Головина, была въ 1862 году отпечатана въ типографіи академіи наукъ, кажется, всего въ 80 экземпляровъ, и куда она дѣлась и гдѣ находится, мнѣ неизвѣстно. Я имѣю только одинъ экземпляръ, данный мнѣ А. В. Головинымъ, какъ автору; но въ литературѣ нѣмецкой она весьма извѣстна и напечатана въ весьма распространенной книгѣ бывшаго дерптскаго профессора Юліуса Экгарта «Bürgerhtum und Büreacratie» (моя записка составляетъ цѣлую треть этой книги). Какимъ образомъ она туда попала, я тоже не знаю, но знаю, что дерптскій профессоръ, и германскіе рецензенты его книги, выведшіе на свѣтъ мою записку, находили причины указывать на ея «безпристрастіе». Короче, безъ жеманства скажу — ее хвалили за ея терпимость и еще кое за что».

Это «кое-что», конечно было требованіе «отмѣны ограниченій религіозныхъ», на что

въ особенности указывалъ Лѣсковъ, такъ какъ его подозрѣвали въ стремленіи усилить гнетъ надъ раскольниками.

По этому поводу онъ писалъ съ горечью:

«Я удостоился многихъ обвиненій, начиная съ либеральнаго обвиненія въ «оклеветаніи молодежи» до консервативнаго привмѣненія мнѣ свойствъ коварнаго «потаеннаго» и «хитроласковаго нигилиста», но я никогда не давалъ поводовъ считать меня врагомъ «отмѣны ограниченій».

Пессимистическій взглядъ на церковниковъ онъ перенесъ и на раскольниковъ, находя, что тѣ и другіе выше всего ставятъ букву и борются между собою только изъ-за нея (см. «Съ людьми древняго благочестія», «Запечатлѣнный ангелъ», «Мелочи архіерейской жизни» и др.). У него даже язычники являются въ болѣе выгодномъ свѣтѣ (см. «На краю свѣта»).

Въ то же время онъ пишетъ массу разсказовъ, сильныхъ по выполненію и проникнутыхъ въ каждой строчкѣ благороднымъ настроеніемъ автора. Таковы его разсказы, вошедшіе во II томъ подъ общимъ заглавіемъ «Праведники», и полный эпическаго спокойствія «Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и стальной блохѣ» и т. д. Извѣстность Лѣскова начинаетъ рости въ благопріятномъ для него смыслѣ, по мѣрѣ того, какъ изъ-подъ его пера появлялись памятники русской жизни болѣе прочные, чѣмъ романы

съ людьми переходной эпохи. Кромѣ литературной дѣятельности, онъ находилъ время съ 1874 г. служить въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія вмѣстѣ съ В. Авсѣенко и Б. Маркевичемъ. Въ 1877 г. онъ былъ также причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія и, съ Высочайшаго разрѣшенія, получалъ 1,000 рублей въ годъ, независимо отъ содержанія въ ученомъ комитетѣ по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. Въ 1879 г. онъ произведенъ въ коллежскіе секретари, а въ 1880 г. отчисленъ отъ министерства государственныхъ имуществъ по прошенію, оставаясь на службѣ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія. Не смотря на нѣкоторую протекцію по службѣ и на первое время всеобщую симпатію въ кругу сослуживцевъ по ученому комитету, пребываніе Лѣскова на службѣ дѣлается затѣмъ все болѣе шаткимъ.

Чѣмъ болѣе Лѣсковъ горѣлъ рвеніемъ и любовью къ православному духовенству, тѣмъ сильнѣе просыпалось въ немъ критическое отношеніе къ множеству отрицательныхъ сторонъ въ бытѣ нашего духовенства. «Мелочи архіерейской жизни» и т. п. разсказы, однако, вызвали среди единомышленниковъ Николая Семеновича угрожающій для него ропотъ, въ

особенности, когда въ февральской книжкѣ 1883 г. «Историческаго Вѣстника» появился разсказъ Лѣскова о московскомъ происшествіи 1727 г., разсказанный по офиціальнымъ источникамъ, о томъ, какъ соборный причтъ при церкви Спаса въ Наливкахъ злоупотреблялъ спиртными напитками и устраивалъ въ алтарѣ храма «поповскую чехарду». Множество вліятельныхъ лицъ на служебную карьеру Лѣскова оскорбились оглашеніемъ столь исключительнаго факта изъ церковно-приходскихъ нравовъ и Лѣскову напомнили его зависимое офиціальное положеніе. Тогда въ томъ же 1883 г. въ «Новостяхъ» появилось его письмо «Объ отчисленіи Н. С. Лѣскова «безъ прошенія» отъ службы въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія. Въ письмѣ сказано: «Я отчисленъ отъ министерства «безъ прошенія» по причинамъ, лежащимъ внѣ моей служебной дѣятельности, которая въ теченіе десяти лѣтъ признавалась полезною и никогда не привлекала мнѣ никакого упрека и ни одного замѣчанія при трехъ министрахъ: графѣ Д. А. Толстомъ, А. А. Сабуровѣ и баронѣ Николаи. Для оставленія службы мнѣ не вмѣнено никакой вины, а указана только «несовмѣстимость» моихъ литературныхъ занятій со службою. Ничего болѣе. Въ томъ, что я отчисленъ не по прошенію, а «безъ прошенія» тоже нѣтъ ничего меня порочащаго или обид-

наго. Мнѣ была предоставлена полная возможность отчислиться по той формѣ, которая обыкновенно признается удобнѣйшею, но я самъ предпочелъ ту, которая на мой взглядъ болѣе вѣрна истинному ходу дѣла». Говорятъ, Деляновъ спросилъ его:

— Зачѣмъ же это вамъ нужно, Николай Семеновичъ, безъ прошенія-то?

— Нужно! Для некролога... моего и вашего!—быстро отвѣтилъ тотъ.

Интересна еще одна подробность. Лѣсковъ настолько не пользовался симпатіями наиболѣе либеральной печати, что даже самое обыкновенное письмо его о причинахъ отставки дало поводъ «Вѣстнику Европы» очень зло вышутить автора. Въ апрѣльской книжкѣ этого журнала было сказано, что «Лѣсковъ, служа при трехъ министрахъ съ различными направленіями, умѣлъ вести свое дѣло такъ хорошо, что его служебная дѣятельность всегда признавалась, независимо отъ перемѣны министровъ, полезною; всѣ его литературныя занятія оказывались до сихъ поръ также совмѣстимыми съ учеными занятіями по ученому комитету. Но теперь г. Лѣсковъ, можетъ быть, представилъ начальству въ рукописи свой трудъ и разошелся съ нимъ во взглядахъ на характеръ этого труда; а въ такомъ случаѣ мы должны дожидаться появленія этого труда въ печати, чтобы понять, почему могъ этотъ но-

вый трудъ навлечь на него въ первый разъ упрекъ, при четвертомъ министрѣ народнаго просвѣщенія». Эта замѣтка вынудила г. Лѣскова заявить въ «Иторическомъ Вѣстникѣ» (1883 г., № 5) опредѣленно, что причиною къ его отставкѣ послужила его статья «Поповская чехарда и приходская прихоть», напечатанная въ февральской книжкѣ того же «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ. Въ инкриминированной статьѣ авторъ указываетъ, что если священники по назначенію не отвѣчали идеалу, то и по «приходской прихоти» (по выбору прихожанами) весьма часто священники были не лучше. Указывая на лучшіе способы облагородить духъ клира, Лѣсковъ говоритъ, что это дѣло—дѣло соборное... Статья Лѣскова не касалась современнаго духовенства, но, тѣмъ не менѣе, автора попросили измѣнить свое направленіе. Посягательство на его литературную самостоятельность устранило его отъ службы, а печальная исторія Маркевича съ арендой Баймаковымъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» оттолкнула Лѣскова отъ катковцевъ. Уходя все дальше и дальше влѣво и чувствуя уже свои годы, Лѣсковъ строже анализируетъ самого себя и, наконецъ, встрѣчаетъ въ одномъ съ собою направленіи Л. Н. Толстого. Николай Семеновичъ всегда вспоминалъ Л. Н. Толстого, какъ своего позднѣйшаго учителя, заставившаго его

въ преклонные годы заново мыслить и почу
ствовать свою «вторую молодость» въ лу
шемъ смыслѣ этого слова.

VI.

Борьба Лѣскова съ Л. Н. Толстымъ и побѣда послѣдня „Панфалонъ"—образчикъ христіанскаго настроенія.—Прек неніе передъ Л. Н. Толстымъ

Сближеніе Лѣскова съ Л. Н. Толстымъ н
чалось полемикою противъ «великаго пис
теля земли русской».

Въ письмѣ отъ 14 іюня 1886 г. на им
С. Н. Шубинскаго, редактора журнала «Ист
рическій Вѣстникъ», предлагая послѣднем
статью по женскому вопросу съ похвальным
отзывомъ Н. И. Пирогова о женщинахъ с
медицинскимъ образованіемъ, Лѣсковъ рѣз
говоритъ противъ Толстого: «Эта статья, в
высшей степени интересная въ историческом
и философскомъ смыслѣ, имѣющая жив
отношеніе къ вопросамъ о женщинахъ и
противленіи злу, которые коверкаетъ юро
ственно Толстой. Воззрѣнія Пирогова, коне
но, противоположны воззрѣніямъ Толстого
уничтожаютъ сіи послѣднія и умомъ, и серье
ностью авторитета Пирогова. Статья, котору
я вамъ сдаю о Пироговѣ, есть, по моему мн
нію, не только любопытная и современная, н
и драгоцѣнная для «историческаго» журнал
Это перлъ пироговской задушевности. И ког

какъ не *его одного*, можно поставить въ упоръ противъ учительныхъ бредней Л. Н. Толстого. Знаю, что Вы не охотно даете такія статьи въ лѣтнее время и понимаю—почему это дѣлается; но думаю, что на этотъ случай надо бы немножко отступить отъ правила. Теперь идутъ все прожекты уничтоженія женскихъ курсовъ и въ женскихъ сферахъ стоитъ страшное возбужденіе. Такимъ настроеніемъ, мнѣ кажется, изданіе должно воспользоваться особенно, когда оно можетъ дать не фразы, а вѣское слово авторитетнаго лица, подкрѣпленное ссылками на факты изъ такой замѣчательной эпохи, какъ Крымская война. Притомъ тутъ взгляды Елены Павловны, которая имѣла массу почитателей — нынѣ ренегатовъ. Женщины чутки, и онѣ отлично разносятъ вѣсти о всемъ ихъ касающемся. Впрочемъ, я ни на чемъ не настаиваю, а я только совѣтую. Усматривайте полезное, какъ говоритъ митрополитъ Платонъ».

Статья носила названіе первоначально такое: «О женскихъ способностяхъ и противленіи злу», но въ ноябрѣ того же года въ «Историческомъ Вѣстникѣ» означенная статья была напечатана подъ другимъ заглавіемъ: «Загробный свидѣтель за женщинъ». Въ ней Лѣсковъ уже печатно бросаетъ вызовъ Л. Н. Толстому, говоря по его адресу: «Въ литературѣ обнаруживается большое разногласіе по

двумъ вопросамъ: 1) слѣдуетъ-ли сопроти вляться злу и 2) благоразумно ли открыва женщинамъ доступъ къ наукамъ и къ обще ственной дѣятельности, или же благоразуı нѣе устранить ихъ отъ большихъ знаній и да вать имъ только самое простое религіозно воспитаніе, а дѣятельность ихъ ограничи хозяйствомъ и семейными заботами.

«Съ тѣхъ поръ, какъ въ это дѣло вм шался графъ Левъ Николаевичъ Толстой не обинуясь высказался за простое, религіо ное образованіе, все воспріяло такой вид какъ будто графъ своимъ словомъ принес «огонь на землю». Женщины встревожилис

«Это неудивительно: гр. Л. Н. Толсто пользуется теперь огромнымъ вниманіемъ в всѣхъ сферахъ общества и потому его огон можетъ зажечь пожаръ. Вотъ что и трев житъ пугливое воображеніе учащихся жен щинъ, въ судьбѣ которыхъ ничто не застр ховано, а напротивъ все шатко и валко, и вс коситъ на сторону.

«Тревоги эти очень понятны. «Пуган птицы куста боятся». Надо вспомнить всѣ т жести, которыя переносили и переносять н ши одинокія дѣвушки и покинутыя жен чтобы понять ихъ положеніе, когда имъ к жется, что у нихъ задумываютъ вырвать из рукъ и то малое средство на добываніе хлѣб которое онѣ себѣ едва-едва добыли, благодар

усиліямъ участливыхъ людей отходящей поры. Безпокойство женщинъ поддерживаетъ совсѣмъ не целибатная теорія безмужія, какъ думаютъ люди, которые не знаютъ жизни.

«Замужъ выходить готовы почти всѣ, но не всѣмъ это удается. Женскія заботы о правѣ на трудъ въ большинствѣ случаевъ поддерживаютъ соображеніе чисто экономическаго свойства: жизнь стала очень трудна, мужчины все болѣе и болѣе избѣгаютъ женитьбы, которая для многихъ стала не по средствамъ, и дѣвушкамъ волею-неволею приходится самимъ о себѣ заботиться. Слѣдовательно надо приспособляться къ новому положенію,—надо учиться. При этомъ, къ чести нашего времени, женщинамъ не хочется видѣть себя на «распутіи», а хочется прожить, обходя тѣ унизительныя положенія, которыя начинаются обожаніемъ, а кончаются обыкновенно отверженіемъ... Женщины чрезвычайно чутки ко всему, что ихъ касается, и легко приходятъ въ безпокойство, когда ихъ пугаетъ неблагопріятное мнѣніе объ ихъ правахъ на трудъ. Оттого въ совершенныхъ женскихъ и мужскихъ осужденіяхъ такъ много шума и страстности, что отъ ихъ избытка страдаетъ смыслъ. А потому теперь не безполезно будетъ людямъ услыхать на этотъ счетъ слово такого лица, которое не можетъ быть заподозрѣно ни въ какомъ современномъ сторонничествѣ, и кото-

рое по своему умственному значенію стоитъ, по крайней мѣрѣ, не ниже того, кто «возжегъ огонь» нынѣшняго спора».

Это «лицо» тогда былъ, во мнѣніи Лѣскова, Н. И. Пироговъ, организовавшій во время крымской войны женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы, признавшій за женщинами не только техническую помощь, но огромное нравственное вліяніе на дирекцію всего госпитальнаго корпуса во время войны и боровшійся за сохраненіе женскаго надзора надъ госпиталями, вѣрившій одинаково и въ критическій разсудокъ женщины, и въ ея научное образованіе, и чувствительное сердце. Примѣръ Крестовоздвиженской общины «сестеръ милосердія» въ Севастополѣ, во главѣ съ Пироговымъ и мнѣніемъ послѣдняго въ письмѣ его къ Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ о благотворномъ вліяніи женскаго участія въ «противленіи злу», Лѣсковъ на протяженіи всей статьи о «Загробномъ свидѣтелѣ за женщинъ» противоставляетъ Л. Н. Толстому.

«Это вліяніе, говоритъ онъ, состояло въ неуклонномъ, твердомъ и настойчивомъ «противленіи злу». Раненыхъ обкрадывали и морили безкормицей и недостаткомъ лекарствъ. Допущенныя въ помощь раненымъ женщины «воспротивились» этому злу и измѣнили картину госпитальныхъ бѣдствій въ пользѣ пре-

терпѣвшихъ солдатъ и къ неудовольствiю чиновниковъ, для которыхъ «непротивленiе злу» ихъ было бы гораздо выгоднѣе и прiятнѣе. Къ счастiю страдальцевъ, Великая Княгиня Елена Павловна и Пироговъ «противились злу». Враги новизны были поборниками идеи «непротивленiя злу». Аскоченскiй стоялъ за то, что не надо ничего «разсказывать» и цитировать Сираха: «аще дунешь — возгорится, аще же плюнешь—погаснетъ».

Мнѣнiе Пирогова о правоспособности русской женщины къ равноправной съ нами дѣятельности Лѣсковъ считаетъ полезнымъ для провѣрки тѣхъ положенiй, которыми графъ Л. Николаевичъ Толстой обезкураживаетъ нашихъ учащихся дѣвицъ и безмужнихъ женщинъ.

«Въ лицахъ монахини-смутьянки и невѣжды-монаха Пироговъ даетъ отпоръ положенiю графа Толстого, будто женщину довольно научить только тому одному, что графъ въ нынѣшнемъ его настроенiи почитаетъ вполнѣ достаточнымъ для образованiя ума и сердца женщины».

Вооружаясь такимъ образомъ противъ Л. Н. вообще и въ частности противъ его статьи «О женщинахъ», Лѣсковъ въ то же время писалъ «Богобоязненнаго скомороха», который былъ напечатанъ въ мартѣ 1887 г. въ Историческомъ Вѣстникѣ» подъ заглавiемъ «Ско-

морохъ Панфалонъ» и въ которомъ Лѣсков не подозрѣвая самъ, шелъ за Толстымъ и с прикасался съ нимъ въ весьма существенных пунктахъ его ученія о праведности человѣк Съ появленія въ печати «Панфалона» начи нается собственно сближеніе Лѣскова съ Л. Н Толстымъ и потому представляется интере нымъ передать содержаніе «Скомороха Па фалона» въ краткихъ словахъ для ознакомл нія съ почвой, на которой, повидимому, Лѣ ковъ и Толстой впервые стали симпатизиро вать другъ другу въ вопросахъ о праведн кахъ христіанскаго толка.

Для полноты совершенствованія, патриці Ермій роздалъ свое имущество нищимъ и сам ушелъ спасаться въ пустыню. Его отшельни ческое самолюбіе было вполнѣ удовлетворен всеобщимъ признаніемъ его святости. Но этом «самомнѣнію» святого старца былъ нанесен страшный ударъ грѣшникомъ «Памфалономъ скоморошничавшимъ съ нечестивыми и отсту павшимъ всякій разъ отъ Бога, когда тот былъ всего ближе къ нему. Заработалъ, напр «Скоморохъ» большія деньги и хотѣлъ прекр тить увеселять постыдными играми богатых людей. Онъ намѣревался жить на скромны средства и молитвами къ Творцу загладит свое прошлое. Но какъ разъ, когда спасені было такъ близко, къ нему пришла нѣкогд гордая своей чистотой Магна и сказала ем

что ея дѣтей, за долги мужа, продаютъ скопцамъ, а ее самою въ рабство къ кредитору. Она готова принадлежать скомороху, если онъ дастъ ей денегъ на выкупъ дѣтей. Изъ любви къ дѣтямъ, она рѣшилась на то, что дѣлала и «Прекрасная Аза», послѣ спасенія ею посторонняго ей человѣка потерею всего своего состоянія и потомъ женскаго стыда... По этому случаю Лѣсковъ говоритъ:

«Радуйся, Магна! ты сегодня обрѣла то одно, чего тебѣ во всю твою жизнь недоставало. Ты была чиста, но гордилась своей непорочностью, какъ твоя мать; ты осуждала другихъ падшихъ женщинъ, не внимая, чѣмъ онѣ доведепы были до паденія. Это ужасно, и вотъ теперь, когда ты сама готова пасть и знаешь, какъ это тяжко, теперь твоя противная Богу гордость сокрушилась, и теперь Богъ сохранитъ тебя чистой. Надменная сила твоя отлетѣла, и теперь ты спасена за признаніе своей немощи».

Скоморохъ отдалъ ей безкорыстно всѣ свои сбереженія и пошелъ опять къ мірянамъ скакать, плясать, пѣть, гадать и грѣшить въ ночныхъ потѣхахъ. А отшельникъ Ермій отказался отъ самомнѣнія и смирился передъ «Скоморохомъ Памфалономъ».

Посылая этотъ разсказъ для напечатанія его въ «Историч. Вѣст.», Лѣсковъ писалъ къ г. Шубинскому слѣдующее:

«Повѣсть изъ Прологовъ кончилъ и ею доволенъ. Источникъ фабулы *не* указываю. Повѣсть вышла въ родѣ Толстого, Льва, но болѣе въ родѣ Флобера «Искушеніе св. Антонія». называется она такъ:

Боголюбезный Скоморохъ. Стародавняя повѣсть.

«Перечиталъ и изучилъ для нея не мало и воспроизвелъ картину столкновенія благороднаго сердца съ фетишизмомъ и ханжествомъ. Душа моя и вкусъ этимъ утѣшены. Цензурно вполнѣ. Откуда взято—не узнаютъ, пока сами не скажемъ. Въ повѣсти о скоморохѣ *нѣтъ ничего религіознаго* — до того, что даже не упоминается ни про евангеліе, ни про церковь, ни про попа, ни про діакона, ни про звонаря. Словомъ—нѣтъ ничего относящагося къ церкви, а только *сюжетъ заимствованъ*. Живетъ скоморохъ, хочетъ исправиться, но не можетъ, потому что увлекается состраданіемъ къ несчастнымъ, а въ концѣ ему говорятъ, что ему уже и исправляться не въ чемъ. Даже запаху ладаннаго и того нѣтъ, а есть просто очень любопытная повѣсть, написанная съ изученіемъ и стараніемъ».

Кто вчитывался въ позднѣйшія произведенія Л. Н. Толстого, тотъ не можетъ не замѣтить во многомъ ихъ сходства съ разсказомъ о «Скоморохѣ Памфалонѣ». Неудивительно,

что Лѣсковъ, вслѣдъ за напечатаніемъ «Скомороха», писалъ къ Шубинскому.

«Л. Н. Толстой говорилъ о Памфалонѣ съ похвалою самою теплою. Очень, очень его одобряетъ. Ал. Серг. Сув. былъ у него за день ранѣе меня и меня помянулъ тамъ... «Скомороха» общество возлюбило. Левъ Толстой благословилъ, критика хвалитъ и говорятъ, будто художники готовятъ картину на выставку, гдѣ изображенъ скоморохъ».

Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Лѣсковъ презрительно отзывался объ умѣ Л. Н. Толстого въ своей статьѣ: «Загробный свидѣтель за женщинъ», а теперь онъ самъ дорожитъ добрымъ отзывомъ Толстого о «Скоморохѣ Памфалонѣ». Если иногда внезапная вражда открываетъ намъ очи на вчерашнихъ друзей, то и зарождающееся дружелюбіе можетъ привести къ истинѣ: оно также побуждаетъ вдумываться въ то, что начинаешь любить... На этой почвѣ Н. С. Лѣсковъ быстро долженъ былъ замѣтить общую съ собою въ Л. Н. Толстомъ склонность къ установленію основъ нравственной философіи для руководства ими въ нашей практической жизни. Во всю свою жизнь Лѣсковъ постоянно былъ увлекаемъ на проповѣдь христіанскихъ истинъ. Похвалы Л. Н. Толстого, по поводу «Скомороха», побудили Лѣскова задуматься глубже надъ позднѣйшими произведеніями Толстого

и заняться изученіемъ ихъ. Нужно-ли теперь говорить, что все прошлое Лѣскова подготовило его къ полной солидарности съ яснополянскимъ мудрецомъ? Преклоненіе передъ нимъ было, слѣдовательно, такимъ-же органическимъ и искреннимъ чувствомъ въ Лѣсковѣ, какъ и его непріязнь въ 60-хъ годахъ къ крайностямъ и рѣзкостямъ переходного времени. Толстой мощно повернулъ Лѣскова на его прямую дорогу... Онъ пошелъ по ней до самой могилы, сохранивъ къ Л. Н. Толстому обожаніе въ такой степени, что не позволялъ даже упоминать при себѣ имени Толстого съ похвалою: «это не цыганская лошадь, чтобы его нахваливать...» Трогательно было видѣть въ старомъ литераторѣ это увлеченіе другимъ писателемъ и исповѣданіе имъ его ученія. Едва ли мнѣ придется еще въ жизни наблюдать другой болѣе умилительный примѣръ изъ литературной жизни, такъ называемаго «братства» писателей и высокаго ихъ почтенія другъ къ другу. У меня имѣются письма Лѣскова къ одной даровитой писательницѣ, въ которыхъ онъ изливаетъ свои чувства къ Толстому и самъ исповѣдуется въ драгоцѣнныхъ для оцѣнки его духа и сочиненій словахъ. Онъ пишетъ, отъ 1 іюня 1893 г.:

«У меня есть къ Вамъ просьба, къ которой я прошу у Васъ «снисхожденія по человѣчеству» и вразумительнаго слова. Не знаю,

замѣчено Вами или нѣтъ, что въ числѣ различныхъ придирокъ ко мнѣ со стороны газетъ было не разъ выражено, что я усиливаюсь какъ бы равняться съ Л. Н. Толстымъ? Такъ какъ Вы читаете газеты, то я думаю, что Вы этого не могли не видѣть. Ко всякой клеветѣ въ печати я давно пріученъ, но эта клевета была мнѣ все таки чувствительна, такъ какъ мнѣ не хотѣлось играть пошлой роли по отношеніи Л. Н., но я понимаю, что изъ устъ нѣкоторыхъ газетчиковъ это не опасно: они только и дѣлаютъ, что выискиваютъ, чѣмъ бы человѣка обидѣть, приписавъ ему что либо пошлое и мало ему свойственное. Желаніе вспирать себя до несравнимой высоты можно во мнѣ сочинить безъ всякаго повода съ моей стороны. Потому это меня и не безпокоило. Спокойствіе еще болѣе было укрѣплено во мнѣ тѣмъ, что никто изъ общихъ знакомыхъ не замѣчалъ мнѣ, что я стремлюсь въ знаменитости и выравниваю себя по линіи къ Толстому. И я все думалъ, что никто не можетъ видѣть во мнѣ того, чего во мнѣ нѣтъ и чего я никогда не потерпѣлъ бы въ себѣ. Къ утвержденію меня въ этомъ еще болѣе послужили неловкія, но искреннія слова «Нов. Вр.», что я «*слѣдую* за Толстымъ». Это и правда: я сказалъ и говорю, что я давно искалъ того, чего онъ ищетъ, но я этого не находилъ, потому что *свѣтъ мой слабъ*. Зато, когда я уви-

дѣлъ, что онъ нашелъ искомое, которое меня удовлетворило,—я почувствовалъ, что уже не нуждаюсь въ своемъ ничтожномъ свѣтѣ, а *иду за нимъ* и своего ничего я не ищу и не показываюсь на видъ, а *вижу все при свѣтѣ его огромнаго свѣточа.*

«*Никто* и никогда не слыхалъ отъ меня иного, и Богъ, имени котораго я не назову напрасно, видитъ, что я не ищу никакой извѣстности или такъ называемой «славы», которая мнѣ и не дорога, и не мила, и не нужна. Если было что нибудь въ этомъ недостойномъ родѣ, то это было очень давно, и я съ терзаніемъ вспоминаю какъ это ужасно и стыдно, и я думалъ, что теперь во мнѣ этого уже нѣтъ... Я даже былъ въ этомъ увѣренъ, но, вѣроятно, я ошибаюсь и во мнѣ, вѣроятно, остается то самое, что я ненавижу и чего я такъ избѣгаю и чѣмъ ужасно огорченъ и смущенъ. Открыли мнѣ это Вы: разъ Вы мнѣ сказали: «Я боялась и васъ, но вы... извините меня: вы все таки не Толстой»... Это меня ужасно смутило: я подумалъ себѣ: что это? Зачѣмъ мнѣ говорятъ, что я «все таки не Толстой»? И я не могъ ничего отвѣчать Вамъ, и Вы видѣли мое смущеніе и прибавили, что я «тоже» что-то значу, «но не то, что Толстой». Я былъ пораженъ этими словами и долго думалъ: что могло ихъ вызвать у умной и сердечной женщины, кото-

рая пришла навѣстить меня больного? Это уже не критикъ дурного тона, для котораго не нужно ничего, кромѣ внутренней само-давлѣющей злобы... Безъ сомнѣнія, должно же быть видно во мнѣ что-то такое, что даетъ указанія на мое высокое мнѣніе о себѣ и о желаніи равняться съ Толстымъ. Это меня мучило дни и ночи и самымъ желательнымъ объясненіемъ я себѣ могъ придумать, что, можетъ быть, у Васъ есть привычка сказать человѣку что нибудь колющее и досаждающее. Мнѣ стало думаться, что это возможно, и я успокоился за себя и думалъ спросить Васъ когда нибудь,—когда это будетъ удобно, чтобы Вамъ не показалось за обиду; а между тѣмъ Вы предупредили меня, и въ послѣднее наше свиданіе Вы опять мнѣ сказали, чтобы я не думалъ о себѣ много. Это уже совершенно меня смутило: что же это можетъ значить? Безъ сомнѣнія, во мнѣ есть что-то чрезвычайно противное и кидающееся въ глаза своею претензіозностью. И отчего же мнѣ никто этого не сказалъ по дружески, такъ, чтобы я могъ это въ себѣ исправить; а самъ я этого *не вижу*, и все такъ и буду носиться съ этою мерзостью. Иначе, конечно, Вы не нашли бы никакой нужды напоминать мнѣ о моей неважности, и сдѣлали это только по добротѣ или потому, чтобы наказать мое самолюбіе для моей же пользы. Но такъ какъ это мнѣ

все таки непонятно, потому что я *не вижу* (хочу, но не нахожу), въ чемъ проступаетъ наружу моя мучительная и противная ошибка! Прошу Васъ объ этомъ горячо, искренно и усердно: это мнѣ нужно «паче поста и молитвъ», ибо я не хочу раздражать и смущать людей и затмѣвать послѣднiй свѣтъ въ собственныхъ глазахъ моихъ. Поступите со мною «по человѣчеству», какъ христiанка: скажите мнѣ, въ чемъ грѣхъ мой, которымъ я вызвалъ у Васъ слово.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

«Умоляю Васъ не забывать, что состоянiе души моей *мучительно*. Иначе бы я не сталъ писать къ Вамъ это письмо».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 8 iюня того же года, онъ пишетъ тому же лицу:

«Надо начинать съ того, что «хвалиться своими чувствами», и я надѣюсь имѣть на этотъ разъ передъ Вами всѣ преимущества, ибо мнѣ несравненно легче любить и уважать Васъ, чѣмъ Вамъ питать тѣ же чувства ко мнѣ. И я хорошо и полно пользуюсь выгодами моего положенiя: я уважаю въ Васъ то, что мнѣ кажется прекраснымъ, и люблю Васъ такъ, какъ могъ бы любить «ангела»—существо, которое много меня чище, выше и открытѣе Богу. Чувство это мнѣ мило, дорого и полезно, ибо я знаю, что Вы любите добро,

и зло не можетъ съ вами уживаться. Во мнѣ же любить нечего, а уважать и того менѣе: я человѣкъ грубый, плотяной и глубоко падшій, но не спокойно пребывающій на днѣ своей ямы. Лучшаго во мнѣ ничего нѣтъ, а за это уважать нельзя. Когда Вы меня крестили, и я съ благодарностью и уваженіемъ поцѣловалъ Вашу руку, какъ руку матери, сестры, христіанки или ангела, я принялъ отъ Васъ благословеніе, какъ дитя, а надлежало бы, чтобы прежде Вы приняли на себя бремя моихъ грѣховъ, выслушали бы мою исповѣдь и *тогда бы* подали свою руку, чтобы благословить меня... Л. Н. иногда такъ исповѣдуется съ тѣми, къ кому позоветъ духъ, и это прекрасно; но я думаю, что если бы я могъ сказать Вамъ, какъ я гадко жилъ, то Вы, быть можетъ, не перекрестили бы меня, а осудили бы на эпитимію, которой я не въ состояніи еще исполнить и тогда мнѣ было бы еще тяжелѣе. Такъ Вы, пожалуйста, не говорите, что Вы меня «уважаете», а вмѣсто того не кидайте мнѣ камня, когда я прошу у Васъ хлѣба... Я Васъ прошу указать мнѣ мой скрытный порокъ, вызывающій у людей извѣстное проявленіе справедливаго негодованія, а Вы мнѣ пишете, чтобы я не обижался, и что я когда-то самъ говорилъ о Толстомъ «съ восхищеніемъ»... Ну что это за пустяки! Я ни мало и ни за что на Васъ не обижался, а

Толстой есть для меня моя святыня на землѣ:— «священникъ Бога живаго, облекающійся правдою»... Неужто Вамъ опять показалось, что я могу его ревновать и желать самъ при немъ что нибудь значить! Онъ просвѣтилъ меня, и я ему обязанъ болѣе, чѣмъ покоемъ земной жизни, а благодѣяніе его удивительнаго ума открыло мнѣ путь въ жизни безъ конца, путь, въ которомъ я путался и непремѣнно бы запутался, а Вы думаете, что меня можно обидѣть, сказавъ мнѣ: «а вы, однако, не Толстой!» Я не только «однако, не Толстой», но я *совсѣмъ* не близокъ къ нему, но *его разумѣніе* мнѣ понятно, и я, перечитавъ горы книгъ извѣстнаго рода, нашелъ толкъ и смыслъ *только въ этомъ разумѣніи*, и въ немъ успокоился и свой фонаришко бросилъ... Онъ теперь мнѣ уже не годится: я вижу яркій маякъ и знаю, чего держаться, а если не управлю, то это уже не отъ недостатка свѣта, а отъ немощей глазъ и рукъ нашихъ. Недостатки, любя человѣка, надо ему ихъ указывать любовно, и Вы мнѣ разъ указали одну мою ошибку, и я сейчасъ ее почувствовалъ и рѣшилъ ее оставить, и мнѣ это было отрадно и полезно; другую Вы даже не высказали (портретъ Молоха), но я самъ при Васъ ощутилъ, что это дурно, и застыдился Васъ и опять себя исправилъ. Такъ дѣйствуетъ любовь, и я не боюсь говорить Вамъ, что Васъ я люблю и уважаю

очень, «какъ ангела», а Ваше самолюбіе считаю чертовскимъ и оно мнѣ «преогорчеваетъ». Это гниль на хорошемъ плодѣ. Что же Вы не хотите сказать: чѣмъ я раздражалъ Вашу этику и эстетику и за что Вы давали мнѣ «ассаже»? Не сказалъ же я Вамъ: «а Вы, однако, не Сталь», или «Вы еще не Жоржъ Зандъ». Я Вамъ этого не сказалъ, потому что въ Васъ нѣтъ никакой фанфаронады, а во мнѣ она, безъ сомнѣнія, есть! И Вы ее видите и правильно гнушаетесь ею, но указать мнѣ на нее не хотите... Такова Ваша любовь ко мнѣ, мой жестокій ангелъ! Проясните лицо свое и обличите меня, чтобы я не таскалъ на себѣ своего «эфіопа».

Затѣмъ 23 іюля онъ пишетъ тому же лицу:

«Читалъ одну изъ книгъ Л. Н—ча. Онъ желаетъ, чтобы я написаяъ ему «впечатлѣніе», но я этого сдѣлать не способенъ и не буду. Пріятель мой что-то было начерталъ, но я его отговорилъ, ибо почитаю это за несвоевременное и безполезное. Притомъ я думаю, что все это, что намъ приходитъ на умъ, уже побывало не разъ въ несравненно болѣе совершенномъ и сильномъ умѣ Л. Н—ча. Я весь на сторонѣ автора и никакими деталями не смущаюсь. Это дѣлано на тѣхъ «иже хощетъ совершенъ быть», а не на «простую челядь», которая хочетъ «небесная улучить, не погубляя земнаго житія сладости». А изъ этого «за-

проса», конечно, могутъ и должны быть уступки,—что и намѣчено, съ указаніемъ любимой моей мысли, что отступающій отъ истиннаго пути не долженъ, однако, себя оправдывать, а долженъ «самъ быть не на своей сторонѣ»; Разгромъ и распластаніе всего внѣшняго, подмѣнивавшаго сущность жизни, произведены съ страшною силою и яркостью молніи, раздирающей ночное небо. Порою мы кончали страницу и сидѣли какъ пораженные громомъ. Чтецъ читалъ мужественно, но не разъ очень блѣднѣлъ. До 8-й главы это все такъ было какъ сначала, но съ 8-й тонъ повышается и 9-я, 11-я и 12-я силы необычайной и удивительной. Экземпляръ у меня будетъ, и я Вамъ дамъ его прочесть, хотя собственно я не понимаю: зачѣмъ Вы хотите это читать. Для Васъ тамъ есть мѣсто очень непріятное и весь духъ сочиненія совсѣмъ Вамъ противный и даже *„укоризненный“*. Человѣкъ, остающійся въ общеніи съ «infamoю» гораздо легче можетъ читать все, что написалъ объ «инфамѣ» Вольтеръ, чѣмъ читать это какъ «молотъ кованнаго слова». Остается одно изъ двухъ: или подать руку автору и отвернуться отъ «инфамы», или идти назадъ и просить защиты отъ этого автора, которому не было и нѣтъ равнаго по силѣ и рѣшительности. Изъ этой диллемы выскочить невозможно, если только нѣтъ охоты *себя дурачить*. Зачѣмъ этимъ инте-

ресоваться, если выводъ ни на что не нуженъ. Это одно безпокойство и разслабленіе себя въ томъ самомъ, на чемъ надо всего крѣпче себя основать, чтобы «не принести безумія Богу своему».

Произведеніе Л. Н. Толстого по государственнымъ и церковнымъ вопросамъ въ такой степени отвѣтствовало настроенію Лѣскова, что тотъ только о немъ и говорилъ со своими друзьями, о немъ переписывался, приглашалъ ихъ на чтенія его къ себѣ въ Меррекюль и т. д. Изъ моей личной переписки объ этомъ времени съ Николаемъ Семеновичемъ имѣется слѣдующее его письмо изъ Меррекюля ко мнѣ отъ 22 іюля 1893 года:

«Гости мои разъѣхались. Теперь я одинъ съ Варей и въ ближайшихъ дняхъ никого предположительно къ себѣ не ожидаю. А потому, если Вы въ Петербургѣ и свободны, и не оставили своего добраго намѣренія навѣстить меня, то милости прошу Васъ пожаловать ко мнѣ, поотдохнуть въ тишинѣ и свѣжести Меррекюля. Я только что окончилъ чтеніе новаго сочиненія Л. Н. Т. по рукописи, назначенной для англійскаго перевода. Это трудъ 4-хъ лѣтъ, очень большой, около 700 стр. и очень могучій».

При свиданіи, конечно, этотъ «могучій» трудъ Лѣсковъ перечитывалъ со мной и комментировалъ его по нѣсколько разъ и всегда

по новому... Вѣдь онъ читалъ всякую книгу своеобразно: прочтетъ ее вмѣстѣ съ вами, но толкуетъ и передаетъ все по своему. Большинствомъ всякая книга бываетъ только усвоена, а въ Лѣсковѣ она возбуждала творчество, цѣлый рядъ самостоятельныхъ, новыхъ мыслей и соображеній. Какъ не «могучъ» Л. Н. Толстой, но онъ, по моему наблюденію, не подавлялъ Лѣскова, а заставлялъ послѣдняго жить одной съ нимъ общей жизнью и истолковывать ее свободно.

Такимъ образомъ Л. Н. Толстой формулировалъ всѣ жизненныя впечатлѣнія Лѣскова въ духѣ христіанскаго ученія, и оно стало ближе и обязательнѣе послѣднему. Онъ уже не можетъ отрѣшиться въ своихъ произведеніяхъ отъ того, что принято теперь называть «толстовствомъ». Таковы его «Дурачекъ», «Фигура», «Часъ воли Божіей», «Полунощники» — словомъ, весь XI томъ его сочиненій. Въ частной своей жизни онъ проповѣдуетъ вегетаріанство, воздержанность и простоту въ образѣ жизни. Съ грустью говорилъ онъ, указывая рукой на стѣны своего кабинета:

— Вѣдь можно было-бы и безъ всего этого прекрасно жить... Безъ этихъ картинъ, бездѣлушекъ, статуэтокъ! Все это стоитъ много рабочаго времени и лучше-бы я его употребилъ на дѣла милосердія. Кто нибудь сказалъ бы мнѣ за это спасибо, а теперь умру — все

это пойдетъ маклакамъ на толкучку... Вѣдь тутъ и золото, и рѣдкій фарфоръ, и дорогіе оригиналы. Стоило это много денегъ и заботъ, за которыя были бы благодарны многіе люди, не имѣющіе хлѣба или средствъ учиться. Необходимо отказаться отъ этого ненужнаго украшенія своего жилища, въ которомъ всѣ мы гости, для добрыхъ дѣлъ, связывающихъ насъ съ вѣчностью. Много выиграемъ!

«Толстовизмъ» послѣднихъ лѣтъ въ Лѣсковѣ принималъ характеръ опеки надъ всѣми, кто съ нимъ соприкасался. На мое письмо изъ деревни Псковской губерніи о томъ, что тамъ прекрасная охота на лѣсную дичь и, сверхъ того, мѣстное населеніе сохранило любопытные для писателя нравы временъ Нестора: «заломъ», «пережинъ» и т. д., Лѣсковъ въ письмѣ, отъ 5 августа 1894 г., писалъ мнѣ:

«Письмо Ваше отъ I/VIII получилъ. Очень радъ, что Вы отдыхаете. Возращаться въ Пб. думаю 15—17 VIII. «Злой забавѣ» (охотѣ съ ружьемъ) не сочувствую и не радуюсь. Касьянчикъ говорилъ правду: это не можетъ жить въ сердцѣ рядомъ съ милосердіемъ. «Подпольничество» не составляетъ ничего новаго. Все это есть у Мельникова и поминается у всѣхъ семинарскихъ профессоровъ. Новаторство можно искать только у раціоналистовъ, которыхъ, я думаю, нѣтъ въ краю, который

Вы посѣтили. «Заломы» и «пережины» *) древнѣе самаго христіанства въ Россіи: это явленія *языческія*, которыя и порицали Кириллъ Туровскій и другіе. Смотрите объ этомъ у Сахарова въ его книгѣ о «суевѣріяхъ русскаго народа». Чувствуется уже приближеніе осени. О здоровьѣ мнѣ и говорить надоѣло».

Рѣчь «о милосердіи» все чаще и чаще раздается въ рабочемъ кабинетѣ Лѣскова и отражается не только на его посмертныхъ произведеніяхъ, но и по поводу событій изъ общественной и европейской жизни. Когда Казиміръ Перье добровольно отказался отъ власти президента французской республики, восторгамъ Лѣскова не было конца.

— Прекрасно! Прекрасно! повторялъ онъ. Ничего даже страннаго нѣтъ... Богатый человѣкъ, независимый депутатъ—не хочетъ вдругъ управлять дикими людьми... Нужны и для этого отмѣнно-высокія качества души. Желаніе

---

*) „Заломы" дѣлаются въ ржаномъ полѣ въ видѣ закрученныхъ колосьевъ ржи и заломанныхъ вверху въ узелъ, на подобіе мышинаго гнѣзда. Если жница срѣжетъ серпомъ „заломы", то ея тѣло будетъ ломить и въ хозяйствѣ пойдетъ разстройство. „Пережинъ" — это срѣзанные колосья поперекъ нивы. Если жница перейдетъ во время работы „пережинъ", то потеряетъ во всемъ „мѣру": то, что дѣлала она прежде въ часъ, теперь не сдѣлаетъ и въ два; прежде она была сыта отъ извѣстнаго количества пищи, а теперь съѣстъ болѣе, и все-таки голодна и т. д. Таково, по мнѣнію народа, вліяніе „залома" и „пережина", если своевременно не позвать на ниву священника для молебствія. См. объ этомъ въ книгѣ: „Мои мужики". Разсказъ: „На охотѣ".

управлять людьми свидѣтельствуетъ отсутствіе вкуса...

По этому поводу, незадолго до смерти, 5 янв. 1895 г., онъ писалъ С. Н. Шубинскому:

«Какъ странно, что всѣ говорятъ господину Перье то же самое, что говорилъ дьяволъ Христу, а тотъ отвѣчаетъ въ Христовомъ духѣ: «отойди отъ меня, сатана!» и никто не замѣчаетъ этого удивительнаго размѣщенія ролей міръ, какъ и въ оны времена, весь за одно съ дьяволомъ: «иди повелѣвать», а избранный духъ одинъ чувствуетъ волю Бога, «да не будетъ тако». Чувствуется Богъ!

Теперь слѣдуетъ сказать, что этотъ «избранный духъ» несомнѣнно отразился на произведеніяхъ Лѣскова, чѣмъ и объясняется все болѣе и болѣе увеличивающаяся популярность его въ русскомъ обществѣ. Этотъ «избранный духъ» жилъ въ Лѣсковѣ и тогда, когда Лѣсковъ исповѣдывалъ его со словъ странствующей съ нимъ по монастырямъ его бабушки; и тогда— когда Лѣсковъ спорилъ съ «редстокистами» и героями «Некуда», и тогда, когда онъ сошелся съ Л. Н. Толстымъ.

VII.

Болѣзнь Н. С. Лѣскова.—Черты его характера.

Послѣдніе годы Николая Семеновича прошли въ страданіяхъ, по опредѣленію врачей, грудной жабой (angina pectoris); онъ испытывалъ

постоянно ея приступы. Но лѣто 1894 года значительно поправило его здоровье и онъ былъ неузнаваемъ осень и зиму того-же года. Онъ ежедневно принималъ у себя не только близкихъ ему по убѣжденіямъ людей, но и всякаго посторонняго, имѣвшаго къ нему дѣло или желавшаго съ нимъ просто познакомиться. Всѣ знали его старую болѣзнь, но видя его безъ грѣлокъ и всевозможныхъ флаконовъ съ растворомъ ментола и т. д., начинали вѣрить, что онъ можетъ прожить еще смѣло пять — десять лѣтъ. А онъ все-таки восклицалъ даже въ лучшія минуты самочувствія:

— Охъ, эти крутыя ребра!.. Никогда нельзя за нихъ поручиться! Не знаешь, когда и гдѣ тебя схватитъ приступъ грудной жабы и задушитъ. Всегда нужно опасаться ее. Такая эта болѣзнь... Доктора ничего въ ней не понимаютъ. Если я умру, то пусть меня вскроютъ и что-нибудь извлекутъ изъ этого для науки. У меня, на всякій случай, сдѣлано и распоряженіе о вскрытіи моего тѣла послѣ смерти.

Но эти разговоры о смерти, столь частые въ 1893 году, въ началѣ 1895 года стали рѣже. Никто уже не ожидалъ, что дни его были сочтены. Такимъ онъ былъ хорошимъ на видъ, бодрымъ духомъ и ласковымъ, привѣтливымъ въ обращеніи съ людьми. Прежде опасно было сказать, что у него хорошій или дурной видъ.

— Тольло полиціи нуженъ мой видъ!—перебивалъ онъ сочувствующаго по неопытности гостя и рѣзко прекращалъ разговоръ о здоровьѣ.

Теперь онъ спокойно замѣчалъ:

— Мое здоровье въ такомъ удовлетворительномъ видѣ, что можно, по крайней мѣрѣ, о немъ не думать и не говорить. Найдется что-нибудь поинтереснѣе.

И это правда: гости говорили у него обо всемъ, часто за полночь, и самъ хозяинъ больше всѣхъ говорилъ и горячился. Къ нему уже давно стало ходить нѣсколько лицъ прямо таки на бесѣды и поученія. Старикъ радовался, что онъ можетъ съ ними вмѣстѣ думать и, какъ бы завѣщать имъ, помнить свои мысли.

— Около мудрецовъ,—говорилъ онъ неоднократно,—всегда были люди, которые записывали ихъ взгляды и сберегали ихъ такимъ образомъ потомству. Домашніе и друзья вели журналъ всему, что думалъ и дѣлалъ мудрый человѣкъ. Вотъ истинное почитаніе его духовнаго міра и проповѣдуемыхъ имъ истинъ!

Дѣйствительно, кто изъ посѣщавшихъ за послѣднее время Н. С. Лѣскова не помнитъ «зимныхъ дней» и вечеровъ въ его обществѣ? Они полны были высокихъ думъ и благороднаго энтузіазма человѣка, сознающаго, что дѣло идетъ къ вечеру и остается немного у

насъ времени видѣть и слушать его. Никто не ожидалъ, однако, какъ мало оставалось его, какъ тяжело будетъ потерять навсегда не только крупнаго беллетриста, но еще болѣе мудраго человѣка, не менѣе замѣчательнаго въ частномъ разговорѣ, чѣмъ и въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ. Да, Николай Семеновичъ въ разговорѣ былъ замѣчателенъ, и его живое общество было одно наслажденіе. И внѣшность его, съ крупными, энергичными чертами лица, и выразительныый, внятный голосъ—обращали вниманіе на говорившаго въ какое бы собраніе людей онъ ни попадалъ. Маркузе вспоминаетъ о немъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ слѣдующихъ словахъ: «Николай Семеновичъ Лѣсковъ всегда сохранялъ и въ позѣ и въ разговорѣ нѣкоторую сановитость и торжественность, сознаніе своей возвышенной миссіи никогда его не покидало и какъ-бы отмѣчало его полную въ то время фигуру, съ грузною, прочно покоившеюся на широкихъ плечахъ и короткой шеѣ головою, надъ которой вздымалась всклоченная гуща темныхъ волосъ, печатью извѣстной маститости, или «генеральства», какъ принято называть теперь эту черту въ манерахъ нѣкоторыхъ литераторовъ съ именемъ или съ вѣсомъ». Въ обществѣ или у себя дома эта оригинальность, однако, ничего не имѣла у него въ себѣ отталкивающаго или недоступнаго.

Даже его кабинетъ, слишкомъ пестро убранный, примирялъ съ собою тѣмъ, что каждая въ немъ мелочь, какая-нибудь фотографія или бюстъ великаго человѣка, были любопытны по содержанію и воспоминаніямъ. Въ двѣнадцатомъ томѣ его сочиненій имѣется гравюра его «Рабочаго кабинета», на которой изображенъ длинный письменный столъ Николая Семеновича рядомъ съ мягкимъ диваномъ и стуломъ стариннаго типа. Подъ столомъ лежитъ коврикъ изъ крымской овцы. Противъ письменнаго стола стѣна была увѣшана «Мадонной» Боровиковскаго и другими картинами, среди которыхъ выдѣляются лики Христа, апостоловъ, портреты Толстого, Гладстона, Дарвина и въ самомъ углу комнаты стоитъ портретъ польской патріотки Маріи Плятеръ. Многочисленные, однако, портреты самого Н. С. Лѣскова, имѣвшіеся у него, мало похожи на него и между собою, сильно отличаются одинъ отъ другого, несмотря на короткіе между ними промежутки времени. Лучшій изъ нихъ тотъ, который приложенъ нами къ этой книгѣ, а другой писанъ Сѣровымъ въ 1893—94 г. Онъ виситъ въ галереѣ Третьякова въ Москвѣ. Здѣсь тоже очень вѣрно схвачены типичныя черты писателя, несмотря на то, что въ этотъ періодъ времени онъ усиленно страдалъ припадками грудной жабы. Выраженіе лица его, въ общемъ самоувѣренное и смѣлое, мѣнялось еже-

минутно, то вспыхивая гнѣвомъ, то необыкновенной нѣжностью и деликатностью чувствъ. Имѣя большое сходство съ Герценомъ по слiянiю беллетристическаго таланта съ критическою мыслью—Лѣсковъ былъ олицетворенiемъ того, что онъ называлъ «томленiемъ духа» въ человѣкѣ. Трудно передать на портретѣ душевныя черты этого типа. Часто утромъ Лѣсковъ выглядѣлъ однимъ человѣкомъ, а вечеромъ — другимъ. Стоило встрѣтить ему на улицѣ бывшихъ товарищей по ученому комитету министерства народнаго просвѣщенiя, онъ возвращался домой уже недовольнымъ, сердитымъ и весь вечеръ посвящалъ воспоминанiямъ о томъ, какъ либералы считали его консерваторомъ, а консерваторы—нигилистомъ. Сложный внутреннiй мѣръ его отражался и на его бесѣдахъ съ людьми. Краткая и образная рѣчь, сопровождаемая кипучимъ сочувствiемъ или гнѣвомъ—подавляла слушателя и со стороны ума, и чувства. Не расплываясь и всегда сохраняя единство темы, Лѣсковъ обогащалъ память разговаривающихъ съ нимъ лицъ обилiемъ фактовъ, анекдотовъ и мыслей вокругъ одного ядра и содержанiя. Полное соотвѣтствiе формы съ идеей сообщало его бесѣдамъ художественный характеръ, а терпимость къ репликамъ сближала съ нимъ его собесѣдниковъ по товарищески. Удивительно ли, что онъ привязывалъ къ себѣ людей и властво-

валъ ими? Сомнительно, чтобы онъ самъ въ токой же степени отдавался людямъ; но тѣмъ не менѣе онъ былъ доступенъ для нихъ во всякое время и любилъ входить въ ихъ нужды, хлопотать и устраивать чужія дѣла.

Если это дѣлалось нѣсколько шумно и преувеличенно, то происходило это вслѣдствіе горячаго и безпокойнаго темперамента покойнаго, а главное — много-ли у насъ людей, съ крупнымъ литературнымъ именемъ, готовыхъ удѣлить постороннимъ людямъ свое время и и заботы? А Н. С. Лѣсковъ подымалъ на ноги всѣхъ своихъ знакомыхъ, когда они были нужны для оказанія кому-либо помощи. Еще за двѣ недѣли до своей смерти онъ говорилъ объ одной дѣвушкѣ, держащей экзаменъ на домашнюю учительницу и неимѣвшей десяти рублей для взноса на этотъ предметъ.

— Спрашиваю: почему вы обратились ко мнѣ?

— Вы — литераторъ... Не такъ совѣстно. Скорѣе поймете. Я совсѣмъ безъ денегъ.

Я знаю и болѣе серьезные случаи, когда Николай Семеновичъ не только могъ предложить нуждающему человѣку ежедневно свой собственный обѣдъ, но и поставить его вполнѣ на ноги. Онъ самъ, между прочимъ, разсказалъ въ очеркѣ: «Дама и Фефела» («Русск. мысль» 1894 г. № 12) случай, какъ, при его помощи, жена покойнаго литератора изъ «Фе-

фелъ» устроила на жертвованныя деньги прачешную и прекрасно жила потомъ собственнымъ трудомъ. Драгоцѣнна была въ Лѣсковѣ его всегдашняя находчивость помочь человѣку «на первое время», какъ онъ говорилъ.

— Вѣдь иному не въ чемъ пойти просить себѣ мѣста. Весь оборванный. Другому обѣщали мѣсто черезъ двѣ недѣли; надо-же ему гдѣ-нибудь кушать... Отказываютъ въ эти минуты только тѣ, кто не «не можетъ», а не хочетъ помочь ближнему.

Однако, не смотря на свою всегдашнюю готовность помочь «на первое время», Лѣскова мало кто считалъ добрымъ человѣкомъ. Точно предчувствуя это, покойный писатель говорилъ о себѣ:

— Я живу не скуповато, а живу, какъ хочу; а помогаю — какъ могу... Развѣ лучше совсѣмъ отказывать? Это говорятъ только тѣ, кто самъ никогда не зналъ, какъ важно въ трудную минуту пообѣдать на чужой счетъ и провести ночь въ чужой квартирѣ. Я и не практикъ, и не изъ разсчетливыхъ людей, продолжалъ онъ.—Если я не устраиваю теперь у себя кормленье гостей по вечерамъ, а угощаю ихъ чаемъ, то это не изъ разсчетливости, а просто мнѣ перестало нравиться видѣть у себя буфетъ, да и прислугу жаль безпокоить до полночи... Такъ и во всемъ остальномъ. Живу—какъ хочу!

Поэтому очень странно читать у г. Шляпкина (Рус. Стар. 1895 г. № 12) о томъ, что «нужда положила отпечатокъ на характеръ Н. С.: онъ былъ очень бережливый, экономный человѣкъ относительно стола и платья». Можно подумать, что Н. С. плохо ѣлъ, плохо одѣвался, имѣлъ плохо мебливанную квартиру и т. д.; между тѣмъ, извѣстно, какъ разъ обратное.

— Я не люблю только портить свой бюджетъ долгами и не дѣлаю ихъ, говорилъ Лѣсковъ, и—при всемъ этомъ онъ охотно помогалъ деньгами, перепиской, рекомендательными письмами, ручальствами за честность человѣка, самолично хлопоталъ о мѣстахъ и доставалъ ихъ для впавшаго въ нужду человѣка.

Въ жизни близкихъ ему людей его участіе иногда бывало менторскимъ, но всегда изъ самыхъ благородныхъ побужденій, вполнѣ отвѣчающихъ его позднѣйшему направленію. При этомъ мнѣ хочется разсказать не столько личный эпизодъ изъ моей жизни, сколько весьма характерный для Н. С. Лѣскова: какъ онъ относился къ людямъ, впавшимъ въ гнѣвъ и раздраженіе противъ ближняго своего. Онъ узналъ, что у меня могла состояться дуэль съ однимъ господиномъ изъ за спора о литературѣ, во время котораго мы взаимно оскорбили другъ друга.

Послѣ сильной вспышки гнѣва, я не могъ не чувствовать тотчасъ же и глубокаго стыда за всю исторію, свидѣтельствующую нашу полную неспособность къ самообладанію, чтобы во время прекратить непріятный разговоръ... Къ этому внутреннему стыду невольно присоединялась и непривычка въ спокойномъ состояніи духа поднять вооруженную руку на кого-бы то ни было... Въ груди закипало желаніе мести за неприкосновенность личности, но съ этимъ кипучимъ желаніемъ уже боролись культурныя чувства и, главнымъ образомъ, стыдъ за все происшествіе изъ за пустяковъ...

Когда до Лѣскова дошли объ этомъ слухи онъ сдѣлалъ мнѣ любопытный допросъ:

— Такимъ образомъ, спрашивалъ онъ; ссора произошла изъ-за мнѣній? Онъ не увозилъ у васъ ни дочери, не клеветалъ на вашу жену и не пустилъ по міру обманнымъ образомъ чьихъ либѣ сиротъ?... Отлично! Но въ спорѣ о «Современникѣ» вы довели его до бѣшенства и сами сдѣлались такимъ же. Это хорошо? А если вы были болѣе хладнокровны, а онъ полезъ на стѣну, то кто же довелъ его до этого состоянія? Вы сдѣлали его невмѣняемымъ, отвѣчали ему тѣмъ же и теперь хотите еще застрѣлить его. Вотъ вся и исторія, какъ она мнѣ представляется. Иначе ее и трактовать нельзя. Вы съ самаго начала виноваты тѣмъ, что сдѣлали въ спорѣ своего

товарища звѣремъ, особенно, если онъ менѣе и компентентенъ въ спорѣ. Согласитесь съ этимъ или я съ вами не знакомъ... Нужно-же предъявлять намъ другъ къ другу отвѣтственное поведеніе, чтобы пользоваться уваженіемъ. Ну, вотъ я радъ, что вы взволнованы и теперь рѣшите: можно ли, провинившись такъ передъ Христомъ, закончить глупую ссору съ товарищемъ убійствомъ его или собственнымъ? Никакого милосердія у васъ нѣтъ въ сердцѣ къ людямъ! Подумайте, что, кромѣ васъ обоихъ, много постороннихъ людей измучается изъ за васъ... Или объ этомъ не надо думать? Лишь бы сорвать сердце на ближнемъ! Личная честь въ этой исторіи проявляется въ томъ, чтобы вы оба въ отвлеченномъ спорѣ стали безобразниками и теперь хотите сдѣлаться еще убійцами уже передъ цѣлымъ обществомъ... Нечего сказать, умно! Какое милосердіе другъ къ другу! Да, постыдитесь же... Какже, послѣ этого, вѣрить въ просвѣщеніе, если оно ни къ чему возвышенному не обязываетъ насъ и въ спорѣ о литературѣ мы хватаемся за ножи и не можемъ оставить ихъ даже на другой день. Побольше милосердія въ сердцѣ своемъ и вы будете сразу правымъ въ моихъ глазахъ. Рѣшайтесь и пишите сейчасъ же при мнѣ письмо о томъ, что всю эту глупую исторію слѣдуетъ не развивать до убійства, а необходимо прекратить умно и поучительно для себя.

Кто знаетъ, какимъ сильнымъ характеромъ и даромъ слова обладалъ Лѣсковъ, тому не покажется удивительнымъ, что и мнѣ сообщилось его настроеніе, въ которомъ я и до сихъ поръ не раскаиваюсь. Непріязненный мнѣ человѣкъ, убѣдившись съ теченіемъ времени, что наша ссора вызвана была его же собственнымъ непониманіемъ моихъ словъ, подошелъ ко мнѣ первымъ и мы помирились. Если я вспомнилъ этотъ эпизодъ, то исключительно для того, чтобы показать участіе Лѣскова къ жизни постороннихъ ему людей и его умѣнье отрезвлять каждаго изъ нихъ высшимъ духомъ, которымъ онъ самъ весь горѣлъ и который одинъ былъ ему дорогъ въ его друзьяхъ.

VIII.

Н. С. Лѣсковъ и Государственный Контролеръ Тертій Ивановичъ Филипповъ.

За нѣсколько дней до смерти, Н. С. Лѣсковъ имѣлъ весьма характерное свиданіе съ Государственнымъ Контролеромъ Т. И. Филипповымъ. Это свиданіе вполнѣ отвѣчаетъ внутренней жизни Лѣскова за послѣдніе годы.

Онъ былъ одно время въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Тертіемъ Ивановичемъ. Неудивительно, что до вліянія Л. Н. Толстого, Лѣсковъ многими своими мыслями о церкви и государствѣ былъ милъ и Т. И. Филиппову,

и И. Д. Делянову и др. Еще въ 1863 году, по порученію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, Н. С. Лѣсковъ былъ командированъ въ городъ Ригу для изслѣдованія мѣстнаго раскола. Его записки «О раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ» представляютъ собою цѣнный трудъ, хотя уже въ немъ авторъ высказываетъ гораздо болѣе терпимости къ чужой совѣсти, чѣмъ Т. И. Филипповъ въ проектируемыхъ послѣднимъ клерикальнаго характера народныхъ школахъ. Предлагая для раскольниковъ города Риги школы для первоначальнаго обученія, не смѣшанныя съ православными, какъ лучшее средство для желаемаго сліянія раскола съ православіемъ, Лѣсковъ для торжества самаго дѣла пишетъ, что не слѣдуетъ «обученіе священной исторіи по избранному руководству возлагать ни на какое духовное лицо, а пусть ему учитъ тотъ же учитель. Мудрость очень небольшая, и въ новую ересь никто не впадетъ отъ чтенія библейскихъ и евангельскихъ исторій. По крайней мѣрѣ, въ школѣ этого не случится, а за школой можетъ быть все, и отъ этого не упасешься». Для раскольничьихъ дѣтей, поступающихъ въ среднія и высшія учебныя заведенія, онъ требовалъ таковаго же «независимаго положенія отъ православнаго законоучителя, въ какомъ находятся дѣти лютеранъ,

католиковъ, кальвинистовъ и вообще христіанъ неправославнаго исповѣданія, обучающіяся въ русскихъ гимназіяхъ, лицеяхъ и университетахъ». Самъ Лѣсковъ чрезвычайно былъ начитанъ по церковнымъ вопросамъ, и, конечно, это сближало его съ Т. И. Филипповымъ. Лѣсковъ даже напечаталъ въ 1879 году въ типографіи императорской академіи наукъ такъ называемую «Указку въ книгѣ Новаго Завѣта», въ которой суммированы параграфы разныхъ главъ изъ евангелистовъ на особыя темы подъ заглавіями: «Покаяніе», «Милосердіе къ ближнимъ», «Прощеніе обидъ», «Осужденіе», «Лицемѣріе», «Зерно горчичное», «Таланты» и т. д.

Въ концѣ того же 1879 года, Н. С. Лѣсковъ дѣлалъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія (см. журналъ отъ 4 октября 1879 г., за № 387) докладъ: «О преподаваніи Закона Божія въ народныхъ школахъ», гдѣ, возбудивъ вопросы о томъ, начинать ли преподаваніе Закона Божія съ катехизиса, съ молитвъ или съ священной исторіи, онъ стоитъ за допущеніе свѣтскихъ учителей къ преподаванію Закона Божія, особенно послѣ того, какъ, выслушавъ докладъ Лѣскова, особый отдѣлъ ученаго комитета пришелъ къ заключенію, что «въ приходахъ съ густымъ православнымъ населеніемъ число священниковъ больше числа училищъ; при всемъ томъ

въ нѣкоторыхъ училищахъ не оказывается законоучителей-священниковъ, и необходимо употребить особыя побудительныя мѣры къ тому, чтобы священники не уклонялись отъ преподаванія Закона Божія»... Словомъ, Н. С. Лѣсковъ въ первые годы своего знакомства съ Филипповымъ долгое время работалъ въ одной и той же церковной сферѣ, хотя съ несомнѣнными признаками разногласія, но своими «Соборянами» и «Запечатлѣннымъ ангеломъ» совершенно покорилъ Филиппова.

Николай Семеновичъ неоднократно показывалъ мнѣ визитныя карточки къ нему Филиппова, Делянова и другихъ лицъ, всякій разъ прибавляя:

— А теперь они мною пренебрегаютъ... Видно, и я чѣмъ нибудь былъ недоволенъ ими, если мы разошлись. Я долгое время работалъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, пока Тертій Ивановичъ Филипповъ и Деляновъ, одни изъ первыхъ, не признали мою литературную дѣятельность крайне нежелательной и настояли на моемъ увольненіи съ государственной службы.

Враждебныя чувства между Лѣсковымъ и бывшими его единомышленниками продолжались долго, и я неоднократно слышалъ отъ сына Лѣскова, Андрея Николаевича, то, что его отецъ особенно бывалъ въ семьѣ вспыльчивымъ и рѣзкимъ въ тѣ дни, когда встрѣчалъ на улицѣ

или въ книжномъ магазинѣ Тертія Ивановича Филиппова.

Я зналъ это нерасположеніе Лѣскова къ лицамъ, съ которыми въ прошломъ онъ дѣлилъ хлѣбъ-соль... Вотъ почему я былъ крайне удивленъ, когда за нѣсколько дней до своей смерти, Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня на порогѣ своей квартиры восклицаніемъ:

— Знаете, кто былъ у меня сейчасъ... передъ вами?.. Тертій Ивановичъ Филипповъ!

Пока я раздѣвался въ передней, Лѣсковъ возбужденно продолжалъ:

— На порогѣ этой комнаты онъ стоялъ и говорилъ: вы меня примете, Николай Семеновичъ?

— Ну, и вы видѣлись?

— И мы видѣлись... Я сказалъ ему: «прошу, войдите въ комнату», и тотчасъ же самъ сталъ посрединѣ кабинета, не дѣлая шага къ нему на встрѣчу.

Лѣсковъ изобразилъ предо мною позу, въ которой онъ стоялъ у себя въ кабинетѣ и ждалъ Т. И. Филиппова, пока прислуга помогала послѣднему раздѣваться въ передней.

— Я,—продолжалъ онъ:—не зналъ, чѣмъ объяснить этотъ визитъ и какъ мнѣ себя держать, и что говорить съ государственнымъ контролеромъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ и, приблизившись ко мнѣ, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, Николай Семеновичъ, мириться... Я

прочиталъ вновь ваши произведенія, и меня вдругъ потянуло къ вамъ. Сегодня прощеный день, и если я чѣмъ виновенъ передъ вами, то простите меня. Если уже мириться, то мириться по-настоящему»... Онъ вдругъ опустился на колѣни вотъ здѣсь, посреди этого самаго кабинета...

— Неужели?

— Да, представьте мое положеніе?! Я, впрочемъ,—продолжалъ Лѣсковъ,—быстро сдѣлалъ то же самое... Мы обнялись, поцѣловали другъ друга и заплакали. Я уже не помню, какъ мы сѣли за письменный столъ. Но я былъ счастливъ, когда онъ говорилъ мнѣ: «Я вновь перечитывалъ васъ и когда читалъ, мнѣ вспоминалось все, что вы вытерпѣли, и я почувствовалъ потребность вновь васъ видѣть». Я благодарилъ и искалъ предмета для разговора. Противъ насъ на столѣ у меня стояли портреты: Гладстона, Л. Толстого, Дарвина, и снимки съ картинъ Н. Н. Ге. Вѣдь ему всѣ они противны! И вдругъ я почувствовалъ, что хоть опять становись на колѣни; что вотъ сейчасъ намъ не о чемъ будетъ говорить. За послѣдніе годы мы ушли въ разныя стороны такъ далеко, что не умѣемъ вернуться даже ко дню смерти. Я вспомнилъ, что онъ интересовался когда-то соборнымъ дѣломъ въ церковныхъ вопросахъ, и мы разговорились. Наконецъ добрались и до литературы.

— Слыхалъ, — произнесъ я: — вы не чуждаетесь писателей и принимаете ихъ на службу. Отвѣтъ государственнаго контролера дышалъ благородствомъ, когда онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Писателю, дорожащему своей независимостью, трудно жить литературой, когда самой литературы-то нѣтъ, и все литературное идетъ на убыль... Языкъ не повернется противъ нихъ, если кто нибудь запасется мѣстечкомъ въ сто-двѣсти рублей и не съ пустымъ желудкомъ понесетъ рукопись къ нашимъ редакторамъ. Вѣдь даже Шевченко сочинялъ стихи, а жилъ часто перепискою нотъ...»

Тутъ я воодушевился и воскликнулъ:

— Но общество-то наше какое! Оно не сознаетъ значенія для себя литературы и не дорожитъ писателемъ въ учрежденіяхъ. Есть какой-то департаментъ у Синяго моста, гдѣ, говорятъ, ютятся немногіе изъ насъ; но и это кому-то мѣшаетъ, и въ нѣкоторыхъ газетахъ уже прокричали, что это славянофильскій департаментъ, а не чиновничій. Экое горе для газетъ!—подумаешь. Въ департаментѣ сидятъ литераторы! Три... четыре... да и обчелся! Но и на этомъ спасибо... Все-таки вкусъ въ комъ-то тамъ есть, на верху: имѣть дѣло не съ одними приказными, а и съ писателями. А ущербъ казнѣ произойти едва ли можетъ... Вознагради прилично писателя на службѣ, и

онъ займется ею старательно, и съ толкомъ, не опасаясь, что ему придется десятки лѣтъ ждать прибавки жалованья и т. д. Сомнѣваться въ его способностяхъ не представляется нужды. А то, вѣдь, тоже наши меценаты опредѣлятъ писателя на службу съ окладомъ, котораго едва хватаетъ на овсянку, да и забудутъ, что курьеръ заработаетъ больше разносомъ пакетовъ. При этомъ условіи еще удивляются, отчего это писатели плохіе работники на службѣ! Я, вѣдь, самъ служилъ и знаю этотъ взглядъ о писателяхъ на государственной службѣ. Хорошо еще, что гдѣ-то ихъ терпятъ... Точно дѣятельность въ литературѣ ничего не стоитъ для государственныхъ интересовъ; точно какой нибудь секретарь и дѣлопроизводитель — болѣе полезный членъ государства! Я радуюсь, Тертій Ивановичъ, что вы дорожите литературными людьми въ вашихъ бюрократическихъ берлогахъ. Пора въ такой мало культурной странѣ, какъ Россія, цѣнить писателя выше чиновника и принимать его на службу, не жалѣя денегъ и не сомнѣваясь въ томъ, что государство выиграетъ и въ частности, и въ общемъ, если литературные люди войдутъ въ его учрежденія и салоны. Не страшиться надо литераторовъ, а манить къ себѣ. При всѣхъ ихъ недостаткахъ, литературная среда все-таки умная среда и уже, конечно, честнѣйшая изъ всѣхъ остальныхъ.

Хотя въ послѣдніе годы своей жизни Николай Семеновичъ и осуждалъ пребываніе литераторовъ на государственной олужбѣ, говоря, что двумъ богамъ нельзя служить, что «музы ревнивы», и что «совмѣстительство» всегда вредно для мысли; но онъ на этотъ разъ видимо былъ доволенъ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ за терпимость къ литераторамъ и всячески старался похвалить его за это.

Отъ нервнаго возбужденія Лѣсковъ долженъ былъ нѣсколько минутъ отдохнуть и потомъ опять продолжалъ разговоръ.

— Говорю я такъ съ нимъ о литературѣ и чувствую, что скоро уже и не о чемъ будетъ говорить... Не много намъ жить остается, а говорить не о чемъ... Грустно! Оживлялся я, когда вспоминалъ, что вѣдь другіе и этого не сдѣлаютъ: не придутъ мириться ко мнѣ. Враговъ у меня всюду много, а вотъ только одинъ понялъ меня и пришелъ утѣшить. Много ли даже въ литературѣ-то найдется лицъ, перечитывающихъ меня въ настоящее время, чтобы судить болѣе правильно обо мнѣ и прійти ко мнѣ съ миромъ? Много ли? А, вѣдь, меня мѣшкомъ по головѣ не били, и не хуже я этихъ другихъ въ русской литературѣ. Вѣдь черезъ пять-шесть десятковъ лѣтъ люди будутъ только читать наши книги, а не партійные счета. Желалъ бы я знать, много ли та-

кихъ книгъ у моихъ враговъ уцѣлѣетъ для потомства... Очень желалъ бы! Вѣдь это все одна письменность!.. Нужно же правду говорить, и о себѣ я скажу, что за послѣднее время настоящую литературу дѣлали Толстой, Тургеневъ и я... Многіе писатели дали намъ широкія полотна русской жизни съ большими фигурами, но они не умѣли открывать обществу новые горизонты, новыя направленія и вести его за собою къ опредѣленному идеалу. У насъ онъ былъ. Не люблю я говорить о себѣ, а если придется къ слову, то и меня въ родины мамка на полъ головой не роняла.

Лѣсковъ поспѣшилъ вернуться къ прерванной темѣ, такъ какъ дѣйствительно о себѣ лично онъ всегда говорилъ только въ связи съ общимъ интересомъ,

— Вотъ такъ мы съ Тертіемъ Ивановичемъ многого касались понемногу... Онъ даже выразилъ надежду видѣть меня у себя.

— Я никуда не хожу—отвѣчалъ я... Подыматься тяжело по лѣстницѣ.

— О, я не высоко живу. Нѣсколько ступеней.

— Да, нѣтъ.. Вообще вы живете для меня высоко!

Мой гость засмѣялся и не обидѣлся на мою откровенность. Я очень взволнованъ его визитомъ и радъ. По крайней мѣрѣ, кланятся будемъ на томъ свѣтѣ.

Лѣсковъ серьозно говорилъ о томъ свѣтѣ и нѣсколько разъ спрашивалъ меня:

— Вѣдь, это хорошо, что мы помирились? Вы какъ думаете?..

— Конечно, хорошо.

— То-то! Я тоже думаю, что хорошо. Пусть молодые люди учатся у стариковъ прощать обиды другъ другу и привѣтствовать въ себѣ радость и миръ.

— А только не думаете вы,—продолжалъ Лѣсковъ:—что это могло быть у него въ прощеные дни масляницы простымъ византіизмомъ?

— Будемъ лучше думать по-хорошему.

— Вѣрно! Лучше буду вѣрить, что онъ оцѣнилъ меня самого, и мои произведенія потянули его ко мнѣ... Жить намъ немного остается, и ему также захотѣлось приготовиться къ тому, какъ намъ встрѣтиться въ иной жизни. Вѣдь сколько тамъ встрѣчъ ожидаетъ насъ, и какія интересныя встрѣчи!

Къ этимъ словамъ Н. С. Лѣскова слѣдуетъ добавить то, что, спустя нѣсколько дней, 21 февр. 1895 г., Лѣсковъ дѣйствительно скончался, и, разумѣется, его примиреніе съ Т. И. Филипповымъ было одною изъ послѣднихъ радостей его земной жизни.

IX

Смерть Лѣскова.—Духовное завѣщаніе. — В. Михневичъ, Д. Минаевъ и Л. Г, изъ „Сѣвер. Вѣстн."—о Лѣсковѣ.

Въ ночь на 21 февраля онъ умеръ, какъ желалъ, безъ страданій, тихо задремавъ на диванѣ. Утромъ его зарисовалъ художникъ, а затѣмъ, была снята фотографія. Покойный лежитъ на диванѣ: голова—на нѣсколькихъ высокихъ подушкахъ, одѣяло доходитъ до груди и лѣвая рука протянута впередъ. Точно спокойно заснувшій больной.

Среди бумагъ найдено его завѣщаніе, озаглавленное: «Моя посмертная просьба». Въ немъ сказано:

«1) По смерти моей прошу непремѣнно вскрыть мое тѣло и составить актъ вскрытія. Желаю этого для того, чтобы могли быть найдены причины сердечной болѣзни, которою я долго страдалъ, при общемъ увѣреніи врачей, что въ сердцѣ моемъ не было никакого болѣзненнаго измѣненія.

«2) Погребсти тѣло мое самымъ скромнымъ и дешевымъ порядкомъ при посредствѣ «Бюро погребальныхъ процессій», по самому низшему, послѣднему разряду.

«3) Ни о какихъ нарочитыхъ церемоніяхъ и собраніяхъ у бездыханнаго трупа моего не возвѣщать и гробъ закрыть тотчасъ послѣ

того, какъ туда будетъ положено вскрытое и снова убранное тѣло.

«4) На похоронахъ моихъ прошу никакихъ рѣчей не говорить. Я знаю, что во мнѣ было очень много дурного, и что я никакихъ похвалъ и сожалѣній не заслуживаю. Кто захочетъ порицать меня, тотъ долженъ знать, что я и самъ себя порицалъ».

Въ пятомъ пунктѣ говорится объ имущественномъ раздѣлѣ, при чемъ душеприказчиками назначаются Николай Филиппович Зандрокъ и Захаръ Андреевичъ Макшеевъ, живущій въ Петербургѣ.

«6) Мѣста погребенія для себя не выбираю, такъ какъ это въ моихъ глазахъ безразлично, но прошу никого и никогда не ставить на моей могилѣ никакого иного памятника, кромѣ обыкновеннаго, простого, деревяннаго креста. Если крестъ этотъ обветшаетъ, и найдется человѣкъ, который захочетъ замѣнить его новымъ, пусть онъ сдѣлаетъ и приметъ мою признательность за память. Если же такого доброхота не будетъ, значитъ и прошло время помнить о моей могилѣ.

«7) Если бы, однако, объявились люди, которые захотѣли бы проявить чѣмъ нибудь любовь ко мнѣ, то я отъ этого не отстраняюсь и указываю имъ, что они могутъ сдѣлать для меня отраднаго: я прошу ихъ вспомнить и отыскать дѣвочку, сироту Варвару Иванов-

ну Долину, которую я взялъ безпомощною съ двухъ лѣтъ и воспитывалъ ее и сожалѣлъ ее. Прошу всѣхъ, желающихъ явить свою любовь ко мнѣ — перевести это чувство на бѣдную Варю, которую я любилъ. Прошу помогать ей добрымъ совѣтомъ и участіемъ къ ней, ласкою и утѣшеніемъ, и заботою о ея устройствѣ.

«8) Въ годовщины смерти моей прошу моихъ доброжелателей и друзей освѣдомляться у Н. Ф. Зандрока и З. А. Макшеева о положеніи Вари, и посовѣтоваться, не можетъ ли кто нибудь оказать ей что либо полезное. Кто это сдѣлаетъ, тотъ окажетъ мнѣ наилучшую дружбу, которая будетъ имѣть для меня особую свою истинную цѣну.

«9) Нѣкоторые думали и говорили, будто Варя Долина есть моя дочь. Я не знаю, для чего бы я сталъ это скрывать, но это неправда. Я взялъ ее просто по состраданію, но при ея посредствѣ мнѣ дано было узнать, что своихъ и не своихъ дѣтей человѣкъ можетъ любить совершенно одинаково. Совѣтую испробовать это тѣмъ, кому это кажется труднымъ и маловѣроятнымъ. Это и вѣрно, и легко.

«10) Еслибы обстоятельства показали, что до совершеннолѣтія Вари Долиной, для устройства ея, можетъ имѣть значеніе какая нибудь складчина, то я этому не противорѣчу. Я самъ устраивалъ подобныя дѣла для сиротъ и ду-

маю, что могу принять такое участіе отъ другихъ для призрѣнной мною сироты.

«11) Литературный фондъ умоляю не отказать Варварѣ Долиной въ содѣйствіи къ тому, чтобы она могла докончить свое образованіе въ какомъ возможно заведеніи, соотвѣтствующемъ началу, какое она уже получила. Зандрока и Макшеева прошу узнать, что можетъ быть оказано литературнымъ фондомъ.

«и 12) Прошу затѣмъ прощенія у всѣхъ, кого я оскорбилъ, огорчилъ или кому былъ непріятенъ, и самъ отъ всей души прощаю всѣмъ все, что ими сдѣлано мнѣ непріятнаго, по недостатку любви или по убѣжденію, что оказаніемъ вреда мнѣ была приносима служба Богу, въ коего и я вѣрю и которому я старался служить въ духѣ и истинѣ, поборая въ себѣ страхъ передъ людьми и укрѣпляя себя любовью по слову Господа моего Іисуса Христа».

Приведенная нами посмертная записка составлена Лѣсковымъ еще въ то время, когда онъ только что приступилъ къ изданію полнаго собранія своихъ сочиненій и не зналъ, какъ они будутъ приняты публикой. Онъ самъ не ожидалъ, что русское общество такъ сочувственно отнесется къ итогамъ его литературной дѣятельности. Собраніе его сочиненій, не смотря на дорогую цѣну, разошлось въ теченіе трехъ лѣтъ въ количествѣ 2,000 экз., что̀ дало ему возможность не только прожить

безбѣдно послѣдніе годы его жизни, но обезпечить матеріально свою воспитанницу, которая уже не нуждалась для окончанія своего образованія ни въ частной помощи, ни въ заботахъ литературнаго фонда. Въ «Сѣв. Вѣстникѣ» (апрѣль 1895 г. въ статьѣ Л. Г. «Изъ дневника журналиста)» дается очень любопытная характеристика покойнаго Н. С. Лѣскова.

«Посмертныя распоряженія Н. С. Лѣскова, говоритъ авторъ, необычайно характерны и вполнѣ выражаютъ этого оригинальнаго человѣка съ его сложными, противорѣчивыми настроеніями послѣднихъ лѣтъ. Тутъ отразились и его сознательныя представленія о ненормальности современной жизни, о ея глубокомъ противорѣчіи съ христіанскими идеалами, и его любовь ко всему исключительному, изысканному, и искреннее сознаніе своихъ внутреннихъ противорѣчій, и самолюбивая тревога о томъ, что другіе также понимаютъ и осуждаютъ его несовершенства. Просьба о томъ, чтобы тѣло его непремѣнно вскрыли и изслѣдовали причину его болѣзни звучитъ какой-то мрачной причудой. Въ просьбѣ «погребсти» его какъ можно проще, уклоняясь отъ общепринятыхъ обычаевъ, чувствуется одновременно и духъ раціонализма, духъ убѣжденнаго сектантства и забота о томъ, чтобы послѣдній торжественный обрядъ былъ справленъ по немъ такъ, какъ этого хочетъ его

своеобразная душа. Наконецъ—это завѣщанiе не говорить рѣчей на его могилѣ—отголосокъ его презрѣнiя къ плоскимъ, безсильнымъ и часто по существу комичнымъ словоизлiянiямъ, которыми не рѣдко сопровождаются у насъ торжественныя похороны,—и въ заключенiе—просьба поставить на его могилѣ простой деревянный «крестъ», который—онъ надѣется въ душѣ онъ страстно хочетъ этого—будетъ возобновляться его читателями и почитателями.

«Оригинальный, капризный, мятежный человѣкъ, оригинальный причудливый, мощный и сочный талантъ. Среди нѣсколько безсильной современности, томящейся въ рожденiи новыхъ идеаловъ, онъ жилъ своею обособленной жизнью, полный бушующихъ, тяжелыхъ страстей, не переставая искать какой-нибудь мирной пристани для своей души, для своего безпокойнаго, придирчиваго и сильнаго разума.

«Некрологи большихъ петербургскихъ газетъ, говоря о его мiровоззрѣнiи и жизненныхъ понятiяхъ, подчеркнули, что онъ не былъ — ни либераломъ, ни консерваторомъ, но при этомъ его изобразили, по незнанiю или непониманiю его, какъ человѣка индифферентнаго къ вопросамъ политическимъ или примиряющагося съ тѣмъ, съ чѣмъ борются русскiе либералы. По самой натурѣ своей полной гнѣва и страстей, по складу своего критикующаго злого и сильнаго ума, по духу само-

бытности и сектантской обособленности, онъ не мирился, можно сказать, никогда и ни съ чѣмъ. Онъ не мирился ни съ чѣмъ существующимъ, онъ во всемъ усматривалъ человѣческую глупость или подлость и, высмѣивая глупость, тяжко роптал противъ подлости, волнуясь, задыхаясь и перебивая свои гнѣвныя рѣчи часто повторяющимся у него восклицаніемъ: «о Господи! «о Господи!», въ которомъ слышался вздохъ мятежнаго сердца. Онъ никогда не зналъ душевнаго или умственнаго успокоенія. Онъ громилъ старое отживающее и высмѣивалъ новое, не дожидаясь, чтобы оно принесло свои плоды, не снисходя къ недостаткамъ, свойственнымъ періоду броженія».

Слѣдуетъ сказать, что послѣ смерти Лѣскова въ печати было выражено всеобщее признаніе за нимъ не только крупнаго таланта, но и того, что покойный выше всего цѣнилъ въ людяхъ: это присутствіе крупнаго характера. Г. Михневичъ говоритъ о немъ:

«Въ то время какъ на нашихъ глазахъ очень многіе изъ прежнихъ рьяныхъ ратниковъ и делибашей «крайней лѣвой» въ литературной дружинѣ, принимавшихъ когда-то яростное участіе въ гоненіи нечестиваго автора «Некуда», самое имя его произносившихъ съ брезгливой оговоркой: «съ позволенія сказать», тихимъ манеромъ разоружились, вылиняли, остепенились, а иные догадались приспосо-

биться даже къ сытнымъ казеннымъ хлѣбамъ, какъ иные успѣли совсѣмъ «сжечь корабли» и перескочить легкимъ аллюромъ подъ чужой стягъ или, еще лучше, отречься отъ всякаго,— Лѣсковъ въ послѣдніе годы своей карьеры на столько явно примыкалъ своими симпатіями къ этой самой, отрицавшей его, сторонѣ и настолько безупречно выдерживалъ ея исповѣдное «направленіе», что сталъ желаннымъ гостемъ на страницахъ прогрессивныхъ изданій, при благосклонномъ привѣтствіи еще недавно такой безпощадной къ нему критики: «добро пожаловать!».

Заканчиваемъ эти главы о Лѣсковѣ не лишеннымъ интереса фактомъ. Въ молодости Николай Семеновичъ снялся вмѣстѣ съ Д. Минаевымъ на одной карточкѣ, о чемъ даже иронически упоминаетъ г. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы». Это обстоятельство возбудило тогда злыя насмѣшки со стороны либеральнаго лагеря надъ Минаевымъ, котораго всѣ считали однимъ изъ рьяныхъ дѣятелей либерализма. Минаевъ самъ стыдился этой карточки и сожалѣлъ о сдѣланномъ якобы имъ промахѣ и даже прекратилъ всѣ отношенія къ Лѣскову. Но незадолго до своей смерти Минаевъ измѣнилъ свой взглядъ на Лѣскова и, вполнѣ сочувствуя идеямъ, проводимымъ Лѣсковымъ въ его литературныхъ произведеніяхъ, прислалъ ему

новую свою карточку, съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

„Тому назадъ лѣтъ двадцать пять
Снялись на карточкѣ мы оба,
Хотя пріятельская злоба
Меня старалась осмѣять.
И снова черезъ четверть вѣка,
Вполнѣ успѣвъ тебя понять,
Какъ гражданина, человѣка,
Я сняться радъ съ тобой опять".

Похороненъ Н. С. Лѣсковъ на Волковомъ кладбищѣ. Согласно его волѣ, похороны были самыя скромныя, проводить его въ послѣднее пристанище собрались исключительно лишь ближайшіе друзья и родные...

X.

Литературныя отношенія Н. С. Лѣскова къ журналу «Историческій Вѣстникъ» за періодъ 1880—1895 гг.

Послѣ обличительныхъ романовъ по адресу послѣреформеннаго поколѣнія, Лѣсковъ написалъ уже по другому адресу «Мелочи архіерейской жизни», «Поповская чехарда», «Полунощники», «Чертовы куклы», «Зимній день», «Загонъ» и еще не напечатанный романъ «Зайчій ремизъ».

Чистымъ художникомъ Н. С. Лѣсковъ никогда не былъ, и въ самыхъ лучшихъ его произведеніяхъ, писанныхъ съ большимъ спокойствіемъ духа, нельзя не усмотрѣть горячаго проповѣдника излюбленныхъ имъ взглядовъ на жизнь и людей.

Наиболѣе ярко его посмертное міросозерцаніе отразилось въ XI томѣ его сочиненій.

Вся жизнь его прошла въ безпощадной критикѣ всякій разъ, когда предлагалась программа, не имѣющая почвы ни въ бытовыхъ условіяхъ страны, ни въ личныхъ характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ онъ боролся противъ фальсификаторовъ реальныхъ идей въ романѣ «Что дѣлать»? (См. «Сѣверн. Пчела» 1863 г. № 142); противъ революціонеровъ, которыхъ можно было сосчитать по пальцамъ въ то время, какъ они кричали о готовомъ войскѣ («Овцебыкъ», «Некуда», «Загадочный человѣкъ»); противъ «лепетуновъ» толстовскаго толка, о которыхъ онъ высказалъ свое мнѣніе въ «Зимнемъ днѣ» и т. д. Отрицательная работа Н. С. Лѣскова однако шла всегда рука объ руку съ положительными сторонами въ русскихъ людяхъ, которымъ онъ посвятилъ преимущественно второй («Праведники») и одиннадцатый томы своихъ сочиненій.

Не сомнѣваясь въ значительности вліянія Н. С. Лѣскова на своихъ читателей, хочется думать, что имъ будетъ интересно знать и нѣкоторыя черты его литературной жизни, такъ сказать, у себя дома, за письменнымъ столомъ. Жизнь писателя исполнена не одной славы въ русскомъ обществѣ. Ему приходится часто очень плохо и отъ цензурныхъ условій, и отъ редакторской недогадливости о сред-

ствахъ своихъ сотрудниковъ, и отъ недобросовѣстности критиковъ къ доброму имени писателя и т. д. У меня имѣется по этому предмету любопытная переписка Н. С. Лѣскова къ С. Н. Шубинскому, редактору «Историческаго Вѣстника», въ которомъ Лѣсковъ работалъ съ первыхъ дней его возникновенія по день своей смерти.

Кто знавалъ Лѣскова или любитъ его по произведеніямъ, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ его письма къ С. Н. Шубинскому о повседневной жизни писателя за литературнымъ столомъ. Во многихъ изъ нихъ бросается въ глаза то, что онъ часто торгуется съ редакторами изъ-за гонорара и не въ силахъ удержать самого себя отъ оцѣнки собственныхъ произведеній. Но эти черты въ характерѣ Н. С. Лѣскова свидѣтельствуютъ о томъ, какъ не жирно живется даже крупному писателю, если до старости лѣтъ онъ торгуется съ издателями и энергично отстаиваетъ свое значеніе въ литературѣ противъ враждебныхъ ему со всѣхъ сторонъ отзывовъ тупыхъ лицъ.

Онъ пишетъ къ С. Н. Шубинскому:

Посылаю Вамъ, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, беллетристику въ размѣрѣ $^3/_4$ листа. Она не худа или по крайней мѣрѣ—весела. Писалъ ее не только больной, но почти не *живой*. Мой 1-й докторъ дѣйствительно спло-

ховалъ и когда я, возвратясь отъ Суворина, слегъ и у меня началась лихорадка съ обмороками, то былъ призванъ Мейеръ и нашелъ у меня воспаленіе легкихъ. Вотъ Вамъ и сюрпризъ. Съ этимъ-то,—въ промежутки между леденящимъ ознобомъ и 40 градуснымъ жаромъ и написалъ Вамъ «Мелочи архіерейской жизни» [1]). Ихъ такъ многіе любятъ, что все прочтутъ не безъ удовольствія. Кажется, я былъ и цензуренъ.

Н. Лѣсковъ.

Мая. 1880 г.

Голованъ весь написанъ *вдоль*, но теперь надо его пройти *впоперекъ*. Срокъ Вами мнѣ данный былъ 20-го числа; 21-го можете за нимъ прислать. «Кустарный пророкъ» будетъ готовъ къ 20-му или къ 10-му ноября. Я никогда и никого не доводилъ до затрудненій, а васъ тѣмъ паче. Будьте же покойны. Благодарю Васъ за то, что Вы меня знаете лучше другихъ и въ спорѣ своемъ Вы были правы. Никакихъ обязательствъ съ «Петербургскою Газетою» я не имѣю, а обѣщалъ имъ дать обработаннымъ одинъ *имъ подходящій матеріалъ*, котораго не хотѣлъ понять г. Масловъ [2]).

---

[1]) „Мелочи архіерейской жизни“ частью печатались въ 1878 г. въ газетѣ „Новости“, позднѣе—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

[2]) А. Н. Масловъ завѣдывалъ тогда редакціей „Еженедѣльнаго Новаго Времени“.

Болѣе ничего. Но на работу у меня дѣйствительно есть спросъ по условіямъ для меня болѣе выгоднымъ, только это не въ «Петербургской Газетѣ», а въ „*Р. Рѣчи*“ и въ „*Руси*“, съ которыми мнѣ удобно, потому что я раздѣляю ихъ взгляды на интересующіе меня вопросы вѣры и народности. Вотъ и все.

Всегда Вамъ преданный

Н. Лѣсковъ.

16 октября.

P. S. Два письма Аксакова очень интересны [1]) по его оцѣнкѣ моихъ скромныхъ работкахъ въ Вашемъ «Вѣстникѣ». Ласка идетъ до того, что и говорить застѣнчиво, а гонораръ предоставляетъ самому себѣ назначить свободною рукой, лишь-бы были «Праведники». «Голованъ» однако вышелъ слабѣе другихъ. Надо бы его хорошенько постругать. Не торопите до послѣдней возможности.

1881 г.

Спѣшу увѣдомить Васъ, что статья *готова*. Названіе ея «*Дворянскій бунтъ на Добрынскомъ приходѣ*». Объемъ ровно 2 листа. Написалось, кажется, хорошо — сильно, но цензурно. Выпусковъ не могу потерпѣть никакихъ ни на одно слово. Говорю это впередъ и заранѣе. Вы были не правы и напрасно трусливы въ словахъ объ увольненіи безъ прошеній. Я

---

[1]) Это частная переписка Аксакова съ Лѣсковымъ и не напечатанная гдѣ-либо.

уступилъ и сожалѣлъ, потому что потомъ это все рѣзче еще сказано въ «Новостяхъ» [1]). Теперь есть мѣста сильныя «объ архіереяхъ», но я знаю, какъ это надо сдѣлать, и сдѣлалъ цензурно; но выпускать *ничего* не стану и ни за что, и знаю, что это будетъ *только* трусость. А можетъ быть ее и не будетъ — это лучше. Два дня писалъ и все разорвалъ. Статьи написать не могу, и на меня не разсчитывайте. Я не понимаю, что такое пишутъ. Куда гнутъ и чего желаютъ. Въ такомъ хаосѣ нечего пытаться говорить правду, а остается одно—почтить дѣломъ старинный образъ «святаго молчанія». Я ничего писать не могу.

Всегда Вамъ преданный
Н. Лѣсковъ.

12 марта.

Посылаю къ Вамъ за обѣщанною статьею о Мордвѣ и прилагаю, присланные мнѣ изъ типографіи, оттиски новаго труда г. Майнова. Когда будете посылать въ типографію, сошлите и эту никуда негодную и ровно ничего не стоющую литературу. Тутъ нѣтъ ни только ничего бытоваго и «живаго», но даже ничего, кромѣ примѣровъ и выкладокъ, которыхъ самъ чортъ не свѣритъ. И на что это

[1]) Лѣсковъ уволенъ изъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія „безъ прошенія,“ о чемъ онъ и заявилъ, съ объясненіемъ причинъ, въ свое время въ газетѣ „Новости“.

кому-нибудь нужно? Какой вздоръ, только, не печатается русскими «учеными обществами». Душевное состояніе мое также мучительное, точно я кого отравилъ или сдѣлалъ подлогъ или иную подлость. Не знаю, какъ жить и еще что-то дѣлать.

Н. Лѣсковъ.

11 ноября.

Законами, о которыхъ пишете, я бы могъ, т. е. съумѣлъ бы, заняться, но тоже не хочу. Кажется, это долженъ бы нѣсколько знать Костомаровъ. Семинаристы могутъ знать, да у нихъ всегда отвратительная точка зрѣнія. Я все еще не научился спать, какъ порядочному человѣку слѣдуетъ, а впредь не знаю, что будетъ. Гатцукъ въ дѣлахъ выходитъ просто молодецъ и прелюбезный человѣкъ: вмѣсто отвѣтовъ онъ высылаетъ деньги и проситъ не нудить себя спѣшкою. Это по-человѣчески.

Н. Лѣсковъ.

10 декабря.

1882 г.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» будутъ напечатаны общеинтересныя выдержки изъ частной переписки недавно скончавшагося епископа рижскаго Филарета (Филаретова) съ Н. С. Лѣсковымъ.

Если вы будете помѣщать некрологъ Филарета, то поставьте вышеприведенныя слова

въ концѣ, а иначе поставьте ихъ при оглавленіи статей. Въ письмахъ Филарета ко мнѣ (мы были дружны) я нашелъ много общеинтереснаго и начинаю статью.

Н. Лѣсковъ.

О будущемъ годѣ ничего Вамъ не могу сказать, кромѣ того, что статья по письму Самарина написана, объемъ ея (полагаю) около $4^{1}/_{2}$ или 5 листовъ, а заглавіе ея «Русскіе дѣятели въ остзейскомъ краѣ». Тамъ Суворовъ, Самаринъ, архіереи: Филаретъ Гумилевскій (историкъ), Филаретъ Филаретовъ и Платонъ, нынѣшній митрополитъ кіевскій. Статья живая, полу-историческая, полу-полемическая съ введеніемъ нѣкоторыхъ увеселяющихъ и характерныхъ анекдотовъ.—Вы ее можете получить, когда хотите, но лучше пусть она лежитъ у меня до надобности. Я не могу себя удерживать отъ размышленія о написанномъ и отъ желанія поправлять тамъ то или другое. Впрочемъ можете и взять, если это для Васъ покойнѣе. О письмахъ Филарета Дроздова писать не могу. Надо все это прочитать... Это вѣдь очень работно, а написать для критическаго отдѣла замѣтку лучше съумѣютъ тѣ, кто критикуетъ, не читая.

8-го октября.

Статью Вамъ посылаю. Эта статья мною любимая и сдѣлана съ любовью и тщательно. Она историческая, но пригнана къ вопросу

современному и живому, — о выборномъ началѣ, которое начали ломать и не знаютъ, чѣмъ замѣнить. Самовластіе архіереевъ даетъ плоды, — прихоть приходовъ обнаруживаетъ глупость и незрѣлость общества. Писано все безъ всякихъ тенденцій [1]).

Ставьте ее первую, а «Остзейскую» въ слѣдующія книжки. Въ статьѣ этой по моему около $2^{1}/_{4}$ или $2^{1}/_{2}$ листовъ, прошу Васъ прислать мнѣ записку на деньги *200 руб. именно подъ нее съ поименованіемъ*. Я беру авансъ, но не *долгъ дѣлаю*. Я этого не люблю, и разговоры бываютъ именно отъ того, что статья не поименована. Берется именно подъ данную работу — изъ разсчета за нее долженъ идти и вычетъ по ея напечатаніи. А мало-ли что мнѣ можетъ придуматься еще написать! Какое до того дѣло, когда авансъ лежитъ на другой работѣ *принятой*.

10-го декабря.

1883 г. 25-го января.

Я отдаю Короленкѣ [2]) статью «Русскіе дѣятели въ остзейскомъ краѣ» за 6-ть дней до выпуска февральской книжки. Статья, разумѣется, сдѣлана, какъ могу и какъ умѣю, со всѣмъ стараніемъ. Что она лежала 5 мѣ-

---

[1]) „Поповская чехарда и приходская прихоть“ напеч. въ „Историч. Вѣстн.“ 1883 г. № 2.

[2]) Короленко завѣдывалъ конторой „Историческаго Вѣстника“, однофамилецъ извѣстнаго писателя.

сяцевъ у меня, а не у Васъ,—отъ этого, надѣюсь, она не проиграла. Я видѣлся съ людьми, говорилъ, думалъ и многое совсѣмъ передѣлалъ, какъ указывало уясненіе себѣ этой картины и нравовъ. Не хотите ли Вы маленькую статью *въ листъ* для мартовской книжки—*очень любопытную* по запискамъ Измайлова. Повторяю, *очень любопытная*—о притворщикахъ русскаго патріотизма. Заглавіе «*Сеничкинъ ядъ въ тридцатыхъ годахъ*». Отвѣтьте тотчасъ. Суворину она не годится по направленію и я долженъ ее отдать Нотовичу или Оболенскому. Мнѣ ее очень жаль.

Сегодня получилъ отъ брата покойнаго митрополита Макарія XII томъ исторіи съ надписью: «На память о покойномъ авторѣ», который, оказывается, меня «зналъ и отличалъ». Снова отрадно.

Вчера былъ на большомъ балѣ, гдѣ за ужиномъ Квистъ сталъ разсказывать, какія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» бываютъ превосходныя статьи Л—ва. Былъ сконфуженъ и нѣсколько обрадованъ, что люди насъ знаютъ и во что-то цѣнятъ. Почтенъ былъ общимъ вниманіемъ. И то отрадно.

Очень радъ за Васъ, любезный Сергѣй Николаевичъ, что Вы сподобились гоненія и теперь страждете. Уповаю, что «болѣзнь сія не къ гибели, но наипаче къ прославленію». Хорошо тоже, что это не по «наскучившему»

Вамъ съ Суворинымъ вопросу, гдѣ впутывается скучное духовенство. Подите же, на чемъ споткнулись — на французской революціи [1]).

Получилъ дружественныя письма изъ Кіева, изъ Москвы и изъ Варшавы отъ Щебальскаго. Всѣ говорятъ въ одно: «статья честная и Вы поступили, какъ слѣдуетъ и мужественнѣе многихъ», Вы, только меня осуждали. Докладъ Майкову тоже исполнилъ съ усердіемъ, а золотую медаль, мнѣ слѣдующую, просилъ прямо изъ Министерства отослать въ Орловскую гимназію на помощь бѣднѣйшему ученику, отправляющемуся въ университетъ. Видѣть Васъ всегда очень радъ, да это и легко, такъ какъ я *всякій день* дома съ утра до 2-хъ и 5 до 9 вечера и никогда не велю отказывать, боясь причинить этимъ кому нибудь досаду и неудобства. Да и (бабушка моя говорила) «черезъ то и люди, и дѣти ко лжи пріучаются»... Будьте здоровы и мужественны въ перенесеніи бѣдствій. Ужасна бѣда, которую сдѣлалъ по неряшеству, а когда дѣлаешь, что слѣдуетъ, тогда можно съ достоинствомъ выносить, что пошлетъ Провидѣніе.

Всего Вамъ добраго желаю и радъ, что Вы меня теперь оставили съ приставаніями о «маленькихъ» статьяхъ, которыя отрываютъ отъ большаго и портятъ дѣло.

31-го марта.

---

[1]) Статья была запрещена цензурой.

11

Прежде чѣмъ Вы положили не касаться въ «Историческомъ Вѣстникѣ» вопросовъ церковной исторіи, я взялъ для рецензіи слѣдующія книги:

1) «Житія сѣверно-русскихъ святыхъ, какъ историческій матеріалъ», Яхонтова.

2) «Государственное ученіе Филарета», Н. В.

3) «О свободѣ совѣсти», Кипарисова.

4) «Руководящіе типы», Невзорова.

5) «Эпиктетъ».

Изъ нихъ: 1) «Житія», 2) «Государственное ученіе», 4) «О свободѣ совѣсти» и 4) «Эпиктетъ» разрѣзаны и измѣчены и такъ какъ я уже ихъ прочелъ и положилъ себѣ написать о нихъ для иного изданія, то прошу Васъ приказать снести эти 4 книги со счета «Историческаго Вѣстника» и поставить мнѣ въ мой личный счетъ.

3-го апрѣля.

Пожалуйста, напишите, когда т. е. въ какой день въ недѣлѣ Васъ, навѣрно и непремѣнно, можно заставать дома вечеромъ. Это иначе невозможно. Видѣться и переговорить представляются надобности, а стоять у дверей какъ хотите нельзя. Это просто ужъ и не по лѣтамъ, и не по нраву, ни по приличію, ни почему не идетъ и нигдѣ это не дѣлается и всякъ этого избѣгать станетъ. А что до меня, то это мнѣ рѣшительно не по ха-

рактеру—какъ себѣ хотите. А видѣться нужно бываетъ, чтобы сказать и условиться какая работа заматывается въ умѣ. Иное такъ носишь, носишь да и бросишь. Нельзя же редактору жить въ свѣтѣ «неприступнымъ» постоянно. Вы это чудите что-то. Говоръ такой идетъ, что «что-то секретное дѣлаете»... Это теперь неудобно есть. Будьте дома хоть по воскресеньямъ съ утра до 2-хъ часовъ, ужъ чего еще проще [1]).

15 апрѣля.

Вчера читалъ въ Хлопушкинскомъ кружкѣ.

20 апрѣля.

Посылаю достопочтенству Вашему великую библіографическую рѣдкость — мою записку о расколѣ. Ее желаетъ получить Семевскій и я имѣю основаніе подозрѣвать, что онъ пожалуй на сихъ дняхъ добылъ одинъ ея экземпляръ изъ академіи наукъ (ихъ отпечатано 80 экз. по числу тогдашнихъ членовъ Государственнаго Совѣта и попечителей округовъ. Гдѣ остальные—*неизвѣстно*, можетъ быть, у Головнина). Надо ее напечатать и пожалуй

[1]) Вѣроятно Н. С. Лѣсковъ посѣтилъ С. Н. Шубинскаго въ непріемные часы, когда самъ г. Шубинскій могъ отлучиться изъ дому. Обыкновенно редакторъ „Истор. Вѣстн." принимаетъ много ужъ лѣтъ ежедневно до 12 ч. сотрудниковъ и никто изъ нихъ не жалуется на С. Н. Шубинскаго, въ этомъ отношеніи.

немедленно, можетъ быть, въ іюлѣ. Мой экземпляръ надо *сберечь* и не разрывать его. Пусть такъ и набираетъ не спѣша одинъ наборщикъ прямо съ книги и потомъ книгу эту мнѣ возвратите. Гонораръ желаю самый малый: 50 руб. за листъ. Думаю, что это недорого за эту работу, полную живаго интереса для историковъ и для всего раскольничества. Конечно, нѣтъ необходимости помѣщать всю записку сразу въ одной книгѣ, а можно ее раздѣлить на двѣ по 2 листа. Да добудьте мнѣ, пожалуйста, «Отеческія Записки», гдѣ обо мнѣ писано. Это, можетъ быть, дастъ мнѣ поводъ и охоту написать Вамъ любопытное литературное воспоминаніе: «Исторію романа «Некуда».

23 апрѣля.

Замѣтка о Марко Вовчкѣ была моя и я думаю, что Петровъ ошибается: М. А. не могла быть въ Орловскомъ институтѣ, и ея развитіе всецѣло принадлежитъ ея прекрасному мужу, котораго я очень хорошо зналъ и любилъ, да и обязанъ ему всѣмъ моимъ направленіемъ и страстью къ литературѣ. Онъ давно умеръ... Но на что же Вы будете отвѣчать? Пусть Петровъ разъяснитъ: была ли она въ институтѣ, и очеркнетъ характерную и милую личность «пана Опанаса». Къ осени купилъ у Грота полдюжины карточекъ съ подходящими евангельскими текстами и по-

пытаюсь привести ихъ къ отсутствующему [1]) изъ дома хозяина Вашей квартиры.

23 іюля.

Осенью 1883 г. Лѣсковъ поѣхалъ въ Москву и, по возвращеніи оттуда, тотчасъ же пишетъ Шубинскому.

Вчера я вернулся изъ Москвы, куда ѣздилъ не праздно: сдѣлалъ нѣкоторыя свои книжныя дѣла и кое-что добылъ по части рукописей. Одна покупка есть превосходная. Рукопись попа города Великихъ Лукъ: «Удивительныя новости о семи мудрецахъ» 1702 года. Повѣсти *превосходныя,* Богъ вѣсть съ какого латинскаго оригинала, — всѣ любовныя и дѣйствительно «удивительныя». Напечатаны онѣ нигдѣ не были и я полагаю, что мой экземпляръ есть *уника,* въ чемъ удостовѣряетъ меня и Гатцукъ—хорошій знатокъ старой литературы. Писано все уставомъ съ заставицами и зачальными литтерами. Добра въ нихъ очень много и прелюбопытнаго. Есть и еще нѣчто, но это самое дорогое и по истинѣ *прелюбопытное.*

Каждая повѣсть не болѣе одного листа и читаться будутъ онѣ со смѣхомъ и съ интересомъ. По моему это кладъ для историческаго журнала.

20 октября.

---

[1]) Лѣсковъ опять добродушно остритъ надъ тѣмъ, что онъ можетъ не застать дома С. Н. Шубинскаго.

Вы знаете, что я не ревнивъ къ литературной славѣ своей и не чуждъ способности понимать значеніе обстоятельствъ. Вѣроятно А. С. Суворинъ поступилъ такъ, какъ было необходимо и сдѣлалъ исключенія съ толкомъ. Прошу Васъ, только, прислать мнѣ *для меня* оттискъ статьи, какова она была *безъ исключеній*, и также дать мнѣ такой оттискъ продолженія статьи, которое набрано для декабрьской книги.

Я Вамъ говорилъ, что Вы напрасно держите эту статью до нынѣшняго остраго момента, когда время для тенденціозной лжи, а не для строгой исторической правды, но Вы всегда любите давать предпочтеніе системѣ передъ живыми соображеніями. Что же съ Вами дѣлать.

6. 1 ноября.

1884 г.

Нѣкоторый важный сановникъ пожелалъ продиктовать мнѣ свои воспоминанія изъ царств. Имп. Николая, а другое властное лицо довѣрило мнѣ секретныя бумаги съ тѣмъ, чтобы какъ одними, такъ и другими матеріалами воспользовался «непремѣнно *я самъ и обработалъ бы ихъ собственноручно*».

Диктантъ я весь записалъ съ стенографисткою (двѣ тетради), а секретными бумагами пользуюсь и дѣлаю мои выборки. У Васъ, я слыхалъ отъ Васъ, матеріала страшное

изобиліе и я это вижу и по составу книжекъ чувствую, но (чѣмъ чортъ не шутитъ), можетъ быть, и Вамъ еще какую-нибудь дрянь [1]) «на затычку» надо. Не пожалуйте ли поговорить и повидаться какъ-нибудь около 8 час. вечера до *субботы*... Если же не пожалуете, то я не буду считать себя въ неловкости, что не предложилъ Вамъ того, чѣмъ располагалъ въ историческомъ родѣ. Но чтобы намъ не говорить даромъ, то я впередъ считаю нужнымъ сказать Вамъ, что менѣе 200 руб. за листъ я не могу взять ни одного гроша и то вижу въ этомъ чувствительный убытокъ, т. к. листъ Вашъ на 6 тыс. буквъ больше обыкновеннаго журнальнаго листа, а я съ своего пера живу и дешевить причины не имѣю. Диктантъ мы можемъ у меня просмотрѣть и ознакомиться съ средою, которую объемлетъ воспоминаніе. Первый этюдъ изъ нихъ подъ заглавіемъ: «Слуги воли Монаршей» (особенные довѣренные Госуд. Николая) у меня готовъ и я хочу послать его въ воскресенье Аксакову, т. к. онъ отвѣчаетъ его правильной мысли, что неисполненіе «воли Монаршей» при Николаѣ было *хуже* чѣмъ когда-либо.

7 февраля.

[1]) Лѣсковъ острить здѣсь надъ привычками многихъ редакторовъ жаловаться или хвастаться на обиліе у нихъ матеріала, несмотря на то, что печатаемыя ими въ журналахъ статьи либо составлены по чужимъ книгамъ, либо блестятъ ординарностью взглядовъ.

Я послалъ Вамъ вчера письмо о дѣлѣ, и возвратясь домой, нашелъ у себя Ваше письмо объ обѣдахъ. Очень благодарю тѣхъ, кто обо мнѣ вспомнилъ и поручилъ Вамъ пригласить меня, благодарю и Васъ, что Вы приняли на себя это порученіе. Затѣмъ разумѣется, осталось бы, только, сказать по архіерейски: «благодарю, пріемлю и ничто же вопреки глаголю». Обаче нѣчто нудитъ меня къ иному отвѣту.

Во 1-хъ, я нахожусь въ сомнѣніи: дѣйствительно ли кто-то поручилъ Вамъ «пригласить» меня? Не есть ли это, только, Ваша личная ко мнѣ любезность или, быть можетъ, это товарищеская любезность С. Н. Терпигорева, и во 2-хъ я опасаюсь не сдѣлаю ли я непріятности моимъ присутствіемъ какимъ-нибудь другимъ, менѣе ко мнѣ расположеннымъ членамъ редакціи, изъ тѣхъ, напр., которые имѣютъ достаточныя причины меня презирать и оберегать отъ общенія со мною свое превосходство».

Лѣсковъ.

8 февраля.

Я услыхалъ, что Вы нездоровы и хотѣлъ бы Васъ посѣтить. Въ такомъ ли Вы настроеніи, что пускаете къ себѣ пріятелей или посѣщенія Вамъ теперь сугубо тяжки? Я не хотѣлъ бы сдѣлать Вамъ непріятнаго. Если же Васъ можно видѣть, то когда именно, чтобы, навѣрно, *безъ отказа?* Я все-таки не

могу заставить себя это переносить и, признаюсь Вамъ, идучи къ Вамъ, всегда даю чужія карточки, чтобы отказъ шелъ не мнѣ, а кому-то чужому. Вы такъ и не узнаете, когда я бывалъ у Васъ, а за то имѣете визиты людей, которые въ сущности Васъ не посѣщали. Это лучшее мщеніе, которое я могъ Вамъ измыслить и какъ мой примѣръ увлекаетъ другихъ, надѣюсь, мы Васъ доѣдимъ этимъ способомъ.

Лѣсковъ.

19 апрѣля.

Одинъ изъ старыхъ кадетъ 1-го корпуса сдѣлалъ мнѣ милый подарокъ, снимокъ съ ретушированнаго силуэта бригадира Боброва, о которомъ мы говорили въ «трехъ праведникахъ», прилагаю Вамъ этотъ портретъ «бригадира» и «царя кадетскихъ пироговъ». Не захотите ли Вы его награвировать и приложить къ «Историческому Вѣстнику», прилоложеніе, кажется, было бы милое и очень любопытное, а кадетъ 1 корпуса еще много на свѣтѣ.

Да, не знаете ли Вы, напечатаны ли гдѣ-нибудь двѣ поэмы Рылѣева о Бобровѣ? помнится, будто что-то такое гдѣ-то было. Я ихъ могу имѣть цѣлостью въ рукописи самого Рылѣева, при портретѣ можно бы еще нѣчто прибавить о Бобровѣ.

4 сентября, 1884 г.

Очень радъ, что замѣтка Вамъ нравится. Заглавіе перемѣните. Пусть будетъ: «Одинъ изъ трехъ праведниковъ». Я думалъ, что надо непремѣнно, «къ портрету». Такъ и соедините: вверху крупно поставьте: «Одинъ изъ трехъ праведниковъ», а ниже въ скобкахъ: «къ портрету А. П. Боброва». Это будетъ хорошо. Догадка Ваша на счетъ литографіи б. м. вѣрна и потому вычеркните все, что касается моихъ догадокъ на счетъ портрета китайскою тушью. Это и не важно, но проговариваться и не надо, когда есть сомнѣніе.

28 октября.

Замѣчаніе Ваше о заглавіи не вѣрно. Заглавіе мѣтко и ѣдко. Но, быть можетъ, оно неудобно, предлагаю Вамъ два на выборъ: 1) *„Площадный скандалъ“* или 2) *„Всенародный гросфатеръ“*.

Выбирайте одно изъ трехъ. Далѣе я ничего предлагать не могу и не *желаю*. Я даю заглавіе *по первому впечатлѣнію*. Все, что Вы пойдете выдумывать, будетъ хуже. При несогласіи Вашемъ на одно изъ этихъ заглавій, прошу Васъ немедленно рукопись мнѣ возвратить. Объясненій у насъ на этотъ счетъ, конечно, не будетъ. Деньги мнѣ необходимы, но мнѣ не желательно ходить въ учрежденіе, гдѣ ихъ выдаютъ. А потому, если работы мои Вамъ угодны—прошу Васъ тотчасъ учесть ихъ по таксѣ Вашей можливости и *прислать*

мнѣ деньги, какъ и другіе мнѣ присылаютъ. Деньги я имѣю обычай получать впередъ по учетѣ рукописи и инаго правила держаться не хочу.

«Слова» вычеркивать можете—мысли цѣлыя нѣтъ.

21 декабря.

Простите меня ради праздника, уважаемый Сергѣй Николаевичъ! Въ письмѣ моемъ не было ничего умышленно рѣзкаго, а была м. б. неумѣстная *краткость*, показавшаяся за рѣзкость.

Я всегда готовъ уступить во всемъ требованіямъ редакціи и умѣю ихъ понимать и цѣнить. Но Вы простите за чистосердечіе, владѣете какимъ-то секретомъ... выводить нервныхъ людей изъ послѣдняго спокойствія.— Что такое тамъ нужно «усмирять» — усмиряйте. Кажется, и такъ все смирно. Заглавіе еще одно предлагаю: «Дурной примѣръ». Больше я не могу ничего придумать, все это, по-моему, напрасныя хлопоты.

Декабря, 1884 г.

Новый 1885 г. Ник. Сем. встрѣтилъ повидимому радостно и въ день своихъ именинъ посылаетъ друзьямъ письмо, любопытное по изложенію и подробностямъ его личной жизни. Онъ пишетъ: «День иже во святыхъ отца нашего Николы Студійскаго, Творца иконъ и списателя каноновъ, приходится сей годъ въ

чистый понедѣльникъ (1-й день поста). Празднество будетъ малое, но радушное. Прокофью Герасимову заказаны: 1) Кулебяка съ рыбой и съ грибами, 2) карпъ жареный и 3) форель, соусъ провансаль. Вина русскія, но добрыя;—старыя изъ дорогаго ящика. Потребленіе трапезы начнется въ 12 час. ночи. Съѣздъ и разъѣздъ гостей по ихъ благоволенію. Позовъ посылается сестрѣ моей съ мужемъ, Сергѣю Николаевичу Шубинскому съ Екатериной Николаевной, которая должна бы меня посѣтить, супругамъ Свирскимъ (мужъ артистъ, жена докторъ и другъ мой) и, быть можетъ, придетъ мой сосѣдъ бар. Штромбергъ съ женой!...

27 января.

Препровождаю Вамъ статейку объ архіерейскихъ «нареченіяхъ и хоротоніяхъ», о которыхъ всѣ говорятъ и *никто* ничего основательнаго не знаетъ. Это такъ же любопытно и такъ же безизвѣстно, какъ «чинъ» коронаціи, съ которыми мы познакомили публику и сдѣлали ей тѣмъ удовольствіе. Чинъ *хиротоніи* выдуманъ при Павлѣ и сдѣланъ *въ его вкусъ*. Павелъ велѣлъ его «напечатать и пустить въ народъ», «яко ѳеатръ духовный». Его напечатали въ Москвѣ, въ синодальной типографіи, но потомъ вскорѣ убрали чинъ съ полокъ и его ни за что нельзя стало доставать. Есть два чинка для митрополита да

его протодіакона, которымъ приходится по этой павловской фантазіи дѣйствовать при поставленіи архіереевъ. Я сдѣлалъ оттуда вытяжку и обозрѣніе. Все это вполнѣ цензурно, серьезно и любопытно. Поступайте съ этой статьей какъ хотите и когда хотите, но деньги у меня, по извѣстнымъ Вамъ исторіямъ, льются какъ вода, а потому *въ денежномъ отношеніи* я ждать не могу. Въ статьѣ этой, по моему вѣрному разсчету, есть около листа, а потому пришлите мнѣ авансовую записочку на сто рублей.

Лѣсковъ.

Что же дѣлать?! надо мужественно сносить человѣческія непріятности. Статья была основательна и вполнѣ цензурна. Я понимаю отчасти въ чемъ дѣло: они стыдятся приговора о Верховскомъ... Но я читалъ, какъ это прошло въ газетѣ «*Жизнь*». Я, вѣдь, Васъ не подводилъ и себя не хотѣлъ убыточить. Статья эта *хорошая*, интересная и живая, а на «вѣянія», которыя изъ за угла вѣются, ни у кого отгадки быть не можетъ. Статья эта непремѣнно пройдетъ въ свое время. Прошу Васъ сберечь мнѣ два оттиска. Кстати посылаю замѣтку о 400-лѣтнемъ юбилеѣ учрежденія цензуры.

Лѣсковъ.

Январь, 1885 г.

Препровождаю Вамъ, Сергѣй Николаевичъ, статью для исторіи раскола прелюбопытную. Много лѣтъ идетъ споръ о безпоповскомъ бракѣ, да никто не показалъ *картины* совершенія сего брака. Это здѣсь и предлагается съ воспроизведеніемъ «чина», кажется, до сихъ поръ никому изъ историческихъ изслѣдователей неизвѣстнаго.

Потомъ препровождаю Вамъ и самую рѣдкую *книжицу*, давшую возможность написать эту статью. Прошу Васъ пожертвовать ее отъ меня въ Публичную Библіотеку.—Лѣсковъ.

Прилагаю замѣтку въ защиту Ахматовой; увѣренъ, что она Вамъ понравится и что Вы употребите усиліе всунуть ее *гдѣ нибудь* въ *апрѣльскую книжку*.

Если же бы почему-нибудь Вы не могли ее напечатать въ этой книжкѣ, то прошу Васъ возвратить мнѣ эту статейку немедленно. Очень досадно будетъ послать ее въ *Свѣтъ* или Амикусу. Другихъ изданій нѣтъ.

За хлопоты о скопцахъ очень благодарю, но, вѣдь, Вы знаете, что у меня чухны да нѣмцы. Мнѣ *послать* некого. Пожалуйста пошлите своего посыльнаго и напишите мой адресъ. 10 р. возьмите изъ моего гонорара. Докончите это одолженіе. Мнѣ *некого* послать.—Лѣсковъ.

Я всегда «содержу Васъ въ памяти» и всегда радъ доставить «Историческому Вѣст-

нику» что-либо живое и интересное. Мнѣ очень пріятно было встрѣтить нѣсколько убѣдительныхъ для меня доказательствъ, что въ публикѣ, читающей Вашъ журналъ, есть люди, очень дружественно встрѣчающіе мое имя и даже ожидающіе моихъ работъ. Поработали мы вмѣстѣ уже не мало и, какъ видится, не безъ успѣха. Мнѣ даже было странно слышать порою вниманіе именно къ моимъ работамъ въ «Истор. Вѣст.» и при томъ всегда съ сочувствіемъ къ тому, что принято называть «интересомъ» и «направленіемъ». Насъ одобряютъ люди зрѣлаго возраста и съ удовольствіемъ читаютъ юноши.

Это отрадно. Дай Богъ, чтобы перетрясая недавнюю старину, мы положили свою лепту на то, чтобы сохранить и пронести до лучшихъ временъ добрыя преданія литературы, окончательно, кажется, позабывшей свое благородное призваніе и обратившейся въ прислужничество, за которое надо краснѣть.

10 сентября.

Статьи «церковно-историческія» отнюдь не суть «статьи духовнаго содержанія». Это было два раза разъясняемо Сенатомъ, по поводу двухъ разбирательствъ. «Духовныя» это *догматическія*, а не историческія. Я все-таки думаю, что Вы не отстояли того, что могли отстоять. Теперь о всемъ, касающемся церковной исторіи, остается молчать. Лѣсковъ.

Я въ большомъ затрудненіи, какъ Вамъ отвѣтить, уважаемый Сергѣй Николаевичъ! Цензурныя стѣсненія въ разработкѣ тѣхъ историческихъ вопросовъ, которые мнѣ наиболѣе по сердцу и наиболѣе по плечу моему — совсѣмъ меня подавили. Я переглядѣлъ весь мой сырой матеріалъ и ужаснулся. Весь подборъ — все соприкасается тѣмъ или инымъ бокомъ къ исторіи церковнаго управленія. Я люблю, чтобы мои счеты были чисты и аккуратны, и, обезпечилъ все, что забиралъ у Васъ, готовыми работами, отдѣланными старательно и совѣстливо; и вотъ, — ничто, готовое и сданное въ печать, не проходитъ!!

Какая досада! Я постараюсь найти что-либо свѣтское, но не будетъ то, чѣмъ я люблю служить «Историческому Вѣстнику». Постараюсь, но обѣщать не смѣю къ сроку.

26 декабря.

1886 годъ.

Я снова боленъ и лежу, но кое-какъ работаю, въ ожиданіи возможности уѣхать хоть на костыляхъ. Посылаю вамъ при семъ:

1) Статейку объ іезуитѣ Гагаринѣ и

2) Замѣтку о кабацкихъ вывѣскахъ и о графѣ Ал. Н. Толстомъ.

Обѣ онѣ пригодны въ одинъ номеръ.

(Повѣсть изъ прологовъ кончилъ и ею доволенъ).

Объемъ повѣсти 3—3¼ листа. Охотниковъ на полученіе ея, конечно, имѣю. Вамъ, разумѣется, уступаю первое право. Прошу васъ смѣтить мои счеты съ Вами, что я вамъ долженъ, вслѣдствіе несчастныхъ затрудненій и что будетъ отъ того отбавлено, тѣмъ, что набрано и что теперь посылается. Сосчитавъ это, надо будетъ опредѣлить остатокъ, который еще останется, на повѣсть. Затѣмъ, полагая повѣсть (до окончанія разсчета) всего въ 3 листа—остальные мнѣ надо будетъ додать, чтобы было съ чѣмъ ѣхать. Три листа составитъ 450 руб. (минусъ) столько, сколько есть за мною долгу. О распоряженіяхъ Вашихъ прошу Васъ меня увѣдомить. Повѣсть готова и можетъ быть передана вамъ къ 1-му іюня. До полученія отъ Васъ отвѣта я буду ждать съ отвѣтомъ Гатцука. Если бы Вы меня навѣстили—добро бы сдѣлали.

20 мая.

Извините меня, достоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, что я не могу послать Вамъ теперь рукопись повѣсти «О боголюбезномъ скоморохѣ». Повѣсть еще немного не закончена и при томъ она въ самомъ примитивномъ видѣ, то-есть вся измаранная. Ее надо переписать, выправить и еще разъ переписать. Это у меня такъ дѣлается. Иначе вещь не въ своемъ видѣ. Я Вамъ писалъ, что повѣсть вполнѣ цензурна, а Вы мнѣ отвѣчаете: «Я не вѣрю»...

почему это? Развѣ не я самъ всегда *удерживалъ* Васъ, когда Вы хотѣли посылать рукописи мало-мальски сомнительныя? Вы не можете сказать, что это было не такъ. Потомъ развѣ Вы думаете, я мало гордъ, для того, чтобы не давать поводовъ говорить обо мнѣ съ Ѳеоктистовымъ? Я очень радъ, что она Васъ испугала и что Вы мнѣ не вѣрите. Это Васъ займетъ и сдѣлаетъ Вамъ пріятное досажденіе отъ самого себя.

22 **мая.**

Четыре дня, какъ я уже хожу и даже помаленьку выхожу изъ дому. Работы для Васъ сдѣлалъ двѣ: «Повѣсть о скоморохѣ» и статью «О женскихъ способностяхъ и о сопротивленіи злу». Первая написана вся, но вчернѣ — только «вдоль» и еще не «впоперекъ». Въ ней отъ $3^1/_2$ до 4 листовъ. Ее надо отшлифовать и переписывать, что я и сдѣлаю въ Аренсбургѣ, куда пора ѣхать. Статья состоитъ изъ большаго, въ два печатанные листа, письма Пирогова къ Эдифѣ Ѳеодоровнѣ Раденъ о значеніи дѣлъ великой княгини Елены Павловны съ моимъ предисловіемъ и послѣсловіемъ. Объемъ ея отъ 3 до $3^1/_2$ листовъ, два раза переписана и доведена до отдѣлки, выше которой я дать уже не могу. Она ***совсѣмъ*** *готова* къ печати и, по существу трактуемаго въ ней предмета, ее надо не задерживать. Она имѣетъ большой интересъ *историческій* и еще

большій *современный*. На случай указано въ рукописи мѣсто, гдѣ удобно раздѣлить статью надвое. Это на 17-мъ листѣ. Если же не захотите дѣлить—тѣмъ лучше. Какъ мнѣ досталось это письмо, писанное къ Раденъ, объясню въ самомъ началѣ статьи. Вы, можетъ быть, не знаете, что я по рекомендаціи Грота и Побѣдоносцева былъ приглашаемъ въ Михайловскій дворецъ, чтобы принять на себя составленіе «исторіи дѣятельности великой княгини Елены Павловны» и имѣлъ въ своихъ рукахъ многія ея бумаги, а отъ «исторіи» отказался. Письмо Пирогова (на нѣмецкомъ языкѣ) Раденъ дала мнѣ съ тѣмъ, что оно мнѣ, можетъ быть, пригодится. Я сдѣлалъ себѣ съ него переводъ и берегъ его до лучшаго случая. Случай этотъ теперь насталъ. Семевскій слыхалъ объ этомъ письмѣ и искалъ его, но *не нашелъ,* потому что оно у меня. Статья совершенно цензурна, и я ею очень дорожу. Это вдохновительно, серьезно и умно, и *теперь кстати* *).

Мои «Соборяне» переведены и вышли въ «Универсальной библіотекѣ». Это былъ мнѣ совершенный сюрпризъ. Теперь должны скоро

---

*) Письмо Н. И. Пирогова трактуетъ о полезности для женщинъ медицинскаго образованія, въ чемъ Пироговъ убѣдился на Крестовоздвиженской общинѣ сестеръ милосердія въ Севастополѣ. Статья, съ письмомъ Пирогова, напечатана Лѣсковымъ въ «Истор. Вѣстн.» подъ заглавіемъ «Загробный свидѣтель за женщинъ».

выдти по-французски «На краю свѣта» и разсказы изъ «Историческаго Вѣстника». Конечно, я пальцемъ не шевелилъ, чтобы это было сдѣлано.

14 іюня.

Благодарю Васъ, любезный другъ Сергѣй Николаевичъ, за исполненіе моей просьбы и за милое письмо. Помимо того, что Провидѣнію угодно было дозволить намъ обоимъ любить честность и благородство поступковъ, мы съ Вами достаточно съѣли соли и горечи вмѣстѣ, чтобы знать другъ друга и одинъ другому вѣрить. Это отрадно и это въ то же время есть своего рода право и обязательство.

Купилъ 57 записей о скандалахъ 30—40 годовъ и заплатилъ 60 руб. Очень любопытно. Стану писать. Назову: Шепотники и фантазеры.

Апокрифы, вымыслы и шутки безмолвной поры (эпиграфъ) «Бѣста имъ ревенія велико на всяку прю, на зависти и клеветы, и рети, и шептанія, и плища, и суесловія, и инія дьячество имяху за шепты». Акты исторіи I и II, 381, 367.

Сдѣлаемъ это въ родѣ «мелочей архіерейской жизни», и потянемъ отрывками на полгода, т. е. книгъ на 6, листа по 1½. Матеріалъ не строго достовѣрный, но любопытный по характеристикѣ времени. Вообще я очень

набрался историческимъ матеріаломъ и за все заплатилъ наличными. Купилъ тоже замѣтки «О помилованіяхъ». Это очень важно къ мотивамъ суда присяжныхъ и само по себѣ прелюбопытно.—Ахилла *) открываетъ мнѣ двери въ европейскую литературу. Получилъ требованія на согласіе изъ Лондона и изъ Бадена. Конечно, все это само собою—безъ всякихъ моихъ заботъ.

17 іюля, 1887 г.

Пошлите это набирать. Далѣе прикажите ходить ко мнѣ всякій день за гранками второй половины, съ которою придется много работать. За мною, по обыкновенію, дѣло не стоитъ, такъ что есть еще человѣкъ, съ которымъ не о чемъ вамъ жаловаться. Прикажите новый наборъ опять принести мнѣ въ *гранкахъ*. Дописокъ уже не будетъ, но надо строго провѣрить исправленіе. Карандашемъ по печатаному неловко править.

2 февраля.

Прилагаемый маленькій и очень смѣшной кусочекъ псевдо-исторической литературы очень забавенъ и хорошъ для обертки. Задерживать его не стоитъ, потому что онъ малъ, а къ осени обстоятельства о войнѣ, можетъ быть, измѣнятся и это баснословіе потеряетъ всю свою пикантность и даже «причину бытія». Если можете, поставьте это въ

---

*) Ахилла одинъ изъ героевъ «Соборянъ».

апрѣльскую книжку. Это будетъ хорошо. А если не можете, то возвратите безъ задержки.

14 февраля.

12 апрѣля 1887 г.

Сергѣй Николаевичъ! сердечно благодарю Васъ, что Вы, получивъ въ свои руки изданіе «Дешевой библіотеки», сейчасъ же обо мнѣ вспомнили. Я знаю, что Вы хорошій другъ и милый человѣкъ, но это вниманіе почему-то особенно меня тронуло. А. С. Суворинъ очень хорошо сдѣлалъ, что передалъ это дѣло въ Ваши руки. Не знаю, какія Вы отъ этого получаете выгоды, но дѣло непремѣнно выиграетъ много, и оно можетъ имѣть большое развитіе. Указываемые Вами два разсказа: «Кадетскій монастырь» и «Скоморохъ» отдаю въ Ваше распоряженіе на тѣхъ условіяхъ, какія Вы предлагаете. Не сомнѣваюсь, что Вы даете сколько можете и обидѣть меня не захотите. Я всегда Вамъ вѣрю и вполнѣ на Васъ полагаюсь. Но я совѣтывалъ бы присоединить къ тѣмъ двумъ еще — «Спасеніе погибшаго» изъ «Русской Мысли», — ибо онъ тоже относится къ «праведникамъ» — не великъ, довольно всѣмъ нравится и нигдѣ, кромѣ московскаго журнала, неизвѣстенъ. Экземпляръ присоединяю для прочтенія и соображенія. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы всѣ эти добряки собрались вмѣстѣ и это какъ разъ составитъ томикъ («Кадетскій монастырь» 2 л. «Скомороховъ»

2 л. и «Погибавшій» 1 л. = 5 л.). Сообразите и извѣстите. — Затѣмъ еще просьба: Переговорите съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, къ которому мнѣ трудно попасть въ такое время, когда съ нимъ можно говорить: 1) У меня есть 175 экземпляровъ «Соборянъ». Это *все*, что остается со скидкою 40%?.. 2) Въ складѣ магазина «Новое Время» есть 118 экземпляровъ моей книги «Смѣхъ и Горе».

Книга эта веселая и пріятная для дорожнаго чтенія. Она лежитъ въ забытьи и не попадаетъ на свою колею. Между тѣмъ она непремѣнно пошла бы на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ ее даже и спрашиваютъ. Мнѣ съ нею возиться не рука и дорожиться ею не время. Номинальная цѣна ея 1 р. 50 к. Не облегчитъ ли меня Алексѣй Сергѣевичъ, сдѣлавъ несомнѣнно необременительное для себя пріобрѣтеніе этой книги, по той цѣнѣ, какую онъ самъ найдетъ справедливою, мнѣ не раззорительною и себѣ не безвыгодною. Я думаю, ей бы хорошо перепечатать титулъ и обертку, назначить цѣну вмѣсто 1 р. 50 к. — одинъ рубль и дать мнѣ напр.: по 35 к. за экземпляръ. Я полагаю, что то было бы не худое, а даже хорошее ходкое пріобрѣтеніе для лавокъ желѣзныхъ дорогъ.—Пожалуйста поговорите съ нимъ объ этомъ и рѣшите, какъ рѣшали раньше покупки прошлаго года. Прилагаю Вамъ очень схожую мою фотографи-

ческую карточку. Это дѣлалъ самоучка, но сдѣлалъ лучше всѣхъ. Въ Пассажѣ она только печатана съ негатива. — Редакція «Русской Мысли» чрезвычайно хлѣбосольна. Меня заласкали и закормили. Впечатлѣніе они производятъ чисто «московское». Я этого жанра не люблю и не подхожу къ нему. Въ общемъ это какой-то разборъ и «семибоярщина», а это, по-моему, въ редакціонномъ дѣлѣ никуда не годится. Довольно автору согласовать свою работу со взглядами одного редактора, а не примѣняться къ разнымъ воззрѣніямъ. Это всегда вредно отзывается на задушевной работѣ и можетъ охладить энергію. Они однако ждутъ романовъ Г. П. Данилевскаго, Григоровича, Я. П. Полонскаго, Щедрина и Гл. Успенскаго. Въ виду такого изобилія я не стану писать романъ, а ограничусь повѣстью небольшаго размѣра и такого содержанія, чтобы она подходила не на одинъ заказъ.

7 мая.

Теперь же понялъ. «Безстыдникъ», конечно, не годился, но не годился и «Демократы», ибо тамъ все-таки есть національное раздраженіе. Я отдаю Вамъ «Пигмея» и «Трехъ праведниковъ». Онъ исполненъ мира и святости и при томъ онъ *лучше* «Демократа». За услуги Ваши не умѣю Васъ и благодарить. Дѣйствительно, «все сдѣлано» и при томъ такъ хорошо, какъ я самъ безъ Васъ сдѣлать бы не

съумѣлъ. Всегда Вамъ преданный и благодарный.

Н. Лѣсковъ.

5 октября.

Я безъ вины виноватъ предъ Вами и долженъ представить въ томъ объясненіе. Между тѣмъ временемъ, какъ я писалъ къ Вамъ съ предложеніемъ работы и тѣмъ, какъ получилъ Вашъ отвѣтъ, прошло много дней. Въ это время былъ здѣсь редакторъ «Русской Мысли» и просилъ у меня работки. Не получая отъ Васъ увѣдомленія, я думалъ, что Вамъ предложенная мною работа («Инженеры безсеребренники») не нужна, или не подходитъ и далъ ее Лаврову. Затѣмъ, черезъ недѣлю, я получилъ отъ Васъ письмо и записку на 150 рублей. Это поставило меня въ затрудненіе, изъ котораго я старался выдти, но не успѣлъ въ этомъ и мнѣ теперь не остается ничего иного, какъ сказать это Вамъ и возвратить при семъ Вашу записку на 150 руб., которыхъ я не бралъ и взять не долженъ. Работу же для Васъ я сдѣлаю другую.—

Что касается «Очарованнаго странника», то я думаю Суворину тутъ не въ чемъ не согласиться, ибо, не говоря о томъ, что я не виноватъ въ запрещеніи «Кадетскаго Монастыря» и «Пигмея», «Очарованный странникъ» не хуже двухъ названныхъ разсказовъ, а веселѣе, и объемомъ вдвое больше, т. е. въ немъ

одиннадцать листовъ. Слѣдовательно въ чемъ же тутъ поводъ къ несоглашенію? — Записка Ваша прилагается здѣсь.

7 ноября.

Экземпляръ «Запечатлѣннаго Ангела» при этомъ посылаю. Я его просмотрѣлъ и ничего не нашелъ тамъ ни прибавить, ни убавить. О цѣнѣ говорить нечего. Достается этотъ грошъ кровью и нервами, а оплачивается какъ мочала. Относительно Вашей мнѣ укоризны за отдачу разсказа въ другой журналъ, Вы несправедливы. Я Вамъ сказалъ не сочиненіе, а простую правду. Дѣло вышло въ недоразумѣніи по поводу неполученія отъ Васъ отвѣта. Я думалъ, что типы Брянчанинова и Чихачева, какъ монаховъ, показались Вамъ неудобными. Никакія иныя соображенія о «серебренникахъ» мѣсто не имѣли, и вообще это не въ моемъ нравѣ. Я никого не продаю ни за большія деньги, ни за малыя. Впрочемъ Вамъ убытка никакого тутъ и нѣтъ, такъ какъ я напишу Вамъ другой разсказъ, вѣроятно, не хуже того, который уступилъ другой редакціи.

Если нужно скорѣе сквитовать счетъ, который возникъ собственно черезъ непринятіе Вами разсказа мною доставленнаго, то я прошу Васъ сквитовать «Запеч. Ангеловъ», что какъ разъ составитъ эту же самую сумму и ее стоитъ только передать изъ одной кассы изданія въ другую. Это меня нимало не оби-

дитъ, а будетъ мнѣ даже пріятно. Счетъ такой небольшой, что лучше чтобъ его совсѣмъ не было. Отъ этого и мнѣ, и Вамъ будетъ покойнѣе. — Что я Вамъ съумѣю написать— это мнѣ еще неясно. Позвольте мнѣ два-три вечера покопаться въ моихъ матеріалахъ и выбрать подходящее, тогда я Вамъ не забуду сообщить заглавіе...

Теперь я Вамъ навѣрное могу назвать только компиляцію по одному старинному любопытному апокрифу (рукописному евангелію) о сошествіи Христа въ адъ. Заглавіе этой вещи такое: «Пасхальная ночь въ преисподней» («Легенда о сошествіи въ адъ»). Объемомъ она листа въ полтора или до двухъ. Вручена Вамъ будетъ черезъ недѣлю, а печатать совѣтовалъ бы въ той книжкѣ, которая выйдетъ ближе къ Пасхѣ. Возможно, что, по усмотрѣнію цензоровъ, статью эту направятъ въ духовную цензуру, но за то несомнѣнно и то, что она вынесетъ это благополучно. Это въ родѣ «разговоровъ о царствѣ мертвыхъ», только говорятъ все лица библейскія и сатана, и ангелы его, и Христосъ, и цари. Падутъ адскія хитрости, а въ концѣ гдѣ твоя, аде, побѣда! Сатана получаетъ шишъ. Пожалуйста по полученіи результата изъ цензуры объ «Ангелѣ» — извѣстите меня о немъ и сдѣлайте распоряженіе сквитовать счетъ за мной возникшій; чтобы его не было.

8. IX 87.

Сосчитаться для меня лучше, чѣмъ откладывать. Прикажите сквитать этотъ счетъ и усердно благодарю Васъ за одолженіе. Отказъ Вашъ отъ Пасхальной ночи меня не ставитъ въ затрудненіе. Если бы вещь не была интересна и любопытна для всѣхъ, знающихъ каноническую исторію о воскресеніи, то—я думаю, — я не сталъ бы надъ нею трудиться. Сужденіе Ваше мнѣ кажется неправильнымъ. Заглавіе же не печатайте, такъ какъ я не хочу обременять Васъ тѣмъ, что не очень мило, и одновременно съ этимъ посылаю обѣщаніе этого разсказа въ другое изданіе. Неудовольствія Ваши на меня не имѣютъ основанія.

3 октября, 1887 г.

«Зерцало» есть книга переводная, это я знаю. Тутъ и Пекарскій не нуженъ, но она была у насъ книгой универсальною, какъ въ Англіи брошюра «о вѣжливости». Потому, что ею интересовались, можно понимать — какъ она приходилась по обстоятельствамъ. Что я не попадаю въ тонъ «Историческаго Вѣстника» — это я тоже знаю, но помогать себѣ въ этомъ не хочу и не могу. Я думаю заодно съ тѣми, кому кажется, «что всѣ роды литературныхъ произведеній хороши, *кромѣ скучнаго*». Я люблю вопросы живые и напоминанія характерныя, вѣскія и поучительныя. Терпѣть не могу вещей, относящихся къ раз-

ряду: ни то, ни сё. «Что интересно, весело, приправлено во вкусѣ и имѣетъ смыслъ, то и хорошо, а всякая литературная «вода съ Аполлонова тѣла» есть тѣ же помои, которыхъ сколько ни лей, все до нихъ никому нѣтъ дѣла. Къ этому разряду относится все «изобиліе матеріаловъ», о которыхъ говорятъ во многихъ редакціяхъ.—Пусть въ это попадетъ, кто хочетъ...

7 ноября.

Посылаю Вамъ историческую справку о характерѣ старинной русской прислуги, вопросъ о которой Манасеинъ вноситъ въ генварѣ въ Государственный Совѣтъ. Теперь время показать, что это такое было въ достохвальную старину, въ которой газетные невѣгласы ищутъ помощи отъ всѣхъ золъ. Полагаю, что статья цензурна.

Статья о Бурнашевѣ готова. Можете (если угодно) прислать и взять ее, или даже прямо отправить въ наборъ, такъ какъ соглашаться или не соглашаться не съ чѣмъ, а мелочи можно согласить въ корректурѣ. Объемъ статьи около 2-хъ листовъ. Я поспѣшилъ, какъ могъ, оставивъ обозрѣніе Пирогова, но опасаюсь, что дамъ Вамъ удовольствіе сказать, что теперь (5-го марта) это уже поздно. Однако, если Вы захотите это сказать, то, пожалуйста, скажите немедленно. Я не люблю держать готовой работы дома и эту статью послѣ сего дня беречь у себя не стану.

5-го марта.

Сегодня приходили изъ литературнаго общества спрашивать о Пироговѣ. Я не охотникъ читать публично и сказалъ, что обозрѣніе еще переписывается, что и справедливо. Переписанное я прочту *еще разъ* и дамъ Вамъ въ концѣ марта.

20-го марта 1888 г.

Есть большая и довольно нетерпѣливая надобность намъ съ Вами повидаться и имѣть дѣловой разговоръ на свободѣ и съ матеріаломъ въ рукахъ. Какъ бы Вы хотѣли это сдѣлать и когда? «Заходить» на перепутье не годится, а надо сойтись и договориться до дѣла за дѣломъ же. У меня все готово и я могу Васъ ввести во все съ полною основательностью. Квартира моя и моя одинокая жизнь, кажется, даютъ болѣе удобствъ, чѣмъ Ваше жилище. Позвольте мнѣ просить Васъ назначить любое время, когда Вы можете пожаловать ко мнѣ на *одинъ часъ*. Одинъ часъ свободнаго времени будетъ очень для насъ достаточно, а между тѣмъ я не скрою отъ Васъ и предъявлю Вамъ *доказательства*, что люди просятъ у меня объ работѣ съ легкомысленнымъ довѣріемъ, что я въ нихъ не написалъ ни скуки, ни глупости.

Одну работу по апокрифу для Васъ выбранную и написанную Суворинъ читалъ и, вѣроятно, Вамъ о ней говорилъ. Ему она очень нравится и еще есть редакторъ, который ее

желаетъ получить. (Я Вамъ это представлю). Отъ Васъ ни слуху, ни духу, а мнѣ дадутъ дороже. Что же мнѣ дѣлать съ Вами?.. Второе: у меня просятъ — почти рвутъ изъ рукъ легенды изъ прологовъ за очень хорошія цѣны. Я отвѣчаю, что «не могу», что «все обозрѣніе обѣщано Шубинскому, и я не могу оттуда вытаскивать ничего, кромѣ Азы»... Вы видѣли «Азу». Кажется, пора бы сговориться и кончить, чтобы эту большую работу снять съ моихъ рукъ, такъ какъ она уже вполнѣ готова и мнѣ съ нею болѣе дѣлать нечего. Приходите, разложимъ чисто написанныя тетради. Я вамъ все укажу и на все объясненія дамъ и кончите это наконецъ въ славу Божію и къ обоюдному удовольствію. Жду отъ Васъ отвѣта. Лучшее время, кажется, было бы утромъ. Пріѣзжайте завтракать и до хлѣба соли все себѣ уяснимъ и пошабашимъ.

15 апрѣля.

Простите, что я замедлилъ отвѣчать Вамъ, о Трубачевѣ. Дать экземпляръ не штука — особенно человѣку, котораго Вы рекомендуете, но у меня уже разобрали довольно этихъ экземпляровъ и никто не напечаталъ статей, кромѣ «Кіевлянина». Взяли экземпляры: Арсеній Введенскій и Бибиковъ—послѣдній прямо съ цѣлью составить и предложить Вамъ мой «исторически литературный портретъ», какъ это дѣлаютъ теперь французы. Не сдѣлали

мнѣ эти господа *ничего*, а экземпляръ стоитъ 20 рублей... Я хотѣлъ узнать отъ нихъ: нѣтъ ли у нихъ чего-нибудь уже готоваго? Арсеній Введенскій сказалъ, что онъ будетъ радъ помѣстить у Васъ статью въ листъ *). Что Вы на это скажете? Если же онъ Вамъ удобенъ менѣе, чѣмъ Трубачевъ, то, пожалуйста, возьмите у Зандрака билетъ Трубачеву.

26 января.

Спѣшу просить у Васъ прощенія и возвращенія мнѣ назадъ моего обѣщанія пристраивать извѣстное Вамъ литературное произведеніе.

Когда дѣло дошло до того, чтобы писать объ этомъ третьему лицу, я припомнилъ такія обстоятельства, которыя никакъ не дозволяютъ мнѣ сближать съ этой личностью людей, которые сами съ нею не ознакомились и не освоились съ ея слишкомъ оригинальнымъ характеромъ и правилами. Надѣюсь, Вы знаете, что я не сторонюсь отъ услугъ, которыя могу принести кому-либо, но это такой исключительный характеръ, что я могъ бы служить этой особѣ развѣ, только, моимъ личнымъ трудомъ или жертвою, но никакого третьяго лица вмѣшивать въ дѣло не могу.

24 апрѣля.

---

*) Эта статья о Лѣсковѣ была напечатана Ар. Введенскимъ въ «Историч. Вѣстникѣ» въ маѣ 1890 г.

Вспомнилось мнѣ, что я обѣщалъ моимъ ближнимъ поѣхать съ ними на этихъ дняхъ посмотрѣть дачу въ Усть-Нарвѣ и является опасеніе, что какъ разъ это можетъ совпасть со званнымъ днемъ, на который Вы обѣщали доставить мнѣ приглашеніе. Выйдетъ тогда, что оба случая могутъ столкнуться, и я, конечно, вынужденъ буду исполнять первое — ранѣе данное обѣщаніе, а отъ зова позднѣе пришедшаго отказаться. И это мнѣ будетъ очень тяжело и непріятно; но и можетъ быть даже обидитъ приглашающаго и послужитъ къ поселенію въ немъ несоотвѣтственныхъ понятій насчетъ характера моихъ къ нему отношеній; а я этого не желалъ бы, ибо вообще не желаю никого ничѣмъ обидѣть. А потому, пожалуйста, не говорите ничего нашему другу о томъ, чтобы онъ приглашалъ меня, такъ какъ это сильно, но совершенно напрасно стѣснитъ меня и подвергнетъ новымъ случайностямъ наши отношенія, покоящіяся нынѣ на самыхъ удобныхъ основаніяхъ [1]).

2 мая.

Августовская книжка очень интересна. Особенно любопытны сводки разнорѣчивыхъ свѣдѣній о «Зельмирѣ». Это по истинѣ лучше всякой мнимо-художественной размазни въ романической формѣ. Очень жаль, что этюдъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о С. Н. Терпигоревѣ, съ которымъ Лѣсковъ временами ссорился и мирился.

раздѣленъ на двое, а не данъ за одинъ разъ. Любопытно, что можно изъ него вывести независимымъ умомъ безъ подсказовъ автора. Критическій этюдъ Арсенія Ивановича Введенскаго о Саліасѣ очень вѣренъ. Отзывъ о книгахъ Скабичевскаго безобиденъ, но неясенъ. Романъ Д. Л. Мордовцева совсѣмъ какъ сценическое оперное либретто. Даже передъ стычкой стрѣльцы и казаки поютъ. Вотъ ужъ именно «Ишь ты, поди жь ты».

Здоровье мое, повидимому, поправилось.

Не знаю, что будетъ съ возвращеніемъ въ городъ. Отъѣзжаю 15-го августа. Читалъ очень много и въ томъ жилъ. Не писалъ и не пишу *ничего*. Все это опротивѣло.

4 августа. Шмецкъ.

Вотъ что я могу Вамъ пообѣщать, Сергѣй Николаевичъ:

Разбойникъ Худеяръ.

По народнымъ преданіямъ Орловской губерніи. Это будетъ не велико, живо и интересно, какъ само по себѣ, такъ особенно при сравненіи съ тѣмъ, что наткалъ на народной основѣ такой почтенный ткачъ, какъ покойный Н. И. Костомаровъ. «Худеяръ»-то, вѣдь, нашъ орловецъ, «проломленная голова» и жилъ совсѣмъ не при Грозномъ. Если хотите, то и заявите объ этомъ.

20 ноября 1890 г.

1891 г.

По нѣкоторымъ Вашимъ словамъ и еще болѣе по общему тону вчерашняго разговора, я думалъ, не понятъ ли я Вами невѣрно? Я отнюдь не ищу случая для написанія чего-либо по имѣющимся у меня письмамъ, и еще менѣе забочусь искать помѣщенія для написаннаго. Я уступалъ, только, вашему желанію, получить отъ меня что-нибудь и думалъ, что это для Васъ полезно и что Вы увѣрены въ томъ, что я если далъ работу, то это будетъ не чепуха. *Только*, поэтому, — не въ своихъ видахъ, а *для Васъ*. Я соглашался написать Вамъ нѣчто и избралъ матеріалъ любопытнѣйшій, но какъ въ оцѣнкѣ этого рода бумагъ мы не сходимся, то я этого для Васъ и не стану дѣлать, а сдѣлаю, если захотите, что-нибудь другое и уже не теперь, а въ другое время, когда Вы мнѣ скажете, что Вамъ отъ меня что-нибудь нужно и полезно. О письмахъ же ничего говорить не будемъ, такъ какъ во взглядѣ на нихъ я съ Вами не согласенъ [1]).

---

[1]) Укоры въ этомъ письмѣ г. Шубинскому объясняются тѣмъ, что на предложеніе Лѣскова напечатать въ „Историч. Вѣст." одно изъ очень характерныхъ писемъ Ив. С. Аксакова, хранившееся у Лѣскова, Шубинскій, редакторъ журнала, отвѣтилъ, что „письма вообще плохіе документы... они пишутся въ возбужденномъ состояніи духа и авторы часто, на другой же день, раскаиваются въ нихъ и отказываются отъ того, что тамъ написано вчера"... Лѣсковъ возбужденно отвѣтилъ: — Да, вы правы въ томъ случаѣ, еслибы я говорилъ о письмахъ нервныхъ и увлекающихся людей. Но Акса-

Я Вамъ говорилъ о бывшемъ редакторѣ «Иллюстраціи». Ѳедорѣ Францевичѣ *Александровъ*, котораго Гоппе отрѣшилъ и онъ теперь является въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Я съ вѣчной докукой ко всѣмъ за такихъ людей. Пожалуйста, нѣтъ ли у Васъ перевода или компиляцій, или книгъ для разбора? Онъ очень аккуратный человѣкъ, и Вы не отомщевайте мнѣ на немъ за Величко, да и на этого не сердитесь. Богъ съ нимъ. Позабудьте объ этомъ и постарайтесь дать что-нибудь заработать Александрову. Усердно Васъ прошу о немъ.

14 ноября.

Послѣ того, какъ мы разстались съ Вами, я имѣлъ ужаснѣйшій припадокъ астмы и удивляюсь, какъ живъ остался. Думаю, что это я повредилъ себѣ, споря о Соловьевѣ. Духъ не выноситъ этого множества несчастныхъ людей [1].

«Блаженны умершіе».

17 ноября.

Примите мой привѣтъ и поздравленіе. Хотѣлъ бы всѣхъ Васъ увидѣть сегодня но...

ковъ извѣстенъ своей аккуратностью и основательностью вообще, а имѣющееся въ моемъ распоряженіи письмо совершенно при томъ дѣловаго характера, въ которомъ не можетъ быть ни увлеченій, ни ошибокъ.

[1]) Лѣсковъ всегда былъ большимъ сторонникомъ Вл. С. Соловьева и всегда защищалъ его отъ нападокъ „множества людей“.

«мнѣ крылья связаны и пути мнѣ всѣ позаказаны» [1]). Однако при всемъ томъ въ душѣ моей не темно и не холодно. Дай Вамъ Богъ всего того, что нужно для добра Вамъ.

24 ноября 1892 г.

О нездоровьѣ Вашемъ слышу и соболѣзную. Бѣдны и недостовѣрны знанія медицинской науки. Консиліумы стали ничтожны отъ ничтожества характеровъ, такъ какъ всѣ люди другъ другу врутъ, рисуются и бахвалятъ—а больной это у нихъ самое послѣднее дѣло. Что такое «хорошее» Вы могли слышать о моемъ здоровьѣ,—я о томъ недоумѣваю. Я не мучаюсь, *когда я голоденъ*, но если это, по чьему-нибудь мнѣнію, хорошо, то можно сказать, только, что «о вкусахъ не спорятъ». Когда бы здоровье позволяло, я бы давно пришелъ къ Вамъ, но мое здоровье не таково, чтобы о немъ говорить.

1 февраля 1893 г.

Достоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, на вчерашнее письмо Ваше о рукописи, озаглавленной «Страничка изъ путешествія по нашему сѣверу», я спѣшу Вамъ отвѣтить, что такой статьи я не составлялъ, и ее не подписывалъ, и Вамъ не посылалъ. Лѣсковы есть и другіе, и въ числѣ ихъ, можетъ быть, есть и Николай, а можетъ быть что статья эта

---

[1]) Н. С. Лѣсковъ говоритъ о своей болѣзни.

составлена какимъ-нибудь остроумнымъ шутникомъ и прислана для того, чтобы устроить какое-нибудь qui pro quo. Словомъ: я ничего въ этомъ разъяснить не могу, а совѣтую Вамъ посмотрѣть, не представляетъ ли присланная Вами «страничка» выписки изъ чего-либо ранѣе уже напечатаннаго?

Вашъ Ник. Лѣсковъ.

21 II 93 г.

1894 г.

29 января. Графиня Софья Андреевна Толстая говоритъ, что Левъ Николаевичъ «держалъ экзаменъ на кандидата въ Спб. университетѣ и выдержалъ по 4 предметамъ, но потомъ бросилъ и уѣхалъ въ Ясную Поляну». Но намъ припоминается, что онъ какъ будто какимъ-то университетомъ возведенъ въ степень *доктора исторіи* (послѣ «Войны и мира») и по своему обыкновенію тоже это забросилъ, такъ что оно и позабылось. Черезъ двѣ недѣли онъ вернется въ Москву и его объ этомъ спросятъ. Самъ онъ письменно отвѣчать на это не станетъ. О Н. Ф. Лѣсковѣ [1]). Отчего бы ему не обратиться въ «Новое Слово»? Тамъ его имя сейчасъ же получитъ извѣстность, какъ уже получили извѣстность Пы-

[1]) Н. Ф. Лѣсковъ прислалъ прекрасно написанную рукопись въ „Истор. Вѣст.", съ подписью Н. Лѣсковъ и настаивалъ на помѣщеніи своей фамиліи, несмотря на то, что это могло ввести въ заблужденіе читателей и смѣшать его съ Н. С. Лѣсковымъ.

пинъ и др. [1]). А мнѣ такъ непріятно, что онъ на меня обижается. Да, признаюсь, удивительно и для чего Вы ему въ этомъ отказываете! Какое мнѣ до этого дѣло!

1895 г.

Очень можетъ быть, что къ Вамъ обратятся съ какими-нибудь предложеніями по поводу исполнившихся 35 лѣтъ моихъ занятій литературою. Сдѣлайте милость, имѣйте въ виду, что я не только не ищу этого (о чемъ кажется, стыдно и говорить), но я не хочу никого собою безпокоить и не пойду ни въ какой трактиръ и у себя не могу дѣлать трактира. А потому эта праздная затѣя никакого осуществленія не получитъ и ею не стоитъ безпокоить никого, а также и меня.

3 января.

Въ томъ же, 1895 году, 21 февраля, Н. С. Лѣсковъ скончался...

Приведенныя нами его письма, почти за 15 лѣтъ его сотрудничества въ «Историческомъ Вѣстникѣ», открываютъ намъ множество чертъ въ его характерѣ и рисуютъ вмѣстѣ

---

[1]) Совершенно неизвѣстный въ литературѣ А. Пыпинъ подписывался въ „Новомъ Словѣ" своей фамиліей, не догадываясь, что этимъ можно смѣшать его съ извѣстнымъ писателемъ А. Н. Пыпинымъ изъ „Вѣстника Европы". Во избѣжаніе такого недоразумѣнія среди читателей, Н. Ф. Лѣсковъ, родомъ сѣверянинъ, не желая выбирать себѣ псевдонимъ, все-таки впослѣдствіи подписывался въ „Историческомъ Вѣстникѣ" Н. Лѣсковъ-Карельскій.

съ тѣмъ черновую жизнь писателя, наполненную ежедневныхъ тревогъ и заботъ по поводу каждаго новаго произведенія, выходящаго изъ подъ его пера. Съ одной стороны писателю угрожаетъ редакторъ, увѣренный, что ему, со стороны, виднѣе недостатки рукописи, чѣмъ самому творцу, и что онъ, какъ редакторъ, обязанъ болѣе дорожить интересами подписчиковъ, чѣмъ дорогими мыслями писателя; съ другой стороны, каждая книжка того же «Историческаго Вѣстника» мучила Лѣскова страхами о томъ, выйдетъ ли она съ его именемъ на свѣтъ Божій—благополучно изъ цензуры и т. д.

XI.

Широкое распространеніе сочиненій Н. С. Лѣскова. — Одностороннее обвиненіе Терпигоревымъ и Оболенскимъ Лѣскова въ недоброжелательствѣ къ товарищамъ-писателямъ. — Постоянная преувеличенность сужденій Н. С. Лѣскова о симпатичныхъ ему писателяхъ.

Первое изданіе «Полнаго собранія сочиненія» Николая Семеновича Лѣскова было предпринято А. С. Суворинымъ въ 1890 году, второе—въ 1897 году А. Ф. Марксомъ и третье изданіе въ 1903 г. разсылалось подписчикамъ «Нивы», въ видѣ приложенія. Такимъ образомъ, усопшій писатель получилъ чрезвычайно широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ, заставляя говорить и вспоминать о себѣ повсемѣстно. Между прочимъ и въ «Исто-

рическомъ Вѣстникѣ» помѣщены литературныя воспоминанія г. Оболенскаго за 1902 г., куда вошли и воспоминанія о мимолетномъ знакомствѣ его съ Лѣсковымъ, нуждающіяся въ комментаріяхъ; равно и въ новой книгѣ Ев. Соловьева: «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка», сдѣлана характеристика Лѣскова, слабѣе которой трудно придумать. При воспоминаніи о писательской физіономіи Лѣскова прежде всего наталкиваемся на сложныя послѣреформенныя задачи и типы людей шестидесятыхъ годовъ; при воспоминаніи о Лѣсковѣ, какъ о человѣкѣ, нужно имѣть въ виду чрезвычайно сложную его натуру: его возбудимость, раздражительность, огромное самолюбіе, личныя отношенія, рѣзкость сужденій о людяхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ и замѣчательную его нѣжность и деликатность, когда въ его сужденіяхъ о людяхъ и литературѣ не были замѣшаны «первыя впечатлѣнія», и умъ писателя находился въ свѣтломъ и спокойномъ состояніи. Объ одномъ и томъ же предметѣ, объ одномъ и томъ же лицѣ возможно было услышать отъ Лѣскова различныя мнѣнія, смотря по преобладанію въ немъ въ данную минуту страстей или спокойнаго ума. Въ этомъ случаѣ Лѣсковъ удивительно напоминалъ А. К. Шеллера. Вотъ почему одни вспоминаютъ ихъ цѣльными и свѣтлыми личностями, и такими они могли

быть неоднократно; но другіе—вспоминаютъ ихъ изломанными и несправедливыми къ людямъ. «Лѣсковъ,—замѣчалъ С. Н. Терпигоревъ (С. Атава),—не можетъ прикоснуться къ человѣку безъ того, чтобы не положить на его голову кусокъ вонючей грязи». Этотъ отзывъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ и г. Оболенскій. Такую одностороннюю характеристику слѣдуетъ исправить тѣмъ, что въ спокойномъ состояніи духа Лѣсковъ, напротивъ, не могъ прикоснуться къ достойному человѣку безъ того, чтобы не затушевать всѣ его недостатки и не освѣтить всей силой своего таланта одни его достоинства. Бичующій сатирикъ смѣнялся въ немъ идеалистомъ. Друзей своихъ онъ умѣлъ не только разжаловывать часто за воображаемые имъ самимъ проступки, но и восторгаться ими безъ чувства мѣры. Хватать во всемъ черезъ край—не разбирая, гдѣ правда и гдѣ ложь — является основной чертой художественнаго гиперболизма въ натурѣ такихъ людей, какъ Лѣсковъ и Шеллеръ. Этотъ гиперболизмъ живетъ во многихъ даровитыхъ писателяхъ. Понять его и воспроизвести очень трудно, но имъ исключительно объясняется жизнь такихъ лицъ, какъ Лѣсковъ. Преувеличеніе во всемъ, а не исключительно одного дурного. Лучшая сторона въ Лѣсковѣ была хорошо извѣстна Терпигореву, и она привлекала его къ нему въ

теченіе многихъ лѣтъ. Идеалистическое настроеніе Лѣскова было хорошо извѣстно Терпигореву. Они много лѣтъ были между собою хорошими друзьями, и эта дружба, конечно, держалась не тѣмъ, что они заочно возлагали на головы другъ друга куски грязи. Мнѣ хорошо извѣстно, что, устраивая у себя маленькія пирушки, Терпигоревъ никогда не могъ обойтись безъ Лѣскова. Его письма къ нему въ этомъ случаѣ исполнены искренней пріязни, которую нельзя уже никакъ объяснить потребностью чувствовать у себя за столомъ «куски вонючей грязи»... Вотъ, напримѣръ, записка Терпигорева Лѣскову:

«Поймана и находится въ вотчинныхъ садкахъ гг. Терпигоревыхъ лососка.

«Пріобрѣтена для собственнаго стола гг. Терпигоревыхъ индюшка (не литературная, а настоящая).

«Поставлено тѣсто, по распоряженію гг. Терпигоревыхъ, для ватрушекъ къ зеленымъ щамъ.

«Приглашенъ къ обѣденному столу гг. Терпигоревыхъ, имѣющему быть въ среду; въ $4^1/_2$ час., генералъ-майоръ С. Н. Шубинскій.

«О всемъ семъ вотчинная контора гг. Терпигоревыхъ почтительнѣйше доводитъ до свѣдѣнія его высокопреподобія ересіарха петербургскаго и ладожскаго Н. Лѣскова, для зависящихъ распоряженій, а также и испраши-

ваетъ благословеніе его высокопреподобія на потребленіе всего сего».

Мнѣ самому приходилось неоднократно присутствовать на подобныхъ трапезахъ то у Терпигорева, то у Лѣскова. Я видѣлъ постоянно, что они хорошо знали недостатки другъ друга, но еще лучше знали взаимныя достоинства. Въ числѣ достоинствъ у Лѣскова числилась и щедрая хвала множеству лицъ, съ которыми онъ соприкасался. Потребность говорить о людяхъ хорошо проявлялась у него даже при чтеніи газетной статьи или книги. Потребность была такъ велика, что, безъ всякаго съ моей стороны повода, часто воображая меня противникомъ этой статьи или книги, онъ писалъ мнѣ возраженія, съ цѣлью похвалить симпатичныхъ ему людей. Такъ, 9 мая 1893 года, я получилъ отъ него совершенно неожиданно слѣдующее письмо:

«Писатель, котораго имя я вчера позабылъ, есть де-Местръ. Ихъ было два: Ксаверій и Іосифъ, или Жозефъ де-Местръ.

«Въ «Русской Жизни» однако умѣютъ понимать, что важно и что не существенно. Вы напрасно относитесь къ нимъ съ ироніей. Посмотрите-ка, какой у нихъ сегодня фельетонъ о «саратовскомъ головѣ», и посравните, чѣмъ сегодня же полощутъ себѣ зубы фельетонисты другихъ газетъ»...

Вслѣдъ за тѣмъ, черезъ нѣсколько дней,

11 мая, я получаю опять письмо отъ Лѣскова съ той же потребностью кого-то защитить отъ воображаемыхъ противниковъ и хвалить дорогое ему дѣло:

«То, что мнѣ указываютъ, касается личной порядочности писавшаго. Жаль, если онъ дуренъ, но онъ все-таки написалъ дѣло. Лучше было бы, если бы можно было знать его и за хорошаго человѣка; но во всякомъ случаѣ и то не худо, что онъ говоритъ людямъ потребное и полезное. Кто его лично не знаетъ, для того этого и довольно, а если бы онъ написалъ дурное и пошлое, чѣмъ заполнена литература газетъ, то хоть бы онъ и не былъ похожъ на тѣхъ, кого мнѣ указываютъ, статьи его все-таки были бы вредны и противны. Теперь же онѣ положительно полезны. За это спасибо. Написанное имъ должно производить хорошее внушеніе. Это хорошо. Онъ, говорятъ, ненадеженъ. Это жалко и нехорошо; но руководители изданія поставили его такъ, что онъ притворяется хорошимъ и говоритъ хорошее, — это опять хорошо, и люди, которые умѣютъ извлекать изъ плохого человѣка такую выгоду для честнаго дѣла,—есть люди умные и способные къ дѣлу. Ими стоитъ дорожить. Умѣнье же у нихъ немалое, при этомъ надо отличать не только въ томъ, что они пишутъ, но и въ томъ, о чемъ молчатъ... На сихъ дняхъ всѣ повторяли одну пошлость, а

у нихъ ея не было, и вообще у нихъ не даютъ мѣста пошлостямъ, отъ которыхъ теперь не свободны уже и такіе вожди, которые претендуютъ на особенную чистоту своихъ репутацій. А, вѣдь, есть еще и такіе, которые научаютъ писать въ пошломъ родѣ людей, еще не совсѣмъ опошленныхъ... Какъ же сравнить этихъ развратителей съ тѣми, которые, быть можетъ, нѣсколько и притворяются, но притворяются людьми порядочными и внушаютъ порядочность?

«Я всегда съ твердою основательностью посовѣтую молодому человѣку читать это изданіе, не дающее у себя мѣста пошлости. Изданія такого духа надо поддерживать и ихъ не конфузить: ихъ мало, и они дѣлаютъ хорошую службу. Когда эта газета заговоритъ такъ же пошло, какъ и другія, тогда можно измѣнитъ о ней свое мнѣніе; а до тѣхъ поръ надо ей помогать, хотя бы люди, тамъ сидящіе, были мнѣ сподрятъ всѣ непріятны»...

Не менѣе характерны и дальнѣйшія письма Лѣскова ко мнѣ, изъ которыхъ видно, съ какой неодолимой жаждою онъ кладетъ на головы лицъ, съ которыми соприкасается, миртъ и лавры. Письма его вызваны были тѣмъ, что высоко цѣня оригинальныя произведенія М. Меньшикова («Думы о счастьѣ», «О писательствѣ», «Критическіе очерки» и т. д.),

я находилъ однако многія его мысли красивыми парадоксами или прямо невѣрными [1]).

[1]) За послѣднее время, напримѣръ, я могу указать въ этомъ смыслѣ на тѣ статьи г. Меньшикова, гдѣ онъ, отвергая указанія уголовной антропологіи, настаиваетъ на томъ, чтобы судъ присяжныхъ обязательно обвинялъ убійцъ, ради общественнаго мнѣнія и морали, но съ ходатайствомъ объ ихъ помилованіи. Мнѣ кажется, что если удовлетвореніе судебнаго ходатайства признать обязательнымъ, то обвинительный вердиктъ представитъ собою одну комедію, а если ходатайство о помилованіи возможно оставить безъ послѣдствій, то въ какомъ положеніи тогда очутится подсудимый и совѣсть присяжныхъ? Въ газетѣ „Русь" (отъ 20 января 1904 г.) справедливо замѣчено: „Если судья слагаетъ съ себя отвѣтственность за вынесенное имъ рѣшеніе, то его дѣйствія уже не будутъ *судейскими*, а лишь *судебными*, не отличаясь по характеру отъ дѣятельности нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ, слѣдователей и другихъ лицъ, удостовѣряющихъ факты, но не участвующихъ въ окончательномъ рѣшеніи дѣла. Такъ смотритъ на обязанности присяжныхъ засѣдателей законъ, и правительствующій сенатъ неоднократно признавалъ подлежащими отмѣнѣ приговоры, въ которыхъ рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей не давало цѣльнаго, опредѣленнаго и окончательнаго судейскаго разрѣшенія вопроса". Не менѣе странно, что г. Меньшиковъ обвиняетъ также Европу („Нов. Вр." отъ 31-го марта 1902 г.) за то, что она плохо воспитала насъ, такъ какъ мы заимствовали изъ ея цивилизаціи однѣ отрицательныя стороны. Удивительная логика! Кто же мѣшаетъ намъ заимствовать и цѣнить по достоинству положительныя стороны европейскаго прогресса? Въ „Новомъ Времени" отъ 24 августа 1803 г. появился его же фельетонъ, невольно поражающій безсердечнымъ отношеніемъ автора къ нуждамъ крестьянскаго населенія. Онъ пишетъ, что для большого корабля, какъ Россія, нужно и большое плаванье; что если двухмилліардный государственный бюджетъ довелъ нѣкоторую часть населенія „до хроническаго недоѣданія", по выраженію Л. Н Толстого, то, по мнѣнію г. Меньшикова, это ни болѣе, ни менѣе какъ „глупое уныніе"... „Работайте, какъ слѣдуетъ—и вы никогда, если вы человѣкъ честный, не въ состояніи будете истратить того, что заработаете"—совѣтуетъ онъ русскому мужику.

Но Лѣсковъ не допускалъ по адресу своихъ любимцевъ ни малѣйшей критики и возра-

„Пусть это звучитъ парадоксомъ, но разореніе имѣетъ свою благодѣтельную сторону — какъ бичъ для лѣниваго животнаго, какъ ударъ грома, заставляющій перекреститься. При всей первобытности народной на старинномъ привольѣ, на широкомъ просторѣ степей и лѣсовъ, народъ нашъ нѣсколько облѣнился и опустился. Bien est l'ennemie de mieux. Разъ есть коврига хлѣба да кусокъ сала, мужикъ способенъ валяться цѣлыя недѣли на печи. Какъ собаки и кошки изъ полныхъ жизни, подвижныхъ существъ превращаются на готовомъ корму въ тяжелыхъ сонныхъ животныхъ, ко всему на свѣтѣ равнодушныхъ, такъ и народы съ существованіемъ обезпеченнымъ. Уровень потребностей незамѣтно падаетъ до цинической простоты. Но есть предѣлъ, когда нужда становится нестерпимой. Одичавшія собаки сначала крайне бѣдствуютъ, но потомъ снова превращаются въ полныхъ энергіи хищниковъ,- не только энергіи, но и красоты. Припертый къ стѣнѣ человѣкъ сначала теряетъ голову, но потомъ всѣ силы его просыпаются. Паралитики во время пожара вскакиваютъ и убѣгаютъ. Припертые къ стѣнѣ народы всегда обнаруживали высокій героизмъ, и именно смертельная опасность воскрешала духъ народный".

Прочитавъ эти строки, мы невольно вспомнили, что не всѣ паралитики получали исцѣленіе, а тѣмъ болѣе отъ пожара, а многіе изъ нихъ безнадежно умирали и что—самое главное — весьма рискованно дожидаться воскресенія народовъ черезъ „смертную опасность" или черезъ „собачье одичаніе". Но къ нашему изумленію нашли, что г. Меньшиковъ неуязвимъ и съ этой стороны. Онъ пишетъ: „Я увѣренъ, что то же самое будетъ и съ русскимъ народомъ. Дѣйствительно припертый къ стѣнѣ онъ обнаружитъ силы теперь невѣроятныя. Пусть множество людей не выдержитъ новыхъ условій замотается, сопьется,—чѣмъ скорѣе вырождающіяся породы вымрутъ, тѣмъ лучше".

Эта философія о торжествѣ сильнаго и безсердечнаго начала въ исторіи вполнѣ пригодна для практической дѣятельности Турціи, но не для христіанскаго государства.

Еще болѣе кажутся странными за послѣднее время фельетоны г. Меньшикова о финансовой политикѣ С. Ю. Витте („Нов. Вр." отъ 5 янв. 1903 г.), съ оптимистическимъ увѣреніемъ, что всѣ косвенныя обложенія и иные поборы съ народа

жалъ мнѣ въ письмахъ, страшно преувеличивая мои отзывы о Меньшиковѣ. Вообще слѣдуетъ оговориться, что Лѣсковъ всегда преувеличенно воспринималъ чужіе разговоры о литературѣ, особенно если они заключали противныя ему мысли. Онъ придирался иногда къ пустякамъ, подыскивалъ въ словахъ «заднія мысли» и перетолковывалъ сообразно его настроенію. По поводу Меньшикова онъ писалъ мнѣ 16-го ноября 1892 года слѣдующее:

возвращаются въ карманъ того же народа; по еврейскому вопросу, разрѣшая его не лучше гг. Крушевана и Пятковскаго („Нов. Вр.“ отъ 14 сент. 1903 г.); о государственности („Нов. Вр.“ отъ 31 августа 1905 г.), о саровскихъ торжествахъ въ фельетонѣ „Левъ и Серафимъ“ (отъ 20 іюля 1903 г.), о Н. К. Михайловскомъ и вообще либеральной прессѣ (отъ 7 дек. 1903 г.), считая ее „хамскимъ издѣвательствомъ надъ бѣдной русской жизнью“. Между тѣмъ, говоритъ г. Меньшиковъ: „Россія безобразна и обнажена,—она нуждается, чтобы не скрыли, а *покрыли* это безобразіе, покрыли чѣмъ-нибудь наготу. Скажите по совѣсти, много ли помогли Россіи хамскія издѣвательства нашей нигилистической школы? Чему научила, что остановила сатира лучшаго изъ радикаловъ, Салтыкова? Стоютъ ли хоть ломаный грошъ циническія усмѣшечки г. Михайловскаго за всѣ эти 40 лѣтъ? Что вся эта такъ-называемая „передовая публицистика“ внесла въ печать извѣстный терроръ, что она зажала рты множеству робкихъ и добрыхъ людей,—это такъ. Что она внесла великую смуту въ общественное пониманіе, разстроила органическое родство съ народомъ, любовь къ нему и уваженіе, бывшія столь сильными въ поколѣніяхъ даже крѣпостной эпохи, это вѣрно. Наше образованное общество въ значительной степени охамствовано усиліями „вождей“.

Едва-ли такое отношеніе г. Меньшикова къ либеральной прессѣ и къ Н. К. Михайловскому будетъ болѣе умнымъ и болѣе тактичнымъ, чѣмъ провозглашеніе Михайловскаго, устами А. Л. Флексера и К. П. Медвѣдскаго, „жандармомъ литературной республики“ и „надпольнымъ анархистомъ“.

«Я получилъ ваше взволнованное письмо, въ которомъ вы мнѣ пишете, что писатель, котораго я нахожу очень умнымъ и хорошимъ знатокомъ своего дѣла, — вамъ не нравится, и въ вашихъ глазахъ не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Припоминаю, что я и раньше какъ будто слыхалъ о немъ отъ васъ нѣчто подобное и укоряю себя въ томъ, что по разсѣянности сдѣлалъ вамъ новое указаніе на этого человѣка. Сердиться на ваше мнѣніе не имѣю ни основанія, ни причины. «Мнѣнія свободны», и «такъ устроенъ свѣтъ, что гдѣ хоть два есть человѣка, есть два и взгляда на предметъ». Почитать писателя мало значащимъ или много значащимъ свободенъ каждый, но при столь рѣзкихъ несогласіяхъ невозможно трактовать о данномъ лицѣ или о данномъ сочиненіи. Это очевидно, и мы объ этомъ писателѣ болѣе говорить не будемъ, никогда не должно спорить о томъ, что представляется двумъ людямъ совершенно не схожимъ».

Разумѣется предметомъ спора у меня съ Лѣсковымъ была въ то время какая нибудь частная мысль въ статьѣ сотрудника Недѣли, и о ней я писалъ и говорилъ Лѣскову съ своей точки зрѣнія. Но Лѣсковъ по обыкновенію обобщилъ мои мысли и приписалъ мнѣ самые произвольные отзывы о Меньшиковѣ.

Помню Меньшиковъ написалъ статью о Л. Н. Толстомъ въ «книжкахъ Недѣли» и, пере-

читывая ее, Лѣсковъ восклицалъ съ умиленіемъ:

— Готовъ и третій разъ читать эту статью. Такая деликитность въ ней. У насъ давно такъ не писали. Я только у Маколея встрѣчалъ почтительность къ великимъ людямъ и почтительное молчаніе даже передъ ихъ ошибками и недостатками. Великихъ людей такъ мало у насъ, что не велика услуга помолчать, если они что нибудь и не такъ дѣлаютъ. Не надо ослаблять критикою ихъ благотворное вліяніе на общество. Шестидесятые годы, свергая авторитеты, пріучили каждаго посредственнаго человѣка панибратстововать съ именами, дѣлающими честь нашему отечеству. Вотъ вѣдь такая нѣжность у этого Меньшикова къ Л. Н. Толстому. Прелестная статья! Давно я не читалъ ничего подобнаго.

— Опасно и молчаніе передъ именами, замѣтилъ я.—Молчаливое поклоненіе часто портитъ великихъ людей и дѣлаетъ ихъ капризными, зазнающимися при малѣйшемъ противорѣчіи... Всѣ они кокетничаютъ своими страданіями по самому пустяшному поводу... Право, «литературныя знаменитости» ужасно похожи на актрисъ. Когда къ послѣднимъ ходишь, то непремѣнно надо подарить что-нибудь: букетъ цвѣтовъ, конфектъ, подарокъ что-ли... Словомъ, долженъ быть какой нибудь внѣшній знакъ вашего внутренняго поклоненія имъ. Ли-

тературная знаменитость тоже жить не можетъ безъ «букетовъ» и поклоненія окружающихъ. Ты долженъ доказывать почтительность передъ всякой нелѣпицей, которую такъ часто городятъ «знаменитости» всѣхъ родовъ. Вы обязаны посѣщать ихъ, а чуть занялись собственнымъ дѣломъ, какъ ваше отсутствіе перетолкуютъ охлажденіемъ и, Боже упаси, если знаменитость узнаетъ, что вы бываете у его литературнаго врага... При этомъ «знаменитость» можетъ сама и не бывать у васъ, пользоваться привиллегіей не считаться визитами и не считать для себя обязательными эти правила общежитія... Настоящія актрисы! Передъ тѣми даже не нужно молчать и разрѣшается спорить съ ними, а передъ литературными знаменитостями необходимо безропотно проглатывать всякія дикости изъ ихъ устъ... Признаніе заслугъ большого человѣка—одно дѣло, но и критическое отношеніе къ нимъ—не менѣе благородная и возвышенная черта въ обществѣ. А Меньшиковъ это отрицаетъ...

— Вы думаете, полезнѣе критиковать великаго человѣка? перебилъ раздраженно Лѣсковъ.—По вашему Л. Н. Толстой не человѣкъ и ему пріятно читать, что вотъ онъ не понимаетъ того-то, а вотъ г. Михайловскій — понимаетъ; что проповѣдуя воздержаніе отъ женщинъ, онъ самъ дѣлается отцомъ въ деся-

тый разъ и т. д.? Вѣдь это-же одно огорченіе ему, и никому это не полезно. Если бы мы больше любили великихъ своихъ людей, мы прятали бы ихъ ошибки и недостатки, вмѣсто того, чтобы трубить о нихъ по бѣлу свѣту. Надо беречь спокойствіе дорогихъ намъ лицъ, а не разрушать его.

— Вы представляете себѣ великихъ людей какими-то сдобными ватрушками, готовыми разсыпаться при неловкомъ прикосновеніи къ нимъ. Если они дѣйствительно великіе люди, то нужно и имъ пріучаться къ тому, что они сами дѣлаютъ относительно другихъ. Они критикуютъ и учатъ другихъ уму разуму, но и тѣ, въ свою очередь, могутъ имѣть свое мнѣніе и иногда очень стойкое, основательное и полезное для великаго человѣка. Но въ томъ-то и дѣло, что въ этомъ случаѣ великій человѣкъ начинаетъ сейчасъ-же жаловаться, что его мало уважаютъ, что не берегутъ его здоровье и т. д.

— Никакихъ нервовъ не хватитъ въ такомъ обществѣ жить! Силъ не хватаетъ выносить всѣ впечатлѣнія! воскликнулъ Лѣсковъ.—Одни хвалятъ Толстого, какъ цыганскую лошадь, и дерутся имъ... «Буренинъ всегда дерется много», говоритъ Толстой. Другіе не хотятъ понять, что и Л. Толстой, какъ человѣкъ, могъ много наговорить лишняго, дѣлая огромное дѣло. Толстого не надо ни нахваливать, ни ругать,

а надо исполнять то, что онъ совѣтуетъ. Вамъ не нравятся современные событія и порядки, что же нужно дѣлать? Уйти только со службы и работать для спасенія души. Вотъ, что нужно, чтобы чтить Л. Толстого. Вотъ то «не дѣланіе», которое онъ рекомендуетъ. Вотъ нравственное отношеніе къ Толстому, а недостатки его не зачѣмъ выносить на улицу и тревожить его старость. Это значитъ только «шумѣть», а не искать истины. Будемъ лучше читать о немъ статью Меньшикова.

Н. С. глубоко вздохнулъ, взялъ пульверизаторъ въ руки и, усаживаясь на старинное кресло, на которомъ вѣроятно сидѣла бабушка знаменитаго разбойника Ринальдо-Ринальдини, произнесъ:

— Это кресло, съ кожаннымъ сидѣньемъ и спинкой, складное и принимаетъ форму вашего тѣла, когда вы садитесь въ него... Это очень успокаиваетъ меня.

Потребность, чтобы его успокоивали и кресла, и люди—чрезвычайно была развита въ Лѣсковѣ. При чтеніи статьи г. Меньшикова ему особенно нравились мѣста не столько научнаго содержанія, сколько почтительнаго отношенія къ Л. Н. Толстому.

— Какая прелесть! Какая нѣжность! Подъ это самъ Бѣлинскій подписался-бы... Нѣтъ, это, Маколей... Только у него критика одухотворена любовью и почтительностью къ вели-

кимъ людямъ въ литературѣ, а у насъ ни почемъ, кого угодно разнесутъ!..

— Нельзя же, замѣтилъ я,—оставить безъ возраженій нападки Л. Н. Толстого на гомруль Гладстона и проповѣдь о томъ, что мораль выше національныхъ и политическихъ вопросовъ. Морали нѣтъ внѣ нашихъ нуждъ и стремленій.

— Однако итальянцы не стали нравственнѣе, выгнавъ австралійцевъ, перебилъ Лѣсковъ.—А вотъ зачѣмъ Меньшиковъ выставляетъ Страхова лучшимъ толкователемъ Толстого, этого и я не понимаю. Вѣдь это неправда! Тутъ Меньшиковъ ошибается. Ну, какой Страховъ толкователь! Этотъ почвенникъ, сторонних идоловъ, можетъ-ли быть поклонникомъ и вѣрнымъ цѣнителемъ Льва Николаевича? Конечно, нѣтъ. Мнѣ всегда въ этомъ случаѣ представляется редакторъ журнала или газеты, увѣряющій васъ въ томъ, что онъ любитъ Л. Н. Толстого, а самъ въ своей газетѣ затаптывающій ежедневно то, что дорого Льву Николаевичу. Какая-же это любовь? Тоже дѣлалъ и Страховъ... Нельзя любить имя человѣка, унижая его идеалы. Нельзя и цѣнить человѣка, будучи не на его сторонѣ, и т. д. Настоящіе сторонники Л. Н. Толстого въ русской литературѣ это Гаршины, Эртели, Засодимскіе... Вотъ кто цѣнитъ Л. Н-ча на дѣлѣ и служитъ ему въ размѣрѣ своего таланта.

Я не утерпѣлъ и воскликнулъ:

— Неужели Гладстонъ въ политикѣ и Дарвинъ въ наукѣ менѣе близки Льву Николаевичу, чѣмъ Засодимскій со своей моралью?

— Да! Да! Менѣе близки! отвѣтилъ Лѣсковъ и глаза его злобно засверкали...

На другой день я получилъ письмо, характерное для литературнаго пульса, который бился въ Лѣсковѣ. Онъ пишетъ отъ 17-го ноября 1893 г.:

«Ничего не могу сдѣлать для перемѣны своихъ убѣжденій на счетъ литературнаго значенія Меньшикова: признаю его за человѣка очень умнаго, съ большимъ знаніемъ литературы и съ выдающимися способностями къ разносторонней критикѣ и анализу. Таково же, какъ мнѣ извѣстно, и мнѣніе Л. Н. Толстого, но если бы Л. Н. имѣлъ и не такое, а иное мнѣніе, даже совсѣмъ противоположное и ближе подходящее къ вашему, — это бы на меня не оказало вліянія. Мнѣ надо не быть самимъ собою, чтобы отложиться отъ моего собственнаго разумѣнія; а этого сдѣлать нельзя, и я долженъ оставаться при своемъ пониманіи, за которое вы, конечно, въ правѣ меня осудить. Но разсуждать объ этомъ мы не можемъ, такъ какъ мы разно видимъ, и потому намъ не на чемъ сговариваться. Такъ это пусть и останется.

«Про Золя я охотно слушаю, когда говорятъ о его талантѣ и его манерѣ писанія, но

говорить о его умѣ и критическомъ чувствѣ мнѣ кажется дѣломъ напраснымъ.

«А вообще можно и должно держаться такого правила, что умныхъ и даровитыхъ людей надо беречь, а не швыряться ими, какъ попало, а у насъ не такъ. О насъ Пушкинъ сказалъ:

> Здѣсь человѣка берегутъ,
> Какъ на турецкой перестрѣлкѣ...

«Оттого ихъ такъ и много! Меня, однако, литература больше терзаетъ, чѣмъ занимаетъ. Мнѣ по ней всегда видно, что мы народъ дикій, и ни съ чѣмъ не можемъ обращаться бережно: «гнемъ—не поримъ, сломимъ—не тужимъ».

Едва ли подобныя письма свидѣтельствуютъ холодность Лѣскова къ литературнымъ именамъ и неодолимую потребность возложить каждому изъ нихъ на голову кусокъ грязи, какъ отзывается о немъ г. Оболенскій. У меня имѣется очень много доказательствъ обратнаго.

Къ Л. И. Веселитской, авторшѣ «Мимочки», онъ писалъ отъ 11 января 1893 года слѣдующія теплыя строки:

«Отъ всего сердца благодарю васъ, что вы меня навѣстили. Это очень мило съ вашей стороны и глубоко меня тронуло и обрадовало какъ за себя, такъ и за васъ и за родъ человѣческій, которому нужны люди съ жизне-

способными сердцами. Потомъ мнѣ досадно, что я совсѣмъ не могъ говорить съ вами, и я боюсь, что вы не скоро зайдете ко мнѣ во второй разъ. Пожалуйста, знайте, что я чувствую сильное сродство съ вами, и имѣю духовную потребность васъ знать и имѣть съ вами умственное общеніе. Если вамъ не тяжело подарить мнѣ иногда часокъ вашего времени,—пожалуйста, навѣстите меня и знайте, что для меня съ вами приходитъ интересъ къ жизни и радость отъ встрѣчи съ разумѣніемъ жизни. Повѣстью вашею я, конечно, занятъ очень сильно и очень интересуюсь знать, какими сторонами вы ее теперь поворачиваете къ солнцу, но я не думалъ давать вамъ совѣтовъ. Я просто очень заинтересованъ. Читать другимъ до отдѣлки своихъ работъ никогда не слѣдуетъ, но просматривать отдѣланное съ тѣмъ, въ комъ есть пониманіе дѣла, — очень хорошо. Любой художникъ вамъ скажетъ, что собственный глазъ иногда и даже часто «засматривается» и не замѣчаетъ, гдѣ есть что-то, требующее пополненія или облегченія. Имѣть передъ собою толковаго слушателя это не значитъ подвергать себя опасности «перестать быть собою»... Левъ Ник. читаетъ свои вещи по рукописи, и Гоголь и Тургеневъ дѣлали то же. Повѣсть ваша есть мастерское произведеніе, но вѣдь на героиню надо было положить какую-то черточку, которой не по-

ложено, вѣроятно, потому, что глазъ «присмотрѣлся» и не замѣчалъ».

Въ томъ же мѣсяцѣ онъ писалъ ей вновь:

«Благодарю васъ за вашъ отвѣтъ и за обѣщаніе навѣщать меня, но скорблю, что вы запрещаете мнѣ говорить о вашей повѣсти; но какое это лишеніе и зачѣмъ оно?.. Развѣ мы «кружева плетемъ», а не идемъ на дьяволовъ? Вѣдь у насъ есть общая идея, въ преданности которой есть наше «сродство», и вотъ о способахъ служить этой-то самой идеѣ и надо «не говорить»... Какой ужасъ! Мучительная, проклятая страна, гдѣ ничто не объединяется, кромѣ элементовъ зла. Все, желающее зла, сплачивается, — все, любящее свѣтъ,—сторонится отъ общенія въ дѣлѣ. Левъ Николаевичъ много сдѣлалъ, чтобы поставить это иначе, но я боюсь, что съ нимъ это направленіе и пройдетъ...

«Однако, я въ моей жизни такъ много перемучился за литературу и такъ много говорилъ, что могу дать вамъ обѣщаніе не говорить болѣе. Я скажу напослѣдяхъ только одно: я хотѣлъ этой вашей повѣсти занять такое мѣсто, чтобы она не только «нравилась», какъ кружево, а чтобы она «жгла сердца людей», и вы должны ее довести до этого.

«Вчера я писалъ Л—ву Н—чу и сообщилъ ему, что вы меня навѣстили, и что я былъ этимъ очень счастливъ, и что вы пришли ко

мнѣ, такъ сказать, «во имя его», и стало быть, онъ какъ бы былъ среди насъ. Я, вѣдь, вамъ не сказалъ, что онъ хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ... Это меня очень взволновало, потому что имѣло множество такихъ сложностей, которыхъ совсѣмъ не надо.

«Когда я здоровъ, я ухожу гулять въ 2 часа; до 2-хъ работаю; въ 5 обѣдаю и потомъ во весь вечеръ остаюсь дома. Когда бы вы ни зашли ко мнѣ, я всегда буду этимъ очень обрадованъ.

«Хотѣлъ бы знать: могу ли я прійти къ вамъ, когда мнѣ будетъ лучше? Я боюсь васъ стѣснить своимъ визитомъ».

Накакунѣ новаго 1894 года онъ пишетъ тому же лицу:

«Усердно васъ благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ, и самъ васъ поздравляю. Умеръ Гайдебуровъ... Это меня и поразило и огорчило до слезъ. Онъ былъ изъ хорошихъ людей, и съ нимъ можно было кое-что дѣлать на пользу просвѣщенія толпы. Число таковыхъ мало, и убыль ихъ тяжела. Благожеланія ваши хороши. Во всякомъ разѣ они лучше, чѣмъ бываютъ у всѣхъ, но тоже съ недостатками. Надо желать «добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ». Тутъ все, что нужно. Я вамъ желаю «добрыхъ и полезныхъ душѣ вашей», которую я чрезвычайно люблю и иногда ею любуюсь. . . . .

«Книжку Нордау ставлю совершенно такъ же, какъ и вы. Въ ней много умныхъ и интересныхъ мыслей, а любить въ ней нечего, какъ любить Сенеку, Марка Аврелія и имъ подобныхъ.

«Спасибо 1893 году за то, что онъ насъ свелъ и познакомилъ, и, можетъ быть, пріязнью подарилъ».

Изъ слѣдующихъ писемъ Лѣскова къ С. Н. Шубинскому [1]) еще болѣе можно усмотрѣть, въ какой мѣрѣ онъ былъ исполненъ идеалистическаго отношенія къ литературѣ, и какъ онъ былъ радъ добрымъ чувствамъ къ кому либо изъ литераторовъ.

Въ началѣ 1880 г. онъ писалъ г. Шубинскому.

«Я съ радостью пріѣду къ вамъ въ понедѣльникъ вечеромъ въ 8 или 9 часовъ. Очень радъ послушать очевидца. Книгу вашу привезу. О Голубинскомъ никому не повѣрю. Я читаю его страстно, но сужу не увлекаясь. Онъ понимаетъ духъ нашей церковной исторіи, какъ никто, и толкуетъ источники вдохновенно, какъ художникъ, а не буквоѣдъ. Онъ долженъ быть руганъ и переруганъ, но правъ будетъ онъ, а не его судьи. Онъ производитъ реформу и долженъ пострадать за правду —

---

[1]) Приношу мою благодарность С. Н. Шубинскому и другимо лицамъ за любезное разрѣшеніе воспользоваться Лѣсковскими письмами къ нимъ. А. И. Ф.

это въ порядкѣ вещей, но правда и притомъ вдохновенная, правда историческаго проникновенія, съ нимъ, а не съ Б — мъ и не съ tutti frutti. Я впрочемъ охотно готовъ о немъ не писать, но ему я написалъ, потому что я не спалъ 4 ночи, не будучи въ силахъ оторваться отъ книги. Не думаю, чтобы судъ о немъ былъ судъ правый, митрополитъ Макарій не далъ бы денегъ на изданіе пустяшнаго труда, а онъ ихъ далъ, не смотря на то, что Голубинскій много разъ противорѣчилъ Макарію. О Голубинскомъ вѣрнѣе всѣхъ отозвался нѣкто такимъ образомъ: «онъ треплетъ историческіе источники, какъ пономарь поповскую ризу, которую онъ убираетъ послѣ служенія». Сейчасъ еще ее цѣловали, сейчасъ чувствовали, какъ съ ея «ометовъ каплетъ благодать», а онъ ее знай укладываетъ... Грубо это, но вѣдь онъ знаетъ, что подъ нею не благодать, а просто крашенина съ запахомъ отъ пота. Но Голубинскій, кажется, такъ и идетъ на это... Это Шерръ [1]) русской церковной исторіи, у которой до сихъ поръ были только «кадиловозжигатели». Пусть что кому нравится, а мнѣ нравятся Шлоссеръ, Ренанъ, Шерръ, Костомаровъ, Знаменскій и Голубинскій. Степени

[1]) Іоганнъ Шерръ — нѣмецкій историкъ. Въ 1848 г.—глава демократической партіи въ Виртембергѣ: въ 1849 г. бѣжалъ въ Швейцарію и въ Цюрихѣ былъ профессоромъ исторіи и литературы.

ихъ учености и дарованій различны, но пріемъ и духъ одинъ и тотъ же — это духъ, единственно принадлежащій живой наукѣ, и онъ есть духъ живучій — духъ будущаго исторіи, тогда какъ Б. и tutti frutti останутся мертвыми, погребающими своихъ мертвецовъ.

«Дружески любящій васъ Н. Лѣсковъ».

Отъ 28-го октября 1884 г., узнавъ о смерти Н. И. Костомарова, онъ пишетъ г. Шубинскому:

«О Костомаровѣ глубоко скорблю. Это былъ настоящій писатель и человѣкъ съ литературною честностью, какихъ все становится менѣе и менѣе. «Память его будетъ съ похвалами» и «во благихъ водворится». Онъ пожилъ и потрудился довольно, но безъ него станетъ пусто».

Въ слѣдующемъ 1885 году, то же доброжелательное настроеніе охватываетъ Лѣскова при чтеніи рождественскаго разсказа А. С. Суворина. Онъ пишетъ С. Н. Шубинскому:

«Суворинъ меня очень обрадовалъ: разсказъ его въ рождественскомъ номерѣ исполненъ силы и прелести и при томъ—смѣлъ чертовски [1]). Это написано такъ живо и сочно,

[1]) Фельетонъ А. С. Суворина взятъ изъ дѣйствительной жизни и помѣщенъ въ „Новомъ Времени" отъ 25 декабря 1885 года за № 3531, подъ названіемъ „Трагедія изъ-за пустяковъ". Командиръ полка разсказываетъ о томъ, какъ офицеры и онъ самъ въ молодости ухаживали за красивой помѣщицей Ильменевой. Послѣдняя предпочла всѣмъ имъ

что брызжетъ на читателя не только горячею кровью, но даже и спермой... По смѣлой реальности и вѣрности жизни я не знаю равнаго этому маленькому, но превосходному разсказу. Я думаю, что если бы онъ не самъ написалъ этотъ мастерской разсказъ, то онъ бы отказался его напечатать. Я болѣе всего радъ, что талантъ его живъ и цѣлъ, и ни годы хандры, ни иныя причины его не упразднили. Разсказъ дышитъ силою и зрѣлостью

корнета Привалова и пригласила его къ себѣ на всю ночь во время отъѣзда своего мужа изъ усадьбы „Покровское" въ городъ. Полковникъ зналъ о предстоящемъ свиданіи, но изъ ревности ничего не сдѣлалъ, чтобы удержать Ильменева у себя на квартирѣ, когда тотъ изъявилъ ему намѣреніе вернуться въ ту же ночь обратно къ себѣ въ усадьбу. Повидимому, полковникъ и красавица Юлія приписываютъ послѣдующую трагедію „пустякамъ". По крайней мѣрѣ, она говоритъ ему: „Господи, и все это изъ-за такого вздора, изъ-за такой малости! Отчего я прямо не сказала мужу: „виновата... у меня любовникъ". Изъ-за этой „малости" разыгралась слѣдующая драма: въ сосѣдней со спальней комнатѣ была глубокая ниша съ платьемъ, куда и бросился корнетъ Приваловъ, заслышавъ ночью шаги вернувшагося мужа. Въ нишѣ онъ задохся и умеръ. Чтобы скрыть его трупъ, Юлія прибѣгла къ помощи лакея Якова. На этой почвѣ и разыгралась „трагедія". „Этотъ рабъ, говоритъ Юлія, это подлое животное не только обиралъ меня, не только заставилъ заступаться передъ мужемъ и обкрадывать мужа и моихъ дѣтей, онъ заставилъ меня сдѣлаться его любовницей!" Когда не стало болѣе силъ терпѣть, она отравила его и ночью въ отчаяніи прибѣжала къ полковнику съ горькой исповѣдью своей жизни. Безвыходность несчастной женщины обострила въ немъ давнее къ ней расположеніе. Онъ принялъ быстрое рѣшеніе и убѣдилъ ее остаться у него... Въ заключеніе онъ говоритъ: „Выше Покровскато есть глубокій омутъ... Трупъ Якова путешествовалъ въ моей лодкѣ до этого омута и на днѣ его погребенъ... Это было въ слѣдующую ночь...".

ума, глядящаго зорко и опытно. Словомъ это прекрасно, несмотря на несоотвѣтствующее заглавіе и на нѣсколько скомканное окончаніе. Какая бы изъ этого могла выйти драма! И однако ея на сцену бы не допустили. Въ общей экономіи картины халуй остался не выписанъ, а тутъ два, три штриха могли потрясти читателя глубже, чѣмъ все остальное, написанное страстно и съ удивительною жизненностью. «Орлу обновишася крила его». Въ этомъ разсказѣ матеріала художественнаго на цѣлую повѣсть, въ которой анализа можно было обнаружить столько, сколько его не обнаруживалъ нигдѣ Достоевскій. И притомъ какого анализа? — не «раскопки душевныхъ ретирадовъ» (какъ говорилъ Писемскій), а погруженіе въ страсть и въ казнь за нее страстью же (страстью лакея). Это не «пустяки», а преступленіе и наказаніе по преимуществу. Суворинъ сжегъ въ этотъ рождественскій вечеръ въ своемъ каминѣ не «рождественскій чурбанъ», а цѣлый дубъ, подъ вѣтвями котораго разыгралось бы много драмъ. За это на него можно сердиться. Такъ глубоко не всегда заколупишь. Жаль, если этотъ разсказъ останется мало замѣченнымъ, а это возможно, какъ возможно и то, что его справедливое направленіе рецензенты назовутъ «клубничнымъ» и т. п. Она могла въ трехъ строкахъ разсказать, какъ она въ первый разъ

отдалась лакею. Ее томилъ страхъ послѣ смерти любовника... она не спала, ей что-то чудилось. Лакей вышелъ изъ ниши, гдѣ тотъ погибъ, и тутъ его смѣлость и нахальство и ея отчаяніе. Думала отдѣлаться однимъ мгновеніемъ, а онъ ввелъ это въ хроническое дѣло. У нея явилось что нибудь въ родѣ не бывшей ранѣе страсти къ духамъ... она все обтирала руки (какъ леди Макбетъ), чтобы отъ нея не пахло его противнымъ прикосновеніемъ. Эта новая ея привычка до развязки разсказа увеличила бы силу чего-то въ ней совершающагося. Очень глубокій и сильный разсказъ. Въ Орловской губерніи было нѣчто въ этомъ родѣ. Дама попалась въ руки своего кучера и дошла до сумасшествія, все обтираясь духами, чтобы отъ нея «конскимъ потомъ не пахло». Лакей у Суворина недостаточно чувствуется; читателямъ его тиранія надъ жертвою почти не представляется, и потому къ этой женщинѣ нѣтъ того состраданія, которое авторъ непремѣнно долженъ былъ постараться вызвать, какъ по требованіямъ художественной полноты положенія, такъ и потому, чтобы сердцу читателя было на чемъ съ нею помириться и пожалѣть ее, какъ существо, оттерпѣвшее свою муку. По крайней мѣрѣ, я такъ чувствую, а, можетъ, и онъ тоже. Иначе все какъ-то легко сошло... очень ужъ легко. 26 декабря 1885 года».

Такія письма Лѣскова, надѣюсь, легко убѣждаютъ въ томъ, что рядомъ съ наклонностью испортить чужую репутацію въ немъ жила также потребность идеализаціи своего ближняго. Интересно его письмо къ С. Н. Шубинскому отъ 2 мая 1890 г. Онъ пишетъ:

«Я прочелъ статью Арсенія Ивановича Введенскаго въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» и глубоко благодаренъ за нее автору и вамъ. Статья эта вполнѣ справедлива, умна, благородна и благожелательна, а при этомъ она строга и требовательна и не льстива, что мнѣ особенно дорого и пріятно. Это первая статья, которую я прочелъ о себѣ, чувствуя въ критикѣ настоящую честность, искренность и ясное пониманіе. Я очень счастливъ, что дожилъ до удовольствія прочесть о себѣ мнѣніе человѣка искренняго и понимающаго дѣло. Что онъ ставитъ мнѣ въ укоръ, то все правильно, заслуживаетъ замѣчанія и укоризны, и онъ обидѣлъ бы меня, если бы отнесся ко мнѣ снисходительнѣе. Словомъ, я очень радъ, что вы остановились на этой статьѣ Введенскаго, и прошу васъ принять отъ меня глубокую за нее благодарность. 2 мая 1890 года».

Даже въ личнымъ исторіяхъ Лѣсковъ не всегда давалъ волю своему дурному характеру. Вмѣсто бросанія на голову ближняго кусковъ грязи, онъ могъ и къ самому себѣ относиться

критически и сознавать свои ошибки. Однажды А. С. Пругавинъ прислалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» статью о сектантѣ «Суесловъ Водынинъ», которую редакторъ журнала, С. Н. Шубинскій, далъ на просмотръ Н. С. Лѣскову, какъ много работавшему по русскому расколу. Лѣсковъ сдѣлалъ въ ней исправленія, и статья была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ, въ № 4. Лѣсковскія поправки однако оказались совершенно ошибочными, и г. Пругавинъ послалъ объ этомъ въ редакцію журнала письмо съ справедливымъ укоромъ за допущеніе въ текстѣ его статьи грубыхъ ошибокъ. Шубинскій послалъ его возраженіе къ Н. С. Лѣскову, который отъ 8-го сентября отвѣтилъ г. Шубинскому слѣдующимъ письмомъ:

«Получилъ и при семъ же вамъ возвращаю письмо Пругавина. Помню хорошо, какъ это было. Вы жалѣли, что должны ему отказать въ напечатаніи статьи, написанной рѣзко и неловко. Я заспорилъ съ Вами, что Вы мнительны, и, прочтя статью, сказалъ, что ее можно провести, сдѣлавъ приспособленіе и сопоставленіе. Желая сберечь грошъ собрату, я самъ и сдѣлалъ это по просьбѣ вашей. Статья такимъ образомъ и прошла. О Пушкинѣ я зналъ по корреспонденціи, читанной за границей въ Карлсбадѣ. Можетъ быть, она и невѣрна, а Пругавинъ правъ. Ученье же

Пушкина и Водынина по духу близки, а главное они дерзничали и страдали. Впрочемъ этихъ великихъ людей такъ много, и всѣ они такъ велики и имениты, что очень можетъ быть, что я и напуталъ, но съ самою впрочемъ доброю цѣлью — спасти статью чужую и совершенно на вашъ взглядъ невозможную. Чтобы исправить эту историческую ошибку, я бы просилъ Васъ написать Пругавину, что я виновникъ всего этого безчинства, и что я прошу у него извиненія за мое глупое вмѣшательство и былъ введенъ въ заблужденіе чужеземною газетою. Поправлять этого не стоитъ до новаго изданія, когда Пругавинъ просто можетъ вычеркнуть. А если ему непремѣнно хочется поправлять теперь, то прошу васъ усердно обнаружить, что этотъ промахъ сдѣлалъ я, и обозначить вполнѣ мое имя. То же самое я предоставляю и самому Пругавину, что и прошу васъ ему сообщить».

XII.

Отзывъ А. Ѳ. изъ „Новаго Времени" и С. Н. Шубинскаго о Лѣсковѣ.—Сужденія Лѣскова о Гольцовѣ, Протопоповѣ, Каблицѣ, Чернышевскомъ и моихъ „Воспоминаніяхъ объ А. И. Энгельгардтѣ".—Отношеніе къ старинѣ и національному самохвальству.—Тяготѣніе къ Западной Европѣ.

Приведя рядъ писемъ Лѣскова, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ спокойномъ состояніи духа онъ былъ весьма склоненъ идеализировать людей, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ

признать, что у него въ запасѣ было достаточно и «вонючей грязи», о которой говорятъ, и которой въ минуты гнѣва и ссоры онъ дѣйствительно пачкалъ соприкасавшихся съ нимъ людей. Но похвальный и отрицательный отзывы о Лѣсковѣ должны быть одновременными, если характеризовать его всесторонне. Вотъ почему я считаю необходимымъ сдѣлать поправку къ воспоминаніямъ г. Оболенскаго о Лѣсковѣ и такъ же буду принужденъ распространиться противъ воспоминаній о Лѣсковѣ г. А. О., напечатанныхъ въ «Новомъ Времени». Послѣдній не только писалъ о томъ, что Лѣсковъ былъ скупъ на похвальные отзывы о пишущей братіи, но что онъ думалъ возмѣстить университетское образованіе знакомствомъ съ разными старыми книгами преимущественно церковнаго содержанія; что, прочитавъ какую нибудь раскольничью книгу, онъ воображалъ себя гораздо «ученѣе» университетскихъ профессоровъ; что «книга», съ которою онъ не разставался, никогда не была общеобразовательною книгою; что нерасположеніе ко всему современному и въ особенности европейскому выражалось у Лѣскова даже въ забавныхъ мелочахъ, а пристрастіе къ Москвѣ XVII вѣка, съ кваскомъ и чадомъ подоваго печенья, было безграничнымъ...

Эти отзывы совершенно ошибочны и объясняются тѣмъ, что г. А. О. вспоминаетъ о

своемъ съ Лѣсковымъ знакомствѣ въ ранній періодъ литературной дѣятельности послѣдняго.

Между тѣмъ Лѣсковъ умеръ 21-го февраля 1895 года и за послѣднія 10—15 лѣтъ былъ совершенно неузнаваемъ для тѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ въ семидесятыхъ годахъ.

С. Н. Шубинскій, редакторъ «Историческаго Вѣстника», въ которомъ по преимуществу работалъ Н. С. Лѣсковъ послѣдніе годы своей жизни, говорилъ мнѣ:

— Лѣсковъ, съ которымъ я познакомился на вечерахъ у Милюкова и который началъ работать вскорѣ у меня въ журналѣ, совсѣмъ не походилъ на того Лѣскова, котораго вы знали впослѣдніе годы его жизни, и котораго уже съ трудомъ можно было напечатать въ журналахъ при настоящихъ условіяхъ печати. Онъ неузнаваемъ сталъ. На моихъ глазахъ онъ росъ съ каждымъ годомъ за послѣднія десять лѣтъ, необычайно развиваясь въ своихъ взглядахъ. Онъ умѣлъ читать и выбирать изъ чтенія все то, что подходило къ тѣмъ образамъ, которые наполняли его душу. Онъ училъ за послѣднее время, какъ власть имѣющій, а не просто разговаривалъ съ вами. Прочесть книгу и переработать всю ее по-своему, снабдить разговоръ запасомъ собственныхъ наблюденій изъ русской жизни и литературы, по пути подвергнуть насмѣшкѣ своихъ недруговъ и ошеломить васъ возможностью тѣхъ или дру-

гихъ событій въ политическомъ мірѣ, плѣнить лучшимъ, что есть въ человѣческой душѣ, и подорвать довѣріе къ государству во вкусѣ Л. Н. Толстого—вотъ Лѣсковъ у себя дома и въ гостяхъ у друзей...

Дѣйствительно, значительно ранѣе Лѣсковъ чрезвычайно много читалъ книгъ по исторіи церкви и старины, но позднѣе онъ читалъ все, что выходило замѣчательнаго и самостоятельнаго по соціальнымъ вопросамъ. Онъ интересовался и политической, и художественной жизнью Европы такъ же, какъ и у себя на родинѣ. Правда, Лѣсковъ не придавалъ большого значенія университетскому диплому писателя и цѣнилъ въ немъ выше всего оригинальность и дарованіе. Онъ предполагалъ для литературнаго образованія необходимымъ «до сѣдыхъ волосъ не разставаться съ книгой», но руководиться не книжными доктринами множества ученыхъ, а живыми соображеніями и любовью къ благородству въ человѣческой исторіи. Въ этомъ онъ видѣлъ преимущество литератора передъ ученымъ. Когда въ пылу полемики его упрекали тѣмъ, что онъ нигдѣ не кончилъ курса образованія — онъ имѣлъ много основаній сказать противникамъ: — «Полагаю, что многимъ изъ насъ весьма неудобно считаться другъ съ другомъ на этихъ счетахъ: мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь. Мы не литераторы, которые разви-

вались въ духѣ извѣстныхъ началъ и строго приготовлялись къ литературному служенію. Намъ нечѣмъ похвалиться въ прошломъ; оно у насъ было по большей части и мрачно, и безалаберно. Между нами почти нѣтъ людей, на которыхъ бы лежалъ хоть слабый слѣдъ кружковъ Бѣлинскаго, Станкевича, Кудрявцева или Грановскаго. Мы плачевные герои новомоднаго покроя, всѣ посрывались, «кто съ борка, кто съ сосенки».

Сознавая недостатки своего образованія, Лѣсковъ пополнилъ его съ необыкновеннымъ успѣхомъ серьезнымъ изученіемъ общественныхъ вопросовъ. Это всякій скажетъ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ за послѣднія 15 лѣтъ его жизни. Его обширная библіотека состояла изъ рѣдкихъ и полнѣ оригинальныхъ мыслителей. Въ письмахъ ко мнѣ, вслѣдствіе постоянныхъ со мной разговоровъ и споровъ, онъ неоднократно укоряетъ меня «верхами журналистики» и совѣтуетъ почитать хоть Гиббона. Этого «Гиббона» можно вспомянуть теперь въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ по каждому значительному вопросу Лѣсковъ всегда могъ указать на какое нибудь крупное имя, хорошо имъ проштудированное, использованное сообразно его собственному позднѣшему христіанскому міросозерцанію. Оно было въ немъ всегда научно обосновано, независимо отъ его талантливости.

Лѣсковъ трудолюбіемъ и «горбомъ» пріобрѣлъ себѣ имя, а не исключительно «нутромъ» или талантомъ. Онъ много учился, много видѣлъ на своемъ вѣку, много работалъ надъ языкомъ и сюжетомъ своихъ произведеній и потому дорогъ читателю не только «какъ талантъ», но и христіанскими идеалами за послѣдніе годы своей жизни...

Здѣсь будетъ умѣстнымъ указать, между прочимъ, на то, что въ журналѣ І. Ясинскаго «Ежемѣсячныя сочиненія» какъ-то было сказано, что я напрасно считаю Лѣскова во многомъ обязаннымъ «повороту къ толстовщинѣ» и также напрасно воображаю, что Лѣсковъ дорогъ читателю нравственными основами жизни, такъ какъ и самъ «Толстой силенъ не своей моралью, а своимъ талантомъ и искренностью». Мое возраженіе кратко: художественнымъ талантомъ и искренностью были не менѣе сильны Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Диккенсъ, Бальзакъ, Флоберъ и т. д., но никто изъ нихъ въ такой степени не вносилъ въ міръ «прометеева огня», — интереса къ нравственнымъ основамъ нашей жизни, какъ Л. Н. Толстой въ качествѣ мыслителя за послѣдніе годы его литературной дѣятельности. Давно ужъ художественное дарованіе Толстого отошло на задній планъ въ воспроизведеніи того, что есть въ жизни; вниманіе стараго и новаго міра сосредоточено на его возвышенномъ

міросозерцаніи о томъ, чѣмъ должна быть наша жизнь. Разумѣется, это міросозерцаніе и въ Лѣсковѣ было болѣе крупнымъ, чѣмъ прежнее въ «Соборянахъ» въ «Очарованномъ страннкѣ», «Запечатлѣнномъ Ангелѣ» и т. д.

У меня сохранились нѣкоторыя письма Лѣскова ко мнѣ, изъ которыхъ видно, въ какой степени, напротивъ, онъ былъ начитанъ и заинтересованъ самыми разнообразными вопросами русской жизни и литературы. Я однажды выразилъ ему свое несогласіе со статьями Гольцова и Протопопова въ «Русской Мысли», посвященными, если не ошибаюсь, разбору «Основъ народничества» О. И. Каблица. При этомъ во избѣжаніе лишняго раза упоминать фамилію Гольцова, я назвалъ его «эксъ-профессоромъ» безъ всякой задней мысли, сохраняя уваженіе къ лично знакомому мнѣ В. А. Гольцову. Лѣсковъ привязался къ слову и прежде всего прописалъ мнѣ слѣдующее наставленіе:

«Зачѣмъ вы стегаете этого честно пострадавшаго человѣка тѣмъ, что онъ «эксъ-профессоръ»? Развѣ его выгнали за дурное дѣло?»

Послѣ этого совершенно напраснаго упрека, Лѣсковъ пищетъ мнѣ:

26-го октября 1893 г., Спб., Фуршт., 50, 4.

Апостолу Павлу сказалъ одинъ мужъ: «Многія книги въ неистовство тя прелагаютъ». И видно, что было древне, то есть и днесь. Вы

очень сердитеть, но Г—въ и П—въ люди умные, образованные и съ опредѣленными взглядами. Они всѣ вопросы разсматриваютъ съ точки зрѣнія своего направленія, у котораго есть очень много сторонниковъ высокой пробы умственной и нравственной. Во всякомъ разѣ, это направленіе, которое можно понимать и обсуживать. Каблицъ же поступалъ со всѣми вопросами, какъ крыловская «Мартышка» съ очками: «То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ». Онъ все вертѣлъ, а ничего не объяснилъ и не доказалъ, и говорить о немъ въ серьезъ, какъ о выразителѣ чего бы то ни было, кромѣ ломанья,—я не почитаю ни за возможное, ни за достойное затраты времени. По моему, это такой былъ мыслитель, что изъяснять его нѣтъ никакой надобности и никакой пользы. «Книги его прелегали въ неистовство...» Да поможетъ Богъ всякому человѣку избѣжать этого. У насъ и безъ того много неистовыхъ. Онъ кончилъ достойнымъ себѣ образомъ: шуллера мысли признали въ немъ свои родственныя черты и приняли его къ себѣ «на совѣтъ нечестивыхъ», и... онъ пошелъ... [1]) Комическое положеніе. Я надѣюсь, что мы объ этомъ мыслителѣ го-

---

[1]) Лѣсковъ подразумѣваетъ здѣсь одно частное собраніе славянофиловъ-журналистовъ, куда приглашенъ былъ и О. И. Каблицъ. Послѣдній, однако, никогда не принадлежалъ къ нимъ, и очень скоро разошелся съ ними.

ворить больше не будемъ. Для меня это всегда «Мартышка и очки», и притомъ мартышка довольно противная. Поздравьте и меня съ глупостью».

Не находя возможнымъ согласиться съ такой оцѣнкою «Основъ народничества» и «Русскихъ диссидентовъ», я въ своемъ отвѣтѣ Лѣскову вѣроятно еще разъ коснулся основного міросозерцанія Каблица и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

28-го октября 1893 г., Спб., Фуршт., 50, 4.

«Мнѣ трудновато, Анатолій Ивановичъ, вести переписку о такихъ вопросахъ, какъ массовый подъемъ или герои и героическое имѣютъ преимущества ясности и положительности. Объ этомъ написано горы и, въ числѣ судившихъ объ этомъ лицъ есть Карлейль, Спенсеръ, Миль, Морлей и другіе, при которыхъ нельзя же упоминать о Каблицѣ или выставлять въ многозначащемъ родѣ свое мнѣніе... Его имѣть можно, но съ нимъ надо быть очень скромнымъ. Вопросъ этотъ изъ тѣхъ, который человѣкъ высокаго ума называлъ «проклятымъ». Массу надо поднимать, но она не поднимается массою... Что дѣлать съ этимъ «проклятіемъ»? Я этого не знаю и не сержусь на это, и не хвалю тѣхъ, кто «съѣлъ бы» людей иного мнѣнія, а вы мнѣ это приводите... Для чего, спрошу? Мнѣ это и не нужно, и не важно, и не интересно. Я же-

лаю понимать Карлейля и его теорію «героизма», и совсѣмъ лишнимъ почитаю всякое знакомство съ литературною жвачкою маленькаго и почти совсѣмъ ничтожнаго человѣка въ области мысли, о которомъ я не знаю для чего вы писали. Когда же выставляете напередъ его мнѣнія въ убійственномъ по своей трудности вопросѣ, то я не нахожу убѣдительнымъ.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, я получилъ на другой день слѣдующее:

29 октября 1893 г.

«Зачѣмъ вы негодуете на отношенія Флексера къ Чернышевскому и Бѣлинскому? Значитъ вы понимаете, что именно тутъ есть неумѣстнаго, но для себя по адресу Г. и П. вы этимъ не стѣсняетесь. И за что? За то, что люди берутъ дѣло съ другой стороны, чѣмъ Каблицъ, и утверждаютъ выводы, сдѣланные Бѣлинскимъ и Чернышевскимъ. Въ статьяхъ Г. и П. сказана одна фактическая правда и какъ разъ сходная съ тѣмъ, что писали Бѣлинскій и Чернышевскій, и Карлейль, и все великое множество умныхъ людей, которые знаютъ исторію и видятъ, что «масса инертна», а успѣхи дѣлаются немногими способными идти во слѣдъ героевъ. (Одинъ, Кромвель, Лютеръ, Магометъ, Христосъ, Будда)».

Я всегда былъ того же самого мнѣнія и о Чернышевскомъ, и о главныхъ факторахъ

прогресса. Всѣ возраженія Лѣскова я не могъ принять на свой счетъ въ томъ видѣ, какъ они выражены въ его письмѣ. Я писалъ ему о томъ, что по существу онъ споритъ не со мной, а по обыкновенію съ воображаемымъ противникомъ и не хочетъ вникнуть въ частность, на которой я разошелся съ сотрудниками изъ «Русской Мысли» по вопросу о Каблицѣ. Я не могъ примириться съ полнымъ упраздненіемъ этого типичнаго журналиста, продѣланнымъ надъ нимъ «Русской Мыслею», симпатичное направленіе которой не спасаетъ ее отъ «провинціализма», отмѣченнаго Л. Н. Толстымъ въ оцѣнкѣ «ежемѣсячниковъ». Защищая Каблица *въ одномъ изъ частныхъ случаевъ* («Основы» его—во многомъ ошибочны), я вѣроятно писалъ Лѣскову о безхарактерности нашихъ журналовъ, объ отсутствіи въ нихъ крупнаго современнаго интереса, о неумѣньи найти его и заинтересовать читателя оригинальностью, новизной и талантливостью, подавляемыхъ безчисленными повтореніями давно усвоенныхъ идей, давно отжившихъ событій, такихъ же вопросовъ безъ новыхъ точекъ зрѣніяи т. д. Личная безталанность заправилъ журналовъ сказывается не только въ ихъ статьяхъ, но и въ составѣ книжекъ. Я этому не радовался, но не замалчивать, а говорить объ этихъ фактахъ считалъ полезнымъ для той же либеральной идеи.

На слѣдующій день опять получаю слѣдующее письмо:

30-го октября 1893 г.

Совершенно справедливо, Анатолій Ивановичъ, что полемику о достоинствѣ сужденій Каблица надо бросить. Еще бы лучше было ея не начинать, такъ какъ человѣкъ этотъ, какъ мыслитель, только смѣшонъ и жалокъ. Вы процитировали много именъ, и всѣ они говорятъ и то, и другое; а хоть бы они не говорили ни то, ни другое, то всегда останется яснымъ, что не всѣ желудки способны варить одну и ту же пищу, что народъ и мы разно понимаемъ вещи; и отсюда у Сократа, у Оригена и у Августина получили свои права ученія «исотерическое» и «экзотерическое», т. е. болѣе полное и менѣе полное (для людей менѣе понимающихъ). Какъ ты скажешь народу правду-то? Вѣдь онъ убьетъ тебя... Писемскій, шутя, предлагалъ такихъ умниковъ, какъ Каблицъ, «посадить въ пивную или идти къ Иверской», чтобы тамъ сказалъ «како вѣруешь». Пусть поговоритъ съ народомъ объ Иверской такъ же свободно, какъ со мной, и тогда увидитъ разницу между народомъ и интеллигентомъ. Пустыми дѣлами мы съ вами занимаемся. А Г. и П. въ литературѣ не говорятъ ничего къ помраченію совѣсти и понятій. Я кончилъ».

Я цитирую эти маленькія письма Лѣскова не для оцѣнки О. И. Каблица, писателя образованнаго и талантливаго, а исключительно

для того, чтобы опровергнуть мнѣніе, что Лѣсковъ мало слѣдилъ за современными вопросами, и поглощенъ былъ исключительно старинной церковностью въ Москвѣ XVII вѣка. Когда въ Россію пріѣхали представители французской печати хлопотать о франко-русской литературной конвенціи, то въ газетахъ было сообщено едва ли не самое интересное по этому вопросу мнѣніе именно Н. С. Лѣскова. Онъ сказалъ интервьюирующему его писателю слѣдующее:

— Мое мнѣніе по этому поводу не тайна, вамъ, какъ русскому, какъ «своему» человѣку, я его выскажу, но съ французомъ-писателемъ я о конвенціи говорить не сталъ-бы, и удивляюсь тѣмъ, которые съ ними объ этомъ разговаривали, точно какъ будто мы и они находятся въ равномъ положеніи... Я не сталъ бы бесѣдовать о конвенціи ни съ однимъ французомъ—это совершенная правда,—французу мнѣ было бы *конфузно* сказать то, что я могу сказать вамъ, я не рѣшился-бы посвятить его въ тѣ условія, при которыхъ нашъ писатель не можетъ сравнивать себя съ западнымъ писателемъ: тотъ говоритъ все, что хочетъ, а нашъ не то. И потому у нашихъ всегда фабула менѣе интересна, а прелести литературной отдѣлки въ переводѣ исчезаютъ... Мое мнѣніе о конвенціи слѣдующее: съ точки зрѣнія теоретической нравственности она не-

обходима, но на практикѣ, для нашихъ русскихъ писателей она будетъ очень невыгодна: русскія произведенія, какъ менѣе интересныя и написанныя «прикровенно», не выдержатъ конкуренціи ни съ французскими, ни съ англійскими.—Я не скажу, чтобы французы были страшны по несравненному превосходству ихъ талантовъ, но два пѣвца не могутъ состязаться между собою при условіи, если поютъ голосами не равной силы. Что-же возьмутъ у насъ французы?.. Изъ того, что уже написано, они лучшее повыбрали—а изъ того, что пишется и будетъ писаться—это все вѣдь варіаціи на темы «влюбился—женился, или влюбился да застрѣлился». Говорятъ—типы! А я думаю, что и изъ типовъ-то нашихъ имъ добрая половина непонятна или неинтересна. Развѣ можетъ составить себѣ французъ вполнѣ правильное представленіе, напримѣръ, о Мармеладовѣ и Раскольниковѣ? А о моемъ діаконѣ Ахиллѣ—развѣ у нихъ есть такіе люди? Да и мерзавецъ-то «настоящихъ», нашихъ русскихъ мерзавцевъ у нихъ нѣтъ и они никогда не «переварятъ» какъ слѣдуетъ ни Чичикова; ни Ноздрева—ни въ одномъ французѣ не умѣстятся такія личности, какъ эти двое. Характеры тургеневскихъ героевъ и тѣ даже непонятны для французовъ: французскій критикъ, разсуждая о послѣдней сценѣ «Дворянскаго гнѣзда», понять не могъ, «какъ Лиза встрѣ-

чается съ Лаврецкимъ, разбившемъ ея жизнь, и проходитъ, опустивъ глаза въ землю—проходитъ pas un mot... Да тутъ надо-бы... тутъ можно бы...» И дѣйствительно, будь подобная сцена у французовъ, они придали-бы ей настоящаго «жару». Изъ того, что пишется и что, вѣроятно, еще долго будетъ у насъ писаться, французы многаго не возьмутъ, ибо они настолько культурны, что «влюбился—женился» у нихъ никого интересовать не можетъ, а большаго по фабулѣ или окраскѣ характеровъ мы теперь дать не въ состояніи... Главное достоинство русской беллетристики въ настоящее время заключается въ художествѣ, въ отдѣлкѣ, но въ переводахъ это очень трудно передается, а фабула у насъ беднѣе и разработка мыслей ограниченнѣе.

Такимъ образомъ, Лѣсковъ проявлялъ во всемъ самое близкое знакомство съ новѣйшей литературой и съ европейской жизнью. Помню, я ему послалъ на прочтеніе сочиненія Ф. Лассаля, и онъ тотчасъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ:

Искренно благодарю Васъ за книги, которыя Вы мнѣ любезно доставили. Я прочту ихъ безъ медленности, и черезъ 3—4 дня могу возвратить Вамъ съ большою благодарностью за доставленное удовольствіе.

Преданный Вамъ

Н. Лѣсковъ.

30-то ноября 1893 г.

Большая начитанность Лѣскова по самымъ разнообразнымъ вопросамъ русской жизни и литературы, при его природномъ умѣ и дарованіи, подавляла собою каждаго въ разговорѣ и перепискѣ съ нимъ. У меня имѣются два интереснѣйшихъ его письма, присланныхъ мнѣ изъ Мерекюля тотчасъ, какъ только въ 1893 году появились въ «Вѣстникѣ Европы» мои «Воспоминанія объ А. Н. Энгельгардтѣ». Онъ писалъ мнѣ:

2/VII. 93 г. Мерекюль.

Я получилъ ваше письмо и спѣшу отвѣтить, что гости мои останутся числа до 13 и я не замедлю своевременно написать вамъ и буду ждать васъ къ себѣ. Помѣщеніе мое меня удовлетворяетъ, а здоровье позволяетъ молчать о немъ. Г-жу Г—чъ и г. Ф—ра я знаю. Ихъ нельзя называть ни глупыми, ни невѣждами, но не соглашаться съ ними можно, иногда это очень хорошо. Умные и образованные люди тоже не всегда свободны отъ заблужденій и ошибокъ, но если ошибки неумышленны и дѣлаются не для корысти, то на нихъ можно и должно указывать, но за нихъ нельзя людей презирать и ненавидѣть. То же и о Гербертѣ (этимъ именемъ Лѣсковъ называлъ одного кіевскаго профессора), *если* онъ теперь не вошелъ во вкусъ и не

сталъ соображать, гдѣ раки зимуютъ. Гл. Успенскій, какъ я думаю, хорошо зналъ Энгельгардта, но оказывается, что онъ еще боленъ. Вашу статью объ Энгельгардтѣ я прочиталъ и скажу вамъ о ней свое мнѣніе. Она любопытна, но вы какъ будто неловко отсортировали матеріалъ и оттого статья напоминаетъ блюдо, которое, какъ говорятъ, «невкусно подано». У васъ событія, упоминаемыя въ письмахъ и разсказываемыя въ личныхъ вашихъ воспоминаніяхъ, катаются и перекатываются изъ одного угла въ другой, сбиваютъ хронологію и въ конпѣ концовъ читатель получаетъ анекдоты, а не нравоописательный очеркъ, что читателю нужно. Не выходитъ портрета, нѣтъ «характера лица и времени». Я очень сожалѣю, что Вы не заставили себя подготовиться къ этой работѣ, пробѣжавъ что-нибудь образцовое въ этомъ родѣ, напр,. характеристики Карлейля (Бернсъ, Ноксъ и т. п.). «Видѣть» человѣка очень важно, но иногда случается, что инымъ это мѣшаетъ: можетъ казаться, что знакомый человѣкъ, какъ виденъ Вамъ, такъ и другіе его видятъ. И начинаются анекдоты. И оттого *домашніе* люди часто не могутъ разсказать о своемъ семьянинѣ, а чужой, который не приглядѣлся къ нему, разскажетъ. Въ этой же книгѣ «Вѣстника Европы», гдѣ и Ваша статья, есть статья Ковалевскаго (Максима) о Токвиллѣ, гдѣ тоже воспомина-

нія смѣшаны съ письмами, но посмотрите, какъ письма то *врѣзаны* въ событія. Всѣ они на своемъ мѣстѣ и полномъ хронологическомъ соотвѣтствіи и читатель ведется послѣдовательно, а не скачетъ туда и сюда. И какъ онъ воспользовался словами своего покойника для того, *чтобы уяснить живущимъ ихъ время и ихъ положеніе!* Начиная съ 127 по 135 страницы онъ, представляя Токвилля мимоходомъ, *вырисовалъ* цѣлую картину времени и массу отдѣльныхъ лицъ, не исключая даже Николая Павловича (134). Вы всѣмъ этимъ какъ будто пренебрегли, и это очень жалко; а лицо и матеріалъ письменный давали возможность Вамъ сдѣлать статью отмѣннаго интереса. Аренсбургъ не равняйте съ Теріоками или Мерекюлемъ. Тамошія грязи считаютъ не хуже сакскихъ и воздухъ тамъ удивительно хорошъ. Александрѣ Адамовнѣ мой низкій поклонъ. До свиданія»,

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Лѣскова дополнительное письмо.

7-го августа 1893 г. Мерекюль.

Не обижайтесь, любезный Анатолій Ивановичъ! Очерки этого рода очень трудно дѣлать. Если бы Вы мнѣ дали ранѣе прочитать Вашу работу, я, быть можетъ, указалъ бы вамъ на *ошибку въ пріемѣ* и на то, что знаю въ этомъ родѣ за образцовое. (Тэнъ, Карлейль,

изъ нашихъ: Грановскій — «Четыре характеристики»), но вѣдь и такъ цѣль достигнута: вниманіе общества привлечено. По моему мнѣнію, надо было писать воспоминанія и только подкрѣплять ихъ мѣстами изъ писемъ *) (какъ сдѣлано у Ковалевскаго), или же написать воспоминанія, съ подстрочными ссылками на письма, а письма напечатать ниже, отдѣльно. Теперь часто такъ дѣлаютъ, и это, мнѣ кажется, не худо; а когда хронологія путается и заднее колесо задѣваетъ за переднее—это нехорошо. Впрочемъ, редакція «Вѣстн. Евр.» цѣнила матеріалъ и своевременность его появленія, а потому тутъ «не всякое лыко въ строку», а лишь бы въ свое время ломоть былъ. Вамъ досадовать на себя нѣтъ причины. Повторяю вамъ: написать очеркъ характернаго лица—дѣло очень трудное и «мастероватое». Этого «тяпъ да ляпъ» не сдѣлаешь; а вы дѣлали дѣло на-скоро и сдѣлали его добросовѣстно.

---

*) Мои воспоминанія объ А. Н. Энгельгардтѣ именно такъ и написаны. Текстъ о немъ идетъ послѣдовательно въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ, къ которымъ пріурочены и письма. Между тѣмъ, Лѣсковъ совѣтуетъ мнѣ описывать событія особо, а письма Энгельгардта ко множеству лицъ приложить отдѣльно къ тексту. Никакъ не могу и теперь согласиться съ мнѣніемъ Лѣскова о моемъ трудѣ, который появится, надѣюсь, въ скоромъ времени отдѣльнымъ изданіемъ.

Чтобы по поводу Энгельгардта нельзя было дать картины его времени — я не согласенъ, и много примѣровъ могутъ доказать вамъ противное; а вы именно и позабыли, что есть превосходный способъ «доказательство отъ противнаго»... «Это тебѣ, сударь, вина!» Измѣнять въ дальнѣйшей работѣ ничего нельзя, потому что тогда обнаружится еще болѣе безпорядокъ плана во всемъ сочиненіи. Оставьте, какъ есть, и будьте покойны, что польза въ этомъ есть, а недостатки его замѣтятъ очень немногіе.

Что касается г-жи Г., то мнѣ всегда хочется говорить о ней съ уваженіемъ: она умная, очень много и вполнѣ основательно училась и предана не пустякамъ, а благородному дѣлу, съ которымъ трудно оборачиваться. Если она и не удержитъ своего изданія, все-таки она достойна почтенія. Дѣвушекъ съ такимъ настроеніемъ немного на свѣтѣ. Ф—ръ возбудилъ противъ себя многихъ и въ іюльской книжкѣ «Недѣли» есть горячая и умная статья о немъ Меньшикова («Критическій декадансъ»), которая должна быть очень горька и Ф—ру, и издательницѣ журнала. Стало быть они за свои ошибки получаютъ и уязвленія, и урокъ. Но все-таки ихъ ошибки хотя и имѣютъ вредныя стороны, но онѣ безкорыстны и не вызываютъ того негодованія, какое рвется изъ сердца при видѣ подличанья, растворяе-

маго въ радости, что это поощряется врагами литературы и нравится пошлымъ людямъ въ обществѣ. Это надо различать.

Преданный вамъ
Н. Лѣсковъ.

Едва-ли подобныя письма свидѣтельствуютъ исключительное пристрастіе Лѣскова къ старо-церковной литературѣ да къ старьевщикамъ толкучаго рынка съ «залакированными Рафаэлями», какъ утверждаетъ въ упомянутой выше газетѣ А. О. Лѣсковъ изучалъ старину, но не ради старины. Подобныхъ ученыхъ онъ весьма мало цѣнилъ, и я никогда не забуду его насмѣшливаго отношенія къ мертвой учености нынѣ профессора кіевскаго университета, посѣщавшаго часто Лѣскова и прославившагося дешифрированіемъ совершенно безполезныхъ для современной культуры писемъ папы Герберта (Сильвестра II). Лѣсковъ писалъ мнѣ изъ Мерекюля отъ 28/VI 93 г. слѣдующее о немъ:

За диссертацію о Гербертѣ автору присуждена премія митрополита Макарія, какъ за «лучшее историческое сочиненіе». Въ виду запрещенія высокопробныхъ трудовъ Терновскаго и Голубовскаго, это имѣетъ очень большое, характеристическое значеніе, опредѣлить величину котораго было-бы достойнымъ дѣломъ историческаго журнала. Предтеченскій и Го-

родецкій, однако, отошли отъ дѣлъ сего міра и за отшествіе ихъ поскорбѣли въ некрологахъ газетчики. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, русская земля теряетъ «полезныхъ дѣятелей» такого сорта людей, что во всѣ времена всѣ путные люди могли бы и не понять, и не оцѣнить!.. О, Господи! Доколѣ, о, Господи, будетъ идти это ничѣмъ не вынуждаемое литературное безстыдство! Правъ Л. Н. «Лучше быть ругаемымъ».

Н. Лѣсковъ.

Масса лицъ обращается къ Лѣскову за совѣтами по дѣламъ литературы, и у меня есть доказательства его живого участія къ этимъ постороннимъ ему лицамъ. Какъ то мнѣ прислалъ бывшій редакторъ газеты «Прибалтійскій Край» копію къ нему письма Н. С. Лѣскова слѣдующаго содержанія:

На конвертѣ адресъ:

Дерптъ.
Русская Публичная Библіотека.
Михаилу Михайловичу Лисицыну.

Михаилъ Михаиловичъ!

Анат. Ив. Фаресовъ доставилъ мнѣ Ваше письмо, въ которомъ Вы пишете о своемъ желаніи издавать въ Дерптѣ газету на русскомъ языкѣ въ «примирительномъ» «христіанскомъ духѣ»,—для чего вы находите нынѣшнее время благопріятнымъ. Я съ вами совсѣмъ противо-

положныхъ мыслей на счетъ этой благопріятности и замышлять такое дѣло *теперь*—считаю совершенною напрасностію. Въ подробностяхъ я этого на письмѣ развивать Вамъ не могу, но соображенія мои имѣютъ массу доказательствъ и,—увы!—неоспоримыхъ. Дѣлать такія попытки при очевидной невозможности—значитъ мучить себя и другихъ и ронять репутацію самаго дѣла. Таково мое мнѣніе, о чемъ я и написалъ нѣсколько подробнѣе Льву Николаевичу. Онъ — человѣкъ высокихъ идей и созерцаній, но отнюдь не знатокъ въ томъ: какъ вести газетное дѣло, и его надо чтить, любить и оберегать его имя отъ сближенія со всѣмъ, что не серьезно, не солидно и не прочно, какъ напримѣръ газета, основываемая «безъ средствъ—съ задачами благородными», но совсѣмъ не отвѣчающими господствующему стремленію, съ которыми нельзя бороться, имѣя цензурную бандероль на устахъ. Ничего того, что Л. Н. пишетъ для газеты «христіанскаго» направленія, не дозволятъ напечатать въ газетѣ, издаваемой теперь въ Россіи, и доказательствъ этому такъ много, что заводить новую газету для того, чтобы получить еще одно, совершенно не стоитъ. Очень радъ, что слышалъ о Васъ, какъ о человѣкѣ добраго христіанскаго настроенія. Берегите же это настроеніе отъ всего, что ему можетъ вредить.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

Это письмо отнюдь не слѣдуетъ понимать за совѣтъ пренебречъ литературой или держать носъ по вѣтру.

Что касается нелюбови Лѣскова къ европейскому просвѣщенію и его любовнаго пристрастія къ «отечественному дыму», то у меня есть много доказательствъ обратнаго. Изученіе русской старины и народности во многомъ плѣняло Лѣскова особенностями русскаго быта. Множество мелочей въ русской жизни ему нравилось. Его восторгали русскія поддевки, картузы, палки съ солидными рукоятками, удобныя кресла, комоды, крѣпкія настойки и т. п. обиходныя вещи. Нравились ему и типы «рабской преданности» въ народѣ, но, разумѣется, и вкусныя настойки и преданные характеры крѣпостныхъ людей не выражали его общественныхъ симпатій. О настойкахъ и подрясникахъ можно совсѣмъ не говорить, а идеальные рабы трогали художественное сердце писателя, но не въ такой степени, чтобы онъ забывалъ возможность идеальныхъ характеровъ и при лучшемъ режимѣ, въ каковомъ забвеніи обвиняетъ его Н. К. Михайловскій («Русское Богатство», № 6-й, за 1897 г.). По этому вопросу, отъ 7-го ноября 1887 года, онъ писалъ С. Н. Шубинскому слѣдующія строки:

«Посылаю вамъ историческую справку о характерѣ старинной русской прислуги, вопросъ

о которой Манасеинъ (министръ юстиціи) вноситъ въ январѣ въ государственный совѣтъ. Теперь время показать, что это такое было въ достохвальную старину, въ которой газетные невѣгласы ищутъ помощи отъ всѣхъ золъ. Полагаю, что статья цензурна».

Нелюбовь его къ «достохвальной старинѣ» деже переходила въ крайность»...

— Какой же это народъ,—восклицалъ онъ неоднократно:—за границей онъ въ праздникъ по утру слушаетъ обѣдню, а вечеромъ пьянствуетъ, а у насъ онъ пьетъ съ утра до вечера... Такому народу не привьешь никакихъ благородныхъ принциповъ. Каратаевъ у Л. Н. Толстого — исключеніе, а народъ во «Власти тьмы».

Въ разсказѣ «Продуктъ природы» (томъ 12) Лѣсковъ проводитъ мысль, что если надѣть кокарду, то въ «достохвальную старину» можно было перепороть весь народъ, да еще съ его же помощью... Въ альбомѣ Ѳ. Ѳ. Фидлера, переводчика на нѣмецкій языкъ русскихъ поэтовъ, имѣется характерный автографъ Лѣскова, а именно: «Ѳ. Ѳ. Фидлеръ хорошо дѣлаетъ, что знакомитъ европейцевъ съ русскими поэтами, но онъ не хорошо сдѣлалъ, что назвалъ книгу «Русскій Парнасъ», ибо Парнаса у насъ нѣтъ, а самая фантастическая изъ русскихъ горъ есть Лысая гора. Да худо и то, что въ той книгѣ не переведенъ самый основ-

ный русскій мотивъ: «Ты с...нъ сынъ камаринскій мужикъ»... И это тебѣ, нѣмчинъ, вина. 23-го апрѣля 1892 г. Н. Лѣсковъ.

Приведенныя строки едва ли согласуются съ кваснымъ патріотизмомъ, въ которомъ обвиняютъ Лѣскова. «Народничество» консервативныхъ газетъ онъ считалъ «пустохвальствомъ», хотя, конечно, въ стомилліонной массѣ русскаго народа не отрицалъ и добродѣтели («Праведники»), и геній, и изобрѣтательность («Стальная блоха») и гордился созданіемъ положительныхъ типовъ изъ русской націи (т. II).

Въ какой мѣрѣ обвиненіе Лѣскова въ «національномъ самохвальствѣ» несправедливо,— мы видимъ и въ печатныхъ его произведеніяхъ.

Въ 1883 — 1884 годахъ Лѣсковъ писалъ С. Н. Шубинскому письма, изъ которыхъ до нѣкоторой степени мы узнаемъ истинное его отношеніе къ Россіи и къ Европѣ.

«Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ. Скучно, тяжело и вокругъ столь подло и столь глупо, что не знаешь, гдѣ и духъ перевести. Не могу себѣ простить, что я никогда не усвоилъ себѣ французскаго языка въ той мѣрѣ, чтобы на немъ работать, какъ на родномъ. Я бы часа не оставался въ Россіи и навсегда. Боюсь, что ее можно совсѣмъ возненавидѣть со всѣми ея нигилистами и охранителями. Нѣтъ ни умовъ, ни характеровъ и ни тѣни

достоинства... Съ чѣмъ же итти въ жизнь этому стаду и вдобавокъ еще самомнящему стаду? 17-го августа 1883 года».

«И въ Кіевъ ѣздить то же тяжело. Что и природа безъ людей, съ которыми можно хоть потосковать вмѣстѣ. Ужасно тяжело! несносно тяжело! Суворинъ летитъ въ Парижъ. Видно, какъ тамъ ни скверно, а все туда тянетъ. Видѣлъ Нотовича и Розенгейма, а тѣ видѣли вчера Краевскаго, который сказалъ: «Голосъ будетъ, но это будетъ не тотъ голосъ». Газета продана говорятъ Ціону, а другіе говорятъ, что Ціонъ только подставка. Выйдетъ «Голосъ» безъ подписи Краевскаго и будетъ органъ «консервативный», можетъ быть, съ нѣкоторымъ нѣмецкимъ отблескомъ. Что-то такое, чего и не разберешь, но любопытно, хотя ничего хорошаго быть не можетъ. Война у всѣхъ на устахъ, и ее ждутъ скоро, но, кажется, въ значительной мѣрѣ поддерживается общеизнурительною скукою всего общества. Вы пишете, что не надо падать духомъ, а надо бодриться. Словъ нѣтъ, что это такъ, но вѣдь всякія силы знаютъ усталость. Столько лѣтъ работы и унынія чего нибудь да стоили душѣ и тѣлу. Родину-то вѣдь любилъ: желалъ ее видѣть ближе къ добру, къ свѣту познанія и къ правдѣ, а вмѣсто того, либо поганое нигилистничанье, либо пошлое теченіе назадъ, «домой», т. е. въ допетровскую дурость и кривду. Какъ съ этимъ

«бодриться»? Одно средство: презирать и ненавидѣть эту родину и быть философомъ и холоднымъ человѣкомъ. Но до этого безъ муки не дойдешь. И на небѣ ни просвѣта, вездѣ minimum мысли. Все истинно честное и благородное сникло; оно вредно и отстраняется. Люди, достойные одного презрѣнія, идутъ въ гору. Бѣдная родина! Съ кѣмъ она встрѣтитъ испытанія, если они суждены ей?.. За всякое привѣтливое слово «лобзаетъ душа моя», и повѣрьте, что я не въ долгу у васъ... Да, да, далеко не въ долгу. Оттого, можетъ быть, мнѣ и было нѣчто особенно больно. Литературное общество злое и безучастливое (хуже чиновниковъ), и я въ немъ всегда сторонился, но тѣмъ болѣе любилъ тѣхъ, въ комъ встрѣчалъ черты живого человѣколюбія и участливости. Отрадой мнѣ было увидѣть все это въ васъ, и вы знаете, какъ я расположился къ вамъ всею душою. Время гнусное, но тѣмъ теснѣе надо добрымъ людямъ стоять другъ возлѣ друга и поддерживать другъ въ другѣ вѣру въ человѣка. Видѣлъ нашего старичка — Милючка (А. П. Милюкова) и слышалъ, какъ онъ «сопутствовалъ» Григорію Петровичу (Данилевскому) въ его имѣніе, слышалъ, какъ онъ своимъ блекотаніемъ встрѣчалъ А. О. словами: «а я по васъ соскучился!» Кто съ кѣмъ соединился и смѣшался? Какъ же не любить Карновичей? Костомарова? и

еще тѣхъ, кто кое-какъ несетъ свою скорбь одиноко, не якшаясь направо и налѣво, а сохраняя душу свою въ возможномъ опрятствѣ. 20 августа 1883 года».

Лѣтомъ 1884 года, Лѣсковъ уѣхалъ за границу, и письма его оттуда исполнены симпатіи къ Европѣ и прежней ѣдкой горечи по адресу соотечественниковъ. Онъ пишетъ изъ Маріенбада къ тому же С. Н. Шубинскому:

«Нѣмцы ко мнѣ очень благосклонны, такъ что даже заставили завидовать мнѣ настоящихъ генераловъ, которыхъ теперь много привалило изъ Франціи. Меня сдѣлали «почетнымъ гостемъ», прислали «почетный билетъ» въ собранія, клубъ и библіотеку; не пожелали взять съ меня податей (около 25 гульденовъ) и за пользованіе врачебными пособіями. Всего одолжили, пожалуй, гульденовъ на 100. Давно въ отечествѣ со мною такого казуса не было. Изъ Веймара пріѣхалъ посольскій священникъ, старикъ Ладинскій, и самъ былъ у меня три раза съ русской манерой не обозначать своего адреса на карточкѣ (веймарскій). Я его искалъ весь день по Маріенбаду и въ Воскресенье пошелъ въ русскую (походную) церковь. Подходя къ кресту, я сказалъ ему мое имя. Онъ сію же минуту повернулся въ алтарь, подалъ мнѣ просфору и вдругъ сказалъ: «знаете-ли, господа, кто это?.. Это нашъ умница Н. С. Л...». Я переконфузился, а онъ добавилъ: «да.

да, нашъ милый, честный, прекрасный умище»... Потомъ, перекрестивъ меня, онъ сказалъ: «я 25 лѣтъ на чужбинѣ и часто мечталъ о счастіи васъ видѣть и обнять». Мы оба растрогались и чего-то заплакали. «Это, можетъ быть, не умно, но тепло вышло. 12-го (1-го) іюля. Маріенбадъ».

«Сейчасъ получилъ ваше письмо, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, отъ 8-го іюля. Здоровье мое, по милости повелѣвшаго мнѣ «ясти хлѣбъ свой въ потѣ чела моего»,—въ состояніи хорошемъ. Я облегчился на 22 фунта, хожу легко и неутомимо, и снимаю съ себя мокрые сапоги самъ рукою, какъ бывало очень давно. Вѣсъ тѣла моего совсѣмъ нормальный, и сердце свободно отъ жира, равно какъ и печень. Строгій режимъ водъ меня нимало не изнурилъ, но какъ онъ длится уже 40 дней, то сталъ немножко докучать. Хочется уже спать до 7 и посидѣть за бумагой. Перечиталъ бездну книгъ краснаго оттѣнка, все глупо, хотя, какъ матеріалъ, не лишено интереса. Пошлю на ваше имя 2—3 брошюры: выдадутъ—хорошо, а нѣтъ—пусть пропадаютъ. «Свистать» надо мною можно, какъ надо всякимъ, но въ подлости и лицемѣріи меня едва ли можно уличить, какъ можно въ томъ уличить бы г.г. свистуновъ. Михневичъ все дѣлалъ неловко и грубо, не зная дѣла. То, что оказано городскимъ муниципалитетомъ мнѣ, постоянно по

коренному здѣшнему обычаю оказывается каждому писателю-еллину, якоже и iудею, т. ет нѣмецкому, какъ и иностранцу, къ какой бы нацiи онъ ни принадлежалъ. Это такъ здѣсь всегда для всѣхъ писателей, которыхъ знаютъ. Почему же узнали меня? (Тутъ и изощралось надо мною остроумiе). А дѣло весьма просто и причинъ тому много.

«1) Книга Бокка Rurderth und Bureocratie in Russland», которая жадно прочитана всѣми нѣмцами и гдѣ $^1/_3$ составлена изъ перевода моихъ статей объ Остзейскомъ краѣ, съ большими и, можетъ быть, даже излишними мнѣ похвалами за «благородное безпристрастiе и справедливость».

2) Библiотекарь Гетцъ и Шагай (чехъ) изъ Егера, у которыхъ я въ первый же день прiѣзда подписался на чтенiе книгъ русскихъ и польскихъ. Изъ нихъ Шигай, какъ услышалъ мое имя, такъ и призналъ меня, ибо имѣетъ мои книги. Надѣюсь, это не диво, а Марiенбадъ весь въ тарелку, «Marienbader Zeitung» есть изданiе того же Шигая.

«3) Русскiе студенты изъ Вѣны (преимущественно евреи), которые приходили ко мнѣ сдѣлать визиты, какъ писателю, что здѣсь въ обычаѣ, и наконецъ священникъ, котораго привѣтъ я сообщилъ вамъ. Кажется, довольно этихъ причинъ, чтобы въ городѣ, который весь собирается ежедневно у одного источника,

могли меня узнать, и «титуловаться» мнѣ не было никакой надобности. «Свистуны» все судятъ по русскимъ понятіямъ, забывая, что здѣсь паспортовъ нѣтъ. Двое французовъ изъ редакцій «Siècle» и «Figaro» имѣли точно такое же вниманіе, хотя извѣстность ихъ можетъ быть даже короче моей. Здѣсь просто люди вѣжливы и занятіе литературное пользуется вниманіемъ. Болѣе ничего. Тутъ и въ библіотекахъ съ литераторовъ не берутъ денегъ за чтеніе, какъ съ лѣкарей въ аптекѣ за лѣкарство. Есть и иныя странности, напримѣръ, дамы дарятъ корзины цвѣтовъ. Бѣда, если бы объ этомъ узнали. То ли не глупость! То ли еще не преступленіе! Но вы, надѣюсь, знаете, что я нескромностью и нахальствомъ никогда не отличался, а если меня знаютъ попы, дамы и студенты, то ужъ это такъ само отъ дѣлъ сдѣлалось. Надъ чѣмъ же свистать? Что русскаго человѣка почтили, не ниже, чѣмъ француза, или поляка изъ Кракова, или венгерца изъ Пешта?... Экіе тактичные люди мои собратья. Разъясните имъ, пожалуйста, при случаѣ, что дѣло могло обходиться безъ моего радѣтельства объ извѣстности. Пусть будутъ свѣдущи о порядкахъ тѣхъ странъ, гдѣ редакцій не называютъ «притонами», а писателей не считаютъ «отребьемъ». Это имъ можетъ пригодиться. Изъ Marienbad'а я уѣзжаю 28 (16 русск.) іюля въ понедѣльникъ и покидаю его не безъ сожа-

ленія. Ровное прелестное мѣсто. Нигдѣ уже не будетъ такъ «frisch», ни такъ «freu». Машрутъ держу на Прагу, гдѣ хочу многое видѣть и пробуду тамъ съ недѣлю; потомъ на 2 дня въ Дрезденъ, а оттуда уже въ Вѣну, гдѣ хочу быть у знаменитаго Нотнагеля (докторъ) и просить его о совѣтѣ для моей злосчастной нервозности, которая впрочемъ здѣсь облегчилась, можетъ быть, но причинѣ душевнаго равнодушія и близости къ природѣ. Что сдѣлаю далѣе, еще самъ не знаю. Если Нотнагель найдетъ, что я поправился хорошо, то, можетъ быть, вернусь въ Россію ранѣе, въ августѣ (жаль тратить безъ крайности кровные гроши). Изъ Вѣны вамъ напишу. Халата не одобряю — скверное платье. Тутъ его не знаютъ и очень хорошо дѣлаютъ. Здѣсь его замѣняютъ короткой курткой и оттого легко бѣгаютъ въ такіе годы, когда мы уже кряхтимъ. Газетъ русскихъ не читаю и навѣрно ничего не теряю въ этомъ. Польскія (заграничныя) читаю и удивляюсь, что тамъ разсказываютъ о Варшавѣ. Нѣмцы принимаютъ эти вѣсти съ сомнѣніемъ и даже прямо съ недовѣріемъ. 23 (11 іюля). Маріенбадъ».

Изъ этихъ писемъ Лѣскова едва ли можно вывести заключеніе, между прочимъ, о томъ, что Москва XVII вѣка была его сердцу гораздо милѣе, чѣмъ Европа, какъ утверждаютъ про него нерасположенные къ нему писатели.

Эти писатели также получали отъ Лѣскова письма изъ-за границы. Послѣдній не переставалъ восторгаться и европейскими порядками и не скрывалъ неприглядностей русскаго быта при сравненіи. Но такъ уже обыкновенно водится, въ особенности, среди пріятелей: если одинъ изъ нихъ возвысится надъ ними и произнесетъ новое слово о жизни, то чтобы понять его и посочувствовать ему, пріятели прежде всего выливаютъ ему на голову всю собственную грязь и, очистившись предварительно, начинаютъ впослѣдствіи ему симпатизировать. Письма Лѣскова и его бесѣды о европейской жизни послужили вовсе не къ тому, чтобы причислить его къ партіи западниковъ, а къ цѣлому ряду насмѣшекъ надъ нимъ, въ родѣ стишковъ В. Крестовскаго:

Нашъ авва Фотій изъ столицы
Хотѣлъ воспрянуть въ высь и ширь,
Но вновь у Б....вой вдовицы
Обрѣлъ свой Юрьевъ монастырь.

Лѣсковъ все болѣе и болѣе удалялся отъ фотіево-монастырскихъ тенденцій и шелъ на встрѣчу Л. Н. Толстому, а пріятели не довѣряли его духовному перелому и продолжали зло и безпощадно смѣхаться надъ нимъ:

Миръ ти чадо! Проскакавъ
По Европѣ много станцій,
Къ намъ вернулся цѣлъ и здравъ
Новый нашъ Лактанцій.

Зрѣлъ ты тамъ не мало лицъ,
Грады зрѣлъ невѣрныхъ,
И въ позорищахъ пѣвицъ,
И плясовицъ скверныхъ.

Угобженъ еси зѣло,
Ты отъ ласкъ ихъ не отвѣдалъ,
Но корая блудъ и зло,
Постъ имъ проповѣдалъ.

Сгнило все: Востокъ и Римъ,
Все въ Россіи ненавистно,
Ты одинъ непогрѣшимъ
Нынѣ же и присно.

Ты же, убо до нуля
Духомъ въ кротости смирися,
Но о Бозѣ насъ хуля,
Радуйся! Спасися!

Какъ ни уходилъ Лѣсковъ отъ фотіевскихъ идеаловъ, его все-таки продолжали считать сторонникомъ ихъ, и даже до сихъ поръ патентованные критики полагаютъ, что «Соборяне» Лѣскова—лучшее и задушевнѣйшее его произведеніе. Между тѣмъ самъ авторъ писалъ, отъ 27-го января 1893 года, Л. И. Веселитской, между прочимъ, слѣдующія строки:

«О «Соборянахъ» говорите правду. Они «вамъ ближе». Во всякомъ случаѣ теперь я бы не сталъ ихъ писать, но я бы охотно написалъ: «Записки разстриги», и, можетъ быть, еще напишу ихъ... Клятвы разрѣшать, ножи благословлять, браки разводить, выдавать тайны, прощать обиды, сдѣланныя другому, оказывать протекціи у Создателя и т. д., вотъ

что я хотѣлъ бы показать людямъ, а не Варнавкины кости».

Отзывъ Лѣскова о «Соборянахъ» свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую перемѣну въ симпатіяхъ и міросозерцаніи ихъ автора по основнымъ вопросамъ русской жизни... А гг. Михайловскіе и Соловьевы, не замѣчая этого, продолжаютъ попрежнему корить Лѣскова то Катковымъ, то Фотіемъ.

И письма Лѣскова къ разнымъ лицамъ, и печатныя его произведенія, не позволяютъ причислить Лѣскова къ сторонникамъ дворянской миссіи во главѣ съ Катковымъ и т. д. Нельзя также причислить его къ народникамъ консервативныхъ газетъ, твердящимъ объ исключительно-превосходной и богатой духовной сторонѣ русскаго народа и укорявшимъ Лѣскова тѣмъ, что его соціологія игнорируетъ духъ націи и измѣряетъ его Фамусовыми да «поповской чехардой». «Въ народѣ живетъ философская мысль—это его секты; демократизмъ—въ равенствѣ членовъ артели и общины; поэзія — въ народныхъ пѣсняхъ... Вы не знаете русскій народъ!»

— Весьма возможно,—отвѣчалъ Лѣсковъ иронически.—Народа, который не вотируетъ, нельзя и знать. У меня онъ выведенъ въ «Загонѣ», «Продуктъ природы», «Домашней челяди» и т. д. До сихъ поръ онъ обрабатываетъ землю Гостомысловымъ орудіемъ, ле-

чится сажей изъ печи, по праздникамъ любитъ не газету читать, а «искаться» или въ пьяномъ видѣ кровянить другъ другу рожи кулаками и кольями... Но, почемъ знать, можетъ быть этотъ народъ лучше литераторовъ способенъ вотировать прекрасные законы, войну и миръ, кредитъ и т. д. Я этого не отрицаю, но не хочу изъ національной гордости быть «пустохваломъ».

Лѣсковъ очень боялся патріотическаго пустохвальства и національной гордости. На эту тему онъ писалъ авторшѣ повѣсти «Мимочка», отъ 13 іюня 1893 года слѣдующія строки:

«Романъ Баранцевича начинаетъ меня интересовать, такъ какъ тамъ есть усиліе изобразить «толстовца» и для модели взятъ П. И. Бирюковъ; но дѣлается это довольно не искусно и безъ достаточныхъ знаній (напр., на стр. 64 толстовецъ говоритъ даже о «силѣ и *гордости* будущей Россіи...»). И у поповъ, и у патріотовъ, и у этихъ пересмѣшниковъ все «гордость» въ числѣ необходимыхъ условій христіанской жизни!»

Враждуя противъ пустохваловъ, Лѣсковъ, разумѣется, находилъ въ стомилліонной массѣ русскаго народа и возвышенныя явленія и замѣчательные умы отдѣльныхъ людей. Въ томъ же письмѣ къ той же писательницѣ онъ умѣетъ быть справедливымъ къ явленіямъ народной жизни даже съ точки зрѣнія похвалы ей и гордости. Онъ пишетъ:

«Въ статьѣ Волынскаго напрасно задѣтъ Протопоповъ (ни къ дѣлу) и на 120 стр. сказано будто «полуневѣжественная Обломовка не дала ни одного борца за теоретическую истину». А расколъ?! А сожженный попами Курицынъ и его товарищъ? А Косой и Матвѣй Башкинъ и вообще религіозные вольнодумы... Неужели это не «борцы за теоретическую истину»?

Лѣсковъ умѣлъ возвести въ перлъ созданія и «примѣрное поведеніе» русскаго человѣка (см. Праведники) и его изобрѣтательный геній и даровитость (см. «Стальная блоха»). Но, разумѣется, художественное воспроизведеніе выдающихся и исключительныхъ чертъ русскаго народа Лѣсковъ не считалъ преобладающимъ и общимъ. Этого въ Лѣсковѣ рѣшительно не понимаетъ критикъ-Волынскій, когда писалъ противъ Лѣскова: «Сказъ о Тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и стальной блохѣ» весь отъ начала до конца представляется наборомъ шутовскихъ выраженій — въ стилѣ безобразнаго юродства. Разныя сатирическія ухищренія не прикрываютъ собою нѣкотораго національнаго самохвальства, которое жило въ душѣ Лѣскова и, можно сказать, сохранялось до конца его дней».

Едва-ли это грубѣйшее заключеніе о Лѣсковѣ требуетъ особеннаго опроверженія. Вполнѣ достаточно и приведенныхъ нами возраженій.

Въ дополненіе къ нимъ интересно вспомнить бесѣду Николая Семеновича съ В. Л. Величко, который, восхваляя «отечественный дымъ», ожесточенно напалъ на покупность въ Европѣ свободной прессы и парламентовъ.

— Вы хотите сказать, — спросилъ Лѣсковъ:—что подкуплены люди, а не принципы скомпрометированы? Подкуплены депутаты, а не принципъ голосованія?

— Не все ли равно! У насъ пресса подъ цензурой, а тамъ она добровольно служитъ капиталу.

— Однако французы могутъ читать критическія статьи и о Сади-Карно?

— Да, могутъ.

— Чего же они еще не могутъ читать? О женѣ его не могутъ читать? Такъ это потому, что о частной жизни женщины не принято писать. Французы — благовоспитанная нація.

— Могутъ и о женѣ Сади-Карно прочесть!—презрительно возразилъ Величко.

— Такъ чего же они не могутъ прочесть?

— Есть кое-что, о чемъ и французскіе писатели не пишутъ.

— Что же это такое?

— Объ акціяхъ разныхъ обществъ...

— Значитъ редакціи закуплены?—воскликнулъ Лѣсковъ.—Значитъ, писатели тамъ подлецы, но это уже другой разговоръ... Они не

не могутъ, а не хотятъ объ акціяхъ писать. Вотъ если бы они были честные люди и хотѣли писать, да не могли, — это было бы грустно. А то вѣдь они сами не хотятъ; это не то, что хотятъ и не смѣютъ. Вообще удивляюсь: наши офицеры 15-го года, вывезли изъ-за границы европейскія идеи, а вы, русскіе писатели 93-го года вынесли то, что и во Франціи есть полиція и начальство...

Лѣсковъ не только не сочувствовалъ московской цивилизаціи въ духѣ гг. Величекъ, но ему даже поставили въ вину на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія борьбу въ литературѣ съ московскими идеалами и уволили въ отставку по третьему пункту. Широта его взглядовъ открывала ему не только слабыя стороны византійцевъ и тѣхъ, кто все собирался «работать по Боклю», а самъ одной рукой крестился подъ сюртукомъ, но и толстовцевъ въ резиновыхъ калошахъ, вмѣсто сапогъ изъ бычачьей кожи, но съ полной несостоятельностью къ сліянію съ народомъ. Онъ видѣлъ этихъ мало подготовленныхъ и безхарактерныхъ людей, между прочимъ, и въ книжномъ складѣ «Посредникъ», за посѣщенія котораго, ради описанія его, г. Оболенскій выговариваетъ Лѣскову свое неодобреніе въ томъ же «Историческомъ Вѣстникѣ» за мартъ 1902 года. Но Лѣсковъ посѣщалъ «Посредникъ» открыто; служащія въ немъ сами бы-

вали у Лѣскова и отлично знали, что Лѣсковъ писатель съ большею наблюдательностью и строгимъ критическимъ отношеніемъ ко всѣмъ явленіямъ русской жизни. Въ чемъ же проступокъ Лѣскова, если онъ взялъ отъ «Посредника» не портреты служащихъ съ враньемъ о нихъ, не ихъ одежду и «особыя примѣты», по которымъ можно угадать выведенныхъ и ошельмованныхъ въ повѣсти лицъ, но одно только настроеніе и предвидѣніе того, что даже и скромнаго дѣла съ книгами для народа толстовцы не въ состояніи оборудовать самостоятельно безъ капризнаго вмѣшательства и опеки гг. Чертковыхъ, Сибиряковыхъ и даже Сытиныхъ. Онъ рѣзко отзывается о «лепетунахъ» толстовского толка въ «Зимнемъ днѣ», но, разумѣется, никто не усмотритъ въ этомъ разсказѣ пасквиля и нарушенія писателемъ товарищескихъ и житейскихъ отношеній. Неуваженіе къ товариществу часто проявлялось въ жизни Лѣскова, но въ данномъ случаѣ, о которомъ говоритъ г. Оболенскій, его не было.

XIII.

Лѣсковскій языкъ и полемика о немъ.

Въ книгѣ Ев. Соловьева: «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка», значеніе Лѣскова трактуется, какъ «поддѣлка подъ художество», въ особенности его стиль, назван-

ный прямо «лубочной цодделкой подъ языкъ древнихъ сказаній» и «прямо позоромъ нашей литературы и нашего языка».

Подобные оригинальные оцѣнщики художественныхъ произведеній упускаютъ изъ виду, что беллетристъ прежде всего заботится не о чистотѣ языка, не объ его музыкальности и пушкинской простотѣ, но о вѣрномъ воспроизведеніи живой рѣчи цѣлаго народа и общества со всѣми ея вульгарностями, неправильностями и прочими отступленіями отъ академическаго стиля. «Литературный языкъ» потому и называется «книжнымъ», что онъ отличается отъ живой рѣчи своей обработанностью и чистотой. Этотъ языкъ является результатомъ большого ухода за оборотами рѣчи и воспитанія на лучшихъ образцахъ литературы. Не то совсѣмъ языкъ толпы, которую беллетристъ старается воспроизвести не только со всѣми ея страстями, но и съ формою ихъ выраженій. Эту разницу между литературнымъ языкомъ и живой рѣчью народа прежде всего необходимо усвоить художнику, занятому изображеніемъ русскаго быта. Л. Н. Толстой даже возстаетъ противъ «слога, слишкомъ литературнаго, а не простаго». Онъ пишекъ къ нѣкоему г. Тищенкѣ слѣдующее: «Я знаю по опыту, что вещи, писанныя простымъ русскимъ, а не литературнымъ, искусственнымъ слогомъ, несравненно понятнѣе

простому читателю, т. е. большинству русскихъ людей. Выраженные простою русскою рѣчью, никакіе оттѣнки не пропадаютъ для читателя, между тѣмъ какъ то же самое, изложенное литературнымъ языкомъ, пропускается мимо ушей и вызываетъ даже въ простомъ читателѣ или слушателѣ томительное, удручающее впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сама по себѣ та простая безъискуственная рѣчь, которою говоритъ русскій народъ, т. е. большинство русскихъ людей несравненно художественнѣе и выразительнѣе всякой другой, напримѣръ той, которою написаны повѣсти Тургенева, «Война и миръ» и т. п., и которую никто на свѣтѣ никогда не говорилъ и не будетъ говорить. Эта искусственная литературная рѣчь употребляется только въ книгахъ и въ письмахъ (по скверной привычкѣ). По скверной же привычкѣ она проникаетъ отчасти и въ разговоры между людьми, такъ называемыми, образованными, но обрывается и становится тѣмъ менѣе выдержанною въ литературномъ отношеніи, чѣмъ живѣе интересъ разговора». Упуская это изъ виду, многіе критики пустили слухъ, что Лѣсковъ не владѣетъ красивой русской рѣчью и подмѣнялъ ее или простонародною, или смѣсью обыкновеннаго разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ; будто бы этимъ объясняется обиліе шутовскихъ выходокъ, скоморошества, за-

бавнаго для толпы, но почти невыносимаго для любителей чистаго искусства; что погремушки диковиннаго краснобайства не привлекали къ нему симпатіи и уваженія читающей публики, будто бы эта «артистическая удаль» вредила впечатлѣнію и т. д. Между тѣмъ, существуетъ множество писателей, въ высокой степени владѣющихъ прекраснымъ стилемъ, великолѣпной архитектоникой всего романа и, наконецъ, симпатичностью героевъ; а власти надъ обществомъ эти писатели все-таки не имѣютъ, никто за ними не идетъ, и никто ихъ не исповѣдуетъ. Дѣло въ томъ, что самое важное условіе художественности: *правда*, черезъ которую, по Бѣлинскому, писатель доходитъ до поэзіи,—свѣтитъ слабо въ предлагаемыхъ нами щегольски отдѣланныхъ произведеніяхъ. Ни одного сильнаго образа, умиляющаго умъ и сердце читателя; ни одной свѣтлой и новой мысли, которая провѣрила бы наши умственные итоги и произвела бы въ душѣ переломъ настроенія, и т. д. Вотъ почему, несмотря на то, что такъ называемыя классическія произведенія Гомера, Еврипида, Данте, Мильтона и даже Шекспира переведены у насъ суконнымъ языкомъ, эпизоды у всѣхъ нагромождены въ излишествѣ, какъ бусы на нитку, и направленіе Отелло или Гамлета ничего не имѣетъ общаго съ нашимъ представленіемъ о либерализмѣ или консерва-

тизмѣ, — ихъ все-таки читаютъ и изучаютъ, потому что правда о жизни и человѣческой души понятны и воспроизведены безсмертными писателями сильнѣе, чѣмъ обыкновенными. Въ оцѣнку литературной дѣятельности писателя прежде всего слѣдуетъ класть именно эту «правду» и степень ея серіозности и важности для человѣческаго рода.

Кто усвоитъ эту «правду» въ произведеніяхъ Лѣскова, тотъ вѣчно будетъ признателенъ ему; а кто выкинетъ изъ оцѣнки Лѣскова этотъ пріемъ, тотъ ничего не скажетъ о немъ справедливаго.

Между тѣмъ такъ именно многіе критики и поступаютъ съ Лѣсковымъ, начиная съ разбора языка его произведеній и кончая личными съ нимъ счетами. Возраженія противъ нихъ я сдѣлаю отъ лица самого Н. С. Лѣскова.

— Чтобы мыслить «образно» и писать такъ,—говорилъ онъ мнѣ неоднократно:—надо, чтобы герои писателя говорили каждый своимъ языкомъ, свойственнымъ ихъ положенію. Если же эти герои говорятъ не свойственнымъ ихъ положенію языкомъ, то чортъ ихъ знаетъ—кто они сами и какое ихъ соціальное положеніе. Постановка голоса у писателя заключается въ умѣньи овладѣть голосомъ и языкомъ своего героя и не сбиваться съ альтовъ на басы. Въ себѣ я старался развивать это умѣнье и достигъ, кажется, того, что мои священники го-

ворятъ по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки изъ нихъ и скоморохи съ выкрутасами и т. д. Отъ себя самого я говорю языкомъ старинныхъ сказокъ и церковно-народнымъ въ чисто-литературной рѣчи. Меня сейчасъ поэтому и узнаешь въ каждой статьѣ, хотя бы я и не подписывался подъ ней. Это меня радуетъ. Говорятъ, что меня читать весело. Это отъ того, что всѣ мы: и мои герои, и самъ я имѣемъ свой собственный голосъ. Онъ поставленъ въ каждомъ изъ насъ правильно или по крайней мѣрѣ старательно. Когда я пишу, я боюсь сбиться: поэтому мои мѣщане говорятъ по-мѣщански, а шепеляво-картавые аристократы — по своему. Вотъ это — постановка дарованія въ писателѣ. А разработка его не только дѣло таланта, но и огромнаго труда. Человѣкъ живетъ словами и надо знать, въ какіе моменты психологической жизни у кого изъ насъ какія найдутся слова. Изучить рѣчи каждаго представителя многочисленныхъ соціальныхъ и личныхъ положеній — довольно трудно. Вотъ этотъ народный, вульгарный и вычурный языкъ, которымъ написаны многія страницы моихъ работъ, сочиненъ не мною, а подслушанъ у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаевъ, у юродивыхъ и святошъ. Меня упрекаютъ за этотъ «манерный» языкъ, особенно, въ «Полунощникахъ». Да развѣ у насъ

мало манерныхъ людей? Вся quasi-ученая литература пишетъ свои ученыя статьи этимъ варварскимъ языкомъ. Почитайте-ка философскія статьи нашихъ публицистовъ и ученыхъ. Что же удивительнаго, что на немъ разговариваетъ у меня какая-то мѣщанка въ «Полунощникахъ»? У ней, по крайней мѣрѣ, языкъ веселѣй, смѣшной... Вотъ и ругаютъ меня за него, потому что сами не умѣютъ такъ писать. Вѣдь я собиралъ его много лѣтъ по словечкамъ, по пословицамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, схваченнымъ на лету въ толпѣ, на баркахъ, въ рекрутскихъ присутствіяхъ и монастыряхъ. Поработайте-ка надъ этимъ языкомъ столько лѣтъ, какъ я. Вѣдь большой трудъ написать было «Полунощниковъ» такъ, чтобы было читать ихъ смѣшно. Да и, кромѣ того, только на такомъ языкѣ я могъ бы провести въ печати мои взгляды о безстыжихъ притворщицахъ въ «Полунощникахъ» и о моей среди нихъ евангелисткѣ Клавдіи... Я внимательно и много лѣтъ прислушивался къ выговору и произношенію русскихъ людей на разныхъ ступеняхъ ихъ соціальнаго положенія. Они всѣ говорятъ у меня *по своему*, а не по литературному. Усвоить литератору обывательскій языкъ и его живую рѣчь труднѣе, чѣмъ книжный. Вотъ почему у насъ мало художниковъ слога, т.-е. владѣющихъ живою, а не литературной рѣчью.

Живая и разговорная рѣчь, дѣйствительно, рѣзко отличается отъ книжной и правильно-литературной. Вотъ почему Лѣсковъ не самъ разсказываетъ «Запечатлѣннаго ангела», «Очарованнаго странника» и т. д., а влагаетъ ихъ въ уста людей, говорящихъ чужимъ для него языкомъ. Лѣсковъ, какъ художникъ, прежде всего долженъ быть въ воспроизведеніи жизни вѣренъ дѣйствительности: какъ характеру лицъ, такъ и ихъ языку. А между тѣмъ многіе удивляются тому, что у Лѣскова есть шепелявящіе герои, которые вмѣсто «городъ» произносятъ «голодъ»; въ затруднительныя минуты заговариваются и ставятъ одно слово вмѣсто другого: «знако лицомое, а гдѣ васъ помнилъ — не увижу» и т. д.

Удивляются тому, что разсказчикъ о «Стальной блохѣ» и приживалка въ «Полунощникахъ» говорятъ приблизительно однимъ и тѣмъ же языкомъ, хотя это объясняется просто тѣмъ, что оба они страдаютъ недугомъ «артистической удали», свойственной многимъ безпокойнымъ натурамъ, недостаточно интеллигентнымъ, въ простотѣ не говорящимъ ни одного словечка... Такихъ натуръ можно встрѣтить всюду и даже среди публицистовъ съ претензіей на званіе философовъ...

Изъ писемъ Лѣскова С. Н. Шубинскому еще болѣе убѣждаешься, что языкъ въ произведеніяхъ Лѣскова является результатомъ изу-

ченія самаго предмета и не страдалъ искаженностью русской рѣчи, а блисталъ отличнымъ знакомствомъ съ нею покойнаго писателя. Отъ 31-го марта 1883 года Н. С. Лѣсковъ писалъ С. Н. Шубинскому:

«Окажите мнѣ пріятельскую услугу: черкните адресъ И. Ѳ. Горбунова и С. В. Максимова. У меня сегодня, 30-го марта, былъ незнакомый генералъ во всемъ парадѣ съ просьбою военнаго совѣта «составить присягу для военныхъ чиновъ» согласно моимъ замѣчаніямъ, напечатаннымъ въ «Руси». Надо ее составить въ старинно-русско-библейскомъ стилѣ. Я указывалъ на К. П. Побѣдоносцева и И. С. Аксакова, какъ на мастеровъ сего дѣла, но генералъ сказалъ, что «совѣтъ именно проситъ меня». Я не сумѣлъ отказаться и попросилъ себѣ недѣлю на размышленіе. Мнѣ надо о стилѣ попросить совѣта Максимова и Горбунова».

Въ другомъ письмѣ, отъ 19-го сентября 1887 г., онъ пишетъ тому же лицу: «Русская Мысль» за сентябрь 1887 г., стр. 533-я, не поинтересуетъ ли васъ отчетомъ объ изданной вами первой книжкѣ моихъ разсказовъ «Скоморохъ Памфалонъ» и «Спасеніе погибавшаго». Журналъ находитъ въ соединеніи ихъ счастливую идею издателя и воздаетъ похвалу Памфалону, цѣня особенно языкъ разсказа, «своеобразный и напоминающій старинныя сказа-

нія», а также «ясность, простоту, неотразимость». Вамъ это должно быть пріятно, такъ какъ вы первый и долгое время вы единственный цѣнили этотъ разсказъ, стоившій мнѣ особаго труда по отдѣлкѣ языка и по изученію быта того міра, котораго мы не видали, и о которомъ іосифовскій «Прологъ» въ житіи св. Ѳеодула давалъ только слабый и самый короткій намекъ. Мнѣ лично эта похвала и то, что «Скоморохъ» всѣмъ нравится и ото всѣхъ любимъ,—ничего не приноситъ, но я очень радуюсь за васъ,—за ваши скорби и досажденія, вами перенесенныя, и за глупыя придирки со стороны тѣхъ, кому бы надо благодарить васъ за вашу заботливость о пріобрѣтеніи настоящей «художественной работы», какъ ее нынѣ называютъ. «Скоморохъ» проживетъ самъ собою дольше многаго, что держится похвалами и рекламами. Я надъ нимъ много, много работалъ. Этотъ языкъ, какъ и языкъ «Стальной блохи», дается не легко, а очень трудно, и одна любовь къ дѣлу можетъ побудить человѣка взяться за такую мозаическую работу. Но этотъ-то самый «своеобразный языкъ» и ставятъ мнѣ въ вину и заставили меня его немножечко портить и обезцвѣчивать. Прости Богъ этихъ «судей неправедныхъ». Они вѣрно отвыкли думать, что есть еще люди, которые работаютъ не по-базарному,—«безъ помарокъ», прямо набѣло, —

«какъ выброшенъ навозъ, такъ и замороженъ». Но «Скомороха»... критика хвалитъ и, говорятъ, будто художники готовятъ картину на выставку, гдѣ изображенъ нашъ скоморохъ. Сцена взята та, когда Ѳеодулъ лежитъ на циновкѣ у Корнилія. Корнилій въ шутовскомъ уборѣ собирается итти на потѣху, а въ двери его стоятъ двѣ призывающія его къ гетерѣ «нильскія змѣи съ играющею кровью и запахомъ страстнаго тѣла». Стало быть, вы оправданы множицею, и за васъ, добрый другъ мой, радуюсь. Мы дали публикѣ настоящее литературное произведеніе въ дни полнаго упадка и базарничества».

Вотъ какъ самъ Лѣсковъ цѣнилъ свой стиль и вотъ причины, почему онъ у него выразителенъ въ глазахъ людей, знающихъ хорошо разговорную и живую рѣчь. Между тѣмъ книжникамъ, привыкшимъ къ языку привилегированнаго меньшинства, и совершеннымъ невѣждамъ въ области народной и смѣшанной рѣчи, онъ кажется гаерствомъ, краснобайствомъ, наѣздничествомъ въ область, якобы, безыскусственнаго и простого русскаго языка. Лѣсковъ зналъ очень хорошо эту несправедливую въ стилистическомъ отношеніи себѣ оцѣнку и временами раздражался на нее. Выражалось это иногда у него рѣзко, а иногда и въ чрезмѣрныхъ похвалахъ тѣмъ лицамъ, которымъ нравился языкъ его произведеній. Всегда далекій

отъ самохвальства и рѣдко занимающійся собою даже въ продолжительныхъ бесѣдахъ, находя болѣе интереснымъ общіе вопросы и огромный запасъ наблюденій надъ русскимъ бытомъ, Ник. Сем. однако зналъ себѣ цѣну.

Прочитавъ въ журналахъ лестный отзывъ о повѣсти «Гора», онъ торопится подѣлиться впечатлѣніемъ съ С. Н. Шубинскимъ и, подъ вліяніемъ радости, пишетъ, 2-го іюня 1890 г., по существу, совершенно справедливо о языкѣ «Горы» слѣдующія строки:

«Получилъ іюньскую книжку «Историческаго Вѣстника» и прочелъ отзывъ Трубачева о «Горѣ». Покорно васъ благодарю за вниманіе и ласку. Трубачевъ очень добръ ко мнѣ, но онъ не сказалъ лести и не оскорбилъ истины: «Гора» требовала труда чрезвычайно большого. Это можно дѣлать только «по любви къ искусству» и по увѣренности, что дѣлаешь что-то на пользу людямъ, усиливаясь подавить въ нихъ инстинкты грубости и ободрить духъ ихъ къ перенесенію испытаній и незаслуженныхъ обидъ... «Гора» столько разъ переписана, что я и счетъ тому позабылъ, и потому это вѣрно, что стиль мѣстами достигаетъ «музыки». Я это зналъ, и это правда, и Трубачеву дѣлаетъ честь, что онъ замѣтилъ эту «музыкальность языка». Лести тутъ нѣтъ: я добивался «музыкальности», которая идетъ къ этому сюжету, какъ речитативъ. То же есть въ

«Памфалонѣ», только никто этого не замѣтилъ, а между тѣмъ тамъ можно скандировать и читать съ канденціей цѣлыя страницы. Мнѣ самому стыдно было на это указывать, а старшіе этого не раскушали. А Трубачевъ это уловилъ. Это ему дѣлаетъ честь. Онъ умѣетъ читать—это ужъ кое-что обѣщаетъ».

Перечитывая многочисленныхъ критиковъ о Лѣсковѣ, придется дѣйствительно согласиться съ покойнымъ писателемъ, что «умѣнье читать» слѣдуетъ признать въ современныхъ критикахъ значительнымъ достоинствомъ. Впрочемъ, если покойнаго беллетриста до сихъ поръ плохо разбираютъ присяжные цѣнители, то публика давно уже научилась цѣнить его и въ художественномъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Его герои, какъ простые смертные, такъ и «ангелы» и «дьяволы», дороги читателю. Можетъ быть, и собственноручныя письма Н. С. Лѣскова о своемъ стилѣ скрѣпятъ за нимъ то мнѣніе, что и этотъ стиль не былъ «скоморошничествомъ» или «удальствомъ», а созидался художникомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ и стоилъ ему большого труда, столь рѣдкаго въ «дни литературнаго упадка и базарничества». Интересно письмо Лѣскова къ крестьянину-поэту А. Е. Разоренову, автору популярной пѣсни «Не брани меня, родная».

«Только вчера, другъ мой Алексѣй Ермиловичъ, посвятилъ вечерокъ пересмотру вашихъ

стиховъ. Есть среди нихъ вещи очень и очень недурныя, но отдѣлывать ихъ вы или не умѣете, или же совсѣмъ не хотите. Такъ писать нельзя. Помните, что основное правило всякаго писателя—передѣлывать, перечеркивать, перемарывать, вставлять, сглаживать и снова передѣлывать... Иначе ничего не выйдетъ. Стихи такъ же, какъ и всякое беллетристическое произведеніе,—не газетная статья, которую можно набирать съ карандашной замѣтки. Не знаю, знакомъ ли вамъ слѣдующій случай изъ жизни нашего историка Карамзина. Когда появились его повѣсти, одинъ изъ тогдашнихъ поэтовъ, Глинка, спросилъ автора: «Откуда у васъ такой дивный слогъ?» — «Все изъ камина, батюшка!» отвѣчалъ Карамзинъ. Тотъ въ недоумѣніи. «Не смѣется ли?» думаетъ. —«А я, видите ли,— отвѣчаетъ,—напишу, переправлю, перепишу, а старое—въ каминъ. Потомъ подожду денька три, опять за передѣлки принимаюсь, снова перепишу, а старое—опять въ каминъ! Наконецъ ужъ и передѣлывать нечего: все превосходно. Тогда—въ наборъ». Совѣтую и вамъ поступать такъ же съ вашими стихами. Мысли въ нихъ попадаются хорошія, да форма далеко не всегда литературная. Нынче къ стихамъ строго относятся. Ужъ больно пріѣлись всѣ эти фигляры, которые предъ публикой на изнанку вывертываются за гривенники и двугривенные. Надо имѣть особенно сильное

дарованіе, чтобы стать впереди другихъ, заставить о себѣ говорить».

Эту усиленную работу надъ своимъ слогомъ Лѣсковъ разумѣется понималъ во внутренней его выразительности, чтобы послѣдняя отвѣчала живой рѣчи народа. Если въ языкѣ самого Лѣскова встрѣчаются разные «выверты» и «фиглярства», то послѣднее скрадывалось сильнымъ дарованіемъ автора. Меньшиковъ даетъ прелестное объясненіе этому обстоятельству, замѣчая: «Языкъ Лѣскова излишне мѣтокъ и колоритенъ; это чисто русскій языкъ, но уже слишкомъ пересыщенный русской солью, отягощенный курьезами, обиліе которыхъ подавляетъ. Неправильная, пестрая, антикварная манера дѣлаетъ книги Лѣскова музеемъ всевозможнымъ говоровъ: вы слышите въ нихъ языкъ деревенскихъ поповъ, чиновниковъ, начетчиковъ, языкъ богослужебный, сказочный, лѣтописный, тяжебный, салонный, — тутъ встрѣчаются всѣ стихіи великаго океана русской рѣчи. Языкъ Лѣскова, пока къ нему не привыкнешь, кажется искусственнымъ и пестрымъ. Какъ нѣкогда венеціанцы, дѣлая набѣги на Востокъ, отовсюду привозили что-нибудь для своего собора св. Марка: то коринѳскую колонну, то мѣдныхъ львовъ изъ Пирея, то обелискъ изъ Египта, то фризъ изъ афинскаго акрополя, и какъ они вводя постепенно всѣ эти драгоцѣнности въ составъ зда-

нія, построили фактическій, странный, безстильный, почти безформенный соборъ и въ то-же время своеобразный и красивый, такъ и Лѣсковъ въ постройкѣ своего языка: онъ обобралъ, кажется, всѣ сокровищницы и кладовыя русской рѣчи. Стиль его неправиленъ, но богатъ и даже страдаетъ порокомъ богатства—пресыщенностью. Въ немъ нѣтъ строгой, почти религіозной простоты стиля Лермонтова и Пушкина, у которыхъ языкъ нашъ принялъ истинно классическія, вѣчныя формы; въ немъ нѣтъ изящной и утонченной простоты гончаровскаго и тургеневскаго письма, нѣтъ задушевной, житейской простоты языка Толстого,—языкъ Лѣскова рѣдко простъ. Лѣсковъ совсѣмъ не похожъ по типу творчества ни на Достоевскаго, ни на Щедрина, но удивительно родственъ имъ по темпераменту, что доказывается и стилемъ всѣхъ этихъ авторовъ: онъ у нихъ одинаково искусственный, предвзятый, насыщенный всѣми пряностями говоровъ и жаргоновъ. Сатира требуетъ, можетъ быть, по своей природѣ особаго языка; какъ яды въ организмѣ являются продуктами распаденія живой ткани, такъ и ядъ рѣчи, необходимый сатирику, черпается имъ изъ элементовъ распаденія рѣчи, изъ выразительныхъ, причудливыхъ словечекъ, неукладывающихся въ организмѣ языка. Какъ у Щедрина и Достоевскаго, у Лѣскова такое-же пристрастіе причудливому, чрезмѣрному,

рѣзкому и курьезному, и какъ у нихъ — способность при случаѣ писать и совершенно спокойнымъ языкомъ. Нѣкоторые романы Лѣскова очень напоминаютъ Достоевскаго, а многія страницы, по выдержанности, не уступаютъ лучшимъ тургеневскимъ».

XIV.

Литературная опытность Лѣскова — Его отношенія къ различнымъ вопросамъ и явленіямъ въ литературной жизни. — Нерѣшенные вопросы о евреяхъ, объ обязательномъ образованіи, о сельской общинѣ. — Отношеніе Лѣскова къ поэтамъ: В. Величкѣ и К. Фофанову.

Критицизмъ Лѣскова и талантливость его натуры были такъ велики и такъ заполняли его всего, что университетскому образованію по диплому «некуда было и пролѣзть», по словамъ одного Лѣсковскаго благожелателя. Никому въ голову не приходила мысль при столкновеніяхъ съ Лѣсковымъ или чтеніи его произведеній спросить его о томъ, окончилъ ли онъ гдѣ-нибудь курсъ наукъ или нѣтъ; европейски образованъ онъ или читалъ однѣ церковныя книги и т. д. Его сужденія о жизни или литературѣ были исполнены захватывающаго интереса. Я часто наблюдалъ у него въ кабинетѣ университетски-образованныхъ писателей и даже ученыхъ профессоровъ, загнанныхъ и растерянныхъ въ спорѣ съ Лѣсковымъ.

— Самая лучшая точка зрѣнія — ученая точка зрѣнія, — говоритъ одинъ изъ нихъ, посвящая Лѣскова въ одно изъ своихъ литературныхъ недоразумѣній съ редакціей «Сѣвернаго Вѣстника».

— А по-моему, — возражаетъ Лѣсковъ, — самая справедливая точка зрѣнія на дѣло и есть справедливая, а не ученая. Въ защитѣ научныхъ цѣлей у васъ видны личныя соображенія, и эта точка зрѣнія — несправедливая точка зрѣнія...

Понимать вещи съ единственно справедливой точки зрѣнія было присуще Лѣскову, когда умъ его былъ въ спокойномъ состояніи и это отражалось даже въ мелочахъ. Онъ замѣчалъ недостатокъ статьи и составленія газетнаго номера при самомъ поверхностномъ къ нему отношеніи. Получивъ при мнѣ новогодній номеръ одной газеты и развернувъ приложенія, онъ воскликнулъ:

— Ну, посмотрите: гдѣ редакторская сообразительность? Видите портреты Н. М. Аничкова, А. М. Унковскаго и Гладстона. На первомъ планѣ директоръ департамента народнаго просвѣщенія, а потомъ уже дѣятель «крестьянской реформы» Унковскій, а послѣ всѣхъ — Гладстонъ. Бѣдный старикъ — послѣ всѣхъ напечатанъ. Весь міръ тебѣ удивляется, а русская газета предпочитаетъ ему Николая Миліевича. Весьма часто цензора литературнѣе

нашихъ редакторовъ. Покойный цензоръ «Живописнаго Обозрѣнія» Фрейманъ, когда тамъ печаталась моя автобіографія съ портретомъ, сдѣлалъ надпись: «печатать портретъ разрѣшено, но только не на первой страницѣ». Вѣдь это значитъ, онъ понималъ, почему портретъ на первомъ листѣ обращаетъ на себя попреимуществу вниманіе; а наши редакторы этого не понимаютъ и печатаютъ Гладстона на послѣднемъ мѣстѣ.

Частенько мнѣ приходилось слышать резонныя замѣчанія Лѣскова при чтеніи газетныхъ фельетоновъ.

— Зачѣмъ это помѣщаютъ статьи со свѣдѣніями о томъ, куда и сколько извѣстная духовная особа пожертвовала денегъ. Вѣдь это имѣетъ чисто личный характеръ и не относится къ литературѣ. Зачѣмъ также статьи о томъ, куда ѣздилъ такой-то, и какія были заслуги у генерала N., скончавшагося въ такомъ-то городѣ. Неужели нѣтъ болѣе интересныхъ предметовъ въ русской жизни для газеты? Это вездѣ печатаютъ и если одна газета не будетъ, то это сейчасъ-же замѣтятъ и ее пропечатаютъ другія газеты. Плохо, если этого боятся... Газета много теряетъ отъ сообщеній, не имѣющихъ общественнаго значенія. Боятся обличеній со стороны собственнаго брата по литературѣ—это ужъ не тактъ, а чортъ знаетъ что... Остается только махнуть рукой. Охъ,

эти нынѣшніе редакторы. Только и просятъ, объ одномъ сотрудниковъ, чтобы было покороче да поглупѣе. Ну, чему можетъ молодой писатель поучиться у такого редактора? Онъ только и цѣнитъ статью, которая безпрепятственной пройдетъ. Пріѣзжаетъ однажды ко мнѣ такой редакторъ журнала за статьей и, беря ее въ руки, говоритъ, что у него уже пальцы сводитъ отъ нея... «Навѣрно, Николай Семеновичъ, вы опять... Развѣ нельзя безъ этого?» — «Безъ чего?» — «Да безъ этого, безъ этого... Да у васъ такая точка зрѣнія... Вѣдь, право, не такъ у насъ худо, какъ вы думаете. Вотъ мы, русскіе редакторы, были въ Парижѣ и видѣли, что тамъ тоже полиція, тоже начальство... Наши моряки даже находятъ, что у насъ лучше». Вотъ какіе разговоры даже со мною... А что же съ молодыми писателями онъ дѣлаетъ? Я думаю, онъ на цензуру уже ничего не сваливаетъ, а прямо заявляетъ, что будетъ правильнѣе вотъ такъ-то передѣлать, то-то измѣнить, что теперь снова либерализмъ и гуманность ничего не означаетъ, что консерваторы, оказалось, сдѣлали не менѣе добра, чѣмъ и либералы и т. д. Всѣ запуганы, и въ моемъ «Загонѣ» всѣ такъ говорятъ. Это мое посмертное произведеніе... Радуюсь, что мнѣ удалось и на закатѣ дней схватить духъ времени и характеры людей. Вотъ, напримѣръ, я читаю либеральную газету и люблю ее... А,

несмотря на это, въ статьѣ о макулатурной литературѣ, газета прямо таки обвиняетъ «Живописное Обозрѣніе» въ безнравственности за приложеніе Шекспира въ переводѣ, близкомъ къ подлиннику. Видите ли: шекспировская «Венера и Адонисъ» развращаютъ русскую публику, если ихъ переводить безъ выпусковъ и дословно. Газета вообразила почему-то, что Шеллеръ редактируетъ дѣтскій журналъ, и что Шекспиръ для дѣтей вреденъ. Почему «Живописное Обозрѣніе» дѣтскій журналъ,— не понимаю; онъ—семейный, въ семьѣ есть и мужъ и жена... Неужели же лучше давать въ приложеніи журналъ «Благовѣстъ», чѣмъ Шекспира? Лучше это? Да наконецъ въ каждомъ образованномъ англійскомъ семействѣ вы найдете на столѣ полнаго Шекспира, и никто не говоритъ тамъ о развращающемъ вліяніи нѣкоторыхъ его мѣстъ на публику. А мы, смотрите, мы щепетильнѣе англичанъ! Да, наконецъ, если бы это и была правда, дѣло ли литературы указывать это? На это есть цензурная полиція; но если мы, литераторы, будемъ еще слѣдить другъ за другомъ и разъяснять, какъ нѣкогда было разъяснено одно изъ фофановскихъ стихотвореній изъ «Наблюдателя», то у насъ всѣ журналы позакроютъ. Вѣдь это ужасно. Когда я сталъ объ этомъ говорить одному изъ сотрудниковъ все-таки въ общемъ симпатичной газеты, то онъ уди-

вленно и простодушно отвѣтилъ: «Да вѣдь другія газеты это дѣлаютъ постоянно». Это не слѣдуетъ дѣлать, перебилъ я. Аксаковъ этого никогда не дѣлалъ; а ужъ онъ ли не былъ противникомъ нашихъ западниковъ. Но онъ никогда не указывалъ цензурѣ на вредныя мѣста въ либеральныхъ статьяхъ своихъ враговъ. Онъ спорилъ съ ними по существу, а доносами не занимался. Вотъ кому подражайте, а не тѣмъ, которые забыли всѣ литературныя приличія. Кажется,—добавилъ Лѣсковъ:—собесѣдникъ сознался, что это была ошибка и неопытность редакціи. Конечно, такъ... Они честные, молодые люди и неопытны. А старики литературы не хотятъ имъ сказать правды въ лицо. Молодежь и носится съ своимъ позоромъ безъ стыда. Но я... я сказалъ и впредь всякому скажу, что это дурно и не литературно. Литература уходитъ изъ рукъ стариковъ къ молодымъ, и имъ надо знать, какъ вести себя. Еще нѣсколько лѣтъ—и мы всѣ перемремъ. Останутся только рыночники и безъидейники, да еще какіе-то декаденты и «метафизическіе идеалисты»... Ну, чортъ ихъ возьми, кто еще тамъ останется... Дѣло все-таки въ томъ, что старики скоро уйдутъ отсюда туда, откуда пришли на землю, а молодые писатели будутъ дѣлать литературу, и имъ надо говорить правду... Одного лая и побреха на нихъ не достаточно, а надо умно

доказывать имъ ихъ неопытность и напоминать старые литературные нравы.

Мнѣ самому лично неоднократно доставалось отъ Лѣскова въ тѣхъ случаяхъ, когда какая нибудь моя статья не нравилась ему.

Помню, онъ самъ пришелъ ко мнѣ, прочитавъ мою рецензію въ газетѣ о книгѣ Песковскаго: «Вѣковое недоразумѣніе».

— Странная рецензія, — воскликнулъ онъ, едва только поздоровался со мною.—Вы говорите, что книга Песковскаго очень любопытна по еврейскому вопросу, и познакомиться съ нею никому не мѣшаетъ. Но въ то же время вы замѣчаете, что эта книга «написана безусловно въ пользу евреевъ». Вѣдь это все равно, что похвалить въ семейномъ домѣ дѣвушку, сказавъ о ней, что видѣли ее однажды въ гостинницѣ.

— Развѣ это все равно?

— Все равно. Какъ вашу дѣвицу будутъ избѣгать въ семейномъ домѣ, такъ и книгу не будутъ читать антисемиты, зная, что книга написана безусловно въ пользу евреевъ. Всякій человѣкъ, зная духъ книги, либо беретъ ее, либо бросаетъ. Если книга говоритъ о національностяхъ и проповѣдуетъ то, что для русской націи полезно загнать евреевъ въ Средиземное море, то я не буду читать ее, такъ какъ для меня нѣтъ націй, а есть одно человѣчество. Всѣ націи равны, а книга будетъ

мнѣ доказывать, что одна изъ нихъ должна быть господствующей.—Ну, зачѣмъ же я буду ее читать? Если даже она талантлива и умна, то и тогда я не возьму ее, ибо она увлекаетъ меня отъ свѣта, а не приближаетъ къ нему. Много книгъ существуетъ любопытныхъ, да некогда ихъ читать. Дай Богъ прочесть и тѣ-то, которыя разъясняютъ мнѣ истину, руководятъ мною... Вотъ такую книгу я прочту, а если вы говорите, что она противна моему духу, то зачѣмъ же я буду омрачать его ею и терять свое время на непріятную для меня книгу?

Нерѣдко въ кабинетѣ у Лѣскова заходила рѣчь о литераторахъ на казенной службѣ и Лѣсковъ въ послѣдніе годы своей жизни горячо протестовалъ противъ нихъ:

— Двумъ богамъ нельзя служить. Я самъ ошибался, когда рекомендовалъ молодымъ писателямъ прежде послужить и посмотрѣть наши порядки.

— Развѣ это худо, Николай Семеновичъ? спрашивалъ я.

— «Совмѣстительство» всегда вредно для мысли, отвѣчалъ онъ.—Не каждый изъ насъ рѣшится предпочесть литературу служебнымъ выгодамъ, если придется выбирать одно изъ двухъ: либо писать, либо служить. Ознакомленіе черезъ службу съ бытомъ также вполнѣ недостаточно...

— Все таки...

— Ну, что, все таки?

— И безъ этого ограниченнаго знакомства нельзя писать о порядкахъ.

— Да что это за обязанность писать о порядкахъ-то? раздраженно перебивалъ старикъ.—Пишите о безпорядкахъ...

— Не велѣно касаться...

— Ну, чортъ тогда возьми, ничего не пишите! Развѣ непремѣнно нужно писать?.. Поганить душу не надо, а не писать можно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно. Поступить на службу, чтобы изучить порядки; изучить порядки, чтобы писать... Вотъ изумительный смыслъ жизни! Вотъ новость!

— А вы ранѣе сами...

— То было давно, и если я теперь другое говорю, то и выбирайте лучшее. Въ одномъ и томъ-же человѣкѣ иногда сидятъ разные люди... Предчувствовать даже не всегда можно, какая горилла можетъ воскреснуть въ каждомъ изъ насъ. Оттого въ одномъ и томъ-же семействѣ родятся непохожіе другъ на друга дѣти, Каинъ и Авель. А тѣмъ болѣе посторонніе предметы могутъ настраивать человѣка на обѣ стороны, и въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ цѣнить искренность и доброжелательство человѣка. Случается, что и такъ и этакъ человѣкъ говоритъ одну правду. Литераторъ на службѣ можетъ дать новаго Салтыкова, и тотъ-же лите-

раторъ на службѣ возненавидитъ свободнаго писателя, если послѣдній забываетъ «интересы казны» и глубокія «соображенія» государственнаго ума вчера родившагося сановника... Ну, точно вы не видѣли у меня тутъ-же такихъ писателей! Я вѣдь недаромъ такъ долго говорю о томъ, что «музы ревнивы», и самъ уволенъ со службы изъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія «безъ прошенія» по несовмѣстимости моихъ занятій съ интересами службы. Я видѣлъ много на своемъ вѣку, какъ музы покидали писателя, если тотъ не всецѣло посвящалъ имъ свое дарованіе, и обратно—какъ гнали писателя со службы, когда онъ былъ вѣренъ себѣ.

— Однако, контрагентство у Шкота съ барками на Волгѣ и канцелярія рекрутскихъ присутствій не погубили вашего таланта и благомыслія.

— А легко могли погубить! гнѣвно воскликнулъ Лѣсковъ. Я не горжусь транспортированіемъ крѣпостныхъ людей для заселенія самарскихъ степей и т. д. Почитайте мой «Продуктъ природы» объ этомъ. Около кабака ходишь, такъ и зайдешь рано или поздно въ него и напьешься. Не на службу посылать молодыхъ людей слѣдуетъ, а обращать ихъ вниманіе на то, что не разлучаетъ человѣка съ великими учителями... А то ишь,—служба! Ничего другого никто не укажетъ

молодому писателю... А на этотъ совѣтъ хватить кого угодно. Вы скажете, что служба даетъ надежныя деньги и что хлѣбъ тоже нуженъ для жизни и т. д. Я объ этомъ говорить съ вами не хочу: какъ и гдѣ кому питаться, жениться и увеличивать народонаселеніе. Изъ этихъ вопросовъ вы никогда не вылѣзете, если воображаете, что и въ литературѣ необходимо объ этомъ думать. Тогда нужно и служить, и воевать за рынки, и стихи посвящать кому-то, и непремѣнно сдѣлаться писателемъ... Выше писательства вы ничего не видите, а я въ писательствѣ ничего не вижу, если нужно писать стихи съ посвященіями, какъ у Велички.

— А безъ этого, Николай Семеновичъ?

— Безъ этого... Не далеко уѣдешь на службѣ... Овсянкой накормятъ! Такъ не лучше-ли заработать ее перомъ и быть всегда свободнымъ? Вонъ Атава правильно разсуждалъ у меня, сидя вчера на томъ диванѣ, гдѣ вы теперь: «Какъ ни худо въ литературѣ, а только я всю жизнь въ ней никому не кланялся!» Вотъ она какая литература-то, если человѣку есть что сказать въ ней. А вы на службу лѣзете! Когда-же для славы Господа моего, Іисуса Христа, жить-то?

Лѣсковъ волновался до астматическихъ припадковъ въ груди.

— Усталъ я... Много сегодня говорилъ...

Надо меня останавливать, жаловался онъ и, тотчасъ-же, попрыскавъ на себя изъ пульверизатора озонородъ и положивъ скульпторной глины на сердце, начиналъ опять громить враговъ и благословлять «напоенныхъ однимъ съ нимъ разумѣніемъ жизни» друзей...

— Въ послѣднее время, сказалъ онъ, — я переписываюсь съ однимъ изъ членовъ судебнаго вѣдомства въ Западномъ краѣ, и этотъ судебный господинъ убѣждаетъ меня въ томъ, что и литераторъ судитъ жизнь, и онъ также; что это одно и то-же занятіе. Послалъ и я ему письмо, чтобы онъ понялъ разницу словъ: судить и осуждать, оцѣнивать и разговаривать... Обижается онъ также и на Л. Н. Толстого, полагая, что тотъ не отвѣчаетъ ему письмомъ за его «мундиръ». Пришлось заступиться за Льва Николаевича и вмѣстѣ съ тѣмъ повторить и ему мой взглядъ на службу.

Лѣсковъ прочелъ мнѣ письмо, которое онъ намѣревался отправить по адресу. Въ немъ, между прочимъ, написано:

«Л. Н. Толстой говоритъ людямъ, что нужно, прямо въ глаза, а заочно о нихъ не пересуживаетъ. Въ томъ, что онъ есть «лучшій изъ людей», я съ вами совершенно согласенъ. «Мундиръ» вашъ, конечно, не могъ разсчитывать на его благорасположеніе, и я не знаю — о чемъ тутъ можно спорить. Симпатіи Л. Н. (и мои) не на сторонѣ воюющихъ

и не на сторонѣ обвиняющихъ и судящихъ; но вести объ этомъ особые споры съ каждымъ человѣкомъ, который сказаннымъ не убѣждается, а хочетъ доходить до всего самъ, — Л. Н., понятно, *не можетъ*. На это не достало-бы его силъ и времени, которое нельзя раздробить, а надо сберегать и пользовать имъ возможно большую аудиторію. Слѣдовательно, всего вѣроятнѣе, онъ не «отвернулся» отъ васъ съ обидой или неудовольствіемъ, а ему невозможно оторваться отъ дѣлъ и слѣдить за эволюціонизмомъ вашихъ бореній. Онъ, конечно, знаетъ, что вы знаете все, что надобно знать для того, чтобы придти къ надлежащему рѣшенію, и потому за васъ опасаться нечего: вы придете туда, куда лежитъ вашъ путь. «Гдѣ ваше сокровище, тамъ будетъ й ваше сердце». Между этимъ все имѣетъ характеръ спора, а «аще кто мнится сπорливъ быть, мы такого обычая не имѣемъ». Всякому данъ свѣтъ,—и иди съ нимъ, а спорить трудно, тяжело и навѣрно безполезно...»

На замѣчаніе, что «трудно жить литературой, когда ея въ настоящее время нѣтъ», Лѣсковъ возразилъ:

— И все это преувеличено! Гдѣ-же она лучше? У насъ есть Толстой, Боборыкинъ, Лѣсковъ, Шеллеръ, Чеховъ, Короленко, и еще много найдется. Чѣмъ это не литература? А вотъ мы сами по почину В. П. Буренина ума-

ляемъ ея значеніе и все какъ-будто недовольны ею и болѣе довольны прочимъ обществомъ. А вѣдь это всетаки до сихъ поръ несоизмѣримыя вещи. Каковы-бы мы нибыли, но умъ и совѣсть живутъ въ нашей средѣ, а не съ приказными. Ужь этого никто не отыметь отъ нашей среды, и не уходить изъ нея надо, а гордиться ею и украшать ее своими страданіями въ поискахъ истины и одухотворенной красоты.

Какъ ни былъ, однако, Лѣсковъ самоувѣренъ въ своихъ сужденіяхъ о русской жизни и литературѣ, но были и для него вопросы, въ которыхъ и онъ почиталъ за лучшее быть сдержаннымъ. Не только метать куски грязи въ несимпатичныхъ ему людей или восторгаться друзьями, но въ спокойномъ состояніи духа онъ могъ держать нейтралитетъ и быть очень скромнымъ во многихъ принципіальныхъ дѣлахъ.

— Есть много вопросовъ въ русской жизни,— признавался онъ мнѣ неоднократно,—о которыхъ я много читалъ, думалъ и всетаки не имѣю своего о нихъ мнѣнія, на которомъ бы настаивалъ. Это́ вопросы: еврейскій, объ общинѣ и обязательномъ въ Россіи обученіи. Нельзя все знать. Нужно чего нибудь и не знать или говорить личное мнѣніе, не обязательное для всѣхъ. Я до сихъ поръ не знаю, хорошо я сдѣлалъ или нѣтъ, что, благодаря,

можетъ быть, исключительно мнѣ, въ Россіи не введена система обязательнаго обученія крестьянскихъ дѣтей. Я не знаю, правъ ли я былъ, когда очень давно въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія обсуждался вопросъ объ обязанности посѣщать крестьянскимъ дѣтямъ школы, и всѣ были почти согласны, но я одинъ возсталъ, и здѣсь-то мы схватились съ Лемоніусомъ.

— Вы прежде школы постройте, чтобы не ходить въ нихъ за 20 верстъ въ стужу и снѣгъ. Вѣдь дѣти перемерзнутъ въ дорогѣ, или волки ихъ поѣдятъ. Вѣдь въ принципѣ это хорошо непремѣнно учиться, да у насъ зимы холодныя, а у крестьянскихъ дѣтей одежды теплой нѣтъ... Это въ Европѣ хорошо, а у насъ холодъ и волки. Затѣмъ, позвольте васъ спросить, что вы будете дѣлать, если отецъ не пошлетъ сына въ школу, а ему онъ будетъ нуженъ по хозяйству?

— Штрафовать отца...

— Ну, вотъ мы договорились... Штрафовать и въ острогъ сажать... Да, знаете ли вы, что этими мѣрами вы воспитаете страшную ненависть къ образованію? Отецъ-то, послѣ порки его и штрафа за сына, возьметъ да и убьетъ сына... Отъ нашего мужика все станется. Вотъ вы чего хотите, а я не хочу этого... Я знаю русскій народъ, знаю, къ чему поведетъ это обязательное обученіе.

— Послѣ моей рѣчи большинство присоединилось ко мнѣ, но и до сихъ поръ, хотя я думаю попрежнему объ обязательномъ обученіи въ Россіи, я не увѣренъ въ томъ, что моя правда, что было бы хуже при обязательности обученія, что я принесъ пользу родинѣ и т. д. Я не могъ вести себя иначе, но я не имѣю смѣлости отговаривать васъ думать иначе. Тоже и о евреяхъ: для себя я имѣю мнѣніе, что лучше жить братски со всѣми національностями, и высказываю это мнѣніе; но самъ боюсь евреевъ и избѣгаю ихъ. Я за равноправность, но не за евреевъ...

Для разъясненія мысли Николая Семеновича, я замѣтилъ ему:

— Однако нѣтъ разницы между дурнымъ евреемъ и дурнымъ русскимъ. Борьба должна быть противъ дурныхъ людей. Противъ дурныхъ русскихъ мы не устанавливаемъ черты осѣдлости и ограниченіе правъ человѣка, но мы боремся противъ нихъ, какъ и со всякимъ зломъ, разнообразно. Тоже самое слѣдуетъ дѣлать и съ дурнымъ евреемъ, оставивъ самую націю въ покоѣ. Сдѣлайте нашъ русскій народъ реальнымъ и могучимъ, тогда еврей будетъ не страшенъ. А зло всюду есть: выйдите за ворота и вы увидите среди своихъ тѣхъ же евреевъ... Но что же изъ этого? Неужели искать озера, гдѣ бы всѣхъ ихъ потопить? Не лучше ли обезопасить себя отъ нихъ

укрѣпленіемъ общаго порядка вещей? Какъ же на самомъ дѣлѣ иначе-то поступать? Выселить ихъ... Но кого и куда? Закка и Гинсбурга не выселишь, такъ почему другихъ выселять! Первогильдійнаго купца не трогать, а прочихъ выселять? Но вѣдь это значитъ помогать капиталу и развѣ богатый еврей лучше бѣднаго? Потомъ, куда ихъ выселить? За-границу... Къ другимъ людямъ?.. Но вѣдь это не искорененіе зла, а перенесеніе съ одного мѣста на другое?

— Мое отношеніе къ еврейскому вопросу такое же самое, отозвался Лѣсковъ.—Если мнѣ нужно купить сапоги и передо мной будутъ сапожники — нѣмецъ, полякъ, русскій и еврей — то я зайду къ нѣмцу; если нѣтъ нѣмца, зайду къ поляку и т. д. Къ еврею зайду послѣ. Я знаю его недостатки и что онъ гдѣ нибудь да сфальшивитъ. Но все же онъ человѣкъ и нѣтъ разницы между дурными людьми всякой національности.

Такимъ образомъ, по еврейскому вопросу у Лѣскова не было прямолинейности и онъ самъ признавалъ его для себя «проклятымъ». Тѣмъ не менѣе, помню, къ нему однажды пришла беллетристка Н. Ш. М—ъ и шутя заявила въ разговорѣ слѣдующее:

— Прежде я ненавидѣла поляковъ, а теперь ненавижу еврейскую націю... Подарите

мнѣ, Николай Семеновичъ, хоть жидовъ-то! Неужели вы не можете разрѣшить мнѣ ненавидѣть эту націю?

— Я могу только не спорить съ вами о ней, а разрѣшать ненависть или запрещать я не призванъ. Если, продолжалъ онъ иронически,—ужь непремѣнно вамъ надо кого нибудь ненавидѣть и вы не можете безъ этого обойтись и не стыдитесь въ этомъ признаваться, то это дѣло ваше; но дарить цѣлую націю какому-нибудь человѣконенавистнику не могъ бы и самъ Иродъ.

О русской поземельной общинѣ, Н. С. Лѣсковъ также не имѣлъ твердаго мнѣнія. Онъ часто замѣчалъ:

— Дай крестьянину свободу распоряжаться своею землею, какъ онъ хочетъ, онъ ее пропьетъ. Вѣдь и мы живемъ не по средствамъ, а наша жизнь еще не бѣдна. Удивительно ли, что крестьянинъ пожелаетъ и получше ѣсть, и получше одѣться, и повеселиться; и удивительно ли, имѣя что заложить (землю), онъ заложитъ или продастъ ее на удовлетвореніе естественныхъ желаній пожить лучше? Но я не сказалъ бы, несмотря на это, что я на сторонѣ невѣжественной и лишенной представительства общины съ ея передѣлами при кошачьихъ надѣлахъ, мірской властью, съ круговой порукой и т. д. Цифрами вы доказываете, что общинныя земли не менѣе до-

ходны, чѣмъ подворныя и т. д. Ну, и доказывайте своими цифрами въ пользу общины, а только ея противники всегда могутъ возразить вамъ: духъ человѣческій таковъ, что человѣкъ бережетъ свою лошадь болѣе, чѣмъ чужую; свою землю обработываетъ лучше, чѣмъ чужую и т. д. Европа умерла бы съ голоду, если бы не бросила общину и не перешла бы къ подворному владѣнію. Какая тамъ у васъ статистика, что за цифры, кто и какъ ихъ собиралъ, — я не знаю, но знаю, что и статистику, и политическую экономію я давно уже пересталъ считать за науки; а вотъ духъ человѣческій, характеръ людей — это точная наука; одной ею я и руковожусь въ рѣшеніяхъ соціальныхъ вопросовъ. Пока мнѣ не докажутъ, что человѣкъ бережетъ общественный интересъ болѣе своего, любитъ государство болѣе, чѣмъ семью, что по природѣ онъ альтруистъ и т. д., до тѣхъ поръ я молчу объ общинѣ. Самъ я не пошелъ бы жить въ общину и подчиняться міру. А разъ это такъ, я уже не могу сознательно проповѣдывать мужику подчиняться «старикамъ» и рекемендовать то, что самому мнѣ не нужно. Я боялся бы войти въ общину и лишиться той личной свободы, которой теперь располагаю. Впрочемъ, въ глубинѣ души, я думаю, въ общинахъ ли безправно будетъ жить русскій мужикъ на кошачьемъ надѣлѣ, подворно ли онъ будетъ вла-

дѣтъ кускомъ земли, куда курицу некуда выгнать, въ обоихъ случаяхъ ему придется погибать. Мы оградились отъ Европы китайской стѣной, внутри у себя устроили «загоны» — здѣсь и таится погибель моя...

— Но что же вы ждете?..

— А ничего. Почемъ я знаю, что будетъ... Придутъ, можетъ быть, нѣмцы, шведы, какіе нибудь новые норманы и завоюютъ насъ... Почемъ я знаю! Можетъ быть, и это будетъ. А, можетъ быть, все будетъ хорошо у насъ; и обязательное образованіе, и община, и національные вопросы — все устроится къ общему благополучію. Такъ далеко я ничего не вижу, а теперь «жизнь понявъ, остаться жить — нужно немалое геройство»,—заключалъ Лѣсковъ неоднократно.

Россія для него являлась весьма часто больнымъ человѣкомъ: «скажи ему, чтобы онъ мало ѣлъ — плохо; скажи, чтобы кушалъ — тоже плохо. Гулять разрѣши—простудится; не разрѣши — въ комнатахъ сомлѣетъ... Все плохо. Средины у него нѣтъ. Здоровый человѣкъ знаетъ всему мѣру, а больной перекатывается отъ одной крайности къ другой, и все выходитъ худо».

Было еще одно обстоятельство изъ литературной жизни, которое Лѣсковъ съ трудомъ понималъ. Онъ не могъ признать и описаніе красоты безъ облагораживающаго ея вліянія на характеры

людей. Если же красота этому не служитъ, то въ описаніи женскихъ ножекъ и грудей, конечно, одинъ только развратъ, и исчезновеніе подобнаго рода беллетристики, особенно расплодившейся за послѣднее время, необходимо привѣтствовать радостно.

— Но какъ же поэты-то?—восклицалъ Лѣсковъ.—Они скажутъ мнѣ: «такъ-то вы любите свое искусство! Послѣднее въ себѣ самомъ ищетъ цѣли, а не въ жизни». Вотъ такое-то искусство,—продолжалъ онъ, мысленно возражая какому-то поэту, — и должно исчезнуть. На Л. Н. Толстомъ это замѣтнѣе всего... Да, и я утверждаю, что вообще беллетристика, въ формѣ романовъ и стиховъ, сдѣлавъ свое дѣло, можетъ исчезнуть, уступая новому роду творчества... Нельзя же узаконять на одной линіи творчество Апухтина и Л. Н. Толстого, читать стихи В. Л. Велички, посвященные мнѣ, а другіе — кронштадтскому священнику... А поэтамъ это ни почемъ!

Лѣсковъ показалъ мнѣ вырѣзанные имъ изъ газетъ стихи К. Фофанова, почти одновременно посвященные А. Фету и Л. Н. Толстому.

— Читайте! Читайте!—восклицалъ онъ.

А. А. Фету.

Есть въ природѣ безконечной
Тайныя мечты,
Осѣняемыя вѣчной
Силой красоты.

Есть волшебнаго эѳира
Тѣни и огни,
Не отъ міра, но для міра
Родились они.
И безсильны передъ ними
Кисти и рѣзцы..
Но созвучьями живыми
Вѣщіе пѣвцы
Уловляютъ ихъ и вносятъ
На скрижаль вѣковъ.
И не свѣетъ, и не скоситъ
Время этихъ сновъ.
И пока горитъ мерцанье
Въ чарахъ бытія:
„Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья“,
И пока святымъ искусствамъ
Радуется свѣтъ,
Будетъ дорогъ нѣжнымъ чувствамъ
Вдохновенный Фетъ.

Льву Николаевичу Толстому:

Я знаю міръ души твоей;
Земному міру онъ не сроденъ.
Земной міръ сотканъ изъ цѣпей,
А твой, какъ молодость, свободенъ.
Не золотой телецъ - твой богъ,
Не оскверненъ твой храмъ наживой.
Ты передъ торжищемъ тревогъ
Стоишь, какъ жрецъ благочестивый!
Ты, какъ пророкъ, явился намъ,
Тебѣ чужды пороки наши—
И сладкой лести ѳиміамъ,
И зломъ отравленныя чаши.
Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю.
Остановясь на полпути,
Тебѣ довѣрчиво я внемлю.
Слѣжу за геніемъ твоимъ,
Горжусь его полетомъ смѣлымъ...
Но въ изумленьи оробѣломъ
Не смѣю слѣдовать за нимъ!..

— Каковы стихи? Прелелесть! Музыка! И все-таки этотъ родъ творчества, — говорилъ Лѣсковъ:—долженъ исчезнуть. Не говоря уже о томъ, что такимъ не естественнымъ языкомъ трудно выражать свои мысли, но главная причина въ томъ, что люди будущаго перестанутъ быть en tout cas («Антука»), и явятся съ болѣе опредѣленными характерами и задачами въ нашу литературу. Если же и не явятся такіе писатели, и они будутъ посвящать стихи одновременно и Апухтину и Л. Н. Толстому, то я ничего не понимаю въ грядущемъ вѣкѣ, и нужно торопиться умирать...

XV.

О Л. Н. Толстомъ и толстовцахъ.

Лѣсковъ неоднократно замѣчалъ:

— О Львѣ Николаевичѣ Толстомъ надо говорить языкомъ **инымъ**, а не тѣмъ, какимъ до сихъ поръ говорятъ о немъ. Мы не хотимъ назвать его настоящимъ именемъ, а его смѣло можно назвать мудрецомъ. Клади рядомъ съ нимъ Эпиктета, Сократа... Вотъ гдѣ его мѣсто. А мы стихи на него сочиняемъ à la Величко да пишемъ фельетоны... Какое пошлое общество! Послѣ него останется пустыня... Вотъ тогда только всѣ почувствуютъ это. Говорятъ, я ему подражаю. Нисколько! Когда писалъ Толстой

«Анну Каренину», я уже былъ близокъ къ тому, что теперь говорю. Я уже копалъ ту кучу, которую сталъ и Левъ Николаевичъ копать. Но только у него свѣтъ ярче, и я пошелъ за нимъ съ своей плошкой. У него огромный факелъ, а у меня мерцаетъ маленькая плошка... Я и тороплюсь за нимъ! Тороплюсь! Развѣ это худо, что мы на старости лѣтъ заворили о праведной жизни? Развѣ лучше, если бы мы, старики, продолжали ѣздить по Ливадіямъ и Аркадіямъ? Печальна та страна, гдѣ старики плохи: не у кого молодежи будетъ поучиться. Я пилъ, курилъ, развратничалъ, а теперь бросилъ и другимъ совѣтую искать опору жизни въ другомъ ея образѣ. О, я радуюсь, что могу идти въ настоящее время за Львомъ Николаевичемъ, не оглядываясь на прошлое и не укоряя себя имъ.

Онъ любилъ иногда приводить о себѣ слѣдующее мѣсто изъ своей «Юдоли»: «Я постоянно чувствую, какъ не хорошо имѣть неопрятное прошлое; чистыхъ не въ чемъ упрекать и на нихъ выдумывать, а о насъ можно говорить правду, которая тяжелѣе всякой лжи, но то дурное, что я дѣлалъ, я уже оставилъ. Говорятъ, что, переставъ грѣшить, надо каяться; но я не нахожу никакой пользы въ томъ, чтобы порочный человѣкъ, сознавъ свои дурныя дѣла, сидѣлъ бы и все смотрѣлъ на свой животъ, какъ это дѣлаютъ какіе-то чу-

даки въ Индіи. У очень многихъ людей въ ихъ прошедшемъ есть порядочное болото, но что же пользы возиться въ этомъ болотѣ? Лучше поскорѣе встать да отряхнуться и идти доброй дорогой. Такъ я и живу, «отряхнувшись», и не хочу жить иначе, не смотря на все мое «порядочное болото въ прошломъ».

Левъ Толстой съ отрицаніемъ денегъ, женщинъ и власти такъ сильно увлекалъ его, что на мое замѣчаніе о томъ, что съ этими мыслями въ настоящее время тоже идти «некуда», Лѣсковъ горячо восклицалъ:

— Всѣ вы неправы въ томъ, что обязываете Толстаго непремѣнно писать для настоящаго времени. Онъ имѣетъ право на два вѣка впередъ смотрѣть. Вы ему возражаете, что современныя государства не могутъ быть безъ войска, а онъ—точно этого не знаетъ!—смѣется надъ такими государствами и нисколько не дорожитъ вашими доводами; вы замѣчаете, что женщина, зашитая въ платье по шею, не нравится вамъ, а Толстой и не хочетъ, чтобы она вамъ нравилась; вы говорите, что безъ денегъ не дадутъ вамъ ни мяса, ни муки, ни булки, и никакого другаго чужаго труда, а Толстой и самъ не хочетъ, чтобы вы владѣли чужимъ трудомъ въ денежной формѣ и т. д. Стоитъ только дунуть на каждаго его противника съ этой точки зрѣнія, и отъ послѣдняго ничего не останется. До смѣшнаго доходитъ

эта полемика нашихъ журналистовъ, не умѣющихъ даже понять того, что они возражаютъ не по адресу Л. Н. Толстого и не понимаютъ даже его исходной точки зрѣнія.

— Вѣдь эта «точка» очень тяжела...

— А вотъ Толстой ее ищетъ, и нужно доказать, что мы станемъ хуже послѣ того, какъ познакомимся съ ней.

— Идеи, которыя некому осуществлять, дурныя идеи, — улыбаясь, замѣчалъ я иногда Лѣскову его собственными словами.

Онъ принимался усиленно дергать головой, учащенно тереть ладонью переносицу и вдругъ останавливалъ на мнѣ свои черные, блестящіе злымъ огонькомъ глаза.

— Вы такъ думаете? — спрашивалъ онъ строго...—Ну, такъ знайте, что идеи Толстаго— каждаго уже сдѣлали лучше, чѣмъ онъ былъ до него! А кто посерьезнѣе обратится къ нимъ, тотъ и совсѣмъ будетъ неспокоенъ въ своей ямѣ до тѣхъ поръ, пока не вылѣзетъ изъ нея.

— За осуществленіе этихъ идей берутся очень слабые люди...

— Да, это такъ... Но все-таки дѣло ведется ими. Они ведутъ его. — Чистое ученіе Л. Н-ча заглохнетъ безъ нихъ, а они его проведутъ въ «колоніи», исказятъ его тамъ и, по распаденіи «колоніи», пустятъ въ широкій свѣтъ... Здѣсь оно уже очистится лучшими

людьми отъ ненужныхъ примѣсей. Да и односторонность ихъ не такъ уже опасна для идей. Квакеры также узки и односторонни... Но вѣдь въ этомъ вся ихъ сила. Отымите у нихъ эту твердость: не снимать шапки тамъ, гдѣ принято снимать, молиться не свѣчкѣ, а духу и т. д.—отъ нихъ ничего не останется. Выньте этотъ гвоздь и все разсыпется. Какая же это односторонность и тупость, если въ этомъ ихъ сила? Наконецъ, очень умные люди не пойдутъ въ колоніи. Они понимаютъ, какія колоніи возможны съ современными мужчинишками. Не пойдутъ съ ними. А полудурье лѣзетъ, братается, ссорится и разбѣгается... Что же это все хорошо! Они-то и разнесутъ идеи Толстого... Вѣдь они, а не умные, взялись проводить ихъ въ жизнь и интересовать ими общество. Такъ всегда... Неудачники—первые проводники великихъ идей и не смѣяться слѣдуетъ надъ ними, а принимать ихъ ласково и участливо.

— Очередная работа, Николай Семеновичъ, совсѣмъ не въ томъ, чтобы идти въ добродѣтельные пастухи... Недостаетъ добродѣтельныхъ и твердыхъ дѣятелей на государственномъ и общественномъ поприщахъ. Государство еще не выполнило своей ближайшей задачи: предоставить гарантію личности, а народу—надлежащія формы для его самодѣятельности, чтобы можно было тогда съ нимъ

вмѣстѣ думать и работать. Въ рукахъ интеллигенціи вся власть создать народъ къ политической жизни и тогда уже мечтать о Л. Толстомъ.

Мнѣ иногда удавалось настоять на своемъ, и тогда Лѣсковъ бралъ въ руки карточку графа Лорисъ-Меликова и замѣчалъ:

— Изъ всѣхъ генераловъ у меня только эта «диктатура сердца» имѣется... Конечно, государственная жизнь идетъ болѣе медленнымъ путемъ, чѣмъ философская, и русская интеллигенція мало подготовлена къ ея передовымъ задачамъ. Толстой совсѣмъ отчаялся въ ней и отзываетъ ее къ Евангелію и на ручной трудъ; но и здѣсь нашъ интеллигентъ такой же «лепетунъ», какъ и «либеральный бубенъ» ранѣе... Проклятая страна, гдѣ только злые люди объединяются и умѣютъ отлично приводить въ исполненіе свои замыслы.

Подъ этимъ настроеніемъ Н. С. опять спускался на землю, писалъ свой «Зимній день» съ горькимъ упрекомъ по адресу толстовцевъ и восторгался по нѣсколько разъ словами Вл. Соловьева: «Величайшій актъ соціальной справедливости въ нашей исторіи, конечно, не могъ бы совершиться, если бы Радищевъ, Тургеневъ, Самаринъ, Милютинъ, Черкасскій прониклись стремленіемъ къ «опрощенію» и вмѣсто своей литературной, общественной и политической дѣятельности пре-

дались паханію земли. Ихъ собственные крестьяне при этомъ и были бы, можетъ быть, отпущены на волю, но крѣпостное право вообще осталось бы въ своей силѣ. Не было бы оно уничтожено и въ томъ случаѣ, если бы преобразовательной ломки Петра Великаго вовсе не произошло, и названные дѣятели, подобно ихъ предкамъ, должны были бы засѣдать въ боярской думѣ или въ холопьемъ приказѣ, отличаясь отъ своихъ крѣпостныхъ только болѣе богатыми кафтанами, а не европейскимъ образованіемъ».

Такимъ образомъ, примыкая теоретически всецѣло къ идеаламъ Толстаго, Лѣсковъ высоко чтилъ и законодателя съ европейскимъ образованіемъ, мѣропріятія котораго были въ христіанскомъ духѣ.

— Какой ужасъ!—восклицалъ онъ:—если бы вся власть изъ рукъ интеллигенціи перешла къ статскимъ совѣтникамъ г. Щедрина, а интеллигентные люди принялись бы пахать землю у Энгельгардта или Толстаго. Ничего бы страна не выиграла!

Онъ вскорѣ написалъ для народа «Христосъ въ гостяхъ у мужика», «Совѣстный Данило», «Прекрасная Аза», «Фигура» и «Пустоплясы». Наконецъ, въ дополненіе десятитомному собранію его сочиненій, вышедшихъ въ 1889 году, появляется въ 1893 году XI томъ съ «Полунощниками», «Юдолью»,

«Часомъ воли Божіей» и легендарными разсказами изъ «Прологовъ». Вліяніе Толстого здѣсь чувствуется очень сильно, но это вліяніе переработано Лѣсковымъ собственными силами, и въ самое послѣднее время его критическій умъ уже не во всемъ соглашался съ Львомъ Николаевичемъ.

— Зачѣмъ это онъ нападаетъ на науку?— въ недоумѣніи онъ спрашивалъ. — Развѣ такъ ужъ у насъ ея много, и она мѣшаетъ чему-нибудь? Пусть учатся! Зачѣмъ это отрицать? Вотъ тоже и мыло, гребешокъ, ванна и т. п... Вѣдь нельзя же безъ этого, а ему не нужно... Шутникъ этотъ Левъ Николаевичъ! Зачѣмъ дѣйствительно, женщинѣ не заботиться о красотѣ и изяществѣ; зачѣмъ ходить ко мнѣ въ гости безъ галошъ и топтать чистый полъ грязью?

Съ удовольствіемъ читалъ Лѣсковъ статьи Вл. Соловьева противъ Льва Николаевича («Идеалы и идолы», «Нравственныя основы общества» и др.) и говорилъ:

— Вотъ пріятно читать того и другого по однимъ и тѣмъ же вопросамъ. Есть у кого поучиться, чѣмъ духу жить.

Никогда не смѣшивая Льва Николаевича съ его послѣдователями, Лѣсковъ писалъ въ «Зимнемъ днѣ» о нихъ, что «они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если

противны дѣлались тѣ, которые все собирались «работать надъ Боклемъ», то противны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручьи ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ».

Разумѣется, онъ негодовалъ на толстовцевъ отвлеченно, называя ихъ фразерами; но при встрѣчѣ съ ними былъ чрезвычайно милъ и принималъ ихъ у себя на квартирѣ ласково. Его критика не имѣла личнаго хярактера, и потому сами толстовцы могутъ спокойно выслушать ее. Онъ неоднократно говорилъ о нихъ:

— Они очень круто поворачиваютъ. Нельзя десяти человѣкамъ жить на пяти десятинахъ, питаясь горохомъ и отапливая избу чугункой. Нынѣ и мужикъ прикупаетъ землицы, улучшаетъ харчъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ и ищетъ иногда книжку. Все это хорошо. А наши—если они идутъ въ народъ учиться у него «ковырять» землю и выпахивать черноземъ, то мнѣ и разговаривать съ ними не о чемъ. Пусть остаются себѣ «ковырялками», если это имъ пріятно. Я думалъ, они несутъ въ народъ высшую культуру, удобства жизни и лучшее о ней пониманье. А они все себѣ вопросы дѣлаютъ: ѣсть мясо или нѣтъ; ходить въ ситцѣ или носить пасконь, надѣвать сапоги или резиновыя галоши и

т. д. Право, это неважно. Эта травяная пища и резиновыя галоши, сдается мнѣ, тѣ же очки и пледы въ шестидесятыхъ годахъ. Силы уходятъ на малыя дѣла... Вотъ гораздо важнѣе, чтобы, согласившись жить вмѣстѣ, они не побросали бы другъ друга... А то вѣдь это тотъ же нигилизмъ. Хорошая идея, которая губитъ дѣло,—самая гадкая идея... Нигилизмъ погубилъ себя тѣмъ, что преувеличивалъ свои силы, когда оказалось, что настоящихъ нигилистовъ по пальцамъ можно сосчитать... Кромѣ того, онъ расходовался на мелочи, какъ и толстовщина. Ахъ, какая это пророческая книга «Некуда»! Вѣдь вотъ второй разъ, въ своей жизни, я вижу передъ собой тѣхъ же легкихъ людей, увлеченныхъ теоріей, но на которыхъ нельзя положиться. Здѣсь не виноваты учителя: прежде Герценъ и Чернышевскій, а теперь Л. Толстой. Легкіе люди по наслѣдству намъ достались, а наши учителя даютъ имъ только направленіе. А если вы хотите громкими именами кодифицировать свою жизнь, то въ подробностяхъ запутается и Левъ Николаевичъ. Толстовцы — немножко чище нигилистовъ, но характеръ тотъ же: та же фраза и невозможность положиться на нее.

Николай Семеновичъ разсказалъ мнѣ при этомъ про распаденіе одной толстовской общины, въ которую сманили со службы чиновника и дѣвушку изъ хорошей семьи.

— Да, вѣдь это тѣ же нигилисты! Право, тѣ же! То же безсердечіе... Оправдываются тѣмъ, что если нельзя приневоливать жить въ общинѣ другихъ людей, то нельзя и себя самого приневоливать къ тому же. Спрашиваю: «да, вѣдь вы обѣщали впятеромъ жить и сообща обрабатывать землю, и среди васъ была еше одна дѣвушка?».

— Да.

— Затѣмъ одинъ изъ васъ поѣхалъ въ городъ навѣстить больнаго отца и тамъ остался; другой поѣхалъ получать наслѣдство и тоже не вернулся; третій уѣхалъ, потому что «скучно показалось» ковырять землю, и наконецъ вы ушли. Осталась одна только дѣвушка, съ тонкими руками, которыми нельзя наколоть дровъ на чугунку и запрячь лошадь, чтобы уѣхать изъ этой опустѣлой колоніи. Но вѣдь это значитъ, вы всѣ лгали другъ передъ другомъ и обманули каждый по очереди.

— Чѣмъ же?

— Вы дали слово жить вмѣстѣ и не исполнили его.

— Нельзя же силой держать въ общинѣ.

— Тогда значитъ у васъ слова нѣтъ, и съ вами никакого дѣла нельзя имѣть! Вѣдь вы тѣ же подлецы тогда! Какъ же та дѣвушка-то: вѣдь она расчитывала въ колоніи жить съ новыми людьми, а вы ее бросили? Честно ли это? Живаго дѣла нельзя имѣть съ

вами; вы тотчасъ же измѣняете своимъ обѣщаніямъ. Вы тѣ же нигилисты... Садись и пиши на васъ второе «Некуда».

Сообщая этотъ пересказъ Николая Семеновича, я долженъ вообще замѣтить, что истинное происшествіе въ означенной колоніи могло быть въ бесѣдѣ переработано Лѣсковымъ, сообразно идеѣ, которую онъ хотѣлъ провести и имѣлъ для этого достаточно данныхъ. Всегда настроенный очень сильно въ одномъ направленіи, Лѣсковъ старался быть вѣрнымъ только въ общемъ и принципіально; но и здѣсь, надо замѣтить, онъ въ каждомъ предметѣ умѣлъ неожиданно иногда для себя самого найти новую сторону и освѣтить предметъ заново. Получались иногда противорѣчія, но всегда интересныя и проникнутыя исканіемъ истины.

Не менѣе сильно онъ осуждалъ въ дѣятельности толстовцевъ закрытіе въ Петербургѣ фирмы «Посредникъ», попрошайничество завѣдывающихъ изданіями народныхъ книгъ у литераторовъ даровыхъ статей, отлично понимая, что вмѣсто «обирательства» бѣдныхъ писателей и передачи издательскаго дѣла г. Сытину можно было бы издательство народныхъ книгъ поставить самостоятельно и организовать на собственныя средства людямъ, искренне расположеннымъ къ Толстому.

— А это они только себя тѣшатъ,—восклицалъ онъ съ негованіемъ.—Это тѣ же ни-

гилисты... Будь я моложе—садись и пиши на нихъ второе «Некуда». Вѣдь какая богатая тема, и они дождутся, что ихъ опишутъ также безпощадно, какъ это сдѣлано мною съ нигилиствующими фразерами. Писатель, который примется за нихъ, сразу создастъ себѣ имя, и ничего нѣтъ легче описать ихъ! Но вѣдь писатели-то наши, чортъ ихъ знаетъ, чего глядятъ и чего ждутъ... Горе!

Слѣдя за отвлеченной мыслью Л. Н. Толстого Н. С. Лѣсковъ училъ однако считаться и съ практическими условіями жизни, предостерегая не «лепетать» объ идеалахъ, если не умѣешь въ то же время создать для себя даже сносной семьи и собственнаго полезнаго дѣла.

Онъ часто говорилъ о дорогихъ ему идеяхъ съ сѣтованіемъ:

— Не кончатся ли онѣ со смертью Л. Н. Толстого? Что сдѣлано толстовцами для того, чтобы ихъ христіанскіе взгляды перешли въ народную жизнь? Отчего Чертковъ не съумѣлъ даже удержать «Посредникъ» въ Петербургѣ... Онъ погубилъ его, передавъ изданіе Сытину. Послѣдній долженъ быть только передатчикомъ (офеней)... Что это, наконецъ, за союзъ съ Сытинымъ, издающимъ Л. Толстого на ряду съ «Тайнами загробной жизни» или «Ключами къ женскому сердцу»? Зачѣмъ разные «лепетуны» выпрашиваютъ у гг. Сибиряковыхъ средства на изданіе «сборниковъ»,

когда все это можно было держать въ своихъ собственныхъ рукахъ, не прибѣгая къ Сытинымъ и Сибиряковымъ? Или богатые толстовцы держатся поговорки: самъ не ѣмъ, такъ и другимъ не дамъ!

Восторгаясь высотами духа толстовцевъ, Лѣсковъ скорбѣлъ, что все это на практикѣ не идетъ дальше копѣечныхъ книженокъ и заигрываній съ Сытиными и Сибиряковыми.

— Не мудрено, говорилъ онъ, если нѣкоторые изъ толстовцевъ, оторвавшись отъ проторенныхъ дорогъ и старыхъ идеаловъ, быстро примыкаютъ потомъ къ нимъ опять, видя тамъ готовыя формы для дѣятельности болѣе широкой и плодотворной, чѣмъ «лепетанье»... Если нигилизмъ былъ полонъ ренегатства, то толстовизмъ на словахъ и въ дѣлахъ «съ воробьиный носъ», при барствѣ самыхъ видныхъ въ немъ людей—лучшее средство измѣнить Л. Н. Толстому и поклониться моему Туберозову. А отъ нигилистки и жандарма родились всѣ какъ мои герои «На ножахъ»... Лепечутъ да тѣшутъ гг. Чертковыхъ, и ни въ комъ настоящей любви къ людямъ и ума о томъ, что дѣло должно быть въ дѣлѣ, а не въ моихъ только личныхъ рукахъ! Въ письмѣ отъ 6-го апрѣля 1894 г. къ одной извѣстной писательницѣ онъ замѣчаетъ: «то, что вы пишете о «толстовцахъ», очень интересно. Я тоже не спускаю съ глазъ и думаю, что ими

можно уже заниматься; но непремѣнно съ полнымъ отдѣленіемъ ихъ отъ самого того, кто далъ имъ ихъ имя или «кличку». Нѣкоторыя имена, изъ тѣхъ, которыхъ вы называете, мнѣ извѣстны. Клопскій даже очень любопытенъ, если только онъ не въ состояніи невмѣняемости. Въ способность Б. къ пахотѣ — не вѣрю. Если онъ пашетъ, то я жалѣю его бѣдную лошадь, которой сей «лепетунъ» подрѣжетъ сошникомъ ноги. Я преглупо раздражаюсь, когда слышу ихъ «лепетанье» о работѣ. Пусть «ковыряютъ, но не лепечутъ. Довольно они уже посмѣшили людей, которые ихъ не стоятъ».

О другомъ толстовцѣ (Ч-вѣ) за день или два до смерти, Н. С. пишетъ, что тотъ по пріѣздѣ въ петербургъ не былъ у него и иронически прибавляетъ: «Они обижены! Я, вѣдь, обязанъ ихъ оберегать, а не правду говорить». Эту «правду» онъ и высказалъ въ «Зимнемъ днѣ» (т. XII). Для Лѣскова болѣе цѣнны были какой-нибудь «Однодумъ» и комическая «Фигура», чѣмъ разносторонне развитый человѣкъ, не умѣющій приложить къ жизни свои теоріи и отравляющій ими всякаго, кто ему повѣритъ и пойдетъ съ нимъ рука объ руку.

Пытливый и требовательный умъ Лѣскова, успокоенный на-время яснополянскимъ мудрецомъ, съ тревогой, однако, приглядывался къ «толстовцамъ», и недовольство росло въ немъ все сильнѣе и сильнѣе.

Но отмѣчая саркастически «лепетуновъ» толстовскаго толка, Лѣсковъ высоко ставилъ Л. Н. Толстого и его принципы. Ко всякой критикѣ его ученія онъ былъ безпощаденъ и любого противника умѣлъ сдѣлать смѣшнымъ. Помню, онъ передавалъ мнѣ свою бесѣду о Толстомъ съ одной изъ нашихъ писательницъ въ слѣдующемъ юмористическомъ видѣ:

— Л. Толстой за послѣднее время третируется въ литературѣ, какъ послѣдній дуракъ. Недавно приходитъ ко мнѣ литературная дама съ романомъ въ рукахъ, гдѣ ея героиня не знаетъ, что дѣлать съ собой. Ее, видите ли, выдали насильно замужъ шестнадцати лѣтъ; но она осталась дѣвой, хотя и имѣла ребенка.

— Какже это?—спрашиваю.

— Насиліе! Насиліе! Въ нравственномъ смыслѣ она осталась невинной. Затѣмъ она начала хлопотать о разводѣ съ мужемъ, но для этого надо пройти грязную судебную процедуру. — Но она не хочетъ. Изъ принципа не хочетъ прибѣгать ко лжи и изобличенію.

— Тогда не разводись, замѣчаю...

— Но она полюбила другого, — говоритъ литературная дама.

— Тогда живи съ другимъ.

— Она не хочетъ внѣ брака... Изъ принципа!

— Такъ что же для такой дуры, которая не хочетъ ни такъ, ни этакъ, издавать новый законъ, что ли?

— Да вѣдь эта дура — вашъ Л. Толстой. Моя героиня живетъ по толстовскому ученью и вотъ мучится въ практическихъ столкновеніяхъ съ жизнью.

— Вы хотите сказать, что Л. Толстой — такой же дуракъ?

— Да, да... Всѣ такъ говорятъ. Вотъ къ чему его ученіе ведетъ... Я это изобразила въ романѣ.

— Сказалъ я ей, что у нея у самой дважды два—стеариновыя свѣчи, и мы разстались.

Съ глубокимъ негодованіемъ встрѣчалъ Лѣсковъ и газетныя инсинуаціи по адресу Толстого.

— Удивительная у насъ уличная пресса,— восклицалъ онъ неоднократно.—Вѣдь могла бы она, кажется, пробавляться убійствами да скандалами. А, могла бы? У нея достаточно поставщиковъ этого матеріала... Такъ нѣтъ! Ей мало пошлости. Надо еще подлости. Запретитъ ей Грессеръ трогать околоточныхъ надзирателей, она примется за Л. Толстого. Никого нельзя ругать безнаказанно,—ну, пусть и отдувается за это Л. Толстой. Этого можно поносить...

Помню также въ кабинетѣ у Лѣскова кто-то вздумалъ объяснять привязанность къ военной службѣ тѣмъ, что можно любить лошадь и солдатовъ.

— Лошадь вы можете купить, холодно отвѣтилъ Лѣсковъ.—А почему вы не любите просто человѣка, а любите непремѣнно наряженнаго въ куртку съ мѣдными пуговицами — этого я не понимаю... Впрочемъ, это вѣдь «толстовство»? насмѣшливо спросилъ онъ и пересталъ говорить съ гостемъ.

XVI.

Позднѣйшіе критики Н. С. Лѣскова: С. А. Венгеровъ, В. П. Буренинъ, Н. К. Михайловскій, А. Л. Флексеръ-Волынскій, С. К. изъ „Новаго Слова" за окт. 1896 г., „Русская Мысль", январь 1897 г., А. Б. изъ „Міра Божьяго" за янв. 1897 г.

Н. С. Лѣсковъ—не Толстой и даже не Тургеневъ по художественнымъ силамъ, вопреки заявленію г. Сементковскаго, но онъ въ то же время и не Данилевскій, не Левитовъ, не Хвощинская и не Слѣпцовъ, какъ пишетъ о немъ В. П. Буренинъ. Онъ превосходитъ всѣхъ ихъ талантомъ и содержательностью. Кто зналъ поименныхъ лицъ, а также и Лѣскова — тому легко оцѣнить преимущество огромнаго ума Лѣскова, большую начитанность, умѣнье пользоваться своими знаніями, его эрудицію, всегда оригинальную и поражающую своей опредѣленностью и безспорностью, скрѣплѣнную образами изъ дѣйствительности. Онъ былъ знакомъ не только съ верхами журналистики, но и со множествомъ оригинальныхъ произведеній.

Его библіотека состояла изъ рѣдкихъ и попреимуществу философскихъ книгъ. Послѣ его смерти, она оцѣнена была букинистами въ двѣ тысячи рублей, и тотъ, кто пріобрѣлъ ея экземпляры, найдетъ всюду слѣды усерднаго чтенія и изученія ихъ. Съ большимъ уваженіемъ говоритъ о Лѣсковѣ С. А. Венгеровъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза. «Больше всего поражаетъ въ Лѣсковѣ то, что Тургеневъ назвалъ «выдумкою». Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы. У Лѣскова есть повѣсти, занимающія всего 5—6 листовъ, но которыхъ по обилію содержанія хватило бы на многіе томы. Таковъ въ особенности «Очарованный странникъ», гдѣ буквально на каждой страницѣ новый сюжетъ, новое интересное положеніе и новыя краски. Онъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ сборники легендъ, содержаніе которыхъ накоплялось цѣлыми поколѣніями. Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова. Онъ всегда писалъ замѣчательно сжато, почти совершенно устраняя всякаго рода балластъ. Замѣчателенъ, наконецъ, колоритный и оригинальный языкъ Лѣскова. Его переработка разсказовъ и легендъ изъ «Пролога» вызываетъ въ критикѣ справедливое къ нимъ удивленіе. Написанные въ стилѣ легендъ Флобера, эти разсказы блещутъ реа-

лизмомъ, столь необычнымъ у насъ въ произведеніяхъ такого рода».

Въ современной критикѣ раздаются и голоса, пытающіеся умалить значеніе Лѣскова. Считаемъ необходимымъ привести эти мнѣнія для большаго безпристрастія и свободы, чтобы самъ читатель могъ прійти къ самостоятельному заключенію о Лѣсковѣ послѣ выслушанія обѣихъ сторонъ. Начинаю съ В. П. Буренина.

Признавая за Лѣсковымъ знаніе русской жизни, серьезную наблюдательность и своеобразность, г. Буренинъ приписываетъ ему «грубость и очень часто полное отсутствіе вкуса, ограниченность и поверхность художественнаго и этическаго пониманія, наконецъ, просто недостаточность образованія и развитія,—разумѣется, относительную недостаточность, по сравненіи съ развитіемъ и образованіемъ настоящихъ «первоклассныхъ» дѣятелей литературы, къ которымъ теперь ходятъ приравнять Лѣскова разные quasi-критики».

Лѣсковъ, по его мнѣнію, «сочинялъ свои романы по обычнымъ шаблонамъ, драматизировалъ отношенія своихъ героевъ по рутинѣ, а лыбовь всегда изображалъ книжно и лубочно: или чувственно-грубо, почти скабрезно, или же съ фальшивою сантиментальностью и картиннымъ романтизмовъ. Ни одного женскаго лица, не то что ужъ художественно-прекраснаго, а

даже только приближающагося къ красотѣ онъ не создалъ. Когда онъ желалъ идеализировать женщину—онъ всегда являлся приторнымъ и лицемѣрнымъ. Изображенія грубыхъ, жестокихъ и пошлыхъ женскихъ натуръ удавались ему лучше; но и тутъ онъ рубилъ топоромъ изъ дерева, какъ ремесленникъ, а не высѣкалъ рѣзцомъ изъ мрамора, какъ художникъ».

Чтеніе «Полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова» всего лучше покажетъ читателю: можетъ ли Лѣсковъ прелестью изображенія русской жизни и самыхъ глубокихъ сторонъ человѣческой души привлекать къ себѣ читателя и воспитывать его въ альтруистическомъ духѣ, или большинство произведеній этого «малообразованнаго» и «вульгарнаго» «дровокола» имѣли въ свое время только успѣхъ скандала, «какъ полицейскій протоколъ о скабрезномъ происшествіи дня», а теперь «выходятъ просто-на-просто скучными, донельзя растянутыми и поверхностными беллетристическими работами, при томъ необычайно топорными и вульгарными».

Умаленіе г. Буренинымъ литературнаго значенія Лѣскова мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что онъ не слѣдилъ за его позднѣйшей дѣятельностью, въ которой такъ замѣтенъ умственный ростъ Н. С. Лѣскова и неодолимая прелесть внутренняго свѣта, которымъ онъ

горѣлъ; что касается ранняго знакомства съ Лѣсковымъ, то, по собственному признанію г. Буренина, онъ для возобновленія памяти «какъ-то вздумалъ перечитывать «Некуда» и «На ножахъ»—и не могъ, при всемъ желаніи, одолѣть и половины этихъ длиннѣйшихъ произведеній».

Немудрено такимъ образомъ, что въ отзывѣ г. Буренина о Лѣсковѣ играло не малую роль, кромѣ недостаточности свѣдѣній, и личное ихъ недружелюбіе другъ къ другу, проявлявшееся съ обѣихъ сторонъ и ранѣе въ печати.

Между тѣмъ, надо сказать, что, конечно, Лѣсковъ уступаетъ корифеямъ литературы и идейнымъ служеніемъ обществу, и художественностью. Хотя Тургеневскіе и Гончаровскіе герои всетаки уже немного устарѣли и являются для насъ болѣе представителями Николаевскаго и Александровскаго времени, чѣмъ героями будущаго, тѣмъ не менѣе ихъ типы крупнѣе по историческому значенію, чѣмъ Лѣсковскіе «архіереи» и «праведники». Но нельзя никакъ согласиться съ В. П. Буренинымъ, что «мѣсто Лѣскова какъ разъ тамъ, гдѣ стоятъ, напр., такіе второстепенные беллетристы, какъ Писемскій, Боборыкинъ, Мельниковъ, Данилевскій, Крестовскій-псевдонимъ (Хвощинская), Левитовъ, Слѣпцовъ и т. д.». Если-бы даже художественнымъ дарованіемъ онъ былъ равенъ указаннымъ писателямъ, то

и тогда Лѣсковъ отличался-бы отъ нихъ болѣе глубокимъ міросозерцаніемъ и лучшимъ знаніемъ русской жизни. Неужели, на самомъ дѣлѣ, Хвощинская съ міросозерцаніемъ женщины и героями исключительно изъ хлыщей, Писемскій съ его циническимъ отношеніемъ къ жизни, Данилевскій—съ либерализмомъ чиновника—могутъ идти въ параллель съ Лѣсковымъ? Его мѣсто, конечно, не среди Толстого и Тургенева, но тотчасъ за ними совершенно въ одиночествѣ...

Тѣмъ болѣе нельзя согласиться съ Н. К. Михайловскимъ, который въ «Русскомъ Богатствѣ» за іюнь 1897 г. посвятилъ цѣлую статью художественной цѣнкѣ Н. С. Лѣскова, ограничиваясь перечисленіемъ однихъ воображаемыхъ его недостатковъ. Такой пріемъ критики всегда является въ печати глумленіемъ надъ писателемъ, а не оцѣнкой его дѣятельности. Онъ коритъ Лѣскова «чрезмѣрностью» и «артистической удалью» его языка, отсутствіемъ центра и единства фабулы, пестрота которой утомляетъ читателя «чрезмѣрно» нанизанностью, вродѣ бусъ на нитку, однихъ эпизодовъ на другіе; преувеличеннымъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ: либо дьяволовъ, либо ангеловъ и, наконецъ, чрезмѣрнымъ консерватизмомъ политическаго образа мыслей.

Эти совершенно лишенные основаній отзывы, — въ чемъ легко убѣдиться при чтеніи

Лѣскова — особенно выдаютъ себя въ отдѣльныхъ приговорахъ г. Михайловскаго надъ Лѣсковымъ. Въ воспоминаніяхъ о «Печерскихъ антикахъ» Лѣсковъ выводитъ нѣкоего Берлинскаго, склоннаго къ анекдотическимъ импровизаціямъ; г. Михайловскій осуждаетъ автора за то, что «фантазіи Берлинскаго можно принять за историческую правду». Кромѣ того, нисколько не стѣсняясь, г. Михайловскій видитъ «нѣкоторую родственность» между Лѣсковымъ и Берлинскимъ... Интересно сопоставить эти критическіе отзывы съ мнѣніями читателей Лѣскова. «Печерскіе антики» печатались въ «Кіевской Старинѣ» и ея редакторъ писалъ Лѣскову, что кіевляне очень цѣнили воспоминанія Лѣскова объ ихъ «антикахъ». «Полунощники» г. Михайловскій называетъ Шехеразадой; а между тѣмъ Лѣсковъ получалъ письма, въ которыхъ ему говорили, что за «Полунощниковъ» ему простятся всѣ грѣхи противъ нигилистовъ. «Очарованнаго странника» г. Михайловскій считаетъ разсказомъ безъ фабулы, или правильнѣе, въ немъ «есть цѣлый рядъ фабулъ, нанизанныхъ какъ бусы на нитку, и каждая бусина сама по себѣ можетъ быть очень удобно вынута и замѣнена другою»... И однако, «Странникомъ» очаровывались многочисленные читатели.

«Запечатлѣннаго Ангела» тотъ-же критикъ находитъ написаннымъ «безъ пропорціо-

нальности» и «художественной мѣры», а «Праведники», будто-бы, исполнены умиленіемъ автора «добровольнымъ рабствомъ» своихъ героивъ, какъ таковымъ, самимъ по себѣ превосходнымъ качествомъ, гораздо лучшимъ, чѣмъ всякая иная отзывчивость человѣческой души къ благородству поступковъ. «Эта рабская преданность, пишетъ г. Михайловскій, именно рабская, какъ неоднократно и разными способами подчеркиваетъ Лѣсковъ, умиляли его сама по себѣ, какъ таковая, и онъ не заботится объ томъ, чтобы какъ-нибудь мотивировать ее и тѣмъ самымъ сдѣлать для читателя понятною». Лѣсковъ, дѣйствительно, не считалъ читателя до такой степени глупымъ, чтобы мотивировать ярко выведенный образъ, а восхищеніе этимъ образомъ «рабской преданности» свойственно всякому художнику, даже съ радикальнымъ образомъ мыслей. Дореформенные, преданные своимъ господамъ (правильнѣе своимъ понятіямъ и идеаламъ) люди, конечно, относятся къ типу «праведниковъ», которыхъ все менѣе и менѣе уже встрѣчаешь въ жизни. Художникъ долженъ былъ сохранить намъ эти типы изъ эпохи «рабской преданности», и Лѣсковъ умѣлъ дать почувствовать читателю этихъ людей со всей ихъ односторонностью и, въ то-же время, прелестью сильной души и возвышеннаго сердца. Особенно такихъ типовъ много во второмъ томѣ его сочиненій.

От «разноса» г. Михайловским полнаго «Собранія сочиненій» Н. С. Лѣскова не осталось у послѣдняго ни одного художественнаго образа, умилительнаго для ума и сердца, ни одной свѣтлой мысли, за которую читателю стоило-бы постоять грудью, ни одной стилистической красоты и мѣткаго слова, которыя могли-бы войти въ нашу живую рѣчь. А между тѣмъ на Лѣсковѣ можно воспитаться прямо крупнымъ человѣкомъ; его идеи требуютъ перевоспитанія человѣка не на словахъ, а въ поступкахъ. Онъ способенъ растрогать людей даже противоположныхъ съ нимъ взглядовъ на жизнь и привлечь ихъ къ себѣ...

— Сталъ я перечитывать васъ, и вдругъ меня потянуло къ вамъ, Николай Семеновичъ, говорилъ ему незадолго до его кончины Т. И. Филипповъ, пріѣхавшій къ Лѣскову мириться послѣ многихъ лѣтъ ссоры съ нимъ *).

Разумѣется, это вліяніе Лѣскова на своихъ читателей обусловлено содержательностью его произведеній, а не объективными картинами русской жизни. Онъ имѣетъ значеніе по преимуществу благодаря высокому разумѣнію русской жизни и лучшихъ идеаловъ христіанскаго міра. Современемъ будетъ казаться просто невѣроятнымъ отзывъ Н. К. Михайловскаго о томъ, что Лѣсковъ не имѣлъ «художествен-

*) См. мою брошюру: „Тертій Ивановичъ Филипповъ". 1900 г.

ной мѣры», училъ «рабской преданности» и исполненъ былъ «озлобленностью къ различнымъ партіямъ»—и ничего такого, что давало-бы ему права стоять въ первыхъ рядахъ русской литературы.

Съ цѣлымъ рядомъ ошибокъ отнесся къ Лѣскову и критикъ «Сѣвернаго Вѣстника» г. Флексеръ-Волынскій. Онъ пишетъ: «не будучи ни по духу, ни по темпераменту естественнымъ сторонникомъ прогрессивнаго лагеря, руководимаго Чернышевскимъ, Лѣсковъ не обладалъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы открыто занять свое особое мѣсто въ журналистикѣ. Лѣсковъ долженъ былъ разорвать открыто съ либерализмомъ и никогда не заигрывать двусмысленно съ людьми, въ которыхъ онъ самъ порицалъ и преслѣдовалъ именно то, что дѣлало ихъ сильными передъ толпою, героями прогрессивной эпохи. Не приставая ни къ Чернышевскому, ни къ Каткову, онъ могъ бы явиться носителемъ идей, имѣющихъ право на самостоятельное существованіе. Но такого независимаго положенія Лѣсковъ, по отсутствію нравственной выдержанности и умственной цѣльности, занять не могъ. Годы шли за годами, смѣнялись событія, а публицистика Лѣскова постоянно сохраняла характеръ внутренней двойственности, производившей впечатлѣніе лицемѣрія и фальши. Его разсужденія о женской эмансипаціи,

которая бурно обсуждалась на страницахъ либеральныхъ журналовъ, какъ-то плохо примирялись съ гнѣвными нападками на шутовство, гаерство именно либеральныхъ писателей. Его неумѣреннная злоба противъ нигилистовъ, давшая пищу разнымъ сквернымъ толкамъ въ современной журналистикѣ, не могла и не должна была искать себѣ никакихъ путей къ примиренію съ особеннымъ видомъ очищеннаго нигилизма, въ духѣ романа Чернышевскаго. А между тѣмъ Лѣсковъ, не замѣчая фальшивости собственнаго пріема, выступилъ въ 1863 году снисходительнымъ истолкователемъ этого характернаго произведенія, въ обширномъ фельетонѣ, написанномъ неряшливо, отрывочными фразами, безъ малѣйшей умственной послѣдовательности и безъ нравственнаго изящества. Идеи нигилизма подвергались профанаціи — это значитъ, что есть настоящій нигилизмъ, который пользуется сочувствіемъ Лѣскова. Понадобилось нѣсколько газетныхъ столбцовъ, чтобы, предавъ поруганію современную толпу, лукаво подойти къ роману Чернышевскаго и выразить ему свое убѣжденное сочувствіе за честное изображеніе настоящихъ нигилистическихъ героевъ. Весь фельетонъ о Чернышевскомъ, съ игрою талантливаго автора на два фронта, кажется намъ новымъ опрометчивымъ въ литературномъ отношеніи поступкомъ. Лѣсковъ не ви-

дитъ, что между литературнымъ нигилизмомъ и житейскимъ нѣтъ никакой принципіальной разницы, что одинъ былъ правдивымъ отраженіемъ другаго, что оба они стояли на одинаковой умственной высотѣ, что нельзя одновременно осмѣивать общество, восторженно принявшее романъ Чернышевскаго, и расхваливать «Что дѣлать», въ которомъ это общество увидѣло правдивое отраженіе собственныхъ гражденственныхъ идей и стремленій»...

По поводу этой пространной характеристики о Лѣсковѣ почти построчно слѣдовало бы возражать г. Волынскому. Во-первыхъ, тѣмъ, что въ «мужествѣ» и «своемъ особомъ мѣстѣ въ журналистѣ» никто не откажетъ Лѣскову и теперь; а, во-вторыхъ, «не пристать къ Чернышевскому и Каткову» совсѣмъ не значитъ «заигрывать двусмысленно съ людьми» «на два фронта» и производить «впечатлѣніе лицемѣрія». Можно сочувствовать и женской эмансипаціи и смѣяться одновременно надъ Кукшиными; строго различать литературный нигилизмъ отъ обывательскаго, идею отъ исполнителей, и, наконецъ, весь фельетонъ Лѣскова о Чернышевскомъ («Сѣверная Пчела», 1863 г. № 142) представляетъ собою образцово критическую статью, исполненную именно благородства и серьезнаго ума. Внутренній скептицизмъ Лѣскова, то-есть способность находить и въ друзьяхъ отталкивающія стороны,

а во врагахъ—примиряющія, слѣдуетъ считать драгоцѣннымъ качествомъ въ писателѣ. Тотъ же г. Венгеровъ пишетъ объ этомъ по адресу Лѣскова: «злой и трезвый умъ, чуждый мистицизма и экстаза, при всей страстности и порывистости его натуры, никогда не давалъ ему увлечься всецѣло и показывалъ ему недочеты во всемъ. Вотъ почему, между прочимъ, и въ «Некуда» въ одно и то же время онъ и разрушаетъ и созидаетъ». Созидать и разрушать—значило говорить горькую правду не только врагамъ, но и друзьямъ, а г. Волынскій считаетъ это «игрой талантливаго автора на два фронта»; желаетъ, чтобы Лѣсковъ «призналъ Бога не только въ явномъ и несомнѣнноиъ его выраженіи, но и подъ маской житейскаго безобразія». Богъ Лѣскова дѣйствительно не рядился въ безобразныя маски, и потому Лѣсковъ признавалъ Его только «на узкомъ пути» немногихъ избранниковъ, строго отдаляя ихъ отъ «Панургова стада». Г. Волынскій считаетъ это драгоцѣнное свойство въ писателѣ—грубымъ качествомъ толпы, «которая, при собственномъ безобразіи, не даетъ пощады никакому уродству», и, какъ ранѣе требовалъ отъ Лѣскова рѣшительнаго разрыва съ «либерализмомъ», такъ и теперь осуждаетъ его же за безпощадность къ уродству»... Точно также г. Флексеръ-Волынскій не понималъ и того, какъ могъ Лѣсковъ отно-

ситься отрицательно къ Н. К. Михайловскому и въ то же время не лицемѣрно работать съ нимъ на страницахъ одного и того же журнала въ «Русской мысли». Лѣсковъ часто замѣчалъ:

— Экая важность, подумаешь, что я пишу въ «Русской Мысли» и въ «Новомъ Времени»! Я не перешелъ въ «Новое Время», а пошелъ. Пошелъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ на борьбу съ произволомъ и тьмой, не хвастаясь направленствомъ и оберегая исключительно интересы общества. Чего еще нужно отъ меня! Я считаю скорѣе недостаткомъ нѣсколько аскетическія черты моей натуры, такъ какъ мало способенъ жить въ міру, идя съ людьми попутно... А многіе уважаемые люди, не хуже меня по нравственнымъ качествамъ, спокойно ходятъ даже къ врагамъ, оставаясь вездѣ самими собою и черезъ нихъ дѣлая добрыя дѣла. На злое дѣло они не пойдутъ къ нимъ и сейчасъ же бросятъ ихъ, а попутно, пока дороги не разошлись, они могутъ жить вмѣстѣ... Такъ можно ѣхать съ ними до Москвы, а тамъ мы поѣдемъ порознь. Надо только, чтобы къ вамъ не пристало отъ дурныхъ людей дурное, а ѣхать съ ними попутно можно. Я это понимаю, но самъ къ этому всегда былъ мало способенъ. Во мнѣ много нетерпимости и я въ дорогѣ же разругаюсь съ моими попутчиками. Съ радикалами 60-хъ

годовъ я разошелся при первомъ разногласіи, съ Катковцами также, съ моими «архіереями» и «редстокистами» тоже недолго ладилъ, Л. Н. Толстого люблю, а толстовцевъ—нѣтъ. Всегда я былъ болѣе прямолинеенъ, чѣмъ желалъ бы...

Флексеръ недоумѣваетъ, какъ могъ Лѣсковъ выводить въ «Чортовыхъ куклахъ» борца за служебное искусство и въ то же время «въ частномъ письмѣ, втихомолку, издѣваться надъ ретивымъ борцомъ этого именно склада въ области современной печати». А между тѣмъ такъ было естественно, что въ первомъ случаѣ борецъ заслуживаетъ похвалы, а во второмъ, когда онъ думаетъ, что «какъ бы онъ ни сбрехалъ, все это должно за малиновый звонъ сойти», тотъ же борецъ подлежалъ осужденію... Непонятно для Флексера-Волынскаго и то, какъ «удивительный писатель, который въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ» и «На краю свѣта», можно сказать, самобытно упредилъ нѣкоторыя новѣйшія умственныя теченія, съ религіозной окраской, утверждаетъ теперь, что русскому писателю не до Будды,—и въ то же время радостно идетъ на встрѣчу Толстому, можетъ быть уже замышляя «Зимній день»—ядовитую сатиру на непротивленниковъ». Но и въ этомъ случаѣ, скажемъ мы—ларчикъ просто открывается: Толстого онъ привѣтствуетъ «за Будду», потому что и Л. Н. Толстой и Будда

—изумительные и оригинальные философы; а когда подобныхъ геніевъ берутся истолковывать à la Флексеры — то естественно посовѣтывать имъ прекратить эту непосильную для нихъ работу.

Вполнѣ также позволительно восхищаться и «толстовизмомъ» и писать сатиру на неудовлетворительное примѣненіе идей Толстого по практикѣ неподготовленными къ христіанской жизни обыкновенными людьми. Это одинъ и тотъ же фронтъ для безпристрастнаго писателя, дышащаго одной правдой.

Такимъ образомъ, Флексеръ-Волынскій совершенно не почувствовалъ русскаго писателя въ періодъ борьбы его съ нигилизмомъ (такъ какъ г. Волынскій не знакомъ ни съ 60-ми годами, ни съ политическими вопросами вообще), а въ беллетрическихъ произведеніяхъ Лѣскова, преклоняясь исключительно передъ художественностью «Соборянъ», отводитъ имъ первое мѣсто. А между тѣмъ, Лѣсковъ писалъ о нихъ, 27 января 1893 г., Л. И. Веселитской, что «теперь я бы не сталъ ихъ писать, но я бы охотно написалъ «Записки разстриги» и, можетъ быть, напишу ихъ... Фальсификацію всѣхъ заповѣдей и просьбъ распятаго на крестѣ Праведника—вотъ что я хотѣлъ бы показать людямъ, а не Варнавкины кости! Но это, небось, называется «толстовство»...

Съ особенной любовью Ник. Сем. останавливался по преимуществу на своихъ «Праведникахъ» (т. II) и христіанахъ (т. X. и XI); а къ «Соборянамъ» охладѣлъ тотчасъ, какъ только понялъ, что они имѣютъ болѣе художественное и историческое значеніе, чѣмъ живое и соціальное для послѣдующаго развитія нашего общества.

— Идеализированный византіизмъ въ лицѣ Туберозова—знамя, давно оставленное мною,—говорилъ онъ мнѣ неоднократно.—Чѣмъ человѣчнѣе и дальше «отецъ» Туберозовъ отъ мертвой консисторіи, тѣмъ суровѣе слѣдуетъ окрикнуть его: «да ты что: христіанинъ или нѣтъ? Развѣ не знаешь, что по св. писанію у насъ нѣтъ другаго отца, кромѣ Бога и родителя, а всѣ мы братья, и пусть первый служитъ послѣднимъ! Но для этого есть одинъ «узкій путь», а не пространный, которымъ шелъ мой протопопъ... Я болѣе занимался человѣческой душой въ «Соборянахъ», чѣмъ попами,—говорятъ въ похвалу мнѣ и при томъ забываютъ, что въ Туберозовѣ было и то, и другое, въ равной мѣрѣ подлежащее нашему суду... Если-бъ я болѣе занимался человѣческой душой и въ нигилистахъ, то тѣмъ не менѣе всѣ бы судили и рядили ихъ, какъ съ художественной, такъ и соціальной точекъ зрѣнія. Тоже надо дѣлать и «Соборянами»... Вотъ правильное отношеніе будущаго критика и къ моимъ «Соборянамъ»...

Лучшія произведенія Лѣскова, гдѣ психологія и общественность воплощены въ равной мѣрѣ съ сильно выраженнымъ отношеніемъ автора къ тому, что онъ описываетъ («Некуда», нѣкоторые «Праведники» и «христіане»), проанализированы г. Волынскимъ крайне слабо. Но какъ въ «Соборянахъ» ему нравится «художественность» какъ бы «метафизическая», «свободная», исключительно черты души, независимыя отъ «буржуазности» (всѣ общественные интересы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» окрещиваются этимъ именемъ въ отличіе отъ «идеализма», освобожденнаго отъ всякихъ точныхъ опредѣленій и человѣческихъ учрежденій), такъ и въ другихъ сходственныхъ произведеніяхъ Лѣскова критикъ только цѣнитъ эту «вѣчную красоту», «паѳосъ автора», «экстазъ» читателя и т. п. «бочки психологіи». Г. Волынскій тѣсно связываетъ съ «Соборянами» разсказы: «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангелъ» и «Очарованный странникъ», въ которыхъ, по опредѣленію критика, «чувствуешь русскаго Бога».

«Какъ и въ «Соборянахъ», на первомъ планѣ разсказа («На краю свѣта») какая-то большая правда, которая плыветъ тихо, медленно и обнимаетъ весь горизонтъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ. Люди описаны твердой рукой мастера — до мельчайшихъ подробностей, до иллюзіи, и однако вниманіе останавливается

не на нихъ. Сердце чувствуетъ, что гдѣ-то совсѣмъ близко вѣетъ божество. Не только люди, но все кругомъ—отъ снѣжной мятели до умирающихъ животныхъ — одушевленное внутренней мыслью автора, становится какъ бы символъ непостижимой мудрости. И дикарь, и епископъ, сквозь колоритный и глубокомысленный діалогъ, видны въ пластическихъ образахъ, но читатель невольно охватывается иными, болѣе волнующимися интересами». Не совсѣмъ это ясно, и только въ каррикатурѣ такъ кого нибудь передразниваютъ, но видимо все-таки критикъ доволенъ «бѣлымъ свѣтомъ»—символомъ непостижимой мудрости г. Волынскаго.

О «Запечатлѣнномъ ангелѣ» онъ говоритъ:

«Вотъ разсказъ, въ которомъ нѣтъ черты, не проникнутой религіознымъ чувствомъ въ одномъ изъ самыхъ его чистыхъ и изящныхъ проявленій,—въ особенной, мистической любви къ искусству. Разсказъ этотъ называется «Запечатлѣнный ангелъ». Между произведеніями Лѣскова разсматриваемой группы «Запечатлѣнный ангелъ»—рѣдкое сокровище старинной, неподражаемой работы. По выдержанности тона произведеніе это кажется намъ даже болѣе законченнымъ и художественноцѣльнымъ, чѣмъ «Соборяне». Если главные герои «Соборянъ» оказываются «очарованными странниками», идущими по наитію таин-

ственныхъ, невидимыхъ силъ, то здѣсь—большая группа людей, артель рабочихъ-раскольниковъ, сплоченная единствомъ чувства вѣры, живетъ въ непосредственномъ очарованіи видимаго воплощенія незримой божественной стихіи. Таковъ этотъ исключительный въ русской литературѣ разсказъ Лѣскова. Повѣствованіе, начавшееся прославленіемъ искусства, проникнутаго примитивною религіозностью, въ послѣднихъ заключительныхъ моментахъ своего развитія, съ неожиданною силою открываетъ широкій кругозоръ писателя. Встрѣча воинствующихъ раскольниковъ съ мудрымъ и беззлобнымъ Памвою вноситъ въ него свѣжіе живые толки. Понятіе о Богѣ, сдавленное раскольническими догматами, расширяется до отвлеченной идеи, противоположной всякимъ случайнымъ ограниченіямъ, свѣтлой и нѣжной по своему содержанію. Упреждая духовное развитіе общества въ области религіозно-философскихъ откровеній, Лѣсковъ даетъ намъ въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ»—подъ пестрой оболочкой стариннаго письма—строгое и точное выраженіе цѣльной и оригинальной умственной системы. Не отрицая святыни искусства, онъ борется здѣсь съ культурнымъ идолопоклонствомъ, которое создаетъ житейскія распри и стихійное ожесточеніе, недостойное творящаго духа. Въ «Очарованномъ странникѣ» Лѣсковъ говоритъ о «добромъ русскомъ бога-

тырѣ», о «добромъ простодушіи», о «доброй душѣ», о «добромъ и строгомъ житіи». Жизнь описываемыхъ героевъ полна дикихъ, злыхъ и жестокихъ порывовъ, но въ скрытомъ источникѣ всякихъ человѣческихъ поступковъ и помышленій покоится доброта — неземная, идеальная, мистическая. На вершинѣ просвѣтленнаго созданія Иванъ Саверьяновичъ получаетъ послѣднее откровеніе, научась свято чтить «благое молчаніе» — ту великую внутреннюю тишину, которая живетъ въ герояхъ «Соборянъ», то послѣднее самообладаніе, тотъ невидимый экстазъ, который соединяетъ послѣднее самообладаніе, тотъ невидимй экстазъ, который соединяетъ жизнь съ вѣчною красотою. Всѣ эти отвлеченныя понятія и идеи показаны Лѣсковымъ въ колоритномъ національномъ освѣщеніи и съ тщательно скрытымъ убѣжденіемъ, что «добрый богатырь», любящій во всемъ бѣлизну и способный понять величіе благого молчанія, есть типъ чисто русскаго человѣка съ «прохладной русской кровью». Можно сказать съ полной увѣренностью, что, употребляя названныя слова и выраженія въ каждомъ выдающемся художественномъ моментѣ, Лѣсковъ обнаруживаетъ природную оригинальность своихъ ощущеній, вкусовъ и настроеній».

Оцѣнивъ восторженнымъ образомъ Лѣскова за «бѣлый свѣтъ», «благое молчаніе» и «много-

значительную тишину» въ «Соборянахъ», «На краю свѣта», въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ» и «Очарованномъ странникѣ», г. Волынскій относительно другихъ его произведеній, гдѣ наиболѣе общественнаго содержанія, приходитъ къ слѣдующимъ поражающимъ выводамъ:

«По темпераменту и по складу своего ума, не склоннаго къ сознательнымъ обобщеніямъ и тонкой самокритикѣ, Лѣсковъ былъ типичнымъ русскимъ проповѣдникомъ изъ народа—то вдохновеннымъ, то юродствующимъ. Этимъ объясняется обиліе шутовскихъ выходокъ, скоморошества,—забавнаго для толпы, но почти невыносимаго для любителей чистаго искусства,—въ повѣстяхъ и разсказахъ всѣхъ періодовъ его литературной дѣятельности. Несмотря на единство художественной правды, скрытой во всемъ, что онъ писалъ, произведенія Лѣскова временами кажутся оторванными отъ главнаго корня его внутренней творческой жизни: въ глубинѣ его души царитъ многозначительная тишина, но передъ толпою, которая всегда имѣла власть надъ его воображеніемъ, онъ любилъ выступать съ потѣшными анекдотами и прибаутками. Склонный къ рисовкѣ, онъ порою щеголялъ богатствомъ своихъ національныхъ красокъ и трезвымъ пониманіемъ колоритныхъ проявленій народной жизни. Но погремушки диковиннаго краснобайства, въ которое иногда ударялся этотъ

талантливый художникъ, не привлекали къ нему симпатіи и уваженія читающей публики».

Въ доказательство, должно быть, такого къ нему «неуваженія читающей публики», критикъ ничего не придумалъ привести лучшаго, какъ слѣдующее свое сужденіе: «Сказъ о Тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и стальной блохѣ» весь отъ начала до конца представляется наборомъ шутовскихъ выраженій—въ стилѣ безобразнаго юродства. Разныя сатирическія ухищренія не прикрываютъ собою нѣкотораго національнаго самохвальства, которое жило въ душѣ Лѣскова и, можно сказать, сохранялось до конца его дней». Этимъ отзывомъ о «Стальной блохѣ» и «національномъ самохвальствѣ» Лѣскова, г. Волынскій, надѣюсь, произнесъ надъ собою приговоръ о томъ, какъ слабо его критическое пониманіе, и какимъ настроеніемъ онъ самъ согрѣтъ.

Такимъ образомъ правильнаго отношенія къ себѣ вообще у большинства нашихъ критиковъ Н. С. Лѣсковъ такъ и не дождался. Съ мнѣніями о немъ г.г. Буренина и Волынскаго, однако, можно считаться: они оба иначе смотрятъ на Лѣскова, чѣмъ слѣдуетъ на него смотрѣть, но ни тотъ, ни другой не отрицаютъ за нимъ его заслугъ въ литературѣ. Но мы рѣшительно не знаемъ, что сказать про тѣхъ критиковъ, которые въ «Новомъ Словѣ» (1896 годъ, октябрь. «По по-

воду внутреннихъ вопросовъ») утверждаютъ, что Лѣсковъ писалъ только «каррикатуры» на свое поколѣніе; что нигилисты, отказавшіеся отъ общественныхъ цѣлей, нисколько все-таки не похожи на его героевъ въ романѣ «На ножахъ»; что представляется весьма подозрительной психологія сотрудниковъ «Недѣли», которые критически относятся къ Шелгунову, и чувствуютъ особенное тяготѣніе къ Лѣсковымъ и Дьяковымъ-Незлобинымъ: есть ли это, дѣйствительно, желаніе возстановить репутацію ихъ, какъ людей, когда-то несправедливо осуждаемыхъ и незаслуженно забытыхъ, или нѣкоторое духовное родство съ ними?» Что же остается спросить послѣ этихъ строкъ: возстановить въ литературѣ чью-либо репутацію представляется предосудительнымъ, что ли; находить ошибки въ журналистикѣ 60-хъ годовъ тоже заслуживаетъ порицаніе? Неужели нельзя съ грустью писать о томъ, что Шелгуновъ считалъ Гончарова «талантливой безталанностью» по поводу его «Обрыва», а «Войну и миръ» Л. Толстаго называлъ «философіей застоя», Тургенева («Отцы и дѣти»), Писемскаго и Лѣскова—«непрошенныи лѣтописцами» (см. сочиненія Н. В. Шелгунова) и что самъ Н. К. Михайловскій былъ исполненъ такихъ же ошибокъ въ области художественной критики? См. о Михайловскомъ мою статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1904 г. № 3.

Неужели для оцѣнки критики 1860-хъ годовъ нельзя констатировать поражающіе факты, въ родѣ тѣхъ, что за то же самое произведеніе «Отцы и дѣти» М. Антоновичъ называлъ Тургенева «Асмодеемъ нашего времени», а г. Скабичевскій—«русскимъ недомысліемъ», а Л. Толстой—названъ имъ посредственнымъ мыслителемъ (см. «графъ Толстой, какъ художникъ и мыслитель»); Хвощинскую же онъ замѣтилъ только во время отлива въ «Волнахъ русскаго прогресса», а у Шеллера—совсѣмъ не видалъ русской жизни, а все англійскую изъ Диккенса и т. д. Неужели еще рано говорить, что Писаревъ поставилъ лягушку выше принциповъ; принципы считалъ не моралью, а «силой ощущеній»; на выгодахъ личности строилъ общественное счастье; Пушкина совершенно не понималъ, и т. д., а Цебрикова, Зайцевъ и Ткачевъ напоминаютъ «рѣшето», на которомъ теперь не осталось слѣда индивидуальной мысли? Неужели же ошибаться критикамъ 1860-хъ годовъ не было свойственно, и для нихъ еще не настала «исторія»? Признавая за ними широкое распространеніе въ обществѣ демократическихъ идей, мы должны сказать, что въ художественной литературѣ они многаго не умѣли оцѣнить, въ томъ числѣ Лѣскова, и сопоставлять фельетониста «Новаго Времени» г. Дьякова съ всестороннимъ и глубокимъ бытописателемъ, какъ это дѣлаетъ теперь

«Новое Слово» по адресу Лѣскова, — значитъ не имѣть ни малѣйшаго представленія о немъ.

Не менѣе засоренъ и отзывъ «Русской Мысли» въ январьской книжкѣ о произведеніяхъ Н. С. Лѣскова. Признавая за нимъ «огромный талантъ и значеніе его произведеній», «Русская Мысль», однако, говоритъ, что, «увлекаясь своими идеями и отдаваясь своему скептицизму, Лѣсковъ очутился въ сторонѣ отъ тогдашнихъ «новыхъ людей», — вслѣдствіе нѣкоторыхъ прискорбныхъ обстоятельствъ не сблизился съ ними, а потому не имѣлъ возможности «изучить дѣйствительность». Любопытно, какъ Лѣсковъ, «не изучивъ дѣйствительность» въ сферѣ «новыхъ людей», могъ написать «Овцебыка», Загадочнаго человѣка» и «Некуда»? Вторая ошибка «Русской Мысли» въ слѣдующей цитатѣ: «Своихъ праведниковъ,—говоритъ г. Сементковскій: — онъ беретъ изъ всѣхъ сферъ жизни»... кромѣ одной,—вынуждены мы добавить, — именно той, которую онъ считалъ зараженною многими «общественными недугами, въ томъ числѣ склонностью увлекаться фразами и теоріями, несоразмѣрными съ жизнью». И пусть «считалъ», — упрекъ Лѣскову дѣлался и будетъ дѣлаться не за это, а за то, что вездѣ онъ розыскивалъ и находилъ, блестяще изображалъ «праведниковъ», крестьянъ, солдатъ, купцовъ, священ-

никовъ, помѣщиковъ, инженеровъ, квартальныхъ, скомороховъ и т. д., и лишь изъ одной «сферы»,—увлекающихся,—выбиралъ и противопоставлялъ имъ самыхъ худшихъ или неразумныхъ. Вслѣдствіе этого, общая картина пятидесятилѣтія русской жизни, изображенная въ собраніи его сочиненій, представляется невѣрною, написанною на двѣ половины: на одной—«неблагопріятныя условія» и «праведники», спасающіе свои души добрыми дѣлами, облегчающими горькое положеніе случайно попадающихъ имъ на глаза несчастныхъ, гибнувшихъ отъ такихъ «условій»; на другой — легкомысленные, глупые или негодные люди, увлекающіеся фразами и теоріями, «несоразмѣрными съ жизнью». Самая же «несоразмѣрность» такъ и осталась недоказанною и даже неуказанною Лѣсковымъ». Здѣсь, что ни слово, то ошибка: на самомъ дѣлѣ, развѣ можно упрекать писателя въ томъ, что изъ «новыхъ людей» онъ взялъ только отрицательные типы; вѣдь такъ можно упрекнуть и Гоголя за то, что изъ типовъ Николаевскаго времени онъ взялъ только «мертвые». Дѣло не въ этомъ, а въ ихъ собственной правдивости и силѣ. Лѣсковъ бралъ въ послѣреформенныхъ людяхъ прежде всего ихъ собственный ростъ и чувствовалъ, что люди не сегодня-завтра скомпрометируютъ свои собственныя исповѣданія, и нашелъ себѣ

блестящее подтвержденіе въ нашей современной жизни. Реформъ понадѣлали тогда много, а люди не только не провели ихъ въ жизнь со всѣми дальнѣйшими послѣдствіями, но не умѣли даже защитить ихъ чистоту отъ искаженій и реакціи. Почему же, слѣдовательно, онъ невѣрно изобразилъ общую картину? Развѣ дѣйствительно крайнія теоріи новыхъ людей были «соразмѣрны» съ ихъ собственными характерами и силами страны? Развѣ не могъ писатель чувствовать, что и въ крестьянствѣ, лишенномъ всѣхъ функцій политической жизни въ европейскомъ смыслѣ, равно и на фабрикѣ — никто не будетъ «работать надъ Боклемъ»; что и въ обработкѣ земли интеллигентами съ презрѣніемъ къ высшей культурѣ — тоже нѣтъ будущаго, и что это отвлекаетъ интеллигенцію отъ ея очередной работы въ расчисткѣ всѣхъ препятствій къ сближенію съ народомъ и его единенія съ правящими силами? Что въ этихъ метаніяхъ туда и сюда съ прямой дороги заберешься на такую вершину, откуда идти дальше «Некуда», и тогда, отказавшись отъ своихъ высокихъ цѣлей, эти же самые люди будутъ либо «На ножахъ», либо не менѣе негодяйствующими «Учителями жизни», изъ повѣсти Н. Ѳ. Петропавловскаго-Каронина, либо ренегатами, описанными либеральными беллетристами: Боборыкинымъ въ романѣ «Поумнѣлъ» и Станюковичемъ въ романѣ «Омутъ»?

Но слѣдуетъ сказать, что Лѣсковъ не только давалъ «худшіе» типы изъ сферы «увлекающихся», но и высокодаровитыхъ и безсребренниковъ; таковы его «Овцебыкъ», Артуръ Бенни въ лицѣ Райнера, его Лиза Бахарева, Помада и Розановъ.

Наконецъ, «Русская Мысль» укоряетъ Лѣскова въ томъ, что онъ болѣе настаиваетъ на перевоспитаніи воли человѣка, чѣмъ на измѣненіи его соціальной обстановки, то-есть, такъ называемыхъ «внѣшнихъ условій жизни». Трудно понять, почему до сихъ поръ многимъ кажется важнѣе измѣненіе внѣшнихъ условій жизни, чѣмъ внутреннихъ. Вѣдь и по существу измѣненіе внѣшнее можетъ быть только результатомъ внутренняго, результатомъ желаній людей что либо улучшить и измѣнить въ ихъ соціальной обстановкѣ. Затѣмъ, разумѣется, Лѣсковъ потому и говоритъ объ измѣненіи злыхъ наклонностей и вкусовъ человѣка, чтобы одновременно съ ними мѣнялась и общественная жизнь; чтобы и соціальныя реформы и прогрессивные законы были результатомъ нравственныхъ усилій въ благодѣтеляхъ человѣческаго рода и т. д. Лѣсковъ эту соціальную азбуку понималъ отлично, и современное намъ время блистательно оправдало его недовѣріе во внутренній ростъ русскаго общества и правящихъ сферъ въ 1860-хъ годахъ. Однако, повторю, съ мнѣніями г.г. Буренина, Волынскаго, С. К. изъ «Новаго Слова» и рецен-

зента изъ «Русской Мысли» о Лѣсковѣ можно спорить, какъ съ мнѣніями литературныхъ людей; но что сказать о критикѣ А. Б. изъ «Міра Божія», редактируемаго въ 1897 г. В. Острогорскимъ, гдѣ въ январьской книжкѣ печатно называютъ Лѣскова «клеветникомъ», «доносчикомъ», «пошлымъ анекдотистомъ», «острословомъ и суесловомъ», «болтливымъ пустословомъ», писателемъ «безъ Бога въ душѣ», «циникомъ по складу ума и сластолюбцемъ по темпераменту», «лицемѣромъ, прикрывающимся высокими словами, въ святость которыхъ онъ самъ не вѣритъ», и т. д.? Всѣ доказательства критика въ томъ, что смерть Н. С. Лѣскова «прошла почти незамѣченной», «Нѣсколько обычныхъ некрологовъ, двѣ три широковѣщательныхъ статьи, написанныхъ друзьями покойника, — вотъ и все, въ чемъ выразилось вниманіе общества къ писателю, въ свое время дѣлавшему большой шумъ. И въ этой холодности общественнаго мнѣнія сказался тотъ общественный судъ, приговоры котораго всегда справедливы (?), потому, что ни подкупить его, ни запугать нельзя. Это былъ приговоръ надъ человѣкомъ, дарованія котораго были растрачены какъ-то зря, безъ пользы для кого бы то ни было. Еще при жизни Лѣсковъ былъ уже мертвымъ писателемъ, мало привлекавшимъ вниманіе своими послѣдними произведеніями». Успѣхъ Лѣскова въ обществѣ дока-

зывается тѣмъ, что его дорогое по цѣнѣ «Полное собраніе сочиненій» въ самомъ непродолжительномъ времени выдержало два изданія; во-вторыхъ, взрослое общество въ настоящее время читаетъ, разумѣется, Лѣскова гораздо болѣе, чѣмъ всякаго изъ нынѣ живущихъ писателей (исключая Л. Толстаго), и въ будущемъ популярность его несомнѣнно выростетъ при большемъ къ нему вниманіи и безпристрастіи критики. А затѣмъ, послѣднія его произведенія въ XI и XII томахъ печатались въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Русской Мысли», въ книжкахъ «Недѣли» и уже, конечно, читая ихъ, нельзя было сказать того, что педагогъ Острогорскій пропустилъ въ редактируемомъ имъ журналѣ о Лѣсковѣ: «Все, что проходило передъ нимъ, интересовало его лишь съ точки зрѣнія курьезнаго сюжетца. Уловить болѣе глубокое содержаніе жизни, разобраться среди многочисленныхъ теченій ея, уяснить себѣ ихъ смыслъ—на это у Лѣскова никогда не хватало ни ума, ни таланта».

Какая, подумаешь, у другихъ-то беллетристовъ и критиковъ «талантливость и умъ»! Вонъ г. Скабичевскій поставилъ Мамина-Сибиряка выше Золя (см. «Новое Слово» за октябрь 1896 г.), а Лѣскову не хватало «ни ума, ни таланта»...

Такую оцѣнку Лѣскову могъ сдѣлать человѣкъ, неспособный понимать ни художествен-

наго значенія его произведеній, ни содержательности ихъ. Это тотчасъ же обнаружилось, какъ только г. А. Б. перешелъ къ доказательствамъ своихъ изумительныхъ сужденій. Онъ пишетъ о «Соборянахъ»:

«Туберозовъ, по идеѣ, является представителемъ воинствующаго духовенства. Для этого у него всѣ данныя — умъ, энергія, стойкость духа и непреклонная вѣра. Чего бы, казалось, больше? Нѣтъ, Лѣсковъ не выдерживаетъ и прибавляетъ къ этимъ высокимъ качествамъ нѣчто, ужъ совсѣмъ гаденькое и низменное, заставляя Туберозова писать доносъ и еще превозносится этимъ, — «ибо я русскій и деликатность съ такими людьми долженъ считать за неумѣстное» (рѣчь идетъ о полякахъ). Такое непониманіе и неразборчивость въ самыхъ простыхъ вещахъ встрѣчаются у Лѣскова на каждомъ шагу. Лѣсковъ даже не догадывается, что человѣку, столь высокому по нравственному типу, какъ его Туберозовъ, никоимъ образомъ не придетъ въ голову доносъ. Но если сопоставить «Памву-лицемѣра», проявившагося въ сказаніяхъ Лѣскова, и скрытаго крѣпостника, притаившагося въ преданіяхъ о «Старыхъ годахъ села Плодомасова», съ этимъ доносомъ, то не получится никакого противорѣчія не въ художественномъ образѣ Туберозова, а въ Лѣсковѣ, выглядывающемъ изъ-за Туберозова».

Просто не вѣрится, чтобы можно было такъ писать о Лѣсковѣ! До такой степени въ литературѣ у насъ не дорожатъ репутаціями другъ друга! Ну, почему этотъ доносъ на нигилистовъ и «поляковъ» не могъ сдѣлать Туберозовъ, когда тайное кляузничество и доносы въ русскомъ духовенствѣ издавна были развиты, а въ настоящемъ случаѣ они оправдываются у священника общественными цѣлями? Вѣдь это случается почти на каждомъ шагу, у духовныхъ лицъ, не менѣе Туберозова пользующихся уваженіемъ паствы, а вотъ г. А. Б. приписываетъ этотъ доносъ самому Лѣскову. Алеша Поповичъ существовалъ не только въ былинахъ, но и въ позднѣйшей жизни. Затѣмъ онъ нападаетъ на «колоритный» языкъ Лѣскова въ «Полунощникахъ» и стыдитъ имъ гг. Сементковскаго и Венгерова, признавшихъ за Лѣсковымъ большія услуги въ «области русскаго слова». Между тѣмъ самъ Лѣсковъ часто мнѣ говорилъ объ этомъ по поводу «Полунощниковъ»:

— Только на такомъ языкѣ я могъ провести въ печати мои взгляды о безстыжихъ притворщицахъ въ «Полунощникахъ» и о моей среди нихъ евангелисткѣ Клавдіи... Критики это не цѣнятъ, а вонъ какая-то барышня прислала мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ, что за мои «Полунощники» мнѣ простятся всѣ мои прежніе грѣхи.

XVII.

Позднѣйшіе критики Н. С. Лѣскова: Р. И. Сементковскій Я. П. Полонскій, М. О. Меньшиковъ.

Въ нашихъ воспоминаніяхъ о Лѣсковѣ мы говорили, что многія его произведенія, по особо интимному тону и прямымъ указаніямъ, имѣютъ автобіографическое значеніе и объясняютъ не только многочисленные «инциденты» въ литературной жизни Лѣскова («Петербургскіе пожары», появленіе романа «Некуда» и т. д.), но и самое направленіе всей его дѣятельности.

Съ особеннымъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ теперь то, что и г. Сементковскій обратилъ вниманіе на это обстоятельство и знакомитъ читателя съ біографіей Лѣскова по собственнымъ сочиненіямъ послѣдняго. Такой пріемъ критико-біографической работы, однако, весьма рѣзко осужденъ В. П. Буренинымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Господа присяжные біографы любятъ выдумывать всякія вліянія на писателей, заимствуя эти вліянія по большей части изъ сочиненій писателей, жизнь которыхъ они разсказываютъ. Но для чего господа біографы это дѣлаютъ — трудно понять. Читатели въ сочиненіяхъ того или другого автора встрѣчаютъ указанія на эти вліянія, гораздо болѣе обстоятельныя и точныя, чѣмъ у господъ біографовъ. Стало быть, указанія біографовъ выходятъ только повтореніемъ

и извлеченіемъ вещей, уже извѣстныхъ читателямъ, и притомъ повтореніемъ не совсѣмъ точнымъ. Дѣло въ томъ, что біографы очень часто принимаютъ выдуманныя, или по крайней мѣрѣ такъ или иначе измѣненныя противъ дѣйствительности, лица писательскаго творчества за лицъ подлинныхъ, живыхъ, дѣйствительно существовавшихъ. Этотъ пріемъ очень излюбленъ критико-біографами, они, по правдѣ сказать, очень злоупотребляютъ имъ, особенно, когда не знаютъ, что сказать о писателѣ, жизнь котораго они взялись изобразить и сочиненія котораго взялись оцѣнивать».

Этотъ отзывъ несправедливъ вообще и въ особенности относительно статьи г. Сементковскаго. При такомъ отношеніи къ біографическимъ работамъ можно каждую изъ нихъ произвольно скомпрометировать. Написана, напримѣръ, біографія по собственноручнымъ письмамъ автора, можно заявить, что вообще всѣ письма субъективны, никто изъ насъ въ нихъ не безпристрастенъ, а Лѣсковъ, какъ нервный человѣкъ, способенъ былъ всегда раскаяться за вчерашнія письма и отказаться отъ нихъ, или—обратно—писать вновь письма «для потомства» *), а не для выясненія правды и искренности; написана біографія со словъ очевидцевъ—возможно подозрѣніе о томъ, что посторонніе

*) Онъ писалъ и сочиненія для „потомства", но они искренни и правдивы.

люди всегда ошибаются въ сложныхъ дѣлахъ человѣка, и слѣдовало бы предоставить слово самому дѣйствующему лицу и т. д. Голословно можно умалить значеніе всякой работы. Вотъ если бы было доказано, что Лѣсковъ неправильно въ своихъ произведеніяхъ передаетъ собственныя впечатлѣнія о своемъ дѣтствѣ, юности и возмужалости; что посторонніе люди лучше его самаго пòмнятъ всѣ обстоятельства, которыя вліяли на развитіе его характера и взглядовъ; что въ жизни его не было ни бабушки съ монастырями («Овцебыкъ»), ни няньки Любови Онисимовны, ни домашняго учителя-нѣмца («Томленье духа»), ни квакеровъ-англичанъ: тетки Полли и Шкотта («Юдоль»), ни вліянія кіевской молодежи, ни службы въ уголовныхъ палатахъ и въ рекрутскихъ присутствіяхъ, ни на баркахъ Шкотта («Продуктъ природы») и т. д.—ну, тогда ссылаться якобы на автобіографическія мѣста въ сочиненіяхъ Лѣскова не стоило бы. Но вѣдь никто еще не подрываетъ достовѣрность въ общемъ разсказовъ Лѣскова о своемъ прошломъ. Поэтому мы вправѣ ссылаться на его произведенія съ такой же увѣренностью, съ какой Р. Левенфельдъ написалъ біографію Л. Н. Толстаго, руководясь исключительно произведеніями послѣдняго. Кромѣ того, читателю доставитъ удовольствіе останавливаться на тѣхъ мѣстахъ многочисленныхъ произведе-

ній Лѣскова, гдѣ рисуются дѣтскіе годы послѣдняго съ сильнымъ вліяніемъ на ребенка православнаго духовенства и явленій крѣпостнаго быта («Тупейный художникъ», «Звѣрь», «Несмертельный Голованъ», «Пугало» и «Овцебыкъ»), гдѣ обрисованы юношескіе годы писателя съ вліяніемъ на нихъ домашняго учителя нѣмца («Томленье духа») и квакеровъ («Юдоль»), возмужалость среди кіевской молодежи и на службѣ («Захудалый родъ», «Печерскіе антики», «Продуктъ природы», «Овцебыкъ») и, наконецъ, общее міросозерцаніе автора прежде всего на православное духовенство («Соборяне», «На краю свѣта», «Некрещеный попъ», «Владычный судъ», «Мелочи архіерейской жизни», «Приключеніе у Спаса въ Наливкахъ», «Полунощники» и т. д.), на расколъ («Запечатлѣнннй ангелъ», «Люди древляго благочестія», «Великосвѣтскій расколъ» и т. д.), на древнее христіанство («Скоморохъ Панфалонъ», «Гора», «Совѣтный Данило», «Прекрасная Аза», «Часъ воли Божіей», «Фигура», «Дурачекъ»), на нигилистическія политическія движенія въ Россіи («Овцебыкъ», «Некуда», «На ножахъ», «Загадочный человѣкъ»), на анекдотическіе и сатирическіе элементы въ русской жизни («Разсказы кстати», «Смѣхъ и горе»), на простой народъ («Стальная блоха», «Загонъ», «Продуктъ природы») и на толстовство въ аристократическомъ домѣ

рядомъ съ психопатіей и вырожденіемъ («Зимдень»). Даже въ романахъ «Обойденные» и «Островитяне,» въ разсказахъ «Леди Макбетъ» и «Воительница» слышна проповѣдь Лѣскова о томъ, что крупныя силы такъ же гибнутъ на эгоистическомъ пути, какъ и въ безплодныхъ мечтаніяхъ, и для спасенія ихъ писатель указываетъ на своихъ «Праведниковъ», «Однодумъ», «Пигмей», «Кадетскій монастырь», «Бобровъ», «Инженеры-безсребренники», «Очарованный странникъ», «Человѣкъ на часахъ» и т. д. Въ своей проповѣди Лѣсковъ является практическимъ дѣятелемъ, умѣя опоэтизировать всякое живое дѣло, котораго онъ касался. Его первыя работы, чисто практическаго характера, носятъ слѣды отвлеченной мысли, но не безпочвенной. Въ началѣ 60 годовъ въ разныхъ изданіяхъ онъ пишетъ прежде всего противъ возвышенныхъ цѣнъ при продажѣ Евангелія, о рабочемъ классѣ, о врачахъ рекрутскихъ присутствій, объ искореніи пьянства, о торговой кабалѣ, о наймѣ рабочихъ, о женскомъ вопросѣ и т. д. По поводу этихъ первыхъ его работъ г. Сементковскій говоритъ: «Дѣятельная любовь къ ближнему, озаренная христіанскимъ чувствомъ и умудренная житейскимъ опытомъ, — вотъ что составляетъ основу его душевной жизни. Когда онъ началъ писать, онъ сразу заботится о распространеніи Евангелія и объ устраненіи того,

что по его житейскому опыту главнымъ образомъ вызываетъ страданія народа. Крѣпостное право отмѣнено, надо позаботиться теперь о насажденіи образованія, о борьбѣ съ предразсудками, объ искореніи пьянства». Не мудрено что Лѣсковъ сталъ въ оппозицію и къ болѣе радикальной части русскаго общества, которая, только что освобожденная изъ Гоголевскихъ канцелярій и усадебъ, конечно примѣняла идеи Чернышевскаго вкривь и вкось, о чемъ даже А. И. Герценъ горько жаловался въ «Посмертномъ Сборникѣ».

Въ первой половинѣ своей дѣятельности, Лѣсковъ обращалъ вниманіе на тѣ условія для дѣятельности, которыя выработаны всей страной, и только въ союзѣ съ общественными силами, а не въ одиночествѣ ждалъ благихъ и практическихъ результатовъ отъ людей будущаго. Философія его въ этомъ пунктѣ совершенно случайно совпадаетъ съ міросозерцаніемъ г. Каблица объ Основахъ народничества, высказанное имъ въ томъ смыслѣ, что въ основѣ дѣятельности всякаго человѣка лежитъ больше чувства, страсти, желанія, нежели пониманія. То же самое и въ дѣятельности народа. Путемъ разсужденій и пріобрѣтеній знаній нельзя измѣнить строй чувствъ и страстей (нужны поступки); народъ же обладаетъ извѣстнымъ строемъ этихъ чувствъ и страстей, который и опредѣляетъ возможную для него

общественную форму. Можно прекрасно понимать, что братская жизнь первыхъ христіанъ есть справедливѣйшая форма общественнаго союза, но только это будетъ вашимъ индивидуальнымъ сознаніемъ, а народъ останется жить въ привычномъ ему быту. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, справедливѣйшая ли это форма общественной жизни, а годна ли она для современнаго общества или нѣтъ. Идя во имя будущаго рука объ руку съ обществомъ и народомъ,—мы сильны по мнѣнію Каблица, а съ одними аргументами объ идеалахъ—безсильны Коллективныя желанія русскаго народа, по его мнѣнію, должны руководить активнымъ дѣятелемъ, если онъ не хочетъ прибѣгать къ насилію надъ нимъ, или самъ пострадать отъ него. Всякій общественный дѣятель не можетъ не выбрать одинъ изъ общественныхъ элементовъ, который онъ признаетъ самымъ здоровымъ для того, чтобы присоединить свою дѣятельность къ его стремленіямъ. Иначе, онъ будетъ фантазеромъ, не понимающимъ законовъ общественной жизни. Только тогда, когда онъ присоединяетъ свои усилія къ массѣ другихъ, они не теряются напрасно, не разсѣиваются въ пространствѣ, а бьютъ въ ближайшую практическую цѣль. Исключенія бываютъ только тогда, когда маленькая группа людей, цѣлымъ рядомъ историческихъ событій, успѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ общественную силу

и въ состояніи подчинить общество своимъ планамъ. Но общее правило въ томъ, что общественные дѣятели должны стоять въ рядахъ уже существующихъ общественныхъ силъ и направлять ихъ къ осуществленію уже назрѣвшихъ идеаловъ. Эта практическая, относительная, точка зрѣнія на сотрудничество въ коллективной работѣ необходима вмѣстѣ съ пониманіемъ абсолютной и безотносительной истины. Не долюбливая Каблица и не читая его, Лѣсковъ тѣмъ не менѣе исповѣдывалъ одинъ и тотъ же практицизмъ въ общественной философіи въ первой половинѣ своей дѣятельности; но за послѣдніе годы онъ увлекся идеализмомъ Л. Н. Толстаго и отвращалъ молодыхъ писателей отъ компромиссовъ, плѣняясь абсолютной истиной и вѣруя, что именно сдѣлки съ практическими препятствіями всегда мѣшали ея торжеству. Однако, и въ этомъ случаѣ совершался у него долгое время перебой мысли: онъ вносилъ старый практицизмъ ума и въ толстовство, настаивая на измѣненіи толстовскихъ колоній примѣнительно къ типу хуторнаго, мелкаго помѣщика, съ батраками, но съ большимъ человѣколюбіемъ къ нимъ. А затѣмъ опять—христіанская община увлекала его далеко отъ живыхъ и знакомыхъ ему ея членовъ; онъ желалъ торжества ей въ ея чистомъ видѣ и тотчасъ же чувствовалъ, что никто къ ней не подготовленъ, что опыты въ христіанство,

со способными на все руки Митрофанами, профанируютъ идею и продолжалъ мучиться своей безвыходностью въ этомъ бѣличьимъ колесѣ. Онъ успокоился только тогда, когда въ послѣдніе годы своей жизни преклонился всецѣло передъ чистотой и абсолютизмомъ христіанства, находя полезнымъ для него даже неудающіеся опыты въ колоніяхъ, съ «во Христѣ барствующими» аристократами, не желающими выпустить изъ своихъ рукъ новое движеніе умовъ и поставить его независимо отъ личнаго ихъ участія или безучастія въ случаѣ простой смерти.

— Юродивые разнесутъ идеи, неудачники заставятъ о нихъ думать общество, но идеи должны быть чистыми отъ всякой примѣси. Двухъ истинъ не можетъ быть, и пора служить одной!—восклицаетъ Лѣсковъ, когда отрѣшался отъ времени и мѣста.

Лѣсковъ чрезвычайно увлекался идеализмомъ Толстаго, независимо отъ степени подготовки къ нему современнаго общества. Въ душѣ онъ самъ былъ идеалистомъ, и это мучительно въ нёмъ уживалось съ его жизненнымъ опытомъ и практическимъ взглядомъ на современныя ему событія. Его собственная библіотека носила идеалистическій характеръ и въ той части, гдѣ онъ увлекался иконописью, древней письменностью, и тамъ, гдѣ она состояла изъ современныхъ мыслителей съ Шопенгауеромъ, Нордау, Л. Толстымъ и

т. д. На его рабочемъ столѣ всегда лежали сочиненія Платона, Спинозы, выдержки изъ Марка Аврелія, разнообразные экземпляры Евангелія и т. д. Не смотря, однако, на идеализмъ собственной натуры, жизнь сдѣлала его практическимъ мыслителемъ и ненавистникомъ «фразы». Чрезвычайно рѣдко въ комъ такъ уживалась отвлеченная мысль съ практической потребностью видѣть ее осуществленной: любовь къ ней съ ненавистью къ тѣмъ, кто брался за нее и компрометировалъ ее своею безхарактерностью и бѣлоручностью. Это, однако, совершенно не то, что думаетъ о немъ г. Сементковскій, въ біографической статьѣ, говоря:

«Проповѣдуя любовь къ ближнему, графъ Толстой работаетъ на совершенно иной нивѣ, чѣмъ Лѣсковъ. Если послѣдній кладетъ въ основу своей практической программы дѣятельную любовь къ ближнему, то онъ при этомъ нисколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни. Для него легенды изъ первыхъ временъ христіанства служатъ, такъ сказать, только аллегоріями. Онъ желаетъ, чтобы современный человѣкъ проникся духомъ, господствовавшимъ въ тѣ времена, и вдохнулъ этотъ духъ въ современныя формы жизни, которыя Лѣсковъ признаетъ неизмѣримо выше прежнихъ. Онъ ничего ломать не хочетъ, онъ добивается только

дальнѣйшаго усовершенствованія, а возможность этого усовершенствованія усматриваетъ именно въ самоотверженной любви къ ближнему. Графъ же Толстой, указывая на первыя времена христіанства, на разныхъ святыхъ и мудрецовъ, увлекается не только духомъ, господствовавшимъ въ тѣ отдаленныя времена, но и тогдашними формами жизни: онъ отвергаетъ всю современную цивилизацію и въ этомъ отношеніи немного напоминаетъ Овцебыка, не имѣвшаго почти никакихъ потребностей современнаго культурнаго человѣка, отвергавшаго и книги, и журналы, читавшаго только Евангеліе и относившагося съ пренебреженіемъ къ господствующимъ формамъ труда. Лѣсковъ съ грустью взиралъ на Овцебыка и своею мастерскою кистью изобразилъ намъ несчастную судьбу этого человѣка, который, отрѣшившись отъ существующихъ формъ жизни, былъ выброшенъ изъ нея, какъ элементъ негодный, хотя стремленія его были такъ возвышенны, любовь—такъ горяча. Лѣсковъ не только не предлагалъ разрушать существующія формы цивилизованнаго общества, а напротивъ всячески приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе напряженныхъ усилій человѣчества въ теченіе тысячелѣтій».

Этотъ отзывъ о Лѣсковѣ требуетъ поправокъ. «Овцебыкъ» характеренъ для раннихъ лѣтъ Лѣскова — и только. Правда, Лѣсковъ

никогда не предлагалъ, по неосуществимости, «разрушить» существующія формы цивилизованнаго общества, но за последніе годы онъ былъ совершенно одного мненія о нихъ съ Л. Н. Толстымъ и никогда не «приглашалъ защишать ихъ, какъ ценное достояніе», и т. д. Въ этомъ отношеніи не существуетъ разницы между Лесковымъ и Толстымъ. Они оба настолько сильны умомъ, чтобы не благоговеть передъ «формами» цивилизованнаго общества; даже «Овцебыкъ» и герой «Некуда» встречали въ немъ полное пониманіе ихъ идеаловъ. Лесковъ понималъ всякіе идеалы, которые выше «существующихъ формъ цивилизованнаго общества»; но работать для этихъ идеаловъ онъ предлагалъ иными путями, или прямо признавалъ многіе изъ этихъ идеаловъ неосуществимыми при наличіи ихъ сторонниковъ. Идеи Л. Н. Толстаго относительно «формъ» цивилизованнаго общества онъ разделялъ вполне, но его последователей осуждалъ за ихъ непрактичность и фразерство.

Старымъ врагомъ для Лескова были не идеи Л. Н. Толстаго о существующихъ формахъ цивилизованнаго общества, а тотъ же «Митрофанъ, способный на все руки», воспитанный въ русскомъ обществе значительно раньше Чернышевскаго и Толстаго.

Перечисляя заслуги Лескова, г. Сементковскій формулируетъ ихъ такъ: «Лесковъ при-

шелъ къ выводу, которымъ проникнуты всѣ его произведенія, что не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло у основъ народной жизни. Мы видѣли, что у него цѣлый рядъ произведеній посвященъ указанію на то, что и въ прежней до-реформенной Россіи можно было многое сдѣлать, и что всѣми нашими успѣхами мы обязаны людямъ, трудившимся въ этомъ направленіи. Исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли «новые люди» для такого живаго дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добросовѣстно изучая и здѣсь дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество, принося себя въ жертву, сказать это «новымъ людямъ» прямо въ лицо. Это былъ великій его гражданскій подвигъ. Онъ казнилъ ихъ за полное несоотвѣтствіе средствъ, которыми они пользовались, и цѣлей, которыя они преслѣдовали; за благіе порывы, оставляемые неосуществленными; за потокъ громкихъ рѣчей, не сопровождаемыхъ даже маленькимъ дѣломъ; за неумѣнье поставить себѣ жизненную задачу для доставленія своимъ идеаламъ хотя бы частичнаго торжества. Словомъ, Лѣсковъ не ограничился обличеніемъ стараго, онъ обличилъ и новое и, обличая послѣднее, онъ въ то же время ука-

залъ русскому обществу, каковъ долженъ быть его путь. Правильно ли это указаніе? На это можетъ отвѣтить только исторія. Но одно уже теперь видно, именно, что въ томъ направленіи, въ какомъ работалъ Лѣсковъ, несомнѣнно, работаетъ русская жизнь и современная беллетристика. Лѣсковъ примыкаетъ не только къ нашей обличительной литературѣ, но и къ другому направленію, сказавшемуся очень сильно въ первоклассныхъ нашихъ художникахъ. Гоголь далъ Костанжогло, Гончаровъ—Штольца, Тургеневъ уже послѣ Лѣскова—Соломина. Все это—положительные типы въ нашей литературѣ, и ихъ общая черта заключается въ томъ, что они умѣютъ задаваться цѣлями, осуществимыми въ жизни и обезпечивающими наши культурные успѣхи. Творчество Лѣскова въ значительной степени было направлено на то, чтобы укрѣпить въ нашемъ сознаніи убѣжденіе въ возможности такихъ дѣятелей и въ томъ, что безъ нихъ никакой прогрессъ немыслимъ. Съ этою цѣлью онъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, которые имѣютъ ту общую черту, что представляютъ собою дѣятелей, плодящихъ не одни слова, но и настоящее дѣло. Это— его «Праведники», по отношенію къ которымъ онъ повторяетъ слова покойнаго нашего историка Соловьева, что они, «стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію». Если мы теперь

приглядимся къ современной беллетристикѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, то убѣдимся, что и она любитъ главнымъ образомъ рисовать такихъ дѣятелей, указывая при этомъ на тщету широкихъ замысловъ, не сопровождаемыхъ практическимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, Лѣсковъ, примыкая къ прежней нашей литературѣ, далъ тонъ и направленіе современной, отгадавъ то, въ чемъ жизнь наиболѣе нуждается. Это — вторая великая его заслуга».

Третью заслугу біографъ видитъ въ томъ, что «никто до Лѣскова и послѣ него еще не просвѣтилъ въ такой степени русское общество на счетъ быта и жизни нашего духовенства», и заканчиваетъ свою о немъ статью горячими словами: «Но если не одно дарованіе, — этотъ даръ свыше, — обезпечиваетъ за писателемъ мѣсто въ литературѣ и благодарность потомства, если отъ него требуется, чтобы онъ былъ гражданиномъ, чтобы онъ скорбѣлъ скорбью своего времени, чтобы онъ мужественно возвышалъ голосъ за правду, чтобы онъ приносилъ себя, когда нужно, ей въ жертву, то и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что Лѣсковъ въ высокой мѣрѣ исполнилъ свой долгъ, и что онъ является не только выдающимся писателемъ, но и вѣрнымъ, преданнымъ, самоотверженнымъ сыномъ своей страны».

Мысли г. Сементковскаго о Лѣсковѣ являются прекрасной руководящей статьей къ «Полному собранію сочиненій» покойнаго писателя и даютъ достаточно полное представленіе о его характерѣ и идеалахъ. Дѣйствительно, Лѣсковъ—писатель будущаго, и чѣмъ болѣе его будутъ читать, тѣмъ сильнѣе будетъ рости его вліяніе на русское общество. Бранили и автора «Отцы и дѣти», потомъ перестали. То же случится въ будущемъ и съ авторомъ «Некуда». «Мы видѣли,—пишетъ о немъ Сементковскій:—какъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ близко примыкалъ къ живой дѣйствительности, какъ онъ ею интересовался, какъ близко принималъ къ сердцу всѣ ея злобы. Въ этомъ смыслѣ Лѣскова можно смѣло назвать публицистомъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ публицистической дѣятельности. Нельзя перечислить всѣхъ вопросовъ, которые его занимали въ этомъ отношеніи. Его изслѣдованій по расколу и старообрядчеству особенно много. Не менѣе часто онъ писалъ о церковныхъ вопросахъ, о семинаріяхъ о преподаваніи закона Божія, о разводѣ, о разныхъ сектахъ, о великосвѣтскомъ расколѣ (Редстокѣ и Пашковѣ), о религіозномъ движеніи въ фабричной средѣ. Очень часто онъ затрогивалъ остзейскій вопросъ. Первый обратилъ вниманіе на прокаженныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы даже смѣло можемъ ска-

зать, что не было крупнаго вопроса за все время его литературной дѣятельности, который онъ не старался бы освѣтить съ своей точки зрѣнія. Особенно кипучую дѣятельность въ этомъ отношеніи онъ проявилъ въ 80-хъ годахъ. Заходила ли рѣчь о германскихъ соціалистахъ, о возможности войны, о народныхъ театрахъ, о Саррѣ Бекеръ и Семеновой, о буддизмѣ, о нищихъ дѣтяхъ, объ отцѣ Іоаннѣ, о заграничныхъ паспортахъ, — онъ всегда находилъ сказать дѣльное слово, иллюстрировать всѣ эти вопросы примѣрами изъ живой дѣйствительности. Всякій возникавшій вопросъ возбуждалъ въ немъ рядъ воспоминаній, потому что запасъ этихъ воспоминаній былъ у него очень великъ. Онъ освѣщалъ настоящее прошлымъ, какимъ нибудь интереснымъ случаемъ, непосредственно взятымъ изъ жизни и разсказаннымъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Такимъ образомъ публицистика и беллестика постоянно у него сливались. Онъ словно не могъ иначе думать, какъ только при посредствѣ фактовъ изъ жизни, разныхъ случаевъ, образовъ, запечатлѣвшихся въ его воспріимчивой памяти. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, тотчасъ же возникало воспоминаніе, тотчасъ же теоретическія соображенія подкрѣплялись разными случаями изъ жизни».

Невольно хочется привести здѣсь не менѣе справедливую оцѣнку Лѣскову — сдѣланную

Я. П. Полонскимъ въ одномъ изъ его писемъ къ Лѣскову.

Письмо это прислано Полонскимъ къ Лѣскову по прочтеніи разсказа послѣдняго: «Прекрасная Аза» на тему о томъ, что «любовь покрываетъ множество грѣховъ», и что «терпѣть гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ»... Злой кредиторъ заявилъ должнику, что посадитъ его въ тюрьму за долги, если тотъ не приведетъ къ нему своей дочери. «Чтобы на твою старую шею не набили колодки, заявила послѣдняя своему отцу, — я рѣшилась...» Узнавъ о такомъ намѣреніи молодой дѣвушки, богатая египтянка Аза была «покорена» ею и отдала ея отцу все свое богатство для уплаты долга, а сама осталась нищей. «Теперь я лишь одна терплю несчастье, а безъ этого погибало цѣлое семейство», говорила Аза о себѣ впослѣдствіи, когда сострадание къ чужому горю и несчастія довели ее до уличныхъ пороковъ. Умирая въ нищетѣ и болѣзняхъ, она не раскаивалась въ передачѣ своихъ богатствъ несчастной семьѣ, такъ какъ «терпѣть гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ». Маленькій разсказъ Лѣскова о великодушной Азѣ напоминаетъ «Скомороха Памфалона»—и оба они рисуютъ типичныхъ праведниковъ, такъ сильно взволновавшихъ нашего поэта.

Каждый день я спозаранокъ
Ждалъ одной изъ египтянокъ,
И дождался Азы--О!
Появилась, и смутила,
И глубоко растравила
Раны сердца моего.
Какъ я малъ и какъ ничтоженъ
Передъ этой красотой!
Съ этой дивною женой
Былъ-бы рай любви возможенъ;
Но мой гордый духъ встревоженъ
Неземною добротой.
Сила добрыхъ побужденій,
Святость—божья благодать—
Даръ такой-же, какъ и геній,—
Гдѣ мнѣ силы этой взять!
Трепещу и преклоняюсь;
Но, какъ демонъ, я не каюсь,
Что отверстыхъ райскихъ вратъ
Не увижу и—не святъ.
Въ жизнь, какъ въ бездну погруженный,
То въ борьбѣ, то въ суетѣ,
И ничѣмъ не одолженный
Христіанской добротѣ,
Я весь полнъ недоумѣнья, -
Тщетно жажду утѣшенья.
Проклинаю суеты,
Но—молю, не доброты
Дать мнѣ свыше, а терпѣнья.
Если-бы на всѣ творенья
Доброту излилъ Творецъ,
Въ мірѣ не было-бы тѣни,—
Съ тиграми-бъ паслись олени,
Волкъ не тронулъ-бы овецъ...

. . . .

Кажется конца нѣтъ, дорогой Николай Семеновичъ, но всего не выскажешь.—Чего, чего не приходило въ голову, по поводу Вашей Азы и Вашего посвященья.

Весь Вашъ

Я. Полонскій.

Съ своей стороны и намъ хочется сказать, что при оцѣнкѣ Н. С. Лѣскова необходимо имѣть въ виду шедевры его творчества, а не Гордановыхъ съ Висленевыми («На ножахъ»); не какія-то корреспонденціи о петербургскихъ пожарахъ; ни неловкія выраженія въ оправдательныхъ объясненіяхъ къ роману «Некуда»; ни газетную статью, по поводу полемики Чернышевскаго съ проф. Юркевичемъ о душѣ и т. д. Это все канетъ въ Лету, но останутся Розановы, Райнеры и Лизы Бахаревы изъ «Некуда», останутся «Соборяне», которыхъ Н. С. Лѣсковъ обѣщался сдѣлать «попами-растригами», останутся «Праведники» (т. 2), останется «Овцебыкъ» и весь одиннадцатый томъ съ христіанскими лицами изъ «Полуношниковъ», «Юдоли», «Фигуры», останутся его народные типы во множествѣ произведеній, а, главное, останется величественное настроеніе автора, открывающее намъ перспективы христіанской жизни... Это все уцѣлѣетъ отъ Лѣскова на много десятковъ лѣтъ, тогда какъ отъ враговъ его уже не останется въ потомствѣ ни одного «геніемъ начатаго труда».

Совершенно справедливо замѣчаетъ М. Меньшиковъ въ статьѣ «Художественная проповѣдь» о Лѣсковѣ слѣдующее: «Собраніе его сочиненій»—цѣлый курсъ для изученія русской жизни, яркая лѣтопись одной изъ самыхъ памят-

ныхъ эпохъ нашего быта. Въ послѣдніе годы сочиненія его теряютъ свой рѣзкій обличительный характеръ, сатира смягчается все чаще и чаще, какъ и у Щедрина передъ концомъ жизни, поученіемъ, проповѣдью добра и правды, умиленнымъ призывомъ къ согласію и миру. Нравственный подъемъ въ Лѣсковѣ сказался въ сочувствіи къ ново-христіанскому идеализму и духовному возрожденію; проснулось съ новою силою вниманіе къ народной правдѣ и народной нуждѣ. Прежній «реакціонеръ» и «мракобѣсъ», какъ его звали, переходитъ въ либеральные журналы, становясь на защиту гуманныхъ и просвѣщенныхъ началъ противъ заскорузлаго византизма. Въ цѣломъ рядѣ народныхъ разсказовъ, Лѣсковъ даетъ картины жизни, проникнутой благочестіемъ, стремленіемъ къ идеалу, образцы душевнаго геройства; въ рядѣ воспоминаній и «разсказовъ кстати», написанныхъ для образованнаго круга, онъ сообщаетъ неприкрашенную правду о народномъ горѣ, о вѣковѣчномъ его униженіи и нищетѣ. Такъ подѣлилъ свое творчество почтенный художникъ, умудренный опытомъ жизни, просвѣтленный близостью заката». («Критическіе очерки», т. I).

XVIII.

Жалоба Лѣскова на то, что публика цѣнитъ у него Туберозова и „Варнавкины кости“, а не христіанъ. Жалобы на критиковъ. Лѣсковъ о своихъ отрицательныхъ и положительныхъ типахъ. Послѣдніе годы его умъ занятъ психологіей невѣжественной толпы. (Полунощники. Зимній День. Разсказы Кстати, Зайчій ремизъ). Художественность должна быть одухотворена идеями. Литературная чернь. Директора департаментовъ.

Самъ Н. С. Лѣсковъ не былъ увѣренъ въ прочномъ успѣхѣ своихъ произведеній среди читающей публики. Онъ неоднократно восклицалъ въ бесѣдахъ со мной:

— Писемскій сталъ, а «Вопросительный знакъ» идетъ! Одиннадцатый томъ у меня самый содержательный, а публика холодна къ нему... Триста экземпляровъ всего продано, а восемьсотъ остается. Хоть-бы прикупали ихъ тѣ лица, которыя пріобрѣли ранѣе собраніе моихъ сочиненій. И этого не хотятъ. Точно не знаютъ, что есть такой одиннадцатый томъ. А, вѣдь, этотъ томъ совсѣмъ оригинальный, совсѣмъ не похожъ на другіе... Мои въ немъ «Полунощники», «Юдоль», «Пустоплясы», «Дурачекъ», «Невинный Пруденцій», «Часъ воли Божіей» и «Легендарные характеры» выношены мною за послѣдніе годы, когда я самъ значительно измѣнился и мой взглядъ на жизнь сталъ возвышеннѣе и ближе къ христіанскому идеалу. Нѣтъ-таки, не интересуетъ публику этотъ нравственный переломъ въ чтимомъ ею

писателѣ, и она не читаетъ его послѣднія произведенія. Я впрочемъ удивленъ и тѣмъ, что десять томовъ моихъ сочиненій разошлись очень быстро... Я издавалъ ихъ въ неблагопріятное время. Мнѣ приходилось выдерживать конкуренцію съ Щедринымъ, который одновременно издавался съ моими сочиненіями. А вотъ все-таки изданіе разошлось... Но гдѣ же этотъ благородный человѣкъ, который кормитъ меня? Я не вижу его вокругъ... Мнѣ все выражаютъ сочувствіе Е. Борхсеніусъ, Толивѣрова, да В. Л. Величко... Но развѣ они мои единомышленники? Развѣ эти люди будутъ сочувствовать XI тому моихъ сочиненій?

Я поправлялъ жалобу Лѣскова на судьбу его XI-го тома тѣмъ, что критика мало говорила объ этомъ томѣ и онъ остался неизвѣстнымъ въ публикѣ.

— Это правда! Вы правы. Критики не занимаются живыми писателями. Какъ прежде, въ 60-хъ годахъ, мое предсказаніе о томъ, что нигилисты выродятся въ ренегатовъ, такъ и теперь мои указанія на уклоненіе нашей жизни отъ христіанскаго идеала не встрѣчаютъ сочувствія. Говорятъ о моемъ «языкѣ», его колоритности и народности; о богатствѣ фабулы, о сконцентрированности манеры письма, о «сходствѣ» и т. д., а главнаго не замѣчаютъ... Критикамъ нравится Туберозовъ да «Варнавкины кости», а мои христіане не оцѣнены.

— И что эта за манера у современныхъ критиковъ, продолжалъ онъ: начинать свою дѣятельность пробой надъ Достоевскимъ. Въ мое время силомѣромъ былъ Гоголь, а теперь — Достоевскій: точно силомѣръ онъ на Царицыномъ лугу. Каждый дуракъ подойдетъ къ силомѣру, стукнетъ дубинкой по доскѣ и глядитъ, какъ высоко взлетѣло кольцо по шесту. Неужели кромѣ Достоевскаго не о чемъ писать теперь людямъ? Писатель, который живъ, печатается и читается, не заслуживаетъ ихъ вниманія. Вотъ и мое вышло «Полное собраніе сочиненій» а обстоятельной статьи о нихъ не было... Эта работа была бы по силамъ только одному А. С. Суворину; онъ могъ бы опредѣлить мой ростъ и значеніе. Разумѣется не въ «Маленькихъ письмахъ», а въ спеціальной работѣ.

Я живо помню эти сѣтованія покойнаго писателя на то, что о немъ не было ни одной талантливой и обстоятельной статьи. Онъ радовался критическимъ отзывамъ о немъ Арс. Введенскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и г. Протопопова въ «Русской Мысли»; выражалъ имъ частнымъ образомъ свое одобреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно ждалъ настоящаго о себѣ слова.

— Вотъ Толстой какъ пишетъ о Мопассанѣ! Вотъ настоящая критика, истолковывающая въ краткомъ отзывѣ писателя такъ, какъ

будто я самостоятельно изучилъ лучшія и отрицательныя его стороны. Указано ему его подобающее мѣсто въ литературѣ. Не дождусь я такой критики о себѣ!

Разумѣется, и мы съ своей стороны не беремъ на себя подобную задачу и хотѣли бы только напомнить собственныя мысли Н. С. о себѣ самомъ и о литературѣ вообще.

— Меня все выдаютъ за обличителя прогрессивныхъ явленій въ русской жизни, говоритъ онъ.—А вотъ я самъ о себѣ думаю, что обличительное мое творчество самое слабое. Мои Препотенскіе, Бизюкины, Термосесовы, Борноволоковы и другіе нигилисты являются жалкими заплатами, а сила моего таланта въ положительныхъ типахъ. Я далъ читателю положительные типы русскихъ людей. Весь мой 2-ой томъ подъ заглавіемъ «Праведники» представляетъ собою отрадныя явленія русской жизни. Эти «Однодумы», «Пигмеи», Кадетскіе монастыри», «Инженеры безсребренники», «На краю свѣта» и «Фигура» — положительные типы русскихъ людей. Этому тому своихъ сочиненій я придаю наибольшее значеніе. Онъ явно доказываетъ, былъ ли я слѣпъ къ хорошимъ и свѣтлымъ сторонамъ русской жизни. Покажите мнѣ у другого писателя такое обиліе положительныхъ русскихъ типовъ. Въ романѣ «Некуда» я также далъ симпатичныхъ нигилистовъ: Райнера, Лизу Бахареву,

Помаду и даже Бертольди — эту глупенькую стриженую дѣвочку, но съ чистой и безкорыстной дѣтской душой. Весь мой 11-й томъ: Клавдія въ «Полунощникахъ», квакерша-англичанка Гильдегарда и тетя Полли въ «Юдоли», «Дурачекъ» и т. д. опять воспроизводятъ свѣтлыя явленія русской жизни и снимаютъ съ меня упрекъ въ томъ, что я проглядѣлъ устои русской жизни и благородные характеры. Я ихъ видѣлъ, но я видѣлъ также и многое другое... Мои послѣднія произведенія о русскомъ обществѣ весьма жестоки. «Загонъ», «Зимній день», «Дама и фефела»... Эти вещи не нравятся публикѣ за цинизмъ и прямоту. Да я и не хочу нравиться публикѣ. Пусть она хоть давится моими разсказами да читаетъ. Я знаю чѣмъ понравиться ей, но я больше не хочу нравиться. Я хочу бичевать ее и мучить. Романъ становится обвинительнымъ актомъ надъ жизнью. Таковъ и у Зола его «Лурдъ», эта психологія невѣжественной толпы. У меня имѣются въ проектѣ романъ «Заячій ремизъ», гдѣ приводится мысль о томъ, что съ идеями надо бороться идеями, а болѣе грубыя мѣры приводятъ иногда къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Одинъ изъ становыхъ приставовъ гонялся съ своимъ кучеромъ по деревнямъ за «спеціалистами въ шляпѣ земли греческой» и арестовалъ за таковаго другого агента тайной полиціи, помѣшавъ послѣднему

изловить настоящихъ неблагонамѣренныхъ лицъ и не подозрѣвая, что его собственный кучеръ былъ переодѣтымъ распространителемъ искомыхъ прокламацій по селамъ и деревнямъ. Хотѣлось бы еще поработать пять-шесть лѣтъ... Вѣдь живутъ же на Западѣ писатели по 70—80 лѣтъ.

Кажется дѣйствительно Лѣскову удалось на старость лѣтъ разсказать то, что сдѣлано въ странѣ за послѣднія тридцать лѣтъ. Неважны эти «Разсказы кстати» (т. XII) съ художественной точки зрѣнія, но они значительны по содержанію о томъ, что современный мужикъ, напр., до сихъ поръ тяготѣетъ къ желудю и нерѣдко питается дубовой корой, пашетъ Гостомысловской сохой, лечится сажей изъ трубы; а люди науки дѣлаются «знаменитостями» à la Миклуха-Маклай, труды которыхъ никто никогда не видалъ... Въ то же время и само общество носится съ оригинальными «знаменитостями», въ родѣ казаковъ Ашинова и Пѣшкова или юродивыхъ въ городѣ Кронштадтѣ. Все это признаки Китайской стѣны, которой мы оградились отъ Европы, задыхаясь въ «отечественныхъ загонахъ».

Несмотря на старческія сѣтованія Лѣскова по адресу присяжныхъ критиковъ, изданіе раскупалось, и это мало-по-малу покоряло Лѣскова и наводило его на мысль, что въ об-

ществѣ его любятъ и цѣнятъ. Заѣзжая въ магазинъ «Новаго Времени» и возвращаясь оттуда съ деньгами за проданные экземпляры, Лѣсковъ пріятно улыбался и злорадно замѣчалъ по адресу недружелюбныхъ къ нему критиковъ:

— Пусть пишутъ, что я и Л. Толстой— такъ-себѣ художники и плохіе мыслители и что учиться у насъ нечему и мы оба страдаемъ разжиженіемъ мозговъ. А публика знай себѣ читаетъ насъ да раскупаетъ... Сочиненія-то мои расходятся, да расходятся. Изданіе давно уже окупилось, и г. Суворинъ выручилъ всѣ издержки по изданію, и теперь я получаю чистый барышъ. Варвара *) не останется безъ «литературнаго хлѣба». Когда умру, кончить ей курсъ образованія хватитъ средствъ.

Потирая руки отъ удовольствія, Лѣсковъ ехидно спрашивалъ:

— Какъ Буренинъ меня называлъ?.

— Дровоколъ **)...

— Пусть я дровоколъ, а только ужь если на то пошло, то вотъ вамъ мое мнѣніе о себѣ: всѣ эти «художники», которыхъ похваливаютъ у насъ, иногда даютъ крупныя фигуры, напр., Гончаровъ своего Обломова и Татьяну Марковну,

*) Варвара Долина, пріемная дочь Н. С. Лѣскова.

**) По поводу изданія сочиненій Лѣскова В. П. Буренинъ писалъ въ „Нов. Вр.“: „Изображенія грубыхъ, жестокихъ и пошлыхъ женскихъ натуръ удавались Лѣскову лучше; но и тутъ онъ рубилъ топоромъ изъ дерева, какъ ремесленникъ, а не высѣкалъ рѣзцомъ изъ мрамора, какъ художникъ“.

Такихъ размѣровъ у меня нѣтъ ни одной фигуры.. Говорятъ, однако, что и у меня Туберозовъ и Ахилла, какъ живые... Знаю только, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ будутъ читать Толстого, Тургенева и меня... И причиной тому идеи въ нашихъ произведеніяхъ, «смыслъ жизни», а не «художественность». Наиболѣе выдѣланы мною «Соборяне», но черезъ пятьдесятъ лѣтъ они не будутъ занимать собою читающую публику, какъ не занимаетъ ее теперь «Бурса» Помяловскаго... А ужь это-ли не художественное произведеніе? Недостаетъ здѣсь только автора-мыслителя, который-бы на своихъ плечахъ пронесъ читателя черезъ грязь изображенной имъ жизни къ сухому и чистому берегу. А куда у меня Туберозовъ вынесетъ своего читателя и куда мнѣ идти за нимъ? Да я и самъ не знаю! Къ Тертію Ивановичу Филиппову, развѣ? Слушать олонецкую вопленницу и мечтать о патріаршествѣ для Туберозова? Рѣшительно не знаю, что-бы я сталъ дѣлать и говорить съ Туберозовымъ, если-бы онъ явился ко мнѣ собственной персоной при моихъ настоящихъ понятіяхъ о христіанствѣ и государствѣ. Я его создалъ, но встрѣтилъ бы его, какъ Тарасъ Бульба своихъ сыновей изъ кіевской коллегіи. Рано или поздно и все общество отнесется точно такъ же съ недоумѣніемъ къ разнымъ Туберозовымъ. Художественностью одной не проймешь

его и оно обратится къ «ученію» въ произведеніяхъ русскихъ писателей и найдетъ его только у Толстого, Тургенева и у Лѣскова... Да-съ, у меня есть «Праведники» (т. 2) изъ русскаго быта и христіанства (т. XI), съ которыми долгое время можно идти одной дорогой и радоваться за человѣченный родъ, гдѣ есть люди съ жизнеспособными сердцами.

Дѣйствительно, Лѣсковъ лишь въ немногихъ своихъ произведеніяхъ былъ объективнымъ писателемъ («Стальная блоха», «Гора» и др.), а въ большинствѣ случаевъ его занимали «идеи» и онъ служилъ имъ своимъ талантомъ. Въ этомъ случаѣ, однако, его художественный талантъ былъ настолько силенъ, что въ его произведеніяхъ искусство и жизнь взаимно украшали и дополняли другъ друга («Соборяне», «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангелъ», «Праведники» и т. д.). Помню, даже въ одномъ изъ писемъ къ нему Л. Н. Толстого (по поводу, «Горы»), послѣдній упрекалъ Лѣскова въ томъ, что талантъ мѣшаетъ ему болѣе энергично служить «идеѣ»... За массою художественныхъ подробностей, — читателю трудно добраться до мысли и идеала, на которыхъ должна быть построена каждая повѣсть. Знаменитый, писатель указывая Лѣскову «на особенный его недостатокъ, отъ котораго такъ легко казалось бы исправиться и который есть самъ по себѣ качество, а не недостатокъ

exuberance образовъ, красотъ, характерныхъ выраженій, который опьяняетъ и увлекаетъ автора. Много лишняго и несоразмѣрнаго, но verve и такъ удивительны. Сказка все таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не излишекъ таланта, была бы лучше». Наиболѣе идейны у Н. С. Лѣскова «Полунощники», «Часъ воли Божіей», «Фигура», «Зимній день» и по своему настроенію, онъ, по преимуществу, оцѣнилъ въ писателѣ идеалъ, которому тотъ служитъ своимъ дарованіемъ.

Дѣйствительно, чѣмъ талантливѣе беллетристъ, тѣмъ хуже, если его идеалъ ложенъ. Такой писатель вреднѣе бездарнаго. Литературой можно понижать или возвышать общество, а достоинство писателя работать на «повышеніе». Талантъ его, самъ по себѣ, имѣетъ цѣну по стольку, по скольку писатель играетъ имъ на «пониженіе» или «повышеніе» общества. Исключительно съ этой точки зрѣнія подлежатъ критикѣ литературныя дарованія и съ другихъ точекъ зрѣнія заниматься ими не стоитъ. Необходимо рѣшить, что такое литература: призваніе или средство служить общественнымъ и нравственнымъ интересамъ?

Преслѣдуя, главнымъ образомъ, бытовые и этическіе интересы, облекая ихъ въ то же время непремѣнно въ художественные образы, Лѣсковъ и въ беллетристикѣ возбуждалъ во-

просы и боролся «одинъ-на-одинъ» съ господствующими заблужденіями. Отсюда, естественно, вытекало и его представленіе о писателѣ, какъ о страдальцѣ.

Отъ общихъ разсужденій о писательской натурѣ, Лѣсковъ переходилъ къ современной литературѣ и часто замѣчалъ:

— Поражаетъ меня, зачѣмъ многіе люди— да не будутъ помянуты ихъ имена—идутъ въ литературу? Для существованія они могли бы избрать другое, болѣе прибыльное поприще. Литература и не такіе таланты кормитъ впроголодь, и наши пріятели должны бы это хорошо знать, постоянно бѣгая по редакціямъ за авансами. Писать для славы—нужны не ихъ силы и это они также хорошо знаютъ. Чего они не знаютъ! Они все знаютъ... Иногда поражаешься ихъ знаніями, а всетаки я не понимаю, зачѣмъ они пошли въ литературу. Для общественной пользы? Но вѣдь они знаютъ, что обиліе «письменности», на которую такъ способны бездарные публицисты и безпринципные беллетристы—скорѣе заслоняютъ собою настоящую литературу, какъ обиліе дурныхъ людей скрываетъ существованіе на свѣтѣ и хорошихъ людей. Растолкуйте же мнѣ, чего они лѣзутъ въ литературу безъ мученическаго призванія и таланта? Ну, я понимаю еще тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ *литераторская натура* исполнена проповѣднической страсти и без-

боязненности страданій! А вѣдь у этихъ одна только готовность о чемъ угодно писать и гдѣ угодно писать. Какая же сила тайная влечетъ ихъ къ печатному морю и какую сладость они пріемлютъ въ немъ? Они выучились писать и овладѣли формой. Пошлость пушкинскимъ стихомъ катаютъ и не подозрѣваютъ, что поскольку литература отвѣчаетъ нашимъ нуждамъ, постольку она и значительна. Если она забываетъ земное горе и радости, не выводитъ насъ изъ тьмы къ свѣту, то чортъ ли въ ней и нужна ли она внѣ этихъ задачъ? Нужно не описаніе красоты, а ея вліяніе на облагораживаніе характера; если же она этому не служитъ, то въ описаніи женскихъ ножекъ и грудей—одинъ только развратъ и я радостно встрѣчу исчезновеніе подобнаго рода беллетристики, особенно расплодившейся за послѣднее время. Что хорошо для человѣка, то для Бога одна мерзость; напримѣръ эта затасканная эстетика. Во имя ея мы сдѣлали въ романахъ ноги у женщинъ негодными для ходьбы, руки—не годными для работы, но за то, съ эстетической точки зрѣнія, онѣ должны быть именно такими для поцѣлуевъ. Эстетика ищетъ въ женщинѣ линію и вызовъ... Эту эстетику пропагандируютъ въ стихахъ, романахъ, и никто не хочетъ остановить вниманія на здоровьи женщины, ея умѣ и трудолюбіи и благородствѣ жизни. Красоты этого рода точно не

существуютъ для беллетристовъ. Всѣ ихъ помыслы сосредоточены на «женственности» и называютъ эту чувственность—эстетикой. Сами женщины того же мнѣнія. А настоящій литераторъ считаетъ женщину прежде всего человѣкомъ и, какъ человѣкъ, она можетъ быть умной и глупой, отрадой въ нашей жизни или зломъ.

Лѣсковъ былъ вообще высокаго мнѣнія о настоящемъ литераторѣ. Онъ говорилъ:

— Кто любитъ литературу, тотъ долженъ любить и литератора. Литераторъ вообще долженъ прежде всего *понимать человѣка* и затѣмъ имѣть *начитанность*, чтобы выработавъ себѣ оригинальный взглядъ на жизнь, занимать имъ весь міръ даже въ маленькомъ разсказѣ. Литераторъ не ученый, но онъ болѣе чѣмъ ученый. Онъ не такъ фундаментально образованъ, какъ послѣдній, но онъ всестороннѣе его. Я знаю ученыя общества и тамъ, кромѣ спеціальныхъ разговоровъ, никакихъ общихъ идей и вопросовъ я не слышалъ. Литераторъ долженъ знать все и по «начиткѣ», и по личному опыту.

Когда въ кабинетѣ Лѣскова говорили о томъ, что въ настоящее время во главѣ многихъ журналовъ и газетъ стоятъ издатели и редакторы, нигдѣ не окончившіе курсъ наукъ, хозяинъ рѣзко замѣчалъ:

— Удивляюсь, какъ это среди насъ можно говорить, гдѣ кто кончилъ курсъ наукъ. Что

за департаментская точка зрѣнія на человѣка! При опредѣленіи его на службу, спрашиваютъ его аттестаты и дипломы; а въ литературѣ нужны только честные и даровитые люди. Или вы думаете, что лучшее пониманіе вещей есть ученое пониманіе? Ну, такъ я вамъ скажу, что литераторъ — не ученый, а болѣе чѣмъ ученый. Кромѣ ученыхъ знаній, онъ понимаетъ, куда съ этимъ багажемъ слѣдуетъ ѣхать... Въ этомъ его преимущество. Когда говорятъ о литераторѣ, помимо его трудовъ, я ничего о немъ не понимаю. Я нигдѣ не кончилъ курса, но не могу сказать, чтобы я не учился, такъ какъ до сѣдыхъ волосъ не разстаюсь съ книгой. Можно ли сказать, что я не проходилъ высшаго образованія? Въ литераторѣ важно личное его настроеніе и дарованіе, а не то, гдѣ онъ окончилъ курсъ наукъ. Ваши начальники отдѣловъ и директора департаментовъ всѣ окончили курсъ въ университетахъ, а развѣ годятся они съ ихъ настроеніемъ и вкусами въ литературѣ? Развѣ можно съ такимъ настроеніемъ писать гдѣ-либо? Въ департаментахъ это понимаютъ и потому вездѣ терпѣть не могутъ литераторовъ на службѣ.

Однажды въ «Петербургской газетѣ» былъ сообщенъ разсказъ Н. С. Лѣскова о Тургеневѣ, который пріѣхалъ къ одному умершему теперь министру ходатайствовать за какую-то сельскую учительницу...

— У министра въ пріемной дежурилъ въ то время чиновникъ особыхъ порученій Иксъ, человѣкъ крайне неразвитой и ограниченный... Когда къ нему подошелъ Тургеневъ и назвалъ свою фамилію, то Иксъ, какъ онъ потомъ самъ хвастливо передавалъ всѣмъ своимъ знакомымъ, нарочно занесъ его въ списокъ послѣднимъ... «Я читалъ гдѣ-то въ газетахъ», говорилъ Иксъ, «что онъ за границей съ коронованными особами гуляетъ, ладно, думаю, да и пихнулъ его по оберъ-офицерскому чину послѣднимъ... Посидѣлъ-бы онъ у меня въ пріемной... ничего... Жаль только, всю музыку мнѣ испортилъ директоръ департамента, — прошелъ по пріемной, увидалъ Тургенева, узналъ, что онъ ждетъ уже цѣлый часъ, и самъ устроилъ ему все, что тотъ хотѣлъ... А мнѣ-же еще влетѣло»...

Я помню, какъ прочитавъ это мѣсто въ газетѣ, Лѣсковъ съ неудовольствіемъ сказалъ:

— Все-то этотъ интервьюеръ «Петербургской газеты» перепуталъ! Именно, директоръ-то, увидѣлъ Ив. Сергѣевича въ пріемной, ничего и не сдѣлалъ для него, а чиновнику особыхъ порученій не только не «влетѣло», но напротивъ онъ былъ поощренъ за безпристрастіе къ просителямъ... Именно я и хотѣлъ передать это равнодушное отношеніе къ литературѣ въ нашихъ министерствахъ; но, ко-

нечно, это очень либерально для «Петербургской газеты»... Она передѣлала по своему мой разсказъ о Тургеневѣ. Дежурному чиновнику отъ директора департамента ничего не влетѣло! Будьте увѣрены, не такъ настроены г.г. директора къ представителямъ литературы, несмотря на свои дипломы и даже библіотеки съ книгами въ дорогихъ переплетахъ и т. д. Главнаго нѣтъ: любви къ страдающимъ дѣятелямъ русской печати. У нихъ нѣтъ этого настроенія, которое сообщаетъ особую оригинальность и силу нашему мышленію...

XIX.

Литераторъ—мученикъ...

— Литература, восклицалъ Лѣсковъ,—тяжелое, требуещее великаго духа, поприще... Я всю жизнь бился за мѣсто въ ней и только подъ старость вижу признаніе обществомъ за мною нѣкоторыхъ правъ. А долгое время обо мнѣ говорили «съ позволенія сказать», величали «клубничнымъ» писателемъ, «темной личностью» и «ловкимъ кавалеромъ». Сколько разъ можно было возненавидѣть литературу и предать проклятію того гуся, перомъ котораго я научился писати по-русски! Съ неодолимымъ гнѣвомъ въ душѣ противустоялъ я одинъ толпѣ «чистоплюевъ» и нажилъ себѣ

грудную жабу... Вотъ она моя литераторская жизнь! И только теперь я чувствую ту высоту духа, на которой никто уже и ничѣмъ не смутитъ меня. «Лохматъ» и я сталъ... «Хвалу и клевету пріемли равнодушно и не оспаривай глупца», сказалъ поэтъ въ утѣшеніе своей литераторской судьбѣ. Но зачѣмъ же эти «глупцы» лѣзутъ въ литературу? Что имъ среди насъ? Ни денегъ ни славы они не получаютъ на этомъ поприщѣ, а отъ страданій они и сами убѣгутъ... Вотъ я теперь ничего и не понимаю въ повальномъ стремленіи маломальски-грамотныхъ людей непремѣнно заниматься литературой. Знаю только, что при большей свободѣ печати, всѣ эти «чистые» художники, символисты, метафизическіе идеалисты и измопассанившіеся беллетристы сами собой должны будутъ улетучиться изъ коренной русской литературы. Настоящіе литературные темпераменты сотрутъ ихъ, и у послѣднихъ не найдется ни умѣнья, ни духу бороться за свои знамена. Они должны защищать нынѣшнее положеніе печати и находить, что литература дѣлаетъ прекрасно свое настоящее дѣло. Они всѣ не сочувствуютъ Л. Н. Толстому, или «Вѣстнику Европы» и съ необыкновеннымъ нахальствомъ кричатъ: «Сторонись, народъ,—грязь идетъ!» Но отчаяваться не отъ чего: они еще не все въ русской литературѣ и въ ней есть имена, кото-

рыя выстрадаютъ это переходное состоянiе умовъ и спасутъ настоящее призванiе литератора—возбуждать своимъ талантомъ вопросы противъ господствующихъ и страдать за торжество лучшихъ.

Въ статьѣ о В. Бурнашевѣ («Первенецъ богемы») Лѣсковъ пишетъ: «Онъ не терпѣлъ и не желалъ ничего претерпѣть ни за какое убѣжденiе; литература для него не была искусствомъ и служенiемъ исповѣдуемой истинѣ или идеѣ, а у него она была средствомъ для заработка и только. За это онъ и претерпѣлъ горькую участь, въ которой должны видѣть себѣ предостереженiе тѣ, которые идутъ нынѣ этою же губительною стезею. Какъ средство къ жизни литература далеко не изъ легкихъ и не изъ выгоднѣйшихъ, а напротивъ это трудъ изъ самыхъ тяжелыхъ, и при томъ онъ много отвѣтственъ и совсѣмъ не благодаренъ. Кто не хочетъ благородно страдать за убѣжденiя, тотъ пострадаетъ за недостатокъ ихъ, и это страданiе будетъ хуже, ибо оно не дастъ утѣшенiя въ сознанiи исполненнаго долга. На всякомъ иномъ поприщѣ, человѣкъ средняго ума и среднихъ дарованiй, какiе имѣлъ Бурнашевъ, при его трудолюбiи, досужествѣ и свѣтской образованности, непремѣнно устроился бы несравненно лучше, и избѣжалъ бы всѣхъ тѣхъ униженiй и горя, которыя испыталъ этотъ безпокойный страдалецъ, лежавшiй даже

въ гробу съ широко отвертымъ ртомъ... Онъ какъ будто вопіялъ о томъ, что остающіеся въ живыхъ по его формулярнымъ стопамъ не ходили... Теперь въ литературной средѣ появляются молодые люди, не обнаруживающіе ни огня, ни страстности къ какимъ бы то ни было идеямъ, но они пишутъ гладко и покладливо въ какую угодно сторону. Ихъ къ сожалѣнію уже много и можетъ быть скоро ихъ будетъ еще больше».

Страдая одышкой и отдыхая въ промежутки всеобщаго молчанія, Лѣсковъ всегда самъ возобновлялъ разговоръ на прерванную имъ тему.

— Писатель—это мученикъ, и кто иного мнѣнія о немъ, тому лучше не вступать въ литературу, начиналъ онъ. — Тургеневъ отличительной чертой литератора считалъ «темпераментъ художника», Л. Толстой—«внутреннюю потребность» поучать людей, а я—готовность «страдать за свои убѣжденія». *Литературная страсть* еще болѣе приноситъ человѣку страданій, чѣмъ всѣ прочія страсти. Автору дорого сознаніе, что каждая строка его священна; но въ то-же время онъ не напишетъ ни одной строчки ни за какія деньги, если усомнится въ ея достоинствѣ. Только бездарности бываютъ всегда довольны своими произведеніями. Но не стоитъ останавливаться на «литературномъ пруженьи» тѣхъ писате-

телей, которые говорятъ, что у публики желудки луженые и они все переварятъ... Настоящій литераторъ никогда не будетъ такимъ циникомъ и дорожитъ отдѣлкой своихъ произведеній. Служа перомъ безсмертнымъ истинамъ, онъ ощущаетъ *писательскую гордость*, и хотя бы вокругъ него все, симпатизирующее ему, вымерло, не умретъ ничего въ немъ самомъ... Это его гордость! Съ этимъ ему легко нести свой крестъ. Однажды къ Достоевскому отецъ одного нынѣшняго поэта принесъ рукопись стиховъ своего, тогда еще молодого сына и просилъ сказать ему свое мнѣніе. «Зачѣмъ все это пишется? спросилъ Достоевскій. Для того, чтобы быть писателемъ, надо прежде всего страдать; во-вторыхъ—быть готовымъ, вмѣсто славы, услышать клевету; вмѣсто обезпеченія—встрѣтить бѣдность и униженіе...» «Если такъ много надо для того, чтобы сдѣлаться писателемъ, то лучше не быть имъ», перебилъ озадаченный отецъ, схватывая обратно тетрадку стиховъ. «Лучше не быть писателемъ, кричалъ въ-догонку Достоевскій. — Кто самъ не страдалъ и не хочетъ страданій, тому лучше чиновникомъ сдѣлаться!»

На письменномъ столѣ Лѣскова лежалъ небольшой круглый камень, на которомъ изображенъ масляными красками бѣлый мотылекъ, запутавшійся и бьющійся въ колючемъ терновникѣ.

— Это ты! сказалъ Я. П. Полонскій Лѣскову, подаривъ ему въ Аренсбургѣ этотъ камень съ собственноручнымъ рисункомъ.

И это была правда...

Страданія, вынесенныя Лѣсковымъ за статью о петербургскихъ пожарахъ и за романъ «Некуда», отзывались на немъ весьма продолжительное время, и только за послѣдніе годы своей жизни онъ упоминалъ о нихъ безъ боли и раздраженія.

— Писатель обреченъ на мученичество, повторялъ онъ. — Писатель долженъ всегда идти противъ господствующихъ теченій, имѣя лучшій и болѣе критическій взглядъ на положеніе дѣлъ. Въ этомъ состоитъ значеніе писателя. Я все это испыталъ на себѣ и теперь горжусь, что и по своему темпераменту, и по убѣжденіямъ никогда не принадлежалъ къ добродѣтельнымъ писателямъ, пріемлющимъ на литературномъ положеніи одни аплодисменты современной толпы. Мнѣ всегда подозрителенъ писатель, никогда не выносившій на своей груди гнѣва толпы и зазнавшійся отъ ея восторговъ имъ.

О мученичествѣ въ литературѣ Николай Семеновичъ любилъ бесѣдовать.

— Мы не получаемъ, говорилъ онъ: — ни жалованья, ни чиновъ, ни пенсій. Всѣ наши радости сосредоточены во вдохновенныхъ нашихъ занятіяхъ, судьба которыхъ однако за-

виситъ не только отъ моего таланта, но и отъ цензурныхъ условій. Литераторъ—всегда чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, котораго Блонденъ *) носилъ бы у себя въ корзинѣ за спиной, переходя по канату черезъ Ніагарскій водопадъ. Это сравненіе весьма точно передаетъ душевное состояніе писателя, имѣющаго въ литературѣ какую-либо миссію.

Мысли о мученичествѣ въ литературѣ неоднократно слышалъ отъ Лѣскова и И. Н. Потапенко **). Не соглашаясь съ ними, по существу, Потапенко писалъ въ «Новомъ Времени» (№ 7202): «Почему «готовность страдать за свои убѣжденія» является характерной принадлежностью писателя, а не всякаго порядочнаго человѣка — этого понять невозможно. Писателю, конечно, приходится часто страдать за свои убѣжденія, но вѣдь убѣжденія необходимы во всякой дѣятельности, и стойкій чиновникъ такъ же страдаетъ за нихъ, какъ и писатель».

*) Блонденъ, знаменитый акробатъ. Онъ переходилъ по канату черезъ кипучія воды Ніагарскаго водопада съ завязанными глазами, подталкивая впереди себя тачку съ человѣкомъ, или же на ходуляхъ и т. п. Въ теченіе всей продолжительной карьеры канатнаго плясуна съ Блонденомъ не случалось никакихъ несчастій.

**) По поводу моихъ воспоминаній о Лѣсковѣ, В. Л. Величко въ посмертной статьѣ („Русскій Вѣстникъ", за январь 1904 г.) говоритъ обо мнѣ слѣдующее: „Авторъ близко зналъ Лѣскова и совершенно вѣрно приводитъ его слова, которыя и мнѣ не разъ приходилось слышать отъ Лѣскова" стр. 247).

Не будемъ говорить о томъ, что принципъ бюрократіи, какъ единоначалія, требуетъ отъ человѣка по преимуществу исполнительности чужихъ распоряженій, тогда какъ литература — вся въ творчествѣ и критикѣ. Но даже просто сопоставивъ литературную дѣятельность съ чиновнической и провѣривъ это сопоставленіе фактами, увидимъ всю ихъ несоизмѣримость. Не безъ интересно также вспомнить, что литература выдвигаетъ идеалъ, какъ судью надъ современностью и указываетъ на противуположность между великими цѣлями этого идеала и жизнью. Почувствовать дисгармонію въ жизни и воплотить ее въ художественные образы невозможно безъ страданій. А между тѣмъ потребность гармонической жизни является преобладающей чертой крупнаго таланта и ею одной писатель могучъ. «Кто не связывалъ своихъ стремленій съ великими вещами и съ областью идеальнаго, того многія страданія минуютъ», говоритъ проф. Геффдингъ въ своемъ трудѣ «Философія религіи»; но чувство гармоническаго и идеальнаго развивается попреимуществу въ сферѣ отвлеченнаго и художественаго творчества. Удивительно, какъ это г. Потапенко забылъ, что источникъ страданій въ гармоническомъ самочувствіи писателя и отсутствіи онаго въ дѣйствительной жизни; что пробуждаемый умъ и совѣсть писателя совсѣмъ не то, что безпо-

койство практическаго чиновника. Не понялъ г. Потапенко и жалобы Лѣскова на то, что писателю ничего не дано въ награду, кромѣ собственныхъ вдохновеній... Если Лѣсковъ гогорилъ, что мы не получаемъ ни чиновъ, ни пенсій, ни жалованья, то этими словами онъ хотѣлъ обрисовать только разницу литературной профессіи отъ всякой иной и разумѣется, отлично понималъ, что писателю не нужны ни чины, ни прочіе знаки отличія. А разница есть даже въ денежномъ вознагражденіи писательскаго груда и всякой другой «нежалованной профессіи». Именно, разница въ томъ, что свободный трудъ врача, адвоката, актера, ремесленника болѣе обезпеченъ спросомъ на него; между тѣмъ, какъ множество писателей, особенно съ направленіемъ, принуждены толпиться около одного или двухъ журналовъ, которые, конечно, не могутъ прокормить ихъ всѣхъ.

Недостатокъ журналовъ и газетъ несомнѣнно вліяетъ на матеріальное положеніе писателей, а г. Потапенко утверждаетъ, что «талантливый писатель, если онъ работаетъ усердно и добросовѣстно, можетъ уже жить у насъ безбѣдно». Непонятнымъ кажется г. Потапенкѣ и заявленіе Лѣскова о готовности къ страданіямъ на литературномъ поприщѣ. Онъ говоритъ: «Прежде всего, «хотѣть страданій» — въ здоровомъ состояніи нельзя. Вся

жизненная задача здороваго организма заключается въ томъ, чтобъ постоянно устранять отъ себя страданія. А затѣмъ, какъ это такъ: сначала пострадать до извѣстнаго предѣла, а потомъ уже писать. И какимъ образомъ опредѣлить, достаточно ли страдалъ человѣкъ, чтобы сдѣлаться писателемъ? Нравственныя страданія не оставляютъ рубцовъ, которые можно было бы показать строгому оцѣнщику. А, можетъ-быть, онъ, несмотря на свои 20 лѣтъ, выстрадалъ больше, чѣмъ иной въ 50? Достаточно ли страдалъ Лермонтовъ въ 17 лѣтъ (1830—1831 г.г.), когда имъ было написано столько чудныхъ стихотвореній? «Хотѣть страдать» и, что называется, лѣзть на страданія, писателю также неестественно, какъ и всякому другому человѣку. Искать радости, счасть, это другое дѣло, а страданія и сами не заставятъ себя ждать».

Въ этой развязной тирадѣ словъ нѣтъ ни одного возраженія по адресу Лѣскова. Его мысль о готовности писателя къ страданіямъ очень проста и обусловлена тѣмъ, что литераторъ прежде всего по натурѣ своей долженъ чувствоватъ дисгармонію между жизнью и идеалами, что очень мучительно; во вторыхъ—литераторъ, идя противъ господствующихъ теченій ради высшихъ цѣлей—выноситъ на себѣ гнѣвъ толпы; въ третьихъ — литература не хлѣбное занятіе и мало обезпеченное

и т. д. Поэтому, кромѣ дарованій и знаній, писателю необходимо моральное мужество, съ которымъ не такъ страшны всѣ ожидающія его испытанія. Чего можетъ быть проще эта мысль и можно ли ее оспаривать. Совершенно справедливо замѣтилъ даже г. Величко («Русскій Вѣстникъ» за янв. 1904, стр. 248):— «въ буржуазной головѣ такое понятіе не укладывается. Съ ея точки зрѣнія ясно, что и самъ великій Пушкинъ былъ не въ своемъ умѣ, когда сказалъ: «я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!» — И. Н. Потапенко, однако, находитъ, что мысли Лѣскова о писательствѣ ошибочны; что люди всѣхъ профессій не лишены мученичества; что литераторъ не имѣетъ права претендовать на исключительность страданій и что даже литературная профессія даетъ сравнительно большій покой и обезпеченность. Имѣть такой взглядъ на литературу не мудрено, послѣ того, какъ г. Потапенко въ томъ же «Новомъ Времени» заявилъ, что «святыня» въ искусссвѣ или литературѣ ни болѣе ни менѣе, какъ «звонкія слова». «Я люблю искусство и говорю: искусство — моя святыня. Вы любите науку и говорите: искусство—побрякушки, а святыня—наука, кто-нибудь и искусство и науку объявляетъ не стоящими вниманія и считаетъ святыней рюмку коньяку. А главное— сказать, что искусство святыня, значитъ въ сущности ничего не сказать, а произнести

только междометіе: ахъ! Во-вторыхъ—святыню продавать нельзя и никто, искренно вѣрующій въ нее, не продаетъ ее. А художники постоянно продаютъ священные плоды своей святыни» и т. д.; что самые вопросы о счастьѣ людей тоже едва ли не праздные вопросы въ искусствѣ на томъ основаніи, что одинъ человѣкъ видитъ счастье въ образѣ красивой и благородной женщины, а бѣдная и наголодовавшая «Ганнеле» — даже въ раю мечтала прежде всего о кускѣ мяса».

Мудрено ли, что мысли Лѣскова о писательствѣ представляются ересью среди буржуазныхъ писателей? Покойный бытописатель росъ въ эпоху крупныхъ общественныхъ интересовъ. Они были для него «святыней» и онъ служилъ имъ перомъ. Вотъ почему съ призваніемъ писателя онъ связывалъ миссію борьбы и страданій.

Онъ неоднократно говорилъ мнѣ:

— Какъ только человѣкъ сталъ писателемъ, такъ каждая «Маланья — голова баранья» имѣетъ право говорить противъ него все, что придетъ въ ея обывательскую голову. Каждый имѣетъ право повѣсить вамъ на шею бѣшеную собаку. Не только какъ талантъ, но и какъ частное лицо, писатель не гарантированъ отъ суда публики и предательства лучшаго друга по перу. Это между прочимъ. А по натурѣ своей, литераторъ владѣетъ «двой-

нымъ зрѣніемъ», по выраженію Мопассана: онъ не только наблюдаетъ жизнь по сторонамъ, но болѣетъ ею и носитъ ее «въ самомъ себѣ, въ зеркалѣ своей мысли». Здѣсь она мучаетъ его еще болѣе сильно въ то время, когда дѣйствительность проходитъ черезъ его настроеніе въ «перлъ созданія» и возвышается до поэзіи.

Лѣсковъ любилъ цитировать отзывы Мопассана о литературѣ: «У него мозгъ построенъ такъ, что отраженіе звука живѣе въ немъ нежели первое сотрясеніе, эхо сильнѣе первоначальнаго звука... Вотъ почему, для литератора — всякое ощущеніе есть страданіе. Въ этомъ и сила, и несчастіе писателя».

XX.

Лѣсковъ о самомъ себѣ.—Внѣ партіи.- Соединеніе идеализма съ критицизмомъ.—«Либералъ чистѣйшей воды». —Исповѣдь о себѣ.

По поводу упрека, сдѣланнаго Лѣскову въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» временъ г-жи Евреиновой о томъ, что Лѣсковъ не имѣлъ направленія, а былъ только партійнымъ человѣкомъ, Лѣсковъ говорилъ мнѣ:

— Удивительная безтактность журнала! Тамъ, кажется, никто не подозрѣваетъ, въ чью руку въ настоящее время они играютъ, объявляя меня человѣкомъ партіи. И что за непониманіе того, что я никогда не былъ фа-

воритнымъ» писателемъ, какъ прочіе писатели, умѣющіе держать носъ по вѣтру. Въ то время, когда было выгодно стоять вмѣстѣ съ «Современникомъ, я работалъ въ другихъ органахъ печати; а теперь,—когда выгоднѣе писать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — меня тамъ нѣтъ. Слѣдовательно, не выгоды бросали меня въ ту или другую сторону. Если въ 60-хъ годахъ я не думалъ заодно съ «Современникомъ» о молодомъ поколѣніи, то потому, что былъ проницательнѣе его. Умѣнья у меня достало-бы изобразить всѣхъ радикаловъ безупречными и напихать въ тотъ-же «Современникъ» своихъ «Рахметовыхъ». Вѣдь умѣлъ-же я создать «Овцебыка», Райнера, Помаду, Артура Бенни (см. «Загадочный человѣкъ») и Лизу Бахереву—единственныхъ во всей русской литературѣ безупречныхъ и чистыхъ нигилистовъ. Могъ-же, значитъ, я писать въ этомъ родѣ, если-бъ хотѣлъ по-преимуществу въ этихъ лицахъ изобразить время? Но я не обманывался и зналъ, что Райнеры—меньшинство, а большинство изъ стриженыхъ барышень и немытыхъ юнцовъ, съ образованіемъ на пятіалтынный,—болтуны и будущіе ренегаты; что въ Россіи не можетъ быть такой революціи, о которой мечталъ Герценъ и что еще не скоро привьются благородные принципы въ среду Чичиковыхъ и Ноздревыхъ... А меня до сихъ поръ упрекаютъ въ партійности... Между тѣмъ,

еще во времена Чернышевскаго я симпатизировалъ печатно его героямъ, но всегда ненавидѣлъ этихъ-же самымъ героевъ, когда приходило къ нимъ «испытаніе» и они компрометировали собою исповѣдуемыя ими идеи. А хорошее среди нихъ я умѣлъ различать и за это страдалъ отъ ужасающей безцеремонности обращенія съ моимъ именемъ.

Обвиненіе Лѣскова въ неопредѣленности его отношеній къ явленіямъ русской жизни поддерживаетъ и Ев. Соловьевъ въ «Очеркахъ по литературѣ», говоря: «У Лѣскова не было идеи, не было опредѣленнаго отношенія къ жизни, и онъ то и дѣло бѣжалъ за тѣмъ, что въ данную минуту обѣщало ему успѣхъ». — Но,—замѣтимъ мы отъ себя,—если бы онъ бѣгалъ за успѣхомъ, то онъ въ шестидесятыхъ годахъ написалъ бы Рахметова, и, конечно, написалъ бы его лучше, чѣмъ Чернышевскій. Исправить его «Овцебыка» въ торжествующаго радикала очень легко. А въ восьмидесятыхъ годахъ ему слѣдовало бы воспѣвать Кронштадтскаго священника; а онъ какъ разъ поступилъ обратно. Но онъ никогда не видѣлъ для русской интеллигенціи нужды итти въ бурлаки по слѣдамъ Рахметова и предоставлять государственную жизнь Россіи темнымъ ея силамъ...

Ев. Соловьевъ (Андреевичъ) простираетъ свое непониманіе Лѣскова до того, что утвер-

ждаетъ: «Лѣсковъ сталъ преслѣдовать «нигилистовъ», и тогда уже, когда нигилисты свою роль сыграли и подверглись другимъ болѣе серіознымъ преслѣдованіямъ» Этотъ отзывъ совершенно не подверждается ни однимъ произведеніемъ Лѣскова за послѣдніе годы его жизни—о чемъ Вл. Михневичъ послѣ смерти Лѣскова и заявилъ печатно. (См. стр. 149—150).

Я какъ-то показалъ Лѣскову одну изъ журнальныхъ статей, посвященную разбору его сочиненій. Онъ просмотрѣлъ ее и печально замѣтилъ:

— Меня теперь всего болѣе занимаетъ моя болѣзнь, а не статьи обо мнѣ. Я знаю, что очень немногіе поймутъ во мнѣ соединеніе двухъ противуположныхъ началъ: творческаго идеализма и суроваго критицизма — служившихъ источникомъ всякихъ недоразумѣній обо мнѣ. Плѣняясь идеальной стороной какой-либо партіи, я скоро открывалъ ея слабыя стороны и шелъ противъ нихъ... Всю жизнь приходилось идти «Противъ теченій». Это положеніе свободнаго писателя, внѣ партій, принято считать лицемѣріемъ во мнѣ и двойственностью. Но, надѣюсь, мои труды современемъ дадутъ болѣе вѣрное представденіе обо мнѣ и въ томъ случаѣ, когда я съ умиленіемъ изображалъ Туберозова и въ то же время задумывался о «попѣ разстригѣ»; и въ томъ случаѣ, когда писалъ сатиру о 60-хъ

годахъ съ «Варнавкиными костями» и идеализировалъ честнаго Райнера; и въ томъ случаѣ, когда покланялся Л. Толстому и смѣялся въ то же время надъ «Буддою» въ лицѣ философовъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» и надъ «непротивленышами» съ куриными мозгами... Я знаю, что никто обо мнѣ не напишетъ настоящаго слова; никто не скажетъ, что я былъ и остался *либераломъ чистѣйшей воды*; что гдѣ-бы я ни печатался, по настроенію я былъ либералъ въ философскомъ смыслѣ и оставался вѣрнымъ самому себѣ... Всегда былъ свободенъ въ разумѣніи жизни, не подчиняясь партійнымъ соображеніямъ и т. д. Но этого никто не напишетъ обо мнѣ. Всѣмъ противно въ этомъ настоящемъ смыслѣ имя—либералъ. Вотъ оно гдѣ у нихъ... Поперекъ горла сидитъ! Всего лучше могли-бы написать обо мнѣ мои теперешніе противники и прежніе друзья. Не только профиль мой, но и критика на мои произведенія у нихъ была-бы лучше, чѣмъ у другихъ. Но они не будутъ писать, потому что имъ-то ненавистны уже всякіе либералы. Они скрытны и лживы, а я всегда былъ смѣлъ и откровененъ. Ну, да ужь и страдалъ-же я за это! Да я-ли одинъ? Кто въ русской литературѣ счастливчикъ?

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ...

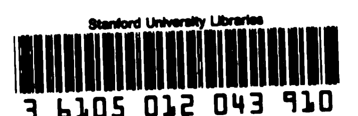
Я помню отлично, какъ одинъ редакторъ, въ кабинетѣ Лѣскова замѣтилъ хозяину, что онъ игнорируетъ современное положеніе печати и не хочетъ считаться съ неблагопріятными для нея условіями. На другой же день на эту тему онъ написалъ ему слѣдующее письмо:

«Я отдалъ литературѣ всю жизнь и предалъ ей все, что могъ получить пріятнаго въ этой жизни, а потому я не въ силахъ трактовать о ней съ точки зрѣнія поставщичьей. По мнѣ пусть наши журналы хоть вовсе не выходятъ, но пусть не печатаютъ того, что портитъ ясность понятій. Я не то что не понимаю современнаго положенія печати, а я его знаю, понимаю, но не хочу имъ стѣснять себя въ томъ, что для меня всего дороже: я не долженъ «соблазнить» ни одного изъ меньшихъ меня и долженъ не прятать подъ столъ, а нести на виду до могилы тотъ свѣточъ разумѣнія, который данъ мнѣ Тѣмъ, передъ очами Котораго я себя чувствую и непреложено вѣрю, что я отъ Него пришелъ и къ Нему опять уйду. Не дивитесь этому, что я такъ говорю, и не смѣйтесь: я вѣрую такъ, какъ говорю, и этой вѣрою живъ я и крѣпокъ во всѣхъ утѣсненіяхъ. Изъ этого я не уступлю никому и ничего,—и лгать не стану и дурное назову дурнымъ кому угодно. Нѣкоторыя лица все это приписываютъ во мнѣ «непониманію». Они ошибаются: я все достаточно понимаю,

а не хочу со всѣми мириться и, какъ я сторонюсь отъ дѣлъ съ приказными и злодѣями, то мнѣ не надо ни изучать ихъ ближайшія привычки, ни мириться съ ними. Я уже старикъ,—мнѣ жить остается немного, и я желаю дожить дни мои, дѣлая, что могу, и не мирясь съ «соблазнителями смысла». У меня есть свои святые люди, которые пробудили во мнѣ сознаніе человѣческаго родства со всѣмъ міромъ. До чтенія ихъ я былъ «барчукъ», а потомъ «око мое просвѣтлѣло» и я ихъ считаю очень дорогими людями, и вотъ ихъ-то именно теперь и принято похабить и предавать шельмованію рукою ничтожныхъ лицъ, вѣдомыхъ всѣмъ по ихъ злобѣ, лжи, клеветничеству и сплетничеству»...

Это письмо всего лучше передаетъ писательскій темпераментъ Н. С. Лѣскова и въ то же время его безкорыстную службу «Противъ теченій» всякихъ господствующихъ культовъ, какъ только онъ усматривалъ въ нихъ «соблазнителей смысла».

Stanford University Libraries
3 6105 012 043 910

